

Министерство культуры Кировской области
Кировская ордена Почёта государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена

Герценка

Вятские записки

Выпуск

30

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГЕРЦЕНКА

Киров
2016

УДК 027.53(470.342)
ББК 78.34(2)751.2+26.89(2 Рос – 4 Ки)
Г 41

Редакционная коллегия: Н. П. Гурьянова (сост.)
С. Н. Будашкина
В. А. Коршунков (науч. ред.)
А. Л. Мусихин
М. С. Судовиков

Г 41 Герценка: Вятские записки [Текст] : [науч.-попул. альм.] / Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена ; редкол.: Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. – Киров, 2016. – Вып. 30. – 288 с. : ил.

ISBN

Тридцатый выпуск альманаха продолжает знакомить с фактами биографий видного деятеля библиотечного дела в Вятке Е. В. Гогель, известного скульптора З. Д. Клобуковой. В разделе «Из неизданного» представлена рукопись вятского врача И. И. Мышкина. Большой раздел альманаха посвящён Году российского кино, где речь идёт о талантливом режиссёре документального кино А. И. Погребном, лауреате государственных премий.

УДК 027.53(470.342)
ББК 78.34(2)751.2+26.89(2 Рос – 4 Ки)

ISBN

© КОГБУК «Кировская ордена Почёта
государственная универсальная областная
научная библиотека им. А. И. Герцена», 2016

Раздел I

БИБЛИОТЕКА им. А. И. ГЕРЦЕНА. ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

**«...И тем более ценны для меня
Ваше дружеское содействие
и помощь...»:**

**роль С. Ф. Платонова
в формировании Е. В. Гогель
как организатора
библиотечного дела**

В. В. Митрофанов

Последние публикации эпистолярного наследия ряда учениц С. Ф. Платонова по Высшим Женским (Бестужевским) курсам (далее – ВЖ(Б)К), Петербургскому университету, Женскому педагогическому институту (ЖПИ) позволяют утверждать, что в его лице мы имеем выдающегося просветителя российской провинции. Письма М. А. Александровой (известная бестужевка) – первой начальницы Рязанского учительского института¹, В. Д. Андреевской-Прозоровской (слушательница ВЖ(Б)К в 1906–1909 гг., обучалась в ЖПИ в семинарии С. Ф. Платонова, затем – в Санкт-Петербургском университете)², которая немало сделала в организации высшего и среднего образования в Вологде, Е. В. Гогель (также слушательница названных курсов, бывший библиотекарь

ЖПИ, ставшая известным деятелем библиотечного строительства)³ показывают, что С. Ф. Платонов оказывал свою помощь и содействие многочисленным своим ученицам, разлетевшимся по стране и работавшим на ниве просвещения в области высшего и среднего образования, библиотечного дела в российской провинции. Следовательно, можно говорить о новом направлении в деятельности С. Ф. Платонова – подготовке крупных деятелей в разных сферах культуры, организаторов, руководителей как регионального, так и российского уровня.

Подборка писем датирована 1903–1916 гг.⁴, общим объемом 52 листа, с одним конвертом (л. 29). Формат бумаги небольшой – 1/2 А-4, поэтому большинство писем имеют текст и на обороте, ряд писем – на официальных бланках. Всего в деле насчитывается 36 корреспонденций разного рода: записки, телеграммы, официальные письма. Заметим, что они существенно отличаются от опубликованных писем вятского периода, прежде всего, объемом – они коротенькие. Есть письма из-за границы: Италии и Франции, несколько писем личного характера (о болез-

ни) и, вроде, объяснительных. Ряд писем имеют пометы, сделанные получателем (подчёркивания, указаны даты). Знакомство С. Ф. Платонова с Е. В. Гогель произошло ещё в 1885 г. на Бестужевских курсах и продолжалось, по всей видимости, до ареста первого (хотя сведений о переписке московского периода пока не обнаружено).

Если письма Е. В. Гогель из Вятки позволяют судить о ней как о сформировавшемся знатоке библиотечного строительства, что сразу и заметили в ней местные знатоки и библиотекари-профессионалы, то предлагаемый комплекс писем позволяет проследить, как шло становление будущего авторитетного библиотечного работника. В связи с этим особое значение приобретает письмо от 2 марта 1910 г. (оно уже цитировалось, мы предлагаем к публикации его полностью). Е. В. Гогель выступает как теоретик библиотечного дела, который внимательно следит за передовым опытом работы библиотек Европы, ряда известных учебных заведений, обосновывает необходимость изучения опыта ведущих библиотек отсутствием его в России. Следовательно, Е. В. Гогель следует рассматривать как поборницу заимствований достижений передовых теорий и практик в библиотечной сфере. Надо заметить, что и в России шла разработка отдельных направлений в создании системы расстановки и хранения книг, облегчения их поиска. Например, Сергей

Николаевич Степанов – библиотекарь и хранитель музеев в Лесном институте (Санкт-Петербург) – вводил так называемую «крепостную» расстановку книг в фонде, что соответствовало передовым технологиям библиотечного дела того времени.

С. Ф. Платонов, приняв решение о командировке, «почтительнейше ходатайствовал об увольнении её в заграничный отпуск на лето 1910 г. с сохранением содержания и с оказанием ей пособия из соответствующего кредита в сумме до 300 руб.» перед Почётным Попечителем⁵.

Очень важный вопрос, который интересен в первую очередь, – это стиль и методы общения Е. В. Гогель с директором института С. Ф. Платоновым. Из писем становится ясно, что личные встречи были не часты, а среди каналов административных связей были, в том числе, и небольшие письма, и записки, так было принято у С. Ф. Платонова. Директор не был легкодоступным человеком, к тому же, был постоянно занят, поэтому встречи назначал в конкретные часы, сам бывая на работе, как правило, в 7 часов утра и принимал посетителей. Так, в ряде писем читаем: «...буду у Вас 30-го в 1 час», «Во вторник я буду в библиотеке и, верно, Вас увижу», «Я увижу Вас в понедельник?» Порой в письмах встречаем извинительные мотивы, редко с тоном кокетства фразы: «Вы не очень сердитесь на своего библиотекаря». Не раз встречаем информацию, связанную с разного рода от-

чётами, контрольными проверками, стоимостью книг и имущества для библиотеки. Порой С. Ф. Платонов требовал объяснений по поводу работы библиотеки, когда нарушался график её работы (№ 15).

Первые знаки внимания как руководителя, то есть признание добросовестности работы и личных качеств, прослеживаются через присылку статьи (но, заметим, не лично, к тому же, без надписи и автографа). С. Ф. Платонов разрешает Е. В. Гогель пользоваться личной библиотекой (*«Возвращаю с величайшей благодарностью лекции Ключевского»*). А летом 1908 г. Е. В. Гогель как помощница руководителя экскурсии слушательниц посетила Италию. В это время слушательница удостоилась аудиенции у Папы Римского – беспрецедентный случай, просто невероятный. Конечно, это явилось следствием уважения Понтифика к августейшей семье Романовых. По всей видимости, секретарь миссии, стараясь показать своё уважение к в. кн. Константину Константиновичу – Почётному Попечителю института, организовал эту встречу.

Были материальные выплаты к отпуску, к праздникам. Но наиболее значимым признанием был отзыв С. Ф. Платонова, который вызвал у Е. В. Гогель восторг: *«...благодарить Вас за все хорошее, что Вы говорите о моей работе в библиотеке и за ту лестную оценку ее деятельности в полном составе...»* С 1912 г. (возможно, знакомство произошло и

раньше) в письмах Е. В. Гогель начала передавать приветы Надежде Николаевне – жене С. Ф. Платонова, опубликованы и два её письма к Е. В. Гогель. Следовательно, служебные отношения приобретают доверительный стиль.

Ряд писем рисуют не всегда простую атмосферу взаимоотношений в коллективе Женского педагогического института, особенно в первые годы его становления. Большой коллектив, который формировался, проверялись характеры, иногда шло соперничество за положение. На этом фоне, естественно, возникали и спорные ситуации. Так, например, в письмах читаем: *«можно было бы не иметь никакого дела с дамами»*, сообщается о «маленьких делах», которые *«...Вам, вероятно, очень надоели»*, *«опять принуждена обратиться к Вам с вздорным, по-видимому, делом»*, *«по всей вероятности, на меня направлена какая-то атака»*.

Мы узнаём – с кем работала Е. В. Гогель на протяжении 15 лет, как формировался штат библиотеки, причём поимённо, что очень важно – восстановить неизвестные или забытые имена, например, письмо № 30.

О высоком профессионализме библиотекарей свидетельствует тот факт, что А. В. Паллизен будет с ней работать многие годы, О. С. Тихонову будет рекомендовать на своё место в ЖПИ, она же будет выполнять роль агента Вятской библиотеки в Петрограде, а Н. И. Чекстер приглашалась на работу в Вятку. Пись-

ма позволяют судить об атмосфере среди работников в библиотеке, как начальница пыталась поддерживать своих коллег и обслуживающий персонал, прежде всего, материально, что свидетельствовало о высоком чувстве сострадания, желании помочь в трудной ситуации, что являлось отличительной чертой характера Е. В. Гогель.

Иллюстрацией этому являются ходатайства о вознаграждении сотрудников библиотеки: «...желательна выдача какого-нибудь награждения служителю Михайле», «можно было бы установить Михайле добавочное жалование по библиотеке», «наша переплетчица... передаю Вам ее слезную просьбу...», «не найдете ли возможным несколько вознаградить... С. Я. Рыдину...» Показательны в этом отношении письма № 30, 31, 32, 33. Письма являются свидетельством трудного положения многих людей, в котором они оказались в годы Первой мировой войны. И вот от небольшого жалования библиотекари делали ежемесячные добровольные взносы для лазарета, организованного на базе института (№ 35). Иногда для помощи библиотекарям, с разрешения директора, привлекались и слушательницы, их фамилии перечислены в письме № 5.

Значительная информация, содержащаяся в письмах, позволяет судить, как формировалась библиотека, увеличивался книжный фонд, расширялась база библиотеки. Об

этом Е. Н. Груздева приводит следующие сведения: если в 1903 г. фонд составлял всего 1 458 книг, то в 1908/1909 г. свыше 13 тыс.⁶ Когда поступали новые книги, поднималось настроение у Е. В. Гогель, об этом ярко свидетельствуют восклицания такого рода: «еще больше книг после временного разочарования», «...желание выразить Вам радость», «с живым чувством приветствуем мы, работающие [в] библиотеке, создаваемой Вашими просвещенными заботами».

В большом хозяйстве библиотеки случались и недоразумения по поводу купленных книг (№ 9, 36).

С думами о развитии библиотеки Е. В. Гогель оставалась и в отпуске, например, 10–23 июля 1912 г. она из санатория во Франции пишет: «решаюсь напомнить Вам о наших библиотечных нуждах», она мечтает «заняться за устройство читальни». Публикуемые фотографии позволяют судить о материальной базе библиотеки: массивные шкафы, столы с резными ножками, интересного дизайнера стулья. Это свидетельствует о внимании к библиотеке со стороны директора и Почётного Попечителя и стараний Е. В. Гогель, которая пыталась создать рабочую, но, в то же время, приятную обстановку для слушательниц.

И жизнь страны нашла отражение на страницах писем. Из лаконичных фраз мы узнаём о переживаниях, вызванных войнами: «...сравнительно с тем ужасным, что на Восто-

ке!» – это о Русско-японской войне, в словах о лазарете.

Ряд важных деталей личной жизни Е. В. Гогель в эти годы становятся нам известны из публикуемого источника (здоровье, адреса квартир и их состояние, места проведения отпуска).

Являясь важным историческим источником, публикуемые письма позволяют устранить отдельные неточности, присутствующие в ряде публикаций, посвящённых Е. В. Гогель. Например, Н. Д. Попыванова указывает, что А. В. Паллизен начал работу в библиотеке в 1905 г.⁷, а в письме Е. В. Гогель от 8 декабря 1914 г. указывает на 1904 г. Заметим, что их знакомство переросло в образцовую дружбу родственных душ, основанную на человеческой преданности и любви к библиотечному делу. Они её пронесут через всю свою жизнь сначала в Петербурге, затем в Вятке и Москве, где они будут идти рядом, служа любимому призванию.

Опять-таки, из письма от 10 февраля 1905 г., где упоминается имя Ф. А. Витберга, становится понятным, почему в 1918 г., уже в Вятке, Е. В. Гогель, иницируя создание библиографической комиссии, предлагает включить в неё его, Д. К. Зеленина (крупнейший советский этнограф, член-корреспондент АН СССР с 1925 г.), А. А. Спицына. Оказывается, она была знакома с известным библиографом ещё по ЖПИ, тем более его отец был в Вятке и был знаком с А. И. Герценом во

время ссылки последнего. Вскоре, 12 сентября 1918 г., был получен и ответ: «с радостью готов сообщить в библиографическую комиссию все, что узнает о справочниках и указателях по местному краю». И своё участие подтвердил присылкой 221-й карточки с литературой о местной истории. Замечательный учёный спешил, так как в 1919 г. его не стало, о чём 8 марта 1920 г. на заседании созданной комиссии и было с прискорбием сообщено⁸.

Публикуемые письма способствуют пониманию характеров двух людей, строки писем позволяют это сделать, попытаться проанализировать складывающиеся отношения к другим людям, которых немало упоминает Е. В. Гогель. Здесь и сторож Михаил, и работники библиотеки, и известные профессора, руководители подразделений и разных служб в институте, и библиографы, и сотрудники ведомства. Перед нами проходит жизнь библиотеки, в некоторой степени института на протяжении 13 лет (датируем по публикуемым письмам). Именно в эти годы Е. В. Гогель проходила замечательную школу становления библиотекаря-профессионала, вырабатывала основные навыки руководящей работы и была подготовлена во всех отношениях к своей деятельности в Вятской библиотеке, а затем в московских.

Становление Е. В. Гогель как крупного организатора библиотечного строительства страны произошло при участии и под руководством

С. Ф. Платонова. Выделим на этом пути их совместную работу по созданию библиотеки ЖПИ (1903–1918, но фактически – до декабря 1917 г.). Важнейшим событием в это время явилась командировка Е. В. Гогель в Европу для изучения передового опыта организации библиотек и известный отзыв С. Ф. Платонова, написанный им в 1918 г. и открывший ей путь к руководству Вятской библиотеки.

В публикации писем используются правила современной орфографии, цитирования писем в вводной статье выделены курсивом, без указания номера листа. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Примечания

¹ Митрофанов В. В. М. А. Александрова во главе учительского института в Рязани (1915–1918 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16, № 2. С. 33–39.

² Митрофанов В. В. Вологжане очень помнят Вас : письма Л. И. Андреевского и В. Д. Андреевской-Прозоровской С. Ф. Платонову (вступ. ст., подгот. коммент.) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2, № 4 (52). С. 48–60.

³ Митрофанов В. В. «...Прибегать к Вам в трудных случаях библиотечной жизни» : письма Е. В. Гогель С. Ф. Платонову (вступ. ст., подгот. коммент.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2016. Вып. 29. С. 13–40. В статье приведена известная библиография о Е. В. Гогель, оценки её деятельности, поэтому, чтобы

избежать повторения, на этих моментах мы не акцентируем внимание в публикации.

⁴ Отдельные цитаты из этой подборки писем использовались исследователями (Галасьева Г. В. Первый библиотекарь Женского педагогического института Елена Владимировна Гогель // Вестник Герценовского университета. 2009. № 12. С. 55–58; Митрофанов В. В. Просветительская деятельность С. Ф. Платонова в российской провинции. Нижневартовск, 2014. С. 177–185).

⁵ Митрофанов В. В. «...Прибегать к Вам в трудных случаях библиотечной жизни» : письма Е. В. Гогель С. Ф. Платонову. С. 18.

⁶ Груздева Е. Н. Академическое ин-термеццо. СПб., 2009. С. 33.

⁷ Попыванова Н. Д. А. В. Паллизен (1883–1943) – заведующая местным (краеведческим) отделом Вятской библиотеки им. А. И. Герцена // Герценка: Вятские записки. Киров, 2009. Вып. 16. С. 128.

⁸ Рашковский А. Л. Фрагменты истории краеведческого отдела Герценки на фоне событий в библиотеке и Вятском крае : краткий обзор истории краеведения в Вятском крае // Герценка: Вятские записки. Киров, 2009. Вып. 16. С. 103, 106, 110.

Письма Е. В. Гогель – С. Ф. Платонову 1903–1916 гг.

№ 1

1903. 19/XII

Помета карандашная: «1903».

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Спешу доставить Вам счетный устав, где, начиная со стр[аницы] 9, Вы найдете все правила о казначейских и кассовых книгах.

С глубоким уважением, Е. Гогель.
ОР РНБ. Ф. 585. Он. 1. Ч. 2. Д. 2669. Л. 1.

На бланке Ведомства учреждений императрицы Марии. Женский Педагогический институт.

№ 2

24/XII-[1]903

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Очень Вам благодарна за письмо. Воспользуюсь указаниями и буду у Вас 30-го в 1 час. Желаю счастливых праздников и остаюсь с истинным уважением, Е. Гогель.

ОР РНБ. Ф. 585. Он. 1. Ч. 2. Д. 2669. Л. 2.

№ 3

24/IV-[1]904

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Сегодня приходил от Вас Вольф за получением по счету, но в Канцелярии адреса не было. Решаюсь напомнить, что, проверив счет, я переслала его Вам с Вас[илием] Карп[овичем]¹. На книги Кояловича² и Брауна³ я получила отдельный счет.

С истинным уважением, Е. Гогель.
ОР РНБ. Ф. 585. Он. 1. Ч. 2. Д. 2669. Л. 3.

¹ Коленцев Василий Карпович – правитель хозяйственной части института, утверждался 14 февраля 1912 г. и 26 февраля 1915 г.

² Коялович Борис Михайлович (1867–?) – профессор Женского педаго-

гического института, преподаватель чистой математики, действительный статский советник.

³ Браун Фёдор Александрович (1862–1942) – российский филолог-германист, декан и профессор Петербургского университета (1905–1920).

№ 4

9/VI-[1]904

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Горячо поздравляю с успехом, еще больше книг после временного разочарования.

Хороший же «фундамент» закладываете Вы создаемому Вами институту. Но не одно желание выразить Вам радость по случаю этой новости вызвало это письмо.

По старой привычке в Ведомстве¹ в затруднительных случаях по делам института обращаются еще ко мне. Дело в том, что М. К. Пимцов Ваше письмо о поездке передал в Экспедицию для справок, а там, чтобы не испортить дела какой-нибудь неудобной справкой, сегодня предупредили меня и обратились за советом, что надо сделать.

Я попросила обождать до завтра – случайно узнала я от Вас, что Вы будете завтра в городе и спешу предупредить Вас, т[ак] к[ак], по всей вероятности, Вы зайдете в Ведомство. Я там буду завтра с 2 ч[асов] по гимназическим делам и очень буду рада, если и Вы будете там в то же время.

Если бы Вам понадобилось меня видеть – пошлите курьера в бухгалтерию – я буду там.

С истинным уважением, Е. Гогель.

С библиотекой возню я так и не начала еще, т[ак] к[ак] как все жду ответа.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 4–5 об.*

¹ Ведомство учреждений императрицы Марии – ведомство по управлению благотворительностью в Российской империи. Ведёт свою историю от канцелярии императрицы Марии Фёдоровны, супруги Павла I, которая с 2 мая 1797 г. приняла в своё ведение московский и петербургский воспитательные дома со всеми их заведениями. По смерти Марии Фёдоровны в 1828 г. вошло в состав Собственной канцелярии в качестве четвёртого отделения. С 1854 г. получило название «Ведомство учреждений императрицы Марии», с 1880 г. называлось Собственной Его Императорского Величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии.

№ 5

1 ноября (Помета: 1904)

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Так некстати я захворала. Думаю непременно завтра выйти, а приходится Вас предупреждать, что не могу еще – температура еще повышена, и бронхи не свободны. Надеюсь, что никакой серьезной задержки в учебном деле мое отсутствие не влечет за собой. Кажется, много книг должно было поступить, но их разборка ведь может подождать?

Думаю, что дня через два доктор меня выпустит, а пока надеюсь на Лидию Ивановну и слушательниц.

Кстати, все не удавалось мне Вам представить их: постоянных: Пк[урс]–Цыруль (4гр[уппа]), Наумова (2 гр[уппа]) и Виздиз (1 гр[уппа]), затем Ш к[урс] – Владимирская и Щегалева (матем[атический]) и I к[урс] – Собанина, Мудрова, Казакова – последняя вроде приготовишешек.

С искренним уважением, Е. Гогель.

Карандашная помета: «г-жа Шевякова и Толли».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2669. Л. 6–7.

№ 6

4–XI–[1]904

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Моя инфлюэнца¹ оказалась серьезнее и упорнее, чем я думала. Т[емпература] весьма медленно, но понижается, а ко всему прибавились сильные невропатические боли в лице и голове, что чрезвычайно меня мучит. Меня ужасно беспокоит, что так долго не быть у своего дела, теперь доктор говорит, что самое меньшее – неделю нельзя будет выходить.

Вы не очень сердитесь на своего библиотекаря, постараюсь все наверстать, когда поправлюсь. К сожалению, с Лидией Ивановн[ой] не вижусь, она болезненна и мнительна и боится заразы.

С искренним уважением, Е. Гогель.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2669. Л. 8–9.

¹ Это грипп (инфлюэнца, инфлюэнция) (итал. – влияние холода) (мед.), то же, что грипп.

Группа студенток и преподавателей; (сидят в первом ряду слева направо) ассистент А. В. Рубан, преподаватель физики, профессор В. А. Кашериногова, преподаватель физики, ординарный профессор генерал-майор А. (далее текста нет. – В. М.)

№ 7

19/XII-[1]904

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Надеюсь, что Вы ничего не имеете против того, что я вчера взяла из профессорской присланные из дворца¹ книги? Слушательницы сказали мне, что Вы искали эти книги – мне сильно нужны были книги по химии, и г. Сазонова указала, какие из книг надо выдавать I курсу, а какие II-му.

Еще прислали книги из Академии Наук, которые я не разобрала пока. Не знаю, не вышло ли какого недоразумения со Ждановым? Я не выписывала от Вольфа² и из Академии, слушательницы не покупали, так откуда-то достали, а я решила,

надо ждать, не пришлет ли Академия сама.

Вы не передавали мне списка журналов? Сколько помнится, Вы хотели еще что-то переговорить по поводу этого списка, потому я еще ничего не выписывала.

Во вторник я буду в библиотеке и, верно, Вас увижу, а пока остаюсь с уважением, Е. Гогель.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 10–11.*

¹ Имеется в виду – от великого князя Константина Константиновича – Почётного Попечителя института.

² Вольф Маврикий Осипович (польск. Maugęcy Bolesław Wolff, 1825–1883) – русский издатель, книгопродавец, просветитель и энциклопедист. После его

смерти издательство под названием «Товарищество М. О. Вольф» просуществовало вплоть до 1917 г.

№ 8

Карандашная помета: 1905

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Вы мне позволили напомнить Вам, что к Рождеству была бы желательна выдача какого-нибудь награждения служителю Михайле за то, что он исполняет все поручения по библиотеке (таких дел прежде не было).

Еще очень просила бы Вас устроить так, чтобы при отметке о полученных книгах с уходящих слушательниц отметки ведь должны быть мои?

Мне можно было бы не иметь никакого дела с дамами и их канцелярией¹, т[о] е[сть] не приходилось бы давать каких-либо личных справок.

Прошу извинить меня за все эти, которые Вам, вероятно, очень надоели, маленькие дела.

С уважением, Е. Гогель.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.

Д. 2669. Л. 12–13.

¹ Здесь и далее подчёркивания автора писем.

№ 9

10 февраля 1905

Многоуважаемый Сергей Федорович!

В списке французских книг, составленном С. А. Антоновой, нет осо-

бенно желательной покупки. Желательно было бы добавить. Будьте любезны передать батюшке список книг, которые он сегодня мне передал. Он был в затруднении: сдать ли книги мне в библиотеку или оставить у себя, т[ак] к[ак] в Канцелярии ему сказали, что деньги на эти книги ассигнованы ему лично, а потому их не надо сдавать в библиотеку, как делается Ф. А. Витбергом¹.

Мне казалось, что все приобретенные для заведения книги должны иметь печати библиотеки, с чем батюшка согласился.

На всякий случай сообщаю, что это Вам, т[ак] к[ак] от Ф. А. Витберга новых книг для библиотеки ни разу не получала, а получала кое-какие брошюрки (с его печатями) через Вас, да две книжечки о Горьком и Чехове были раз переданы мне Е. С. Султан-Шах². Возможно, что будет выходить какое-то недоразумение, надеюсь, легко разъяснимое. Извиняюсь за многословие.

С искренним уважением, Е. Гогель.

На счет Вольфа сделала подпись, но не просчитала его, т[ак] к[ак] не имею счетов под рукой. Вас[илий] Ка[рпович] может быть проверит.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.

Д. 2669. Л. 14–14 об.

На бланке Ведомства учреждений императрицы Марии. Женский Педагогический институт.

¹ Витберг Фёдор Александрович (1846–1919) – писатель, был преподава-

Студентки в библиотеке

телем русского языка и словесности. Кроме занятий преподаванием, Ф. А. Витберг состоял председателем Союза ревнителей русского слова, членом Русского Библиологического общества. Ему принадлежит ряд ценных литературных, биографических и библиографических статей и исследований о Пушкине, Гоголе, Грибоедове, Ломоносове, Крылове, Жуковском, Фонвизине, Тургеневе, Аксакове, Полонском и других писателях, а также несколько беллетристических произведений.

² Султан-Шах Екатерина Семёновна (1861–1939) – преподавала математику в Константиновской гимназии, помощница начальницы института.

№ 10

12 апреля 1905

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Для полного итога стоимости приобретенных в 1904 г. книг у меня не хватает цен некоторых книг, что взялся добыть Вас[илий] Ка[рпович] Коленцев, думаю это сделать к празднику. Одновременно пишу ему с просьбой поторопиться, а как только получу от него, перешлю Вам все цифры. С истинным уважением, Е. Гогель.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.

Д. 2669. Л. 16–16 об.

№ 11

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Спешу поблагодарить Вас за переданный мне Вас[илием] Ка[рповичем] экземпляр Вашей статьи¹, надеюсь со временем увидеть на

нем авторскую пометку. От души желаю скорого выздоровления.

С истинным уважением, Е. Гогель.

10 марта 1905.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.

Д. 2669. Л.17–17 об.

¹ По всей видимости, речь идёт о статье: К истории Московских земских соборов // Журнал для всех. 1905. № 2. С. 92–107.

№12

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Опять принуждена обратиться к Вам с вздорным, по-видимому, делом. Сегодня Ольга Алекс[андровна]¹ предъявила ко мне требование объяснить – кому, собственно, мною было уплачено 1 р[уб.] за доставку книг и по какому праву израсходовала я эти деньги, не переговорив предварительно с нею. Она считает этот расход относящимся к выделенным ею мелочным расходам и находит, что прислуга, таким образом, может получить вдвойне.

Столь вздорный вопрос привел меня в недоумение, тем более, что триумвират совещался сегодня целый день и все почему-то таким сверх обыкновением.

Должна сказать, что 1 р[уб.] был мною уплачен не кому-либо из сторожей, а дворнику Семену, отвозившему книги на моих глазах и потому не получившему вдвойне. Сторожаж же (т. е., собственно, Михаилу) я даю часто за исполне-

ние моих комиссий по библиотеке из собственных денег. Это разъяснение делаю на всякий случай, т[ак] к[ак], ей Богу, не знаю, что они еще выдумают. Должна прибавить, что тон моей беседы с Ольг[ой] Ал[ександровной] был, безусловно, вежливый, хотя при окончании, не дослушав моего объяснения, она сказала, что не хочет меня слушать, т[ак] к[ак] я не умею с нею разговаривать (это было после триумвирной беседы).

Может, это тот крупный разговор, о котором Вы говорили? Т[о] е[сть] начало его? По всей вероятности, на меня направлена какая-то атака. Жду Вашего указания, т[ак] к[ак] здесь вопрос, конечно, не в 1 р[уб.], а в чем-то другом.

Искренне уважающая Вас, Е. Гогель.

*Карандашная помета рукой
С. Ф. Платонова: «март [1]904»*

Можно было бы установить Михайле добавочное жалование по библиотеке (из библиотечных сумм) во избежание каких-либо пререканий. Впрочем, не знаю ничего.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.

Д. 2669. Л. 18–19.

¹ Папкина Ольга Александровна – начальница Константиновской гимназии.

№ 13

30 марта 1904

Христос Воскресе!

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Посылаю Вам сведения для IV, I, II, III. В четверг, побывав в Комитете, сообщу цифры для инвентаря имущества и учебных пособий.

Возвращаю с величайшей благодарностью лекции Ключевского, по всей видимости, эта книга нужна в гимназии Стоюниной, боюсь, что слишком долго задержала ее, в чем прошу извинить меня великодушно.

Желаю счастливых праздников. С истинным уважением, Е. Гогель.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 20–21.*

¹ Гимназия М. Н. Стоюниной – частное среднее женское учебное заведение в Санкт-Петербурге – Петрограде. Гимназия была основана в 1881 г. Марией Николаевной Стоюниной, женой В. Я. Стоюнина (педагог, методист, публицист, историк русской литературы). Находилась в ведении попечителя С.-Петербургского (затем Петроградского) учебного округа. До 1918 г. принадлежала М. Н. Стоюниной, занимала часть здания, располагаясь на третьем и четвертом этажах. На пятом этаже жила сама М. Н. Стоюнина. Гимназия Стоюниной отличалась нестандартным подходом к учебному процессу, сочетая передовую по тому времени педагогику с индивидуальным отношением к учащимся. В 1918 г. национализирована: на основании декрета СНК от 5 июня 1918 г. передана в ведение Наркомпроса РСФСР.

№ 14

1 апреля [1]904

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Считаю долгом сообщить, что видела Савойского, который ожидал распоряжения, чтобы, кроме меня, никто не допускался к документам (если, конечно, не будет Вашего особого указания). Так как у меня не было инвентаря 1903 г., я не взяла из Контроля старой тетради, что мне предложил сделать Бадиевский. К понедельнику Бадиевский обещал обревизовать этот инвентарь (за 1902 г.), и тогда я его возьму в институт для сверки с тем, который составляется. При мне у Бадиевского был инспектор Мар[инской] гим[назии]¹, где тоже идет ревизия инвентаря тем же Бадиевским.

Между прочим, было разъяснено, что главным представителем заведения является инспектор, а главный надзиратель ни при чем. То же и у нас, конечно. Бадиевский просил указать, когда он может застать Вас в институте, чтобы переговорить о ревизии инвентаря. Я сказала, что в среду Вы, вероятно, будете с утра. Бадиевский будет в 11 ч[асов]. И говорит, что не задержит Вас долго. По всей видимости, окажется, что инвентарь составлен не по форме, и тогда Контроль дает две недели на приведение в порядок.

Я увижу Вас в понедельник? В 2 ч[аса] я приду и захвачу из Контроля инвентарь 1902 г. Тогда можно определить окончательные цифры для обзорительного отчета. Ревизовать учебные пособия и библиотеку Контроль не будет, надо только выяснить точные цифры стоимости иму-

щества того и другого. Подумать, какие все это пустяки сравнительно с тем ужасным, что на Востоке²! С истинным уважением, Е. Гогель.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 22–23 об.*

¹ Мариинская гимназия – общее название женских средних общеобразовательных учебных учреждений с 7-годичным обучением Ведомства учреждений императрицы Марии, именованных в честь императрицы Марии Александровны (жены Александра II).

² Имеется в виду Русско-японская война 1904–1905 гг.

№ 15

1 мая 1905

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Спешу сообщить Вам, что все это время библиотека была открыта в те же дни, как и зимой, т[о] е[сть] в понедельник, вторник, четверг и субботу. Поговорив со слушательницами, я с Вашего разрешения на время экзаменов, начинающихся то в 11, то в 2 ч[аса], решила открывать несколько раньше прежнего срока (от 2 до 5 ч[асов]), именно с 1 до 3 ч[асов], чтобы дать возможность всем слушательницам, бывающим на экзаменах, пользоваться библи[отекой] и сдавать книги.

Теперь в библи[отеку] заглядывает человек 4–5 в день, и до настоящего времени я ни от одной слуш[ательницы] не слышала о неудобствах часов или закрытия библи[отеки] по средам и пятницам, к

чему привыкли за год. К этому могу прибавить, что за весь год, кроме трех недель болезни в ноябре, я ни одного дня (буквально) не отсутствовала в те часы, когда библи[отека] полагалось быть открытою. На Вербной, когда я слушала лекции по химии, и думала, было, часом раньше закрывать библи[отеку], увидав много стремившегося в библи[отеку] народу, я не воспользовалась Вашим советом повесить объявление, что дверь закрыта, и осталась до конца.

Единственный раз за все время я была задержана совершенно экстренно в гимназии и открыла библи[отеку] в 2 ч[аса] вместо 1 ч[аса].

Пишу все это Вам, многоуважаемый Сергей Федорович, чтобы пояснить, как я была искренне удивлена, получив Вашу записочку. Буду ждать Вашего указания, кто именно из слушательниц требует перемен – может быть, это мне разъяснит, в чем дело. Надеюсь, что недоразумение, во всяком случае, выяснится. С истинным уважением, Е. Гогель.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 24–25 об.*

№ 16

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Нет ли этих книг в вчерашнем списке? Они у меня еще не были записаны в инвентарь, а потому я их не отметила. Е. Гогель. 24 января.

Карандашная помета: «1907».

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 26.*

№ 17*Телеграмма. 1.03.1908*

Многоуважаемый Сергей Федорович! [С] днем двадцатипятилетия Вашего первого печатного труда¹. [С] живым чувством приветствуем мы, работающие [в] библиотеке, создаваемой Вашими просвещенными заботами. Примите искренние пожелания энергии и успехов в дальнейшей ученой деятельности. Гогель, Смирнова, Синявская, Чекстер², Головушкина.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 27.*

¹ Платонов С. Ф. Заметки по истории московских земских соборов // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. № 3. С. 1–20.

² Чекстер Наталью Игнатьевну Гогель хотела «перетащить» в Вятку, обращаясь для этого за содействием к С. Ф. Платонову (Митрофанов В. В. «...Прибегать к Вам в трудных случаях библиотечной жизни». С. 37).

№ 18*1/14 июня [1]908*

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Считаю долгом известить Вас, что до сих пор наше путешествие¹ идет вполне счастливо. Объехали Тоскану, прибыли недавно в Рим, где благодаря любезности секретаря миссии бар[она] Шиллинга² получили аудиенцию у Папы³ и беспешлинные билеты в Ватикан и Латран⁴. Надеюсь, что и обратный путь совершим так же благополучно.

С истинным уважением, Е. Гогель.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 28–29.*

¹ Речь идёт об экскурсии слушателей ЖПИ.

² Шиллинг Маврикий Фабианович (1872–1934) – директор канцелярии МИД, секретарь российского посольства в Вене, Париже, Ватикане, камергер Высочайшего Двора и сенатор.

³ Св. Пий X (Джузеппе Мелькиоре Сарто) – Папа Римский с 4 августа 1903 по 20 августа 1914 г.

⁴ Небольшой район, некогда заселённый ремесленниками, работавшими в замке. Латран с центром города связывает мост через Влтаву. Здесь сохранился комплекс зданий, выполненных в позднеготическом и барочном стиле: монастырь миноритов, женский монастырь клариссок и церковь. Комплекс соединяет с замком крытый переход.

№ 19

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Сегодня беседовала с А. Г. Вульфiusом¹ – состав экскурсии остаётся прежний.

Покорнейшая просьба двинуть наше дело относительно музеев.

С искренним уважением, Е. Гогель. Помета: «1908».

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 30.*

¹ Вульфius Александр Германович (1880–1984) – российский и советский историк. С 1910 г. преподавал на ВЖК и Женском педагогическом институте.

№ 20

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Отмеченные Вами книги в настоящую минуту не находятся в библиотеке], и их должны вернуть к 20-му, последний срок. Герье¹ и Сабанева записаны на лето, но вряд ли будут взяты. Если можно, подождите до 20-го, тогда, верно, все соберем. С уважением, Е. Гогель.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 31–31 об.*

¹ Герье Владимир Иванович (1837–1919) – русский историк, общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1902), профессор всеобщей истории Московского университета (1868–1904). Почётный член Московского, Харьковского, Юрьевского университетов, университета в Кане (Нормандия).

№ 21

2.03.[1]910

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Желая насколько возможно правильнее поставить дело в библиотеке, обращаюсь к Вам за содействием.

Наши академические библиотеки не представляют образцового устройства, отвечающего требованиям теоретиков библиотековедения. К тому же, в Петербурге отсутствует какой-либо систематический курс по библиотековедению и библиографии.

Между тем, при постепенном развитии и разрастании библиоте-

ки возникает много разнообразных вопросов. Решать их, пользуясь одними теоретическими указаниями, значит зачастую идти на ошибку, которая в дальнейшем движении может чрезвычайно усложнить дело.

Мне представляется крайне важным лично познакомиться с постановкой дела в университетских библиотеках Западной Европы.

Лучше других организован курс при Геттингенском университете, но там чтение лекций начинается с марта.

Более подходящим является Париж, где, кроме чтения курса библиографии, при университете имеются самые разнообразные и прекрасно организованные библиотеки.

Заведующая библиотекой Гогель. 2 марта 1910 г.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 32–32 об.*

№ 22

19 ноября [1]911

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Наша переплетчица очень просит о разрешении на уплату ей поступившего счета в ближайший вторник, передаю Вам ее слезную просьбу. С искренним уважением, Е. Гогель.

Мне кажется, что новое библиотечное дитя будет полезно.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 33.*

№ 23

Многоуважаемый Сергей Федорович!

На всякий случай, пересылаю Вам требование библиотеки в Комитет. Если достаточно отправить по почте, то будьте добры отдать швейцару, который отправит. С истинным уважением, Е. Гогель.

*19 дек[абря] [1]911
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2669. Л. 35.*

№ 24

28 янв[аря] [1]912

Многоуважаемый Сергей Федорович!

К сожалению, мое нездоровье затянулось – грипп задел немного почку, и еще не могу встать. Надеюсь, что дня через три доктор разрешит встать, а затем выйти. Пожалуйста, по делам библиотеки обращайтесь к Ад[ольфине] В[икторовне] Паллизен¹, у нее на руках все дела и бумаги.

С истинным уважением, Е. Гогель.

Простудилась я постепенно, благодаря холодной квартире, которую принуждена была поэтому оставить, как мне это ни грустно. Теперь мой адрес: Б. Пушкинская, 30. кв. 2, но лежу я пока на Лит[ейном], 11, кв. 24.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 36–36 об.*

¹ Паллизен Адольфина Викторовна (1883–1943) – преподаватель немецкого языка, библиотекарь ЖПИ, помощница начальницы библиотеки, заведующая местным (краеведческим) отделом Вятской библиотеки, с 1924 по 1930 г. – заместитель директора Центральной сельскохозяйственной библиотеки Наркомзема РСФСР.

№ 25

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Букинист Котов¹ прислал на просмотр каталог только что купленной им из Казани библиотеки – не пригодится ли что-нибудь Вам лично, а то и для нашей библиотеки? Отметки сделаны неизвестными мне лицами. Букинист просит не задерживать долго этого каталога. Будьте любезны, когда посмотрите, дайте мальчику Алеше, чтобы он снес ко мне.

Я должна очень извиниться за свое долгое отсутствие, надеюсь, что за это время не образовалось большого застоя в библиотечных делах. До сих пор температура слегка повышена и не могу выходить. На всякий случай, мой тел. № 188.16. С истинным уважением, Е. Гогель. 23 марта 1912 г.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 37–38.*

¹ Котов Семён Николаевич (1877–1941) – петербургский букинист и издатель. В 1910–1916 гг. выпустил 21 каталог букинистической книги, ценнейшими из которых до сих пор являются каталоги № 12–14, посвященные книгам по палеографии, библиографии, архивному, музейному, библиотечному делу, книгопечатанию и цензуре, авторскому праву и книжной торговле. В 1906–1914 гг. выпустил 5 каталогов букинистической книги.

№ 26

*10/23 июля [1]912
Vittel¹ (Vosges²)*

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Из своего далека решаюсь напомнить Вам о наших библиотечных нуждах, на случай, если за многими важными делами Вы не вспомните о кое-каких былых разговорах.

Мне все думается о полках в той комнате, где сложен дар университета. Кажется, Вы посоветовали мне напомнить Вам об этом во время работ по постройке – быть может, теперь это удобно сделать? Если бы к концу авг[уста] была эта комната обшита полками, было бы очень удобно разложить всю массу сложенных горой книг по полкам, и детальная разборка книг тогда много облегчилась бы.

Если момент для этого предприятия неудобен, извините мою надоедливость. Отдохнули ли Вы, многоуважаемый Сергей Федорович, хоть немножко? Вам так нужно было набраться сил за всю прошлогоднюю усиленную работу.

Мой курс лечения водами Виттеля – доктор нашел полезным, что Виттель в моем случае, действительно, хорош, но подходит к концу. Лечение было довольно тягостное, приходилось почти все время лежать.

На будущей неделе надо будет перебраться для отдыха в горы, поблизости в Вагезак Gerardmer (vosges). Пока чувствую большую слабость, но очень надеюсь на целебность виттельских вод, после которых рассчитываю как следует поработать зиму.

На случай, если по библиотечным делам Вам понадобится Н. И. Чекстер, ее адрес: Уссикирко Хэстэле,

дача Тиайнг. Я буду в Петербурге к 15 авг[уста]. Очень прошу передать мое сердечное приветствие Надежде Николаевне. С истинным уважением, Е. Гогель.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 39–40.*

¹ Vittel – одна из наиболее известных минеральных вод в мире, источники находятся во Франции.

² Vosges – горы на северо-востоке Франции.

№ 28

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Не найдете ли возможным несколько вознаградить за успешную работу по библиотеке: С. Я. Рыдину, которой пришлось взять на себя часть работы за бывшего мальчика, а также служителя Андрея, убиравшего библиотеку за этот месяц.

С уважением, Е. Гогель.

*10 дек[абря] 1913
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 41.*

№ 29

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Доверенную Вами бумагу я передала А. А. Кариницкому, и она будет вручена В. К. Кистеру¹ в день его возвращения, кот[орый] ожидается 1 июля.

Не нахожу слов, чтобы достаточно поблагодарить Вас за все хорошее, что Вы говорите о моей работе в библиотеке и за ту лестную оценку

ее деятельности в полном составе, которая теперь официально устанавливается. Поверьте, многоуважаемый Сергей Федорович, что я глубоко чувствую всю затруднительность доброго желательного отношения ко мне (и к библиотеке) при существующем воинствующем настроении, и тем более ценны для меня Ваше дружеское содействие и помощь, а теперь – даже не вполне заслуженный отзыв.

От всей души желаю Вам отдохнуть, восстановить силы, которых Вы столько потратили на институт, в особенности за эту весну.

Мне совестно, что собрались отдыхать все лично, но надеюсь с осени с новой бодростью заняться за устройство читальни.

18–20 июля я непременно буду в Петербурге, т[о] е[сть] в институте, а до того пробуду в деревне: Ст. Окуловка, им. Крапачуха.

Пожалуйста, передайте мой искренний привет Надежде Николаевне и всей Вашей милой молодежи.

С глубоким уважением и благодарностью, Елена Гогель.

10 июля 1914

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.

Д. 2669. Л. 42–43 об.

¹ Кистер Владимир Константинович (1862–?) – сенатор, тайный советник, Главный управляющий канцелярией императрицы Марии Фёдоровны, член Опекунского совета.

№ 30

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

С Вашего разрешения беру на себя смелость напомнить Вам, что в библиотеке состоят следующие штатные служащие, не получавшие никаких выдач к Рождеству прошлого года:

1. А. В. Паллизен на службе с 1904 г. (сост[оит] одновременно преподавателем Константиновской ж[енской] г[имназии]),

2. Н. И. Чекстер – занимается в библиотеке складом (в настоящее время работает в лазарете),

3. А. Н. Густенева на службе с 1911 года.

Кроме того, в библиотеке занимается по найму С. А. Рыдина, получающая вознаграждение (из кредита на библиотеку) на 30 руб. в месяц (360 в год) и Д. И. Васильева, получающая из того же кредита 500 р[уб.] в год. А. В. Паллизен и Д. И. Васильева, как преподавательницы, обыкновенно через год получают очередную награду к Рождеству, а Н. И. Чекстер и А. Н. Густенева еще ни разу в этот список не были включены.

Что касается С. А. Рыдиной, то если нельзя выдать ей какое-нибудь награждение к Рождеству, я очень бы просила об увеличении ее вознаграждения с января 1915 г. до 35 р[уб.] в месяц, чем можно было бы несколько улучшить материальное положение этой усердной и полезной работницы библиотеки.

С истинным уважением, Е. Гогель.

8 дек[абря] 1914

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.

Д. 2669. Л. 44–45.

№ 31

5 ноября 1915.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

В мае текущего года помощник библиотекаря Н. И. Чекстер была призвана общиной св. Евгения в качестве сестры милосердия¹. С 1 сентября для замещения Н. И. Чекстер была приглашена окончившая педагогический институт О. С. Тихонова², которая и продолжает исполнять обязанности помощницы библиотекаря.

Вознаграждение по этой должности составляет, за отчислением 60 руб. в пенсионные средства, ежемесячную сумму 58 р[уб.] 75 к[оп.].

Считаю долгом обратиться с покорнейшей просьбой о разрешении выдавать О. С. Тихоновой за замещение Н. И. Чекстер причитающуюся сумму, начиная с 1 сентября, а также и суточные деньги за то же время.

С истинным уважением, Е. Гогель.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.

Д. 2669. Л. 46.

На бланке Женского педагогического института.

¹ За свой труд в качестве медицинской сестры в лазарете она будет награждена серебряной медалью на Анненской ленте.

² Тихонова Ольга Севастьяновна. Ее имя не раз упоминает Е. В. Гогель в письмах из Вятки, именно ее она желала видеть своей преемницей в библиотеке ЖПИ (Митрофанов В. В. «...Прибегать к Вам в трудных случаях библиотечной жизни». С. 29, 31, 34–36). Здесь и следую-

щее подчеркнуто красным карандашом рукой С. Ф. Платонова.

№ 32

5 ноября 1915

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Решаюсь прибегнуть к Вам с покорнейшей просьбой и обратиться внимание на скудное вознаграждение, получаемое занимающейся по найму в библиотеке С. А. Рыдиной.

Г[оспо]жа Рыдина состоит в библиотеке 3-й год и в настоящее время получает 30 р[уб.] в месяц, находясь при исполнении своих обязанностей ежедневно с 10 до 6 ч[асов] веч[ера].

Два года тому назад, в виде опыта, на нее была возложена выдача книг слушательницам. Должна засвидетельствовать ее добросовестность, аккуратность и в особенности прекрасный характер, столь ценный в постоянных сношениях с шумной толпой слушательниц, благодаря чему порученное дело выполняется с полным успехом.

Принимая все сказанное во внимание, быть может, Вы найдете возможным увеличить размер вознаграждения на 5 р[уб.] в месяц, по крайней мере, что может оправдаться и на фактор суточных.

С глубоким почтением, Е. Гогель.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2669. Л. 47.

№ 33

Глубокоуважаемый Сергей Федорович, вообще делить не радость,

а в эти предпраздничные дни, такие горячие всегда в библиотеке, чувствую себя совсем виноватой перед своими сослуживцами, на которых упала лишняя работа.

Ничего не могу поделать, приходится не только не выходить, но обречь себя на молчание под страхом вовсе лишиться голоса.

Решаюсь прибегнуть опять к Вам, многоуважаемый Сергей Федорович, не найдете ли возможным устроить какую-нибудь экстренную выдачу А. В. Паллизен и В. Н. Густеновой? Ко всему у них так неудачно вышло с суточными... конечно, если бы суточными дело хорошо кончилось бы, это все устроило бы.

Будьте добры, передайте Адольфине Викторовне, как мне написать требование на выдачу за декабрь А. М. Моргун и А. А. Гориной из сумм Почетного Попечителя или просто в виде расписки? И нельзя ли им выдать по 25 р[уб.], т[о] е[сть] всего 50 р[уб.]?

Извините очень за беспокойство, но еще просьба, нельзя ли нашему бывшему Алеше выдать наградные – он очень много работал всю осень и ушел не по своей воле, а, к тому же, болен, как я слышала. Пожалуйста, не вычеркните его, если можно.

С глубоким уважением и преданностью, Е. Гогель.

15 декабря 1915

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 48–49.*

№ 34

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Спешу исправить свою оплошность и доставить Вам 31 стенограмму, которые вчера застряли случайно между других книг. Пожалуйста, извините. С истинным уважением, Е. Гогель.

30 ноября 1916

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 50.*

№ 35

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Представляю Вам очередной библиотечный взнос (за октябрь) на Лазарет¹. С истинным уважением, Е. Гогель.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2669. Л. 51.

¹ При институте в 1914 г. был открыт лазарет для раненых.

№ 36

15 февр[аля]

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Счет Вольфа проверен. Некоторые из книг не были получены, например: Гербеля¹ – вероятно, в воскресную школу, 3 – служебные, 10 экз[емпляров] Слово о полку Игореве, Летопись Нестора. Также не для б[иблиоте]ки были выписаны «Записки Цезаря» (11 ноября, слушательницей Лебедянской).

По ошибке включили железнодорожное расписание.

Но при этом не записали в счет Мезьер², который стоит 6 р[ублей].

Поэтому я расписываюсь во всех книгах, надеюсь получить «Летопись» и «Слово». С истинным уважением, Е. Гогель.

*ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2.
Д. 2669. Л. 52–52 об.*

¹ Гербель Николай Васильевич (1827–1883) – известный русский поэт, переводчик и издатель.

² Мезьер Августа Владимировна – писательница. Окончила Смольный институт. Ей принадлежит ценное пособие: «Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Библиографический указатель» (ч. I. Санкт-Петербург, 1899, ч. II. Санкт-Петербург, 1902). Составила «Указатель литературы о В. Г. Белинском за 1848–1900 годы» (в приложении к 4-му т. соч. Белинского изд. Павленкова) и др.

Библиотекарь у микрофона

В. С. Жаравин

В Государственном архиве социально-политической истории Кировской области хранится фонд Гостелерадиокомпании (ГТРК) «Вятка», где имеются тексты радио и телепередач, выходявших в эфир. По этим микрофонным папкам можно восстановить жизнь Кировской области год за годом.

Просматривая тексты передач по телевидению «Вечерний экран», мы нашли в папке за 22 июля 1988 года интервью со Светланой Шиховой*, в то время главным библиотекарем сектора редких книг (ныне за-

ведующая отделом редких книг) Кировской областной библиотеки им. А. И. Герцена, которое предлагаем вниманию читателей.

Вопросы журналиста:

– Если поискать, то приметы обновления нашей жизни можно обнаружить в любой области. Даже в таком стабильном, устоявшемся (в хорошем смысле этого слова) деле, как библиотечное. Вот факт: в нашей Герценке открылся «спецхран». Точнее – приоткрылся. Прокомментировать это явление мы попросили главного библиотекаря Светлану Анатольевну Шихову.

– В наше время слова с приставкой «спец» у многих вызывают аллергию. Насколько она необходима применительно к вашему отделу?

– Какие же книги мы сможем у вас теперь получить? И когда?

– Какова дальнейшая программа приоткрытия спецхрана?

Ответы С. А. Шиховой:

– В настоящее время в нашей стране происходит возвращение литературы из спецфонда в фонд общего пользования библиотек.

Эту работу возглавляет межведомственная комиссия, созданная в марте 1987 года, председатель её – член коллегии Главлита СССР Владимир Алексеевич Солодин (интервью с ним были опубликованы в газете «Советская культура» (1988. 22 марта) и в № 18 еженедельника «АиФ» за 1988 г.).

Прежде чем говорить о возвращении из спецфондов литературы,

несколько слов о самих спецфондах – они предназначены для хранения литературы, доступ к которой по тем или иным причинам ограничен.

К подобной литературе относятся издания, имеющие гриф «секретно», «для служебного пользования» и т. д. Но большую часть литературы спецфондов составляют книги, авторы которых подвергались репрессиям в период культа личности Сталина, или же издания этого периода, которые включают предисловия, написанные репрессированными политическими деятелями, их фотоснимки, цитаты из трудов, а также книги, авторы которых высказывали мнение, не совпадающее с общепринятым, или издания, содержащие информацию, не устраивающую Сталина и его последователей. Немало книг попало сюда и по другим причинам, порой труднообъяснимым.

Именно с этой частью литературы и работает межведомственная комиссия. К моменту создания комиссии такой литературы в спецфонде насчитывалось около 6 тыс. названий.

В настоящее время комиссией рассмотрено и возвращено в фонды общего пользования библиотек более 4 тыс. книг.

В областной библиотеке имени А. И. Герцена, как и в библиотеках всей страны, также начата работа по переводу книг спецфонда в фонд общего хранения библиотеки. В настоящее время переведено

352 книги и готовятся к передаче 2,5 тыс. книг.

Для того чтобы все желающие смогли познакомиться с этими книгами, они показываются на выставке. Такая выставка была организована в мае, а следующая будет в сентябре. Все эти книги отражены в читательских каталогах библиотеки.

Кроме того, информацию о некоторых из них можно найти в билетах клуба «Вятские книголюбцы», такое читательское объединение существует при нашей библиотеке. Перед вами билет на 176-е заседание клуба, которое состоится 28 июля. Здесь опубликован список некоторых книг из спецфонда. Публикация этого списка будет продолжена и в последующих билетах клуба.

А теперь о самих книгах. Прежде всего, можно назвать сборники работ В. И. Ленина, например, «Ленин о Троцком и троцкизме» (Л. ; М., 1925), работы соратников В. И. Ленина: А. В. Луначарского, Вл. Бонч-Бруевича, воспоминания старых большевиков.

Интерес, думается, вызовут книги наших политических противников: в 20-е годы выпускались книги серии «Революция и Гражданская война в описании белогвардейцев». Вот одна из книг этой серии: «Октябрьская революция: мемуары Керенского, Милюкова, Краснова, Деникина и др.». (М. ; Л., 1926).

Возвращаются к читателям и первые работы по истории партии, написанные А. Бубновым, Ем. Ярослав-

ским, В. Невским. Вот одна из работ Невского, выдающегося большевика-ленинца, одного из первых историков партии: «Очерки по истории РКП(б)» (Л. : Прибой, 1924).

Среди художественных произведений «Нечестивые рассказы» Е. Замятина (М., 1927), «Конармия» И. Бабеля (М. ; Л., 1931), «Лишние люди» М. Зощенко (М., 1930), «Осколки разбитого вдребезги» А. Аверченко (М. ; Л., 1926).

Вызовут интерес и книги «Гибель Есенина» (1926), «Есенин и Москва кабацкая» (1926). Автор их, поэт

Алексей Кручёных, был знаком с С. Есениным.

В заключение хочется пригласить телезрителей в нашу библиотеку, которая обладает богатейшими книжными фондами. Они являются нашей гордостью и достоянием читателей нашей области.

Редактор передачи «Вечерний экран» Ю. Корзатовых.

Примечание

* ГАСПИ КО. Ф. Р-6818. Оп. 6. Д. 245. Л. 117–120.

Раздел II

О ВЯТКЕ И ВЯТЧАНАХ

ГДЕ НАХОДИЛСЯ ВЯТСКИЙ БОЛВАНСКИЙ ГОРОДОК?

А. Л. Мухомин

О существовании Болванского городка, принадлежавшего чуди и вотякам (удмуртам), известно из местных исторических памятников второй

половины XVII – начала XVIII вв.: «Летописца старых лет» (далее – ЛСЛ), «Сказания о вятчанах» двух редакций (далее – СВ и СП) и «Повести о стране Вятской» (далее – ПСВ). В них он однозначно связан с местом, где был основан город Никулицын (современное село Никульчино):

ЛСЛ ¹	СП ²	СВ ³	ПСВ ⁴
В лето 6689-е июля в 24 де(нь) от Великого Нова града жители приидоша в страну земли Вятския, и взяша рекомый град Болван, яже н(ы)не именуется Микулицыно.	...иде на Вятку и приидоша на Болванской городок, что словет Никулицыно. А приходе в лето 6689 июля в 24 день на память святых страстотерпцов Бориса и Хлеба... ...и взяша град Болван, и поставиша на городище церковь во имя святых страстотерпцов Бориса и Хлеба и нарекоша град Никулицын.	...и над тою рекою Вяткою на горах стоит чудской городок их языком зовом Болванской. И в лето 6689-е июля в 24 день на память святых мученик Бориса и Глеба... взяша его... ...и поставиша в том граде храм во имя святых мученик Бориса и Глеба, а граду има нарекоша Микулицын.	...на высокой прекрасной горе устроен град чудской, ...называемый Чудью Болванской городок, иже ныне нарицается Никулицыно по реке Никуличанке. ...той крепкий град взяша воинским промыслом в лето 6689 месяца июля в 24 день на память их всероссийских князей святых страстотерпцев Бориса и Глеба... ...поставиша в том граде церковь во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба и нарекоша той град Никулицын.

Существовали также местные предания, связывающие Болванский городок с селом Никульчиным.

Так, ещё в первой половине XIX в. В. И. Даль зафиксировал предание, объясняющее присловие вятчи-

ротозей: «Новгородцы подпустили под Болванский городок (село Никулицыно) болванов на плотях, вятичи зазевались на них, а новгородцы с другой стороны взяли городок»⁵. А в конце XIX в. один из информаторов (членов?) Вятского губернского статистического комитета, перечисляя некоторые древности Вятской губернии, сообщал, что «по преданию жителей села Никулицкого и окрестных деревень... новгородцы к Чудь-Болванскому городку плыли на плотях, спереди которых положены были срубленные с корней деревья с прутьями для прикрытия от неприятеля»⁶.

Такая локализация Болванского городка до 90-х гг. XX в. у исследователей не вызывала никаких вопросов и возражений. Однако позднее разногласия в ряды местных краеведов внесла совсем небольшая редакторская правка автора ПСВ в своём источнике СВ – изъятие одного слова. Если в СВ сообщается, что новгородцы «поплыша тою рекою вниз из Чепцы в Вятку и по той реке Вятке *вниз* (выделено мной. – А. М.), и над тою рекою Вяткою на горах стоит чудской городок их языком зовом Болванской»⁷, то во всех известных списках ПСВ направление движения новгородцев по реке Вятке не указано: «Исплывше тою реку Чепцу, внидоша в великую реку Вятку и плывше по ней мало боле пяти верст и узревше на правой стране на высокой прекрасной горе устроен град чудской»⁸. Автор ПСВ убрал

уточнение «вниз», вероятно, потому что для него это было очевидным. Путаницу в данный вопрос внёс А. И. Вештомов, который, не будучи уроженцем Вятской губернии, почему-то написал, что новгородцы «вошед из оной (из Чепцы. – А. М.) в реку Вятку, и *поднявшись* (выделено мной. – А. М.) ею около шести вёрст», на правой стороне реки на высокой горе увидели вотское городище Болвановское⁹. И хотя далее Вештомов сообщает об основании Никулицына на месте Болванского городка, некоторые слободские краеведы решили, что в ПСВ речь идёт не о Никулицыне, а о Подчуршинском городище, находящемся на р. Вятке выше впадения в неё Чепцы недалеко от г. Слободского¹⁰. Д. М. Захаров, наоборот, на основании топонима Болванский считает, что в ПСВ речь идёт о деревне Болванской, расположенной на р. Моломе в Котельничском районе Кировской области, то есть гораздо ниже г. Кирова (бывшего Хлынова) по р. Вятке¹¹. Очевидно, обе эти гипотезы отрицают версию вятских исторических памятников XVII – начала XVIII вв.

До настоящего времени кроме ЛСЛ, СВ и ПСВ не было известно письменных источников, подтверждающих, что на месте села Никулицына (Никульчино) действительно существовал град (городок) Болванский. Однако недавно в аутентичном письменном источнике, вятской оброчной книге 7121 (1612/1613) г., между записями от 27 марта и

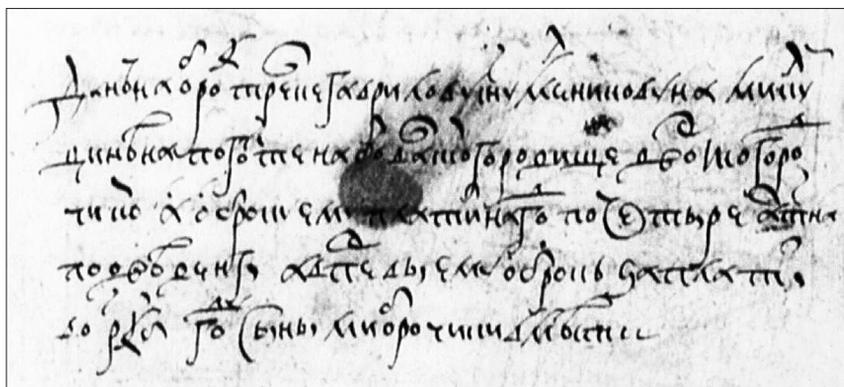
14 апреля обнаружена запись, однозначно подтверждающая, что ранее на месте Никулицына находился

Болванский городок. Причём наиболее точно это место оказалось описанным в СП:

Оброчная книга ¹²	СП ¹³
<p>Дан на оброк Тренке Гаврилову сыну Мельникову на Микулицине на погосте на Болванском городище двор и с огородчиком¹⁴. А оброку ему платить на год по четыре алтына по две денги. А впервые[е] ему оброк заплатить во 121 году с-ыными оброчки вместе.</p>	<p>И приидоша на Болванской городок, что словет Никулицыно. ... И взяша град Болван, и поставиша на городище церковь во имя святых страстотерпцов Бориса и Хлеба и нарекоша град Никулицын.</p>

В обоих случаях употреблено слово «городище», которого нет в других источниках. Слово «погост» имеет несколько значений, но в данном контексте в оброчной книге оно означает «церковь с кладбищем и с прилегающими дворами причта, обычно расположенная в стороне от населенных пунктов»¹⁵. А. А. Спицын отмечал, что «размеры городища (Никулицкого. – А. М.) и теперь (в 1880-х гг. – А. М.) настолько значительны, что на его площадке свободно разместилась церковь и довольно

большое кладбище, а в прежнее время... оно было значительно более»¹⁶. То есть, указание места постройки Борисоглебской церкви в СП точно соответствует описанному в оброчной книге. Археологические исследования Никульчинского городища, проведённые Л. П. Гуссаковским и Л. Д. Макаровым, позволили им сделать вывод, что русский городок Никулицын возник на рубеже XII–XIII вв. на месте прежнего до-русского (кочергинская культура) поселения¹⁷. Таким образом, архео-

Запись в Вятской оброчной книге 7121 (1612/1613) г.

логические данные в совокупности с записью оброчной книги¹⁸ подтверждают достоверность сведений ЛСЛ, СВ и ПСВ о том, что чудской Болванский городок ранее существовал на месте основания села Никулицына.

В других документальных письменных источниках такое сопоставление Никулицына с Болванским пока больше не выявлено, поэтому можно предположить, что в рассматриваемых исторических памятниках эти сведения могли быть заимствованы или из более ранних письменных источников¹⁹, или из устной народной традиции (но тогда непонятно происхождение точной даты 24 июля 1181 г.). В любом случае данный пример подтверждает, что поздние исторические источники могут содержать достоверные сведения о Древней Руси домонгольского периода²⁰.

Примечания

¹ Летописец старых лет // Уо Д. К. История одной книги: Вятка и «несовременность» в русской культуре Петровского времени. СПб., 2003. С. 327.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 2е. Д. 59. Л. 19–19 об.

³ [Вятская летопись] / публ. Д. К. Уо // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи : (к 210-летию Александра Лаврентьевича Витберга) : материалы Междунар. науч. симп. / отв. ред. В. В. Низов. Киров, 1997. С. 348.

⁴ Повесть о стране Вятской / публ. А. С. Верещагина // Тр. ВУАК. Вятка, 1905. Вып. III. С. 29–31 (Отд. II).

⁵ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1997. С. 215.

⁶ ГАКО. Ф. 574. Оп. 8. Д. 79. Л. 3 об. Приношу благодарность о. Александру Бальбердину за сообщение подробностей данного дела.

⁷ [Вятская летопись]. С. 348.

⁸ Повесть о стране Вятской. С. 28–29.

⁹ Вештомов А. И. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или С 1181 по 1781-й год чрез 600 лет, сочиненная главным народного училища учителем исторических наук титулярным советником Александром Вештомовым в 1807 и 808-м годах. Казань, 1907. С. 19.

¹⁰ Подробнее см.: Мусихин А. Л. «Родимые пятна» Сергея Серкина // Герценка : Вятские записки : [науч.-попул. альм.]. Киров, 2013. Вып. 23. С. 279–280.

¹¹ Захаров Д. М. Серебряная Вятка : рассказы о названиях. Киров, 1990. С. 39–40. Эта деревня существовала в 1615 г., рядом с ней располагались также деревни Другая Болвановская и Третья Болвановская (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1029. Л. 735–735 об.).

¹² РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 4. Л. 195 об.

¹³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2е. Д. 59. Л. 19–19 об.

¹⁴ Всего через два года в дозорной книге 1615 г. отмечается, что «двор пуст Тренки Мельникова, Тренка збежал безвесно во 123-м году» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1030. Л. 128 об.).

¹⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1989. Вып. 15 : (Персть – Подмышка). С. 197. В дозорной книге 1615 г. отмечается: «В Волковском же стану на Микулицыне над рекой над Вяткою погост, а на погосте церковь теплая с трапезою Бориса и Глеба... да на погосте ж

дворы церковные» (Дозорная книга посадов и тяглых деревень вятских городов и уездов... 1614/15 г. (фрагменты) [Волковский, Бобинский и Великорецкий станы Хлыновского уезда] // Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть. Начало (От Засоры до Раздерихинской). 3-е изд., испр., доп. и перераб. Вятка, 2014. С. 675).

¹⁶ Спицын А. А. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России / под ред. Д. Анучина. М., 1893. Вып. I : Приуральский край. С. 178.

¹⁷ Гуссаковский Л. П. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. II. С. 118–121; Макаров Л. Д.: 1) Русские поселенцы на берегах Вятки : (по данным археологических исследований) // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4 : История. С. 78–80; 2) Древнерусские археологические памятники Слободского района : (комплекс у с. Никульчино) // Слободской и слобожане : материалы III науч.-практ. конф. Слободской, 1999. С. 10–13; 3) Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. С. 15–17, 71 (Рис. 27).

¹⁸ Не случайно А. А. Спицын высказал важную мысль, что возможно «разъяснить имеющиеся археологические сведения при помощи наиболее древних писцовых книг» (ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1117. Л. 3. См.: Мусихин А. Л. «Неоценимый материал»: А. А. Спицын в деле публикации вятских писцовых описаний // А. А. Спицын и историческое прошлое России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Киров, 12 сент. 2016 г.) / сост., науч. ред. М. С. Судовиков. Киров, 2016. С. 37–43).

¹⁹ См.: Мусихин А. Л. Летописание на Вятке до «Летописца старых лет» // Одиннадцатые Петряевские чтения : материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 28 февр. 2013 г.) / редкол.: С. Н. Будашкина [и др.]. Киров, 2013. С. 148–153.

²⁰ См.: Мусихин А. Л. Ещё раз к вопросу о времени основания города Вятки (Кирова) // Город на Вятке : история, культура, люди : материалы Всерос. науч. конф., Киров, 4–5 июня 2014 г. / науч. ред. М. С. Судовиков. Киров, 2014. С. 60–62.

Творческое наследие сарапальского архитектора- чертежника П. П. Кашкарева*

М. В. Курочкин

Творчество П. П. Кашкарева является частью архитектурного наследия в области гражданского строительства города Сарапула. Его деятельность в качестве просветителя и сарапальского архитектора совсем не отражена в историографии. Творческое наследие Петра Петровича следует выделить из ряда архитекторов, занимавшихся проектированием для единовременной застройки уездного Сарапула первой половины XIX столетия.

Пётр Петрович Кашкарев (1794–1875) – техник-чертежник. Выходец из мещан, православного вероисповедания. Обучался в Вятском главном народном училище с пятилетним курсом обучения. В таких училищах обучались преимущественно дети мещан, крестьян и купцов. Систе-

ма обучения велась по 5-летнему курсу в 4 класса. Первые два класса соответствовали курсу малого народного училища. В 3–4-м классе преподавались: 2-я часть арифметики, геометрия, физика и механика, естественная история, история, архитектура с черчением планов и для желающих – латинский и новые языки. Именно такое образование и получил П. П. Кашкарев. В Сарапульском малом народном училище с двухлетним курсом П. П. Кашкарев преподавал рисование и русский язык. Был штатным смотрителем Сарапульских училищ. Пётр Петрович инициатор открытия Сарапульской публичной библиотеки, которое состоялось 1 января 1835 г. С 21 октября 1834 г. она вошла в список библиотек, получающих книги из центра. Библиотека считалась учреждением частным, хотя и «состоящим под покровительством правительства»¹. П. П. Кашкарев уволен со службы в 1850 г. за выслугу лет по учебному ведомству – 41 год. В 1848 г. произведён в коллежские ассесоры. Внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии по определению Казанского дворянского депутатского собрания от 18 октября 1840 г. и утверждён указом Герольдии 24 февраля 1848 г.² Именно владение чертежом и умение акварельной отмывки определило судьбу Петра Петровича.

С 1809 до 1812 г. «для лучшего устройства городов Российской империи», а также из-за отсутствия

квалифицированных архитектурно-строительных кадров не только в рядовых уездных, но и в губернских городах, строительным комитетом были выпущены первые два альбома «образцовых» проектов фасадов жилых домов для частных строений. В 1814 г. «образцовые» фасады, собранные и выпущенные в двух альбомах (III и IV части), были разосланы в количестве 800 экземпляров во все города России с циркулярным предписанием губернаторам, аналогичным указанию от 31 декабря 1809 г.

При жёсткой регламентации размеров (длина дома, высота стены и высота крыши, интервал между строениями) и пропорций фасадов они оставляли большую свободу действий местному архитектору. Застройщик получал заказанный проект после утверждения в составе двух чертежей – плана участка со всеми строениями и фасада здания. Внутреннюю планировку он определял сам³. В жилой застройке Сарапула первой половины XIX столетия использовались проекты по фасаду, Высочайше утверждённому в I, II и III части. Во всех выявленных листах, относимых нами к этому периоду, были подписаны коллежским ассессором, штатным смотрителем Сарапульских училищ Петром Кашкаревым.

Чертежи, подготовленные Петром Петровичем Кашкаревым, необычайно интересны и выполнены в одной манере. Комплексное из-

учение этого материала наталкивает на мысли о существовавшей стилиевой общности проектных чертежей. Особенности графики этого времени мы показываем на материалах Государственного архива Кировской области, до сих пор не опубликованных и не исследованных.

В чертежах Петра Петровича главенствуют чёткие, уверенные линии, ясно ограничивающие объекты и вносящие в чертежи каркасность. Часто в этот период применяется отмычка, а также раскраска, которая эволюционирует в пользу цвета. Преобладающим становится акварельная заливка в чертежах. Этому способствовали требования архитектурного регламента, действовавшего в Российской империи.

Среди осуществлённых Кашкаревым проектов выделяются торговые ряды с арочной галереей каменных складских магазинов по фасаду, «Высочайше утвержденному в части III под № 8» для Сарапула купеческой жены Е. М. Комаровой, но дошедшие до наших дней в сильно перестроенном виде⁴. Здание было возведено в 1841–1842 гг. на пересечении Биржевой и Богоявленской улиц (ныне ул. Труда и ул. М. Горького). Торговые ряды представляли собой компактный, П-образный в плане объём с галереей и проездной аркой, оформленный шаговым рустом и широким карнизом дорического ордера.

Примером решения по фасаду «Высочайше утвержденному в I части под № 8» может служить

дом жилой Ехлаковой в Сарапуле (1843–1849 гг., ул. Раскольниковая, 140). Здание стоит в ряду застройки по красной линии. Типичный для провинциального классицизма кирпичный дом, построенный на основе образцового проекта, лучший из подобных зданий, сохранившихся в Сарапуле. В ряду торговой застройки центральной площади первый этаж ориентирован под лавки и магазины⁵.

Проект предусматривал пятиосевое акцентировочное решение, но в ходе строительства композиция была изменена. Прямоугольное, в плане двухэтажное, с мезонином здание вытянуто вдоль улицы. Простая тяга отделяет первый этаж от второго. Стены завершены гладким фризом и карнизом небольшого выноса. Симметрия девятиоконного уличного фасада подчёркнута мезонином в три оси и проездной аркой в первом этаже по центральной оси. Прямоугольные окна второго этажа имеют одинаковые рамочные наличники с приподнятыми сандриками и небольшими очелинами. Центральная часть акцентирована своеобразным портиком с лопатками и фигурным аттиком, что придаёт фасаду здания подчёркнутую парадность. Рамочные наличники мезонина подвышены филенкой с упором в венчающий карниз.

Губернский архитектор И. Т. Соловкин, не изменяя общих габаритов здания, убрал боковые пилястры, и главное внимание сосредотачивал на центральном трёхосевом ризали-

те, ориентируясь, очевидно, на «образцовый» фасад № 57 петербургского архитектора В. П. Старова.

В художественном мышлении П. П. Кашкарева ведущее место занимает тема города и организации пространства. Трактовка этой организации просматривается не как отвлечённая архитектурная категория, а как реальная и конкретная задача, как часть градостроительной среды. Так, в проекте дома с флигелями сарапульскому мещанину В. Ф. Вихлаеву мы видим грамотное решение углового участка с пространственной расстановкой всего комплекса. Как основное сооружение – читается жилой дом, расположенный на углу участка. Здания решены в фасадах «Высочайше утвержденному в III части под № 9 и 10»⁶. Аналогичным образом была решена и усадьба Фёдора Ивановича Дедюхина⁷.

Так, к середине XIX в. П. П. Кашкаревым было разработано более 50 разнообразных проектов, многие из которых были, к сожалению, не реализованы в полной мере или остались лишь на бумаге. Несмотря на это, опыт регламента и городского проектирования остался востребованным и отразился в творчестве сарапульских городских архитекторов периода реформ Александра II.

Примечания

* Материалы статьи подготовлены при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-14-18001.

¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 81. Д. 577. Л. 9. Дело по прошению граждан г. Сарапула о разрешении открытия там публичной библиотеки. 21.01.1836 г.

² Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета (ОРРК НБЛ КГУ). Д. 402. Ч. 3. Т. 1. Л. 219 об. – 220 об.

³ Тинский А. Г. Образцовые проекты 1809–1812 гг. // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1996. Т. 5 : Архитектура.

⁴ ГАКО. Ф. 619. Оп. 2. Д. 1218. Дело по отношению сарапульской 3-й гильдии купчихи Евгении Комаровой об утверждении и о рассмотрении плана на постройку ей дома, 1845–1846 гг.

⁵ ГАКО. Ф. 619. Оп. 2. Д. 900. Дело по отношению Вятской губернской канцелярии о утверждении плана и о рассмотрении каменного дома сарапульской купчихи Ехлаковой, 1843–1849 гг.

⁶ ГАКО. Ф. 619. Оп. 2. Д. 872. Дело по отношению Вятской губернской канцелярии о утверждении плана и о рассмотрении дома с флигелями сарапульскому мещанину В. Ф. Вихлаеву, 1843 г.

⁷ ГАКО. Ф. 619. Оп. 2. Д. 932. Дело по отношению Вятской губернской канцелярии о утверждении плана и о рассмотрении дома с флигелями сарапульскому мещанину Ф. М. Дедюхину, 1843–1846 гг.

Елабужский период в жизни Карла Гуна

А. Г. Куклин

Блестящий мастер разных жанров

Карл Фёдорович Гун (Carl Jacob Wilhelm Huhn, 1831–1877) – российский художник, блестящий мастер исторической и жанровой живописи.

си, великолепный портретист, оригинальный пейзажист, интереснейший художник-этнограф; академик, профессор Академии художеств, участник Товарищества передвижных художественных выставок, основоположник латышского реалистического искусства.

Один из ранних периодов его творческой биографии был тесно связан с Вятской губернией. По окончании Академии художеств Гун вместе с товарищем по учёбе В. П. Верещагиным отправились в Елабугу¹, где они получили крупный заказ. В уездном городе молодые художники работали с апреля 1862 г. и до марта 1863 г. Для Гуна это время оказалось исключительно плодотворным. Многие сюжеты и даже целые темы, манера письма и технические приёмы исполнения, получившие в дальнейшем яркое развитие и воплощение в его графике и живописи, были найдены и опробованы художником ещё в Елабуге. Фактически именно здесь начался его путь в большом искусстве.

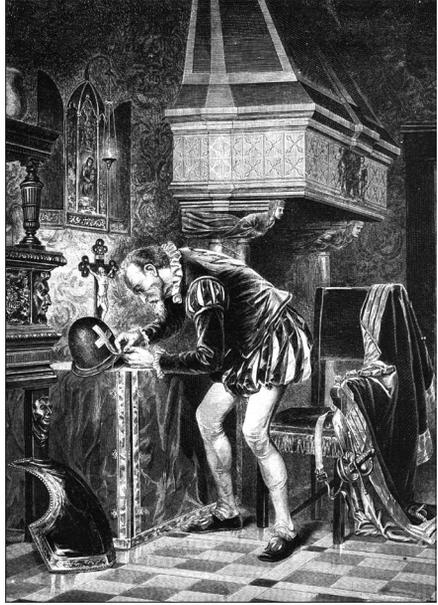
Нужно сказать, что Гун был необычным художником даже в очень богатой талантами среде российского изобразительного искусства XIX в. Он не фрондировал с современным ему общественным устройством и не интересовался политикой, не изображал общественных драм и не рисовал на своих полотнах социальных фельетонов, популярных среди его современников. В эпоху, когда российское изобразительное искусство

тяготело к публицистике и претендовало на роль воспитателя общества, он умел видеть и передавать языком живописи красоту и смысл обычной человеческой жизни, очарование и теплоту повседневности.

Даже в одной из самых известных своих работ, в «Кануне Варфоломеевской ночи», за которую он получил звание академика, там, где сам сюжет, казалось бы, подразумевает множество фигур, динамику композиции, напряжённый драматизм сцены, он добивается исторической и психологической убедительности, опираясь на заурядное и бытовое, – изображает худого старика в уединении, в полумраке и тишине, не с мечом, а с иголкой в руках. И достигает поразительного эффекта: эта иголка в руке пожилого католика выглядит трагичнее самых кровавых сцен резни.

В большинстве случаев живопись Гуна не требует какой-либо интерпретации, толкования. Она понятна без слов. Его изобразительная манера, как и у многих художников того времени, повествовательна, а сюжеты легко запоминаются.

Если попробовать кратко сформулировать суть художественного наследия Гуна, то символом его творчества следует, наверное, признать небольшое полотно «Попался!», написанное на исходе жизненного пути. Если же мы захотим выразить эту сущность словами, то лучше всего будет сделать это фразой Карла Скуйе, земляка Гуна, родившегося и выросшего, как и он,

*К. Ф. Гун. Канун
Варфоломеевской ночи.
1868. (Ива. 1887. № 3)*

К. Ф. Гун. Попался! 1875. ГТГ

в небольшом местечке Сиссегале в Лифляндской губернии. В зрелые годы Скуйе издал книгу очерков о своей и Гуна родине и назвал её «Рай земной»². Вот этот рай на земле, теплоту простых человеческих отношений, красоту обычных лиц и душевных движений и пытался запечатлеть в своих работах зрелого периода Карл Фёдорович Гун.

Впрочем, уважительное внимание художника к жизни обыкновенных людей в полной мере проявилось ещё в Елабуге, где он с глубоким интересом и пристальным вниманием делал многочисленные зарисовки городских и сельских сценок, изображал русских, татар, удмуртов, марийцев, проживавших как в самом городе, так и в селениях Вятской и Казанской губерний.

Этнография в творчестве Гуна

При чтении книг и статей о Гуне складывается впечатление, что, помимо росписи иконостаса Покровской церкви в Елабуге, о котором биографы упоминают мельком, в этом уездном городе художник занимался, главным образом, этнографическими зарисовками.

Впервые о них написал И. А. Новиков в очерке 1878 г. Он утверждал, что Гун делал их не случайно, а для знаменитого издания Г.-Т. Паули³: «Знакомясь с окрестностями Елабуги, Гун заинтересовывался краем, записывал народные предания и во время поездок по Вятской и Казан-

ской губерниям зачертил много инородческих типов, костюмов (вошедших впоследствии в труд Паули), домашней утвари и проч.»⁴

В 1862 г. Г.-Т. Паули совместно с Императорским Русским географическим обществом издал роскошный фолиант «Description ethnographique des peuples de la Russie» («Этнографическое описание народов России») на французском языке, посвящённый тысячелетию Российской империи. В книгу вошли «точные описания текущего состояния и характеристик всех народов огромной Российской империи», составленные ведущими учёными-этнографами своего времени. Издание было проиллюстрировано «шестьюдесятью двумя рисунками, напечатанными в цвете, представляющими типы и костюмы всех народов России и исполненными в манере, способной удовлетворить самый придирчивый вкус». Тридцать из этих иллюстраций были выполнены Гуном.

Своим беглым замечанием о том, что прикамские зарисовки художника вошли в труд Паули, Новиков породил целую легенду, которую затем повторяли многие, хотя на самом деле Гун никаких рисунков в Елабуге для этого издания не готовил. Иллюстрации для «Этнографического описания народов России» были выполнены им до поездки в Елабугу.

Графические листы Гуна, сделанные в Вятской и Казанской губерниях, датированы 1862 или 1863 гг., тогда как труд Паули был уже издан

в 1862 г. Более того, известно, что в 1857 г. книга Паули в рукописи и с рисунками была преподнесена Александру II⁵. По всей видимости, составитель «Этнографического описания народов России» привлёк молодого студента Академии художеств к работе над иллюстрациями задолго до его поездки в Вятскую губернию.

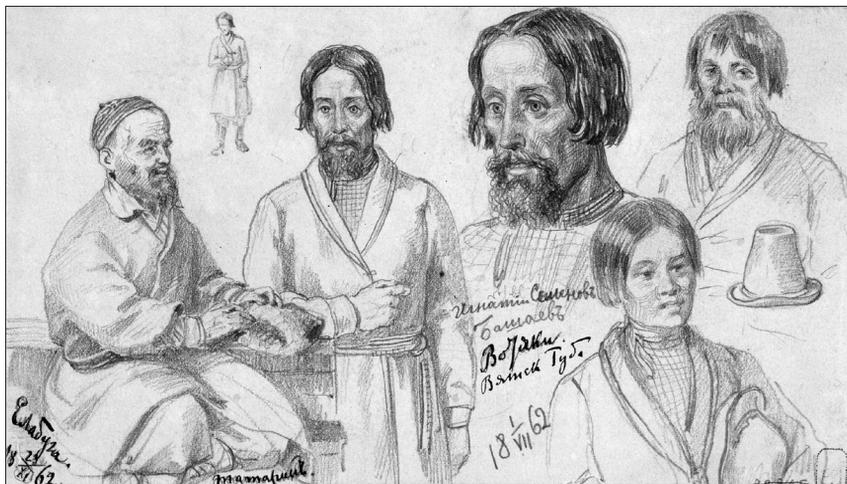
После Новикова о прикамской графике Гуна упомянул А. И. Соменов в биографии художника⁶, опубликованной в 1879 г., но, в отличие от своего предшественника, он не говорил о связи этих рисунков с изданием Паули: «Проведя почти год в Елабуге, он написал... много этюдов из окрестностей города и народных нравов этого края, а во время поездок по Вятской и Казанской губернии зачерчивал местные типы, костюмы, сцены и виды»⁷.

И, наконец, А. Н. Толиверова в статье «Карл Федорович Гун», опубликованной также в 1879 г.⁸, повторила ошибку Новикова и тем окончательно закрепила легенду о том, что в Прикамье Гун собирал и зарисовывал материалы для издания Паули. Она писала: «Из Елабуги Гун ездил осматривать Вятскую и Казанскую губернии, записывал народные предания татар, чуваш, черемис и мордвы, зачерчивал их типы, костюмы, домашнюю утварь. Эти художественные путевые заметки, вошедшие впоследствии в труд Паули, положили начало известному альбому Гуна, приобретенному академией художеств...»⁹

В 1955 г. после выхода в свет книги А. Ф. Эглита о Гуне¹⁰, где в чёрно-белых репродукциях был воспроизведён значительный корпус рисунков и акварелей художника, и среди них – 45 графических листов, сделанных им в Елабуге, Вятской, Казанской и Оренбургской губерниях, утверждение, что в Прикамье художник занимался, главным образом, этнографическими зарисовками, стало общим местом, вытеснив на периферию другие работы Гуна, выполненные им в уездном городе на Каме, как что-то второстепенное и вдобавок утраченное.

Изданный Елабужским государственным музеем-заповедником в 2008 г. альбом «Елабуга в работах Карла Гуна», где впервые было воспроизведено в цвете свыше 90 рисунков и акварелей из прикамского альбома художника, пусть и невольно, но ещё прочнее закрепил этот стереотип¹¹.

Начиная со студенческой поры, этнографическая тема в графике и живописи Гуна была одним из лейтмотивов его творчества. Как отмечает латышский искусствовед Э. Т. Шмите: «...К. Ф. Гун продолжил свои этнографические штудии и в пенсионерские годы за границей. На Парижских салонах в 1865–1869 годах им были представлены картины “Цыганка ворожит татарской девушке”, “Крестьянская свадьба”, “Молодая татарка”, созданные по материалам, собранным еще в Прикамье и Поволжье, а в Лондо-

К. Ф. Гун. Вотяки Вятской губернии. 1862. ГРМ

не экспонировалась написанная по этюдам П. Н. Грузинского “Сцена из кавказской жизни”¹².

Как художник-этнограф К. Ф. Гун участвовал в подготовке роскошного и дорогого издания Г.-Т. Паули; позднее сотрудничал с иллюстрированным журналом «Münchener Bilderbogen»¹³, публиковавшим в 1861–1880 гг. серию гравюр по истории одежды. К сожалению, судьба и местонахождение рисунков, выполненных им для последнего издания, неизвестны.

Вероятно, сделанный во время пребывания в Елабуге цикл карандашных рисунков и акварелей, включавший в себя свыше ста работ, также возник не на пустом месте, а был подготовительной частью какого-то обширного замысла или заказа, о котором мы ничего не знаем. Этот альбом зарисовок Гуна до сих не был

описан и проанализирован, хотя достаточно даже беглого взгляда на его рисунки и акварели, чтобы понять их значимость для историко-краеведческих исследований Прикамья. Как отметила Э. Т. Шмите, говоря об этнографических работах Гуна: «Почти фотографическая точность исполнения – вплоть до мельчайших деталей рисунка и нюансов цвета – делает их равноценными небольшому научному исследованию...»¹⁴

Впрочем, несмотря на сказанное выше, следует помнить, что в Елабугу художник ехал не для того, чтобы заниматься здесь этнографическими зарисовками. По всей видимости, он делал их на досуге и во время поездок по краю. Основной же причиной, по которой он оказался в вятской провинции, была работа по росписи иконостаса Елабужской Покровской церкви.

Елабуга. Покровская церковь. 1910-е гг. (Фотография из архива М. К. Петрова)

Иконостас Покровской церкви

Сведений об этом заказе сохранилось мало. Биографы утверждают, что в Елабугу Гуна вместе с Верещагиным пригласил купец Стахеев. Тогдашний елабужский городской голова И. И. Стахеев¹⁵ был «в высокой степени религиозный человек»¹⁶, о котором после его смерти даже поговаривали, что «в годы старости он удалился на Афонскую гору и принял там монашеское пострижение»¹⁷.

Думается, человек с подобными религиозными наклонностями вряд ли стал бы приглашать для работы в православном храме лютеранина Гуна. Скорее всего, Стахеев позвал в Елабугу братьев Василия и Митрофана Верещагиных, происходивших из потомственного рода пермских иконописцев¹⁸.

Об участии Василия Петровича Верещагина в росписи иконостаса Покровской церкви упоминают все биографы Гуна. То, что его младший брат, Митрофан Петрович Верещагин (1842–1892), также был в Елабуге, подтверждает акварель Гуна «Красная горка в Елабуге»¹⁹, где рукой художника подписаны фамилии изображённых на ней людей, а именно: «Шишкин, Верещагин, Гун, Стрельников, Верещагин». Второй Верещагин на акварели Гуна – ещё юноша, а Митрофану Верещагину в 1862 г. как раз исполнилось 20 лет.

Со старшим из братьев, который и раньше приезжал в Елабугу, Стахеев, вероятно, был знаком непосредственно²⁰. А так как объём работ предстоял большой, можно предположить, что В. П. Верещагин позвал на помощь товарища по академии и предложил его кандидатуру заказчику.

Позже Гун не раз получал заказы на иконы. В 1873 г. совместно с Верещагиным они делали росписи православной церкви на вилле П. Г. фон Дервиза в Италии²¹. Гун написал сюжеты «Нагорной проповеди» и «Явления Спасителя Марии Магдалине». Кроме того, он работал над образом евангелиста Марка для мозаики в парусе Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, выполнил иконы святителя Николая Чудотворца для императорских яхт «Ливадия» и «Держава», написал Анну пророчицу и «Благовещение» для императрицы Марии Александровны, супруги Александра II.

Но всё это было позднее. А в Елабуге лютеранин Гун впервые расписывал иконостас православного храма. Биографы сообщают, что им были сделаны местный образ Богородицы, два евангелиста на царских вратах и одна из боковых дьяконских дверей. К сожалению, эти сведения, которые, на первый взгляд, кажутся исчерпывающими, на самом деле поверхностны и не позволяют установить, какие иконы были написаны художником для Покровской церкви.

Местный образ – вторая справа от Царских врат икона в нижнем ярусе иконостаса с изображением святого или праздника, в память которого был освящён престол храма. В случае с Гуном речь могла идти об иконе праздника Покрова Пресвятой Богородицы – сюжете, очень редко встречающемся у иконопис-

цев академической школы, так что сложно даже предположить, какое решение для него мог выбрать молодой художник. С другой стороны, возможно, хотя и в меньшей степени, что под «местным образом Богородицы» в сообщениях биографов следует понимать не икону праздника, а храмовый образ Богородицы, всегда располагавшийся слева от Царских врат. В этом случае Гун, скорее всего, писал распространённый у академических иконописцев сюжет с Богородицей, изображённой в рост или по пояс на синем небесном фоне, стоящей на облаках, либо, в случае с поясным изображением, окружённой облаками и держащей в руках плат-покров.

На Царских вратах обыкновенно писали шесть образов, расположенных в три яруса – по две иконы в каждом. Верхний ярус занимала икона Благовещения, состоящая из двух частей. В двух нижних располагались евангелисты Матфей, Марк, Лука, Иоанн. На боковых, так называемых дьяконских, дверях иконостаса изображали архангелов Михаила и Гавриила или святых дьяконов. Иногда на южной двери вместо архангела рисовали Благоразумного разбойника. К сожалению, из сообщений биографов не ясно, кого именно из евангелистов написал художник в Елабуге и какой образ выбрал для одной из дьяконских дверей.

В фондах Государственной Третьяковской галереи хранятся два эс-

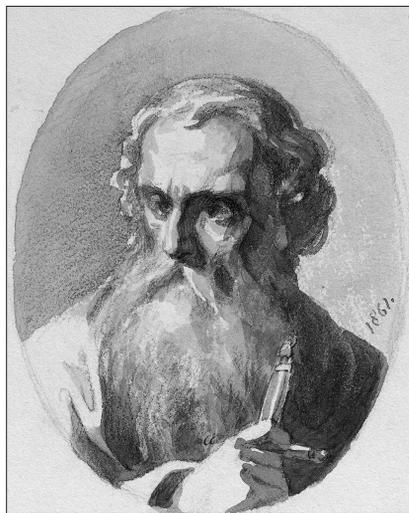

К. Ф. Гун. Апостол Пётр. 1861. ГТГ

киза Гуна, выполненные графитным карандашом и сепией, – «Апостол Пётр» и «Апостол Павел»²². Оба они датированы 1861 годом. Однако никто из биографов Гуна никогда не упоминал о них и не говорил о каких-либо заказах на религиозные сюжеты, над которыми художник работал в это время.

Зато эскизный характер этих рисунков, их овальная форма и датировка наталкивают на мысль, что перед нами не апостолы Пётр и Павел, а наброски евангелистов, сделанные для Царских врат Покровской церкви г. Елабуги.

Понятно, что переговоры по такому крупному заказу, каким был елабужский, начались не в 1862 г., когда Верещагин и Гун приехали в Елабугу, а ранее. И художники готовились к нему, делая эскизы

К. Ф. Гун. Апостол Павел. 1861. ГТГ

оговорённых образов и, возможно, согласовывая их с заказчиком. Датировка на рисунках из Третьяковской галереи прямо подталкивает на то, чтобы связать их с елабужским заказом.

Овальная форма эскизов также указывает, что делались они, скорее всего, для Царских врат. Конечно, овальные или круглые иконы встречались изредка и в настенных росписях храмов, обычно на парусах, но общепринятыми, начиная с XVIII в., они стали только для образов, которые размещались на украшенных резьбой Царских вратах.

Решающим аргументом против того, что эскизы «Апостол Пётр» и «Апостол Павел» имели отношение к елабужскому заказу, могла бы стать их атрибуция. Но ни на лицевой, ни на оборотной стороне этих рисунков

нет никаких авторских надписей, кроме датировки. А определение их как изображений апостолов Петра и Павла происходит, очевидно, с подачи прежних владельцев эскизов, которое было принято в Третьяковской галерее по умолчанию²³. Однако при внимательном взгляде на эти рисунки бросается в глаза, что, по меньшей мере, один из них не соответствует заявленному названию.

В иконописной традиции, в том числе и академического стиля, каждому из апостолов и евангелистов присваивались определённые символы, по которым большинство из них можно было опознать даже без соответствующих надписей. На эскизах Гуна один из апостолов держит в руках то ли небольшую книгу, то ли свиток с крестом. Этот символ в равной мере мог принадлежать как апостолам Петру и Павлу, так и любому из четырёх евангелистов. Правда, следует всё же помнить, что для Петра основным атрибутом были ключи в руках, а Павла часто изображали держащим меч.

Но вот две кисточки, либо стилус (стиль, стило – в Древней Греции бронзовый стержень, заострённый конец которого использовался для нанесения текста на дощечку, покрытую воском. – *Ред.*) и кисть в руке святого на втором эскизе Гуна однозначно указывают на иконописца и евангелиста Луку. Никто другой среди апостолов не имел подобного символа.

Оба персонажа на эскизах Гуна обращены лицами друг к другу. Это позволяет предположить, что перед нами традиционный парный образ для Царских врат, где в нижнем ярусе на левой створке обыкновенно писали апостола и евангелиста Марка, чьим атрибутом была книга или свиток, а на правой створке – апостола и евангелиста Луку.

Таким образом, у нас есть основания считать, что эскизы Гуна из фондов Третьяковской галереи, атрибутированные как «Апостол Пётр» и «Апостол Павел», на самом деле являются набросками евангелистов Марка и Луки для Царских врат Елабужской Покровской церкви.

Иконостас, который расписывали петербургские художники, долгие годы украшал этот храм. Горожане и купечество гордились им. Иван Васильевич Шишкин в своей «Истории города Елабуги» отмечал: «...иконостас в главном холодном храме новый замечательной работы, иконы писаны известными академиками-художниками»²⁴. При советской власти Покровская церковь действовала дольше других елабужских храмов, пока не была закрыта в 1940 г. С неё же в 1988 г. началось восстановление церковной жизни в городе. А между этими двумя датами иконостас работы братьев Верещагиных и Гуна бесследно исчез, не сохранилось даже его фотографий.

Елабужский городской врач

Помимо работы в церкви, художники выполняли в Елабуге ещё и частные заказы. Новиков писал: «По словам В. П. Верещагина, они делили с Гуном пополам и другие работы в Елабуге, так, например, портреты супругов Юзефович – самого доктора писал Верещагин, а г-жу Юзефович – Гун»²⁵.

Но эти портреты не были единственным, поступившим к ним заказом. Достоверно известно ещё об одном полотне того времени работы Верещагина – портрете Ивана Васильевича Шишкина, отца известного пейзажиста Ивана Ивановича Шишкина. «Сей 1862-й год для меня очень замечательный...» – писал в своём дневнике И. В. Шишкин и перечислял, чем он запомнился для него. Вторым пунктом в этом перечне шло: «...написан с меня портрет... Василием Петровичем Верещагиным»²⁶. Портрет сохранился и в настоящее время украшает экспозицию Дома-музея И. И. Шишкина в Елабуге.

А вот судьба двух портретов супругов Иозефовичей (Юзефовичей) оказалась более сложной. Так, о местонахождении портрета самого доктора до сих пор ничего не известно. А портрет его супруги, хотя и не терялся фактически, но долгое время оставался вне поля зрения историков и искусствоведов. Да и о нарисованных на них Николае Александровиче Иозефовиче, елабужском городском

враче, и его супруге Антониде Александровне известно очень мало.

В «Памятной книжке Вятской губернии на 1857 год» в «Росписании чинов гражданского, военного и духовного ведомств» по Елабужскому уезду упоминается «Городовой врач, лекарь Никол. Алексан. Иозефович»²⁷.

В «Памятной книжке Вятской губернии на 1860 год» в аналогичной росписи вновь числится «городовой врач, лекарь Ник. Алексан. Иозефович, им. мед. в пам. войны 1853–1856 г.»²⁸. В этой же книжке в разделе «Елабужское уездное попечительство детских приютов» значится, что Н. А. Иозефович был директором и лекарем Елабужского Александринского детского приюта²⁹.

В «Извлечении из отчета о состоянии Елабужского женского училища 2-го разряда за 1860–61 учебный год», которое было опубликовано в «Вятских губернских ведомостях», упоминается, что «городовой врач Н. А. Иозефович» входил в Попечительный совет училища на выборной основе от чиновников города³⁰.

В 1862 г. в губернской газете была напечатана небольшая анонимная заметка «Литературные вечера в Елабуге». После общих рассуждений о досуге в провинции в ней говорилось: «Из Елабуги пишут нам, что там дано было несколько литературных вечеров... честь учреждения их принадлежит Н. А. Иозефовичу и двоим учителям уездного училища, Пухову и Калугину...»³¹ Николай Александрович

В. П. Верещагин. Портрет
Ивана Васильевича Шишкина. 1862.

Мемориальный дом-музей
И. И. Шишкина Елабужского
государственного музея-заповедника

рович прочитал на этих вечерах свои записки «О кофе», «О табаке» и «О чае». Также упоминалось, что из дам участвовали «А. А. Иозефович и г-жа Дмитриева»³². Можно предположить, что автором, который послал в губернскую газету письмо с сообщением о елабужских литературных вечерах, был, скорее всего, сам же их учредитель – Н. А. Иозефович.

В том же году в ноябре губернская газета сообщала: «По предложению г. начальника губернии утвержден в звании действительного члена статистического комитета елабужский городской врач Иозефович»³³.

А буквально через номер «Вятские губернские ведомости» напеча-

тали корреспонденцию «Покупка инструментов для елабужской больницы», вероятно, опять написанную на основе присланного Иозефовичем сообщения³⁴. В публикации говорилось, что елабужский городской врач во время отпуска был в Санкт-Петербурге и на пожертвованные городским обществом деньги закупил необходимые инструменты и препараты для городской больницы.

В феврале 1863 г. один из номеров неофициальной части «Губернских ведомостей» начинался с «Краткого отчета Елабужского Александринского детского приюта за 1862 год». Публикация была подписана директором приюта Н. Иозефовичем. О себе в отчете Николай Александрович сообщал: «Лечением детей и всех служащих в приюте занимался безвозмездно директор приюта врач Иозефович»³⁵.

В мае 1863 г. в отчете Вятского губернского статистического комитета за 1862 г. среди действительных членов комитета был назван «елабужский городской врач Н. А. Иозефович»³⁶. Там же говорилось, что «Н. А. Иозефович занимается *описанием растений Елабужского уезда, употребляемых в медицине, с обозначением, которые из них под каким названием и против каких болезней употребляют местные жители*»³⁷. В следующем номере губернской газеты был напечатан «Протокол заседания Вятского губернского статистического комитета 24-го апре-

ля 1863 года», где сообщалось, что «действительный член Н. А. Иозефович представил *описания растения, известного под именем стародубки (adonis vernalis) и употребляемого крестьянами Елабужского уезда как лекарство от различных болезней. По распоряжению г. председателя эта статья передана на рассмотрение неперменному члену комитета Ан. Зах. Каstellано*»³⁸.

В июле 1863 г. «Губернские ведомости» опубликовали «Протокол заседания Вятского губернского статистического комитета 24 мая и 5 июня 1863 года», на котором был прочитан доклад Иозефовича «Описание растения, известного под именем стародубки (adonis vernalis)» и отзыв об этой работе А. З. Каstellано. Сообщалось также, что на заседании было решено «просить г. Иозефовича сообщить комитету о результатах дальнейших его исследований над стародубкой и о значении этого растения в медицинском отношении»³⁹.

А в декабре 1863 г. в «Извлечении из отчета о состоянии Елабужского женского училища 2-го разряда и приготовительного при нем класса за 1862–63 год» сообщалось, что «член попечительного совета от чиновников Н. А. Иозефович получил от своего начальства другое назначение»⁴⁰.

После этого упоминания о елабужском городовом враче на страницах вятской губернской прессы исчезают. По всей видимости,

в конце 1863 г. или начале 1864 г. супруги Иозефовичи покинули Елабугу в связи с назначением Николая Александровича на новое место службы.

К сожалению, помимо перечисленного, мы ничего не знаем о чете Иозефовичей. Неизвестны даты их жизни, неизвестно, как складывалась их судьба до и после Елабуги.

Провинциальный интеллигент

Судя по публикациям в губернской газете, весной 1862 г. в жизни Николая Александровича произошёл некий перелом. Если до этого он был просто «городовой врач» и «лекарь» и вёл обычную жизнь провинциального чиновника, а на страницы прессы попадал только дважды, да и то оба раза просто упоминался в перечне должностных лиц в «Памятных книжках Вятской губернии» на 1857 и 1860 гг., то, начиная с 1862 г., жизнь его кардинально меняется: она становится яркой, публичной, наполненной разнообразной деятельностью.

В компании с другими молодыми людьми он затевает литературные вечера; становится действительным членом губернского статистического комитета; едет в столицу, где покупает инструменты для елабужской больницы; изучает народную медицину и лекарственные растения. Мало того, он не только занимается всем этим, но и стремится сообщить о каждом событии *urbi et orbi* – горо-

ду и миру. Во всяком случае, вряд ли «Губернские ведомости» стали бы со столь завидной регулярностью освещать деятельность городского врача из Елабуги, если бы он сам не заботился об этом, посылая туда корреспонденции.

Очевидно, что в жизни Николая Александровича наступил какой-то подъём. И мы не сильно ошибёмся, если предположим, что такой бурный всплеск жизненных сил, вся эта разнообразная общественная, культурная и научная деятельность были связаны с естественным для молодого человека событием – влюблённостью. По всей видимости, где-то в конце 1861 или в начале 1862 г. Николай Александрович женился.

Когда петербургские художники приехали в Елабугу, Гуну был 31 год, Верещагину исполнилось 27 лет. Иозефович, надо думать, оказался в Елабуге после окончания университета и, когда это произошло, вряд ли был старше 25 лет. Если предположить, что в Елабугу он приехал примерно за год до того, как появилось первое упоминание о нём в «Памятной книжке Вятской губернии на 1857 год»⁴¹, то получается, что он был сверстником Гуна либо несколько старше его. Нет ничего удивительного в том, что люди одного поколения, получившие хорошее образование, довольно быстро познакомились и сошлись в небольшом уездном городе, куда их забросила судьба. И вполне естественно, что,

открылённый любовью, Иозефович заказал у столичных художников два портрета – свой и жены.

К сожалению, мы ничего не знаем об избраннице елабужского городского врача, кроме её имени – Антонида Александровна. По возрасту она, вероятно, была несколько моложе своего мужа. Сам Николай Александрович, судя по его еврейской или польско-литовской фамилии⁴², происходил не из местных жителей, а приехал в Елабугу по назначению. Скорее всего, Антонида Александровна, как и он, не была елабужанкой. Хотя, если Николай Александрович по своему вероисповеданию не был иудеем, католиком или лютеранином, а принадлежал к православной церкви, то вполне мог жениться на дочери кого-то из елабужских купцов или чиновников. Но кем бы ни была его избранница, очевидно, что с появлением этой молодой женщины жизнь его изменилась.

Правда, на первый взгляд, вся эта разнообразная литературная и научная деятельность городского врача выглядит несколько наивной и провинциальной. На самом деле, чем были эти литературные вечера в отдалённом уездном городке Вятской губернии, на которых читались доклады «О кофе», «О табаке» и «О чае»? Самое большее – занимательным проведением досуга для маленькой группы образованных молодых людей, а заодно и материалом для заметки в губернской газете.

У какого-нибудь солидного человека той эпохи, того же первогильдейного купца И. И. Стахеева, всё это могло вызвать разве что снисходительную улыбку.

Однако в реальности для Елабуги начала 1860-х годов устройством литературных вечеров было не только культурным событием, но даже, своего рода, актом гражданского мужества. Все эти молодые люди своими затеями, даже самым фактом своего существования и кругом интересов меняли атмосферу уездного городка, вносили в неё новые устремления, привычки, нормы поведения.

«...Н сторона глухая и дальняя», – писал о Елабуге 1850-х годов Д. И. Стахеев⁴³, сын того самого купца Стахеева, который пригласил петербургских художников расписывать иконостас Покровской церкви. – «Чиновники в нем рождаются в вицмундирах, купцы одеваются по-старинному, в длиннополые сюртуки, прическу носят посредине головы, речь имеют тихую и вкрадчивую, насчет “леригии” тверды и все постные дни соблюдают неукоснительно»⁴⁴.

В 1862–1863 гг., когда Гун и Верещагин работали в Елабуге, Дмитрий Стахеев жил в Кяхте, где по поручению своего отца занимался торговыми делами. Позже, взбунтовавшись против предначертанной судьбы купца и став вопреки воле отца писателем, в ряде своих романов и рассказов он описал Елабугу,

в которой вырос: «Внутри городка есть гостинный двор, есть вечная, никогда не просыхающая грязь по улицам, есть большие каменные дома купцов, разбогатевших от оптовой торговли, есть маленькие домики мещан, перебивающихся мелким торгом на базаре, есть магистрат и больница, уездный суд и тюремный замок, кабаки и базарная площадь, – словом, все то же, что можно встретить во всяком русском уездном городе»⁴⁵. В той Елабуге, куда приехали Гун и Верещагин, где жил и работал врач Иозефович, по словам Д. И. Стахеева, «потребность свободы давилась при первом своем проявлении», «любопытность не удовлетворялась, и вместо нравственного и интеллектуального развития детей угощали одними проповедями», а жизнь шла «своей томительной дорогой» «тяжелого, гнетущего, подавляющего рабства»⁴⁶.

На подобном фоне «глухой и дальней провинции», когда в домах местного купечества даже невиннейшие книги поэта Кольцова воспринимались как «похабщина» и летели в огонь, в «душной атмосфере деспотизма и самодурства» литературные вечера, устраиваемые образованной молодёжью, даже если речь на них шла всего лишь о кофе, чае и табаке, уже не выглядели наивными.

В своих ранних рассказах Дмитрий Стахеев описывал Елабугу первой половины 1850-х гг., от которой город 1860-х гг. отличался доволь-

но значительно. Не стоит забывать и того, что культурно-просветительская деятельность Иозефовича и его елабужских друзей совпала по времени с общим подъёмом в империи, с эпохой надежд, порождённых законодательной отменой рабства, начатой в 1861 г. Но, несмотря на глобальные и местные перемены, это была всё та же купеческая и мещанская Елабуга, где Гун, братья Верещагины и супруги Иозефовичи были всё-таки не нормой, а экзотикой.

В той же самой газетной заметке, где сообщалось о литературных вечерах в Елабуге, нравы вятской провинции описывались так: «...уездная жизнь ограничивается исполнением праздничных и очередных визитов с их обыкновенными закусками, кофе и разговорами о службе, о своих и чужих семейных обстоятельствах, о нарядах и т. п., и вечерними собраниями знакомых с обычными же угощениями, скукою, иногда с танцами и непременно с картами...»⁴⁷

Несколько слов нужно сказать и о научной деятельности Н. А. Иозефовича. Для губернского статистического комитета, членом которого он стал в конце 1862 г., Николай Александрович подготовил доклад с описанием стародубки⁴⁸. Как и организованные им литературные вечера, этот исследовательский опыт можно воспринимать с определённой долей иронии. Тем более что никаких очевидных результатов он так и не достиг.

Вот что сообщали «Губернские ведомости»: «Прочитаны: *Описание растения, известного под именем стародубки (adonis vernalis)*, доставленное действительным членом Н. А. Иозефовичем, и отзыв об этой статье г. неперменного члена Ан. Зах. Каstellано. Статья и отзыв открывают следующее: растение стародубка существует во многих местах России и отчасти в Сибири, по Тоболу и Иртышу. Простой народ в Елабужском уезде употребляет ее как лекарство от водянки, глистов, затрудненного и приостановленного месячного очищения и даже для изгнания плода. Опыты, произведенные г. Иозефовичем над стародубкой, до сего времени дали только отрицательные результаты; он продолжает ими заниматься, чтобы составить положительное заключение о свойствах этого растения; в отношении же терапевтических действий стародубки из описания можно заключить, что это проносное, сильно воспалительное средство, с пользой может быть заменено повсеместно растущей лихорадочной травой коневой трут (*herba gratiola officinalis*); но последняя не имеет столь раздражительного свойства, как стародубка, и обладает более сосредоточенными целительными качествами»⁴⁹.

Несмотря на весь свой исследовательский пыл, никаких научных достижений за время жизни в Елабуге Н. А. Иозефович так и не добился. Но вот что интересно. Ста-

родубка, в исследовании которой он не получил «положительных» результатов, через какое-то время вновь оказалась в круге научных и медицинских интересов – на этот раз В. М. Бехтерева⁵⁰, известного психиатра и физиолога, уроженца села Сарали Елабужского уезда⁵¹. Мы не знаем, был ли знаком Бехтерев с работами Иозефовича по исследованию стародубки, но именно это растение послужило основой созданного им лекарственного препарата – микстуры Бехтерева⁵².

Как видим, Н. А. Иозефович был незаурядной и яркой личностью в Елабуге конца 1850-х – начала 1860-х гг. И не суть важно, что результаты его деятельности не стали какими-то особо выдающимися и значимыми. Важно, что все его затеи и начинания, равно как и сам пример этого необычного для провинции чиновника, исподволь воздействовали на местные стереотипы поведения, были живым опытом иных возможностей, ценностей и целей.

Портрет Антониды Александровны Иозефович

О судьбе портрета Николая Александровича Иозефовича, написанного Верещагиным, мы ничего не знаем.

О портрете его супруги Антониды Александровны работы Гуна впервые упомянул Новиков. Затем о его существовании говорили Со-

мов и Толиверова. Но уже в 1955 г. А. Эглит в «Списке произведений К. Ф. Гуна» указал, что его «местонахождение неизвестно»⁵³.

Однако в 1981 г. утерянный портрет неожиданно «нашёлся» – он экспонировался на юбилейной выставке картин Гуна в Риге в Художественном музее Латвийской ССР. Нам удалось познакомиться с каталогом этой выставки⁵⁴. На ней экспонировалось 31 живописное полотно Гуна. И под № 3 в каталоге был указан «Antonidas Aleksandrovnas Juzefovičas portrets», предоставленный на выставку Рязанским художественным музеем. Как оказалось, много десятилетий он находился в основной экспозиции Рязанского государственного областного музея им. И. П. Пожалостина⁵⁵.

Несмотря на то, что портрет был написан художником, только начавшим самостоятельный путь в живописи, он, вне всяких сомнений, представляет собой произведение большого искусства. А в контексте местной истории – это ещё и уникальное произведение, сопоставимое по своей значимости разве что с портретом Ивана Васильевича Шишкина работы Верещагина. Никакие другие сохранившиеся живописные портреты елабужан XIX в. нам на сегодня не известны.

При первом знакомстве полотном Гуна производит ошеломляющее впечатление мастерством своего исполнения. Казалось бы, что можно было ожидать от портрета, написан-

ного молодым художником в провинции? Чего-то довольно простого по исполнению и содержанию. Но вместо подсознательно ожидаемой и в той или иной степени знакомой всем смеси из застывшей торжественности и напряжённо позирующей модели, типичных для заказных купеческих, чиновничьих и мещанских портретов XIX в., которые имеются едва ли не в каждом областном художественном музее, перед нами предстаёт исполненный достоинства образ молодой женщины с мягким взглядом умных, сияющих внутренним светом серых глаз – то подлинное волшебство искусства, когда на плоской поверхности холста мы видим не изображение, а живого человека, который, кажется, сейчас встанет и заговорит.

Мастерство и живописную технику Гуна отмечали все, кто о нём писал. В полной мере они проявились уже в этой елабужской работе художника. Портрет был выполнен в классической трёхстадийной технике европейской масляной живописи, которой обучали студентов Академии художеств. Но благодаря точным и артистично положенным мазкам, у зрителя появляется ощущение живой, едва ли не импровизационной техники письма, создаётся впечатление, что портрет был сделан на едином порыве вдохновения, буквально в один сеанс.

Суть трёхстадийного метода живописи заключалась в том, что работа над картиной велась поэтапно,

и после каждого из них красочный слой просушивался. Сначала на грунтованный холст наносился монохромный рисунок, обычно выполненный коричневой краской, с проработкой композиции, светотеней и объёмов. Затем, на второй стадии, картина прописывалась корпусными слоями красок холодных тонов или красок, смешанных с белилами. И, наконец, на завершающей третьей стадии художник проходил всю поверхность холста полупрозрачными или прозрачными цветными лессировками без добавления белил. Правда, на практике эти приёмы были разнообразнее и варьировались в зависимости от мастера и стоящих перед ним задач.

В случае с портретом Антониды Иозефович видно, что в основном слое он был написан не плотными корпусными, а тонкими, местами даже полупрозрачными мазками поверх исполненной коричневыми красками первой прописи. Следов завершающих лессировок, кроме лёгкой проработки охрами на лице, практически нигде не заметно. Возможно, была сделана дополнительная тонировка фона. Сравнительно большая плотность красочного слоя заметна только на лице и кистях рук, там, где художник обильно применял белила. Но даже в этих местах, как и по всей поверхности картины, проглядывает фактура холста.

При всех формальных признаках классического трёхслойного метода живописи, при внимательном раз-

*К. Ф. Гун. Портрет Антонида Александровны Иоозефович. 1862.
Рязанский государственный областной
художественный музей им. И. П. Пожалостина*

глядывании портрета складывается впечатление, что на деле эта работа была выполнена всё-таки в два слоя и, действительно, достаточно быстро. На завершающем этапе лессировками были затронуты только отдельные участки холста, а не вся его поверхность, что вместе с выразительной лепкой мазков создаёт иллюзию, будто портрет был написан в технике *a la prima*⁵⁶.

Удивительная глубина и воздушность пространства, мягкий золотистый свет, которым пронизано полотно, достигаются как за счёт тонких, не корпусных слоёв краски, так и благодаря мастерским сочетаниям холодных и тёплых тонов, их обдуманном противопоставлении друг другу.

Изящно, лёгкими и уверенными мазками прописаны чёрная шёлковая юбка и накидка. Светлые фрагменты ткани на левом предплечье и на руке, глубокие складки юбки с рефлексамии оставлены в нетронутым слое имприматуры – неразбелённого коричневого подмалёвка⁵⁷, тогда как основные поверхности шёлка положены холодными тонами с добавлением белил. В результате виртуозной игры текучих слоёв краски и противостоящего им подмалёвка, на контрасте холодных оттенков серого и тёплых прозрачных теней возникает убедительная фактура ткани, – мы словно ощущаем лёгкую прохладу шёлка и слышим его шуршание.

Блузка Антонины Александровны со стеклянными пуговицами,

по всей видимости, была написана индийской красной с характерными для неё фиолетовыми оттенками в разбелах. Благодаря этому свойству красная ткань, обогащённая игрой тёплых и холодных тонов в пределах одного цвета, выглядит очень убедительно. В двух нитях красных бус и на серёжке художник применил одну из разновидностей красных охр, что в силу их цветовой интенсивности, а также вследствие особенностей нашего восприятия этого цвета, придаёт портрету иллюзию богатого колорита, хотя, на самом деле, он был выполнен в довольно ограниченной палитре. Эти же две краски – холодная индийская красная и одна из разновидностей не просто тёплой, а прямо-таки горячей по своему тону красной земли⁵⁸ – в сочетании с просвечивающей имприматурой (цветная тонировка поверхности уже готового белого грунта, вошедшая в практику итальянских художников с XVI века. – *Ред.*) на чёрной накидке и сдержанным зелёным на обивке кресла создают, своего рода, цветовую перспективу, усиливая пространственную глубину картины и впечатление цветового богатства.

На портрете мы видим молодую женщину, сидящую в кресле из полированного светлого дерева. Поколенное изображение, ракурс в три четверти и диагональная композиция свидетельствуют, что, создавая картину, художник не искал новых подходов, а следовал стандартным

академическим образцам. Но делал он это очень изящно и артистично.

Нужно признать, что вчерашний выпускник свободно владел профессиональными приёмами академической живописи и её выразительным языком. Начиная свой путь в большом искусстве, он создал великолепный образ молодой женщины – глубокий и сложный по содержанию, выразительный по психологическому рисунку и настроению.

Удовольствие от владения собственным ремеслом, инструментами и материалами живописи, увлечённость работой и любование моделью, глубокая внутренняя симпатия к ней передаются зрителям и придают картине Гуна удивительное очарование.

Елабуга в жизни Гуна

Год, проведённый в Елабуге, навсегда связал имя Гуна с историей Прикамья. Это был один из самых плодотворных периодов творческой биографии художника. Здесь, в уездном городке на юго-востоке вятской провинции, он впервые опробовал себя в качестве религиозного художника, расписывая вместе с В. П. Верещагиным иконостас Елабужской Покровской церкви. Позднее Гун не раз обращался к церковной тематике: писал иконы и евангельские сюжеты в академическом стиле. Но выдающимся религиозным художником так и не стал, а большинство его иконописных произведений

оказались утерянными или пропавшими.

Здесь же в Елабуге художник заявил о себе как о значительном и даже виртуозном портретисте. Что и продемонстрировал обнаруженный портрет А. А. Иозефович. К сожалению, рано оборвавшаяся жизнь не позволила Гуноу стать столь же заметным мастером этого жанра, как, скажем, Крамской, но и сохранившиеся до наших дней работы художника впечатляют. А некоторые из них явно принадлежат к числу лучших образцов русского портретного искусства 1860–1870-х гг.

Мы не можем сказать, что Гун начал заниматься этнографическими студиями в Елабуге, – как художник-иллюстратор он пришёл в эту область значительно раньше. Но прикамский альбом его этнографических зарисовок, включающий в себя свыше ста листов, заслуживает самого тщательного и глубокого исследования. Это обусловлено как его объёмом, так и географическим охватом, разнообразием изображаемых сюжетов, персонажей, сцен, тщательностью и подробностью проработки каждого листа, свойственной даже беглым наброскам.

Графическое наследие Гуна вятского периода – не только та часть художественного наследия художника, значимость которой отмечали все его биографы, но ещё и совершенно уникальный исторический документ в истории Елабуги и Прикамья.

Примечания

¹ Василий Петрович Верещагин (1835–1909) – исторический и портретный живописец, профессор Академии художеств.

² Скуйе А. Рай земной : в 2 ч. М., 1897. Книга вышла под псевдонимом Александр Скуйе.

³ Густав-Теодор Паули (1817–1867) – российский этнограф; немец по происхождению.

⁴ И. Н. [Новиков И. А.]. Карл Феодорвич Гун : (биограф. очерк). С.-Петербург, 1878. С. 4.

⁵ Description ethnographique des peuples de la Russie. Saint-Petersbourg, MDCCCLXII. P. VIII.

⁶ Андрей Иванович Сомов (1830–1909) – российский искусствовед и музейный деятель.

⁷ [Сомов А. И.]. К. Ф. Гун // Биографические сведения о членах Академии и вообще художниках, умерших в 1875–1878 гг. С.-Петербург, 1879. С. 13.

⁸ Толиверова – литературный псевдоним журналистки и писательницы Александры Николаевны Сусоколовой (1842–1918).

⁹ Толиверова А. Н. Карл Федорович Гун : ст. с набросками, картинами и портретом Гуна // Живописное обозрение : еженедел. ил. журнал. 1879. Т. 1, № 5. С. 103.

¹⁰ Эглит А. Карл Федорович Гун. Рига, 1955. 113 с., 76 л. ил.

¹¹ Елабуга в работах Карла Гуна. Елабуга, 2008. 80 с.

¹² Шмите Э. Т. Этнографическая линия в творчестве Карла Гуна. – Цитируется по рукописи.

¹³ «Мюнхенские картинки».

¹⁴ Шмите Э. Т. Указ. соч.

¹⁵ Иван Иванович Стахеев (1807–1885) – купец 1-й гильдии; елабужский городской голова в 1862–1864 гг.

¹⁶ Никольский М. Биография Д. И. Стахеева // Стахеев Д. И. Собр. соч. М., 1902. Т. 1-й. С. II.

¹⁷ Там же. С. II–III.

¹⁸ См.: Серебренников Н. Н. Урал в изобразительном искусстве. Пермь, 1959. С. 108–109.

¹⁹ ГТГ. Инв. № 3383.

²⁰ В ГРМ хранится картина В. П. Верещагина «Комната дома в Елабуге», датированная 1854 г. (Ж-1280).

²¹ Павел Григорьевич фон Дервиз (1826–1881) – строитель железных дорог, меценат.

²² ГТГ. Инв. № 6965, 6966.

²³ См.: Гун Карл Федорович (Карлис Фридрихович) // Государственная Третьяковская галерея : каталог собрания. М., 2013. Т. 2, кн. 2 : Г-И : Рисунок XIX века. С. 162.

²⁴ История города Елабуги / сост. Ив. Шишкин. М., 1871. С. 39.

²⁵ И. Н. [Новиков И. А.]. Указ. соч. С. 3.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 917. Оп. 1. Д. 68. Л. 54.

²⁷ Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Вятка, 1857. С. 71.

²⁸ Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка, 1860. С. 86.

²⁹ Там же. С. 89.

³⁰ ВГВ. 1861. № 41, ч. неофиц. С. 337.

³¹ ВГВ. 1862. № 13, ч. неофиц. С. 100.

³² Там же.

³³ Там же. № 47, ч. неофиц. С. 341.

³⁴ Там же. № 49, ч. неофиц. С. 372–373.

³⁵ ВГВ. 1863. № 6, ч. неофиц. С. 57.

³⁶ Там же. № 20, ч. неофиц. С. 157.

³⁷ Там же. № 22, ч. неофиц. С. 177.

³⁸ Там же. № 23, ч. неофиц. С. 186.

³⁹ Там же. № 27, ч. неофиц. С. 219.

⁴⁰ Там же. № 49, ч. неофиц. С. 366.

⁴¹ Цензурное разрешение «Памятной книжки Вятской губернии на 1857» было от 26 мая 1857 г., следовательно, материалы для неё собирались и готовились, начиная с 1856 г.

⁴² Иозефович (Юзефович, Йозефович, Jozefowicz) – польская фамилия; также встречалась среди евреев и караимов.

⁴³ Дмитрий Иванович Стахеев (1840–1918) – писатель, автор множества романов, повестей и рассказов.

⁴⁴ Стахеев Д. И. Обновленный храм // Стахеев Д. И. Собр. соч. М., 1902. Т. 2-й. С. 6–7.

⁴⁵ Стахеев Д. И. Уездный город // Стахеев Д. И. Духа не угашайте : избр. произведения. Казань, 1992. С. 373.

⁴⁶ Там же. С. 375.

⁴⁷ ВГВ. 1862. № 13, ч. неофиц. С. 100.

⁴⁸ Стародубка – многолетнее травянистое растение, известное также как адонис весенний, горичцвет весенний или черногорка.

⁴⁹ ВГВ. 1863. № 27, ч. неофиц. С. 219.

⁵⁰ Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) – психиатр, невропатолог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии, академик.

⁵¹ Ныне село Бехтерево Елабужского района Республики Татарстан.

⁵² Микстура Бехтерева – препарат, оказывающий успокаивающее действие на центральную нервную систему. Был разработан и предложен В. М. Бехтеревым. Применялся при лечении эпилепсии.

⁵³ Эглит А. Указ. соч. С. 90.

⁵⁴ Kārlis Hūns, 1830–1877. Gleznu izstāde Latvijas PSR Mākslas muzejā 1981 : katalogs. Rīga, 1981.

⁵⁵ Инв. № 699-ж.

⁵⁶ A la prima – техника живописи, при которой картина создавалось «в один сеанс», а слои красок наносились друг на друга без предварительного высыхания.

⁵⁷ Имприматура – первый слой краски.

⁵⁸ Возможно, на ожерелье и сережке Гун использовал английскую красную.

Биография скульптора З. Д. Клобуковой. Вятский период (1887–1923)

Л. Б. Горюнова

С личностью З. Д. Клобуковой (до замужества Абрамовой) связаны многие преобразования Вятки начала XX века, которые сегодня являются культурно-исторической ценностью нашего края.

Зинаида Дмитриевна была ярким представителем местной интеллигенции, участвовавшей в создании Вятского художественного кружка, Художественно-исторического музея, Вятских художественно-промышленных мастерских, работала уполномоченным Наркомпроса по делам художественной промышленности районов Севера.

Клобукова стала первым вятским скульптором, получив художественное образование в мастерской выдающегося в отечественном искусстве рубежа XX столетия скульптора А. С. Голубкиной (г. Москва). Зинаида Дмитриевна была не просто её ученицей. Их доверительные и тёплые отношения с годами обрратились в преданную и искреннюю дружбу.

Личная жизнь Зинаиды Дмитриевны складывалась из трудностей и их преодолений, потерь и ошибок,

*З. Д. Клобукова. Начало 1900-х гг.
Из личного архива Л. Б. Горюновой*

обретений и надежд на лучшее. Однажды в разговоре с А. С. Голубкиной её ученица поделилась своими наблюдениями: «...каждый человек похож на какого-нибудь животного, или птицу, или насекомое». Себя она сравнила с ящерицей: «Судьба хватит за хвост, а я убегу, у судьбы в руках один хвост останется»¹. Её слова оказались пророческими.

В биографии этой удивительной, сильной и мужественной женщины отразились наиболее драматические периоды истории России XX века. Зинаида Дмитриевна болезненно пережила Гражданскую войну и революционные события 1917 г., время сталинских репрессий, проведённое в Сиблаге (1937–1939), Великую

Отечественную войну, находясь в эвакуации в Каракалпакии (1941–1945), негативные и позитивные преобразования «хрущёвской оттепели». Пройдя через все испытания «роковой скорби тех времён», она сохранила своё достоинство, на что ей потребовалось немало жизненных сил.

Клобукова умерла в 1968 г. Незадолго до своей смерти, вспоминая прошлое, она писала о главном «детище» вятских художников: «Прошла половина века со дня основания музея. Многие и многие ушли в вечность. Из организаторов музея, пожалуй, остались в живых только Н. Г. Машковцев да я. Какая же радость для нас, стариков, сознавать теперь, что наше начинание не погибло, а выросло и стало крупным очагом культуры»².

За этими словами стоит целая жизнь, прожитая в Вятке: дни, недели, месяцы, годы. Они проходили на фоне бурных исторических и культурных событий, интересных встреч, радостей и разочарований, взлётов и падений. Обращаясь к памяти сердца, Зинаида Дмитриевна неоднократно вспоминала всё то дорогое, что было связано у неё с Вяткой.

Семья Абрамовых и Клобуковых

В Вятке Клобукова прожила более 20 лет. Здесь прошли её детство, юность и первые годы семейной жизни. В начале XX века «аристо-

*Д. Н. Абрамов. Начало 1900-х гг.
Из личного архива Л. Б. Горюновой*

кратическая семья Абрамовых», как называли её местные жители, была на виду у всех.

Её глава, сын николаевского солдата, начал трудиться с 14 лет. Урождённый крестьянин Новгородской губернии, Кирилловского уезда, работал в Волжско-Камском банке вначале переписчиком, потом бухгалтером и дослужился в 1890 г. до управляющего Вятским отделением Волжско-Камского коммерческого банка³ – одного из крупнейших в дореволюционной России.

По долгу службы Абрамов проживал в разных поволжских городах⁴. В Вятку Дмитрий Николаевич приехал с женой Зиновией Николаевной и тремя маленькими

*З. Н. Абрамова. Начало 1900-х гг.
Из личного архива Л. Б. Горюновой*

дочерьми: Елизаветой, Галиной, Зинаидой. Здесь родились Марианна, Евгения, Дмитрий, Николай. Ещё трое детей умерли в детстве. Семья разместилась в престижном двухэтажном доме на углу Николаевской и Спасской (известен ныне как Кардаковский магазин), который был построен для служащих Волжско-Камского коммерческого банка⁵.

В Вятке Дмитрий Николаевич прожил до 1905 г. Он имел должность управляющего банка и успешно занимался кредитными операциями, являясь членом Северного страхового общества.

Абрамов имел авторитет и уважение в деловом мире вятского купечества. Один из представителей

Семья Абрамовых. Конец 1890-х гг. Из личного архива Л. Б. Горюновой

рода Аронсонов вспоминал: «Очень в ходу в кругу вятской интеллигенции была помощь бедным. Дедушка тратил на это немало, об Абрамовых и говорить нечего – они славились добрыми делами и для города в целом, и для отдельных людей»⁶.

Его жена, Зиновия Николаевна Днепровская, была умной от природы женщиной, благородной и гостеприимной хозяйкой. Она смогла дать детям прекрасное домашнее образование, привить им любовь к чтению, истории и русской словесности, интерес к иностранным языкам, классической музыке, театральному и изобразительному искусству.

В доме Дмитрия Николаевича, отличавшегося своей строгостью и предприимчивостью, материальные блага не являлись определяющими. Отец справедливо считал воспитание и образование ценным вложением в будущее своих детей и тратил на них большие деньги.

Две старшие дочери Абрамовых после окончания Мариинской женской гимназии и обучения в Сорбонском университете работали преподавателями французского языка. Галина Дмитриевна⁷ с 1905 по 1907 г. обучала иностранному языку в Пермской мужской гимназии и в женской прогимназии. Хорошие воспоминания о себе оставила Елизавета Дмитриевна⁸: «Из Вятки, как уже известно, уехала к новому месту служения в Царицынскую мужскую гимназию преподавательница французского языка местной гимназии Е. Д. Абра-

мова. В Вятке она была первой женщиной-преподавательницей в мужском среднем учебном заведении и, как оказалось, сумела приобрести среди учащихся редкое в наше время уважение»⁹.

Из сыновей Абрамовых могла бы сложиться интересно судьба рано ушедшего из жизни Дмитрия Дмитриевича Абрамова (1900–1925). Он учился на живописном отделении Вятского художественно-промышленного техникума (1922–1925) у талантливого художника и педагога М. А. Демидова¹⁰. Из письма к Зинаиде Дмитриевне: «Какие милые работы предоставил при поступлении к нам Ваш брат. Его Михаил Афанасьевич взял пока во 2-ю группу. Впрочем, во 2-й группе много новопоступивших, с некоторой (б. ч. Яранская студия) подготовкой, публика очень серьезная и намеревающаяся идти дальше»¹¹. Сокурсниками Дмитрия были Л. Н. Агалакова, К. Н. Думаревская, Н. И. Прокашев и В. И. Прокашев. Они, действительно, стали известными в отечественном искусстве XX века художниками.

По стопам старших сестёр в августе 1898 г. Зинаида поступила в Вятскую Мариинскую женскую гимназию. С восьми лет она начала участвовать в гимназических выставках, которые пользовались большим интересом у местных жителей. На одной из них ученица показала живописный натюрморт «Вобла» и рисунок старика, для

*С. А. Огородников. Начало 1910-х гг.
Из архива Музея-усадьбы
художника Н. Н. Хохрякова (МУХ)*

*Н. Л. Аронсон. 1910-е гг.
Фотография С. А. Лобовикова.
Из личного архива Л. Б. Горюновой*

которого позировал семейный сторож. Работы были замечены и даже получили похвалу на страницах вятской прессы¹².

Родители, явно видя интерес Зинаиды к искусству, старались ввести её в общество вятских мастеров. В двенадцать лет Абрамова стала брать уроки живописи и рисунка у приехавшего из Парижа художника-земляка Сергея Огородникова¹³.

С ним она познакомилась через Н. Н. Хохрякова и А. А. Рылова. Заниматься с Сергеем Александровичем было вначале трудно, как вспоминает Зинаида, так как он был глухонемой, но потом она привыкла и благодарила своего учителя.

Семья Абрамовых дружила с Аронсонами. Скульптор мирового имени Наум Львович, проживавший в Париже, приезжал в Вятку к своему брату. В один из таких визитов он разглядел в Зинаиде способность работать в скульптуре более, чем в живописи и графике. Аронсон уверил родителей, что она очень хорошо чувствует форму. Эта похвала вдохновила отца купить дочери пластилин и всяких стек, необходимых для лепки. Позднее Наум Львович станет её покровителем в искусстве скульптуры, их встречи продолжатся в Париже.

Счастливая и беззаботная жизнь художницы оборвалась в 1905 г. Пос-

ле смерти отца материальное положение семьи пошатнулось. Абрамова стала «бесприданницей» и потеряла надежду на возможность заниматься искусством. Мать получала пенсию 110 руб. и каждый из детей – по 10 руб. Кроме Зинаиды, на руках у Зиновии Николаевны оставалось ещё четверо детей, не закончивших образование. «Хотя старшая моя сестра Елизавета Дмитриевна уже работала преподавателем французского языка в мужской гимназии... и непременно хотела мне помогать, но мне очень не хотелось быть ей обузой, тем более, что она помогала маме. Я кончила гимназию и в этот же год вышла замуж»¹⁴. Её мужем стал Пётр Павлович Клобуков.

Позднее Зинаида напишет: «Я к нему относилась по-родственному... Теперь я отвечаю за этот поступок всю свою жизнь. Разница в годах и характере сказалась»¹⁵. Он был намного старше её. Их совместная жизнь продлилась десять лет.

* * *

Среди городских жителей Вятки начала XX столетия широкую известность имела фамилия богатых купцов Клобуковых – предпринимателей, общественных деятелей, благотворителей и меценатов. Их семейство входило в десятку крупнейших купцов города. Супруг Зинаиды Дмитриевны мог гордиться своей знатной купеческой родословной. В доме Абрамовых Петра Павловича

«уважали за порядочность и честность». В сфере предпринимательства он был известен, прежде всего, строительством первого в Вятке большого универсального «магазина-дворца» европейского типа, приносящего семье немалые доходы.

Клобуков не только имел возможность, но и был намерен поддерживать все интересы молодой супруги в области культуры и искусства, и стремился во всём соответствовать своей красавице-жене, которая стала хозяйкой его дома на углу улиц Семёновской и Царёвской¹⁶. По воспоминаниям родственников Зинаиды Дмитриевны, дом был небольшой, но очень уютный и светлый. Там был красивый липовый парк, где они любили гулять, особенно летом. Специально для Зинаиды Дмитриевны супруг выстроил мастерскую, чтобы она могла работать по скульптуре.

Сам Пётр Павлович был личностью творческой. Ему нравилось заниматься рисунком, посещать художественные выставки и музеи. Клобуков как купец покровительствовал местному искусству, был членом Вятского художественного кружка, поддерживал материально не только кружок, но и музей. «Он много помогал нам, художникам», – писала позднее Зинаида Дмитриевна, сравнивая своего супруга с Третьяковым и Мамонтовым, «которые могли все отдать и разориться для искусства и культуры»¹⁷.

В деловом мире вятского купечества Пётр Павлович пользовался

*П. П. Клобуков. Начало 1900-х гг.
Из личного архива Л. Б. Горюновой*

*Дом П. П. Клобукова. 1993 г. Фотография А. Е. Краева.
Из личного архива Л. Б. Горюновой*

большим авторитетом. Он имел бухгалтерское образование, стажировался в Волжско-Камском банке. По складу характера Клобуков походил на своего деда и отца, знаменитого благотворителя, потомственного почётного гражданина г. Вятки. Пётр Павлович продолжал традиции благотворительности. Он много жертвовал для города, в том числе на храмовое строительство и ремонт Спасского собора, на постройку Романовской (Феодоровской) церкви.

Современники отмечали неординарность этого человека, имевшего разносторонние интересы. Он был членом атлетического клуба, а с 1901 г. являлся вице-командиром вятского яхт-клуба, членом гласной городской думы. Кроме того, Пётр Павлович состоял членом правления городского общества вспомоществования студентам, обучавшимся в вузах. Он понимал роль образования, без которого невозможен прогресс, и старался следить за всеми техническими новинками, в то же время увлекался исторической литературой¹⁸.

Думается, что союз Клобукова с Абрамовой не был случайным. Они были разными по темпераменту, возрасту, волевой активности, но их многое объединяло: творческий характер натуры, уход от прозаичности жизни, стремление найти себя в мире окружающей действительности. И ещё одна важная черта, приобретённая в купеческой семье, – это желание творить Благо и совершать бескорыстные поступки.

Вятский художественный кружок и Художественно-исторический музей

На рубеже XX столетия благотворительность и меценатство приобрели небывалый размах в России, особенно в области культуры и искусства. Нередко этот период в истории нашей страны называют временем «русского ренессанса» как в столице, так и провинции.

Вятка начала 1900-х гг. жила бурной и напряжённой культурной жизнью: театральной, литературной, художественной. Для Зинаиды Дмитриевны это была та естественная эстетическая среда, формирование которой началось ещё в детстве. У неё оставалась потребность слушать хорошую музыку, читать классическую литературу и книги по искусству, посещать художественные выставки, которые с 1901 г. проходили почти регулярно.

Сначала они устраивались силами только местных художников, а потом превратились в серьёзные вернисажи с участием крупных столичных и вятских мастеров. Выставочная деятельность художников-единомышленников привела к образованию в Вятке своего творческого объединения. В 1909 г. был основан Вятский художественный кружок, первой и самой главной задачей которого стало создание при нём художественного музея.

Среди учредителей кружка – Зинаида Дмитриевна Клобукова. Она

Супруги Клубуковы. Начало 1900-х гг. Из архива МВХ

Одна из первых выставок местных художников. Начало 1900-х гг. Архив ВХМ

вошла в правление кружка и проработала в нём многие годы, практически с первого и до последнего дня существования этой творческой организации. Особенно плодотворным периодом было время сотрудничества с фотохудожником мировой известности С. А. Лобовиковым (1909–1912) – человеком скромным, талантливым, большой культуры и знаний. Сергея Александровича выбрали председателем кружка, а на должность его заместителя – совершенно юную, только начинающую свой путь в искусстве Зинаиду Клобукову. Именно на них легла ответственность за организацию сплочённой работы в кружке в первые годы его существования.

Не просто складывались отношения между кружковцами. Были противоречия, трения, непонимания. Возникали споры и конфликты, которые нужно было сглаживать. Клобуковой приходилось решать серьёзные вопросы, требовавшие от неё умения вести диалог, показать выдержку и терпение, уважение к собеседнику. Сюда можно добавить свойственную уже в те годы «житейскую мудрость», которую разглядела скульптор А. С. Голубкина, работая над мраморным портретом своей ученицы.

18 декабря 1910 г. осуществилась главная цель кружка – открытие Художественно-исторического музея. Тогда это был беспрецедентный случай в истории музейного дела, когда общественная организация практи-

чески без государственного финансирования смогла не только создать, но и на протяжении почти 10 лет содержать музей. Его так и называли музеем Вятского художественного кружка. В основе деятельности кружковцев, людей разных профессий и возраста, лежало бескорыстное служение обществу, во благо его преобразования.

Очень непростыми были первые годы существования музея. Радость открытия буквально через год омрачилась тем, что музейное помещение не было собственностью кружка. Оно принадлежало губернской земской управе, которой пришлось попросить освободить занимаемые музеем площади. Нависла угроза расформирования уникальной коллекции и передачи экспонатов их владельцам, в частности, главной дарительнице, московской меценатке М. К. Морозовой. Её условием при дарении живописного собрания было обязательное собственное помещение для музейной коллекции.

Правление кружка искало разные пути для сохранения музея, обращаясь к городским и губернским властям, к вятскому купечеству, к знатым представителям Вятского землячества в Москве и Петербурге. Решать вопрос с помещением нужно было в кратчайшие сроки. Помогла З. Д. Клобукова, конечно, с помощью своего супруга. В 1912 г. они предоставили для музея родовой кирпичный особняк в центре города (угол Спасской и Спенчинской). Перед

открытием музея здание было полностью отремонтировано Зинаидой Дмитриевной и обставлено красивой мебелью. Сразу была спланирована постоянная экспозиция, выставка зарубежной гравюры, ждали новых пополнений в музейное собрание.

В октябре 1913 г. в газете «Вятская речь» была снова напечатана статья, посвящённая проблеме музея. «Ныне музей помещается в доме г. Клобуковой на углу Спенчинской и Спасской. Но художественные приобретения увеличиваются, и помещение становится тесным. Никакой частный дом не может считаться достаточно приспособленным для художественных произведений...»¹⁹ Всё справедливо сказано, и всё же лишь благодаря помощи купеческой семьи Клобуковых, а именно инициативе Зинаиды Дмитриевны, вятский музей приобрёл не только здание, но и получил возможность дальнейшего функционирования в плане комплектования музейных фондов, выставочной, экспозиционной, образовательной и просветительской работы. Практически коллекция Вятского художественного кружка почти 10 лет экспонировалась в этом доме.

Наш земляк, известный русский пейзажист А. А. Рылов писал: «До революции музей переживал нужды и печали, не раз он уже совсем погибал – нечем было платить за помещение, дрова, служителю. Местный скульптор Клобукова, ученица Голубкиной, выручала музей своими средствами»²⁰. Анализируя отчётные

документы кружка за 1909–1912 г., нетрудно заметить, что порой пожертвования Зинаиды Дмитриевны составляли половину тех взносов, которые платило губернское земство.

Благотворительность Клобуковой проявлялась в разных формах деятельности. В 1919 году она подарила музею из своей частной коллекции²¹ 12 картин, 4 рисунка, 2 чайника старого и русского фарфора, 1 хрустальный графин и 1 косяную статуэтку, часы старинные настольные, часы старинные стенные, 12 кресел, 1 стол, 1 зеркало, 4 портьеры, 47 книг и изданий по истории искусства²². Наряду с этими произведениями были переданы в дар 36 скульптурных работ Зинаиды Дмитриевны²³. Среди них портреты А. Ф. Вербова, А. П. Вершинина, П. П. Клобукова, детей и родных автора, тематические скульптурные композиции: «Тревога», «Мойра» (Судьба), «Горе»²⁴, «Ваза», «Аполлон» и другие²⁵. С 1919 по 1924 г. многие из них находились в постоянной музейной экспозиции²⁶, а до этого экспонировались на местных выставках. В 1919 г. в числе новых музейных поступлений из её собрания числились выполненный Клобуковой живописный портрет, скульптура «Ваза», «Слон», «Мраморный портрет», созданные А. С. Голубкиной²⁷. Скульптура великого русского мастера рубежа XX столетия до сих пор является украшением постоянной музейной экспозиции.

После революции собрание художественного кружка было передано

городу, а музей стал называться Губернским музеем искусства и старины. Он обрёл новое здание – одно из лучших в городе – купеческий особняк первой половины XIX в. И. С. Репина. В нём появились уютные залы, приступили к работе музейные сотрудники, и началась новая страница в жизни музея, немаловажную роль в истории которого сыграла З. Д. Клобукова наряду с ведущими членами Вятского художественного кружка.

Вятские художественно-промышленные мастерские

Начало XX века ознаменовалось в жизни Вятки особым вниманием не только к вопросам культурно-просветительского характера, но и к проблемам художественного образования, развитию народного творчества, созданию кустарных школ и мастерских. Кустарные народные промыслы были объявлены «ценным культурным достоянием прошлого и современности»²⁸. Если говорить о культурном ландшафте Вятской губернии, то доминирующим в нём компонентом, как в прошлом, так и в настоящем является искусство народных мастеров. Оно имеет свои глубокие корни, связанные с укладом жизни народа, его хозяйственной и трудовой деятельностью, историческими традициями, богатством природы лесного края.

Земство Вятской губернии, понимая народные промыслы как

ценностный ресурс регионального развития, уже на выставке 1837 г., подготовленной для приезда цесаревича Александра в Вятку, представил промыслы края в художественном разделе экспозиции. В 1892 г. благодаря заботам и активной деятельности земства открылся кустарный музей. В 1902 г. на Санкт-Петербургской всероссийской кустарно-промышленной выставке получили медали и денежные награды работы вятских кустарей, а губернское земство – диплом за организацию распространения технических знаний по кустарной промышленности²⁹. В 1903 г. в Вятке для кустарей были созданы воскресные рисовальные курсы³⁰, а также открылся съезд местных кустарей.

Всё это, конечно, стимулировало развитие кустарного производства в Вятской губернии. Далеко не случайно уже в 1909 г. при обсуждении деятельности Вятского художественного кружка, помимо организации музея, встала задача открытия художественно-промышленной школы. Позднее в одном из докладов З. Д. Клобукова сообщала, что приступить к созданию школы в 1910 г. не удалось, «но, все же, если бы она и создалась, то это была бы школа, а не мастерские на основе труда»³¹.

В 1919 г. группой местных художников снова был поднят вопрос о художественно-промышленных мастерских, и началась работа по их организации. Эта деятельность объединила вокруг себя лучшие педа-

*Студенты художественно-промышленного техникума.
1920-е гг. Из личного архива Л. Б. Горюновой*

гогические и художественные силы, способные создать «кадры ремесленников высшего типа», которые смогли бы «привить массам художественную культуру».

Среди педагогов-профессионалов своего дела оказались такие незаурядные творческие личности, как Б. М. Смирнов – специалист по русскому языку и литературе, окончивший Ярославскую духовную семинарию и Петроградскую духовную академию; А. И. Столбов, получивший образование в Императорском училище технического рисования барона А. Л. Штиглица и рисовальной школе Императорского общества поощрения художеств; М. А. Демидов, обучавшийся в Казанской ху-

дожественной школе и Московском училище живописи, ваяния и зодчества; И. Ф. Фёдоров – выпускник Московского Строгановского училища; В. С. Тезавровская – выпускница Центральных государственных художественно-промышленных мастерских; З. Д. Клобукова – ученица скульптурной мастерской выдающегося мастера русской скульптуры А. С. Голубкиной.

Педагоги, получившие профессиональное образование в столичных вузах, не только разрабатывали индивидуальные учебные программы, а также занимались научно-исследовательской деятельностью и выставочной работой. К примеру, в графе «Какие имеются труды» заведующий

техникумом Б. М. Смирнов пишет: «Ученая диссертация “О творчестве Ф. М. Достоевского”. Отпечатана в журнале Питерской Духовной академии»³²; В. С. Тезавровская указывает: «Научно-художественное исследование кустарной промышленности и народного искусства»; А. И. Деньшин – «Альбом по вятской глиняной игрушке» (1917). Научная работа З. Д. Клобуковой сводилась к осмыслению проблем художественно-промышленного образования в Вятке. С этой темой она читала лекции и выступала с научными докладами на местных и столичных конференциях.

О деятельности вятских мастерских были уведолены в Москве с первых дней их существования. В августе 1919 г. делегатами на Первую Всероссийскую конференцию³³ по художественной промышленности от Вятки поехали художник Л. А. Плетнев и З. Д. Клобукова. Собравшиеся на конференции делегаты говорили о необходимости создания кустарных школ и мастерских, привлечения в них талантливых мастеров, бережного отношения к их творчеству³⁴. Затрагивались вопросы управления в области художественной промышленности, организации центральных мастерских и художественно-промышленного музея, ряд других задач.

С докладом выступила З. Д. Клобукова. Её речь произвела впечатление на делегатов конференции, более того, выступающей была обещана

*З. Д. Клобукова. 1900-е гг.
Из личного архива Л. Б. Горюновой*

поддержка – моральная и материальная – в работе по организации художественно-промышленных мастерских в Вятке. В Москве была замечена активная деятельность заведующей скульптурным отделением вятских мастерских в воплощении новых задач в области реформ художественного образования. Ей поступило предложение занять должность уполномоченного от Центра по делам художественной промышленности северных областей³⁵. Для культуры и искусства Вятки такое назначение открывало возможность более плодотворного общения провинции и столицы в развитии местных промыслов. Работой Зинаиды Дмитриевны в Центре были довольны.

Имея опыт в создании Вятского художественного кружка и художественно-исторического музея, Клобукова вынуждена была брать на себя решение многих проблем устройства художественно-промышленной школы. Она «выбивает» кредиты для местных мастерских в Центре, закупает материалы и оборудование непосредственно на фабрике или в магазинах по фабричным ценам, а потому намного дешевле, чем дома, приобретает краски, кисточки, холсты, оборудование. «Вас, Зинаида Дмитриевна, с нетерпением ждем, – сообщает С. Б. Смирнов. – Везите нам больше новостей»³⁶.

И. Ф. Фёдоров, заведующий мастерскими, просит Клобукову хлопотать за них, так как помещения могут отдать под командные курсы (1919). «Умоляю Вас, – пишет он, – примите срочные меры и телеграфируйте от имени Наркомпроса»³⁷. Также Иван Фёдорович обращается к ней с просьбой принять участие в передаче художественной коллекции бывшего кустарного музея Вятским художественным мастерским. Художник-преподаватель Е. П. Фирсов с уверенностью заявляет, что дело организации мастерских и их существование всецело зависело от работы Зинаиды Дмитриевны в Центре³⁸.

«В 1922 году, – вспоминает Зинаида Дмитриевна, – я металась между Москвой и Вяткой, некогда было дышать, спала по три часа в сутки. Мастерские шли полным

ходом, но возникали трудные для меня решения, и без Наркомпроса я не могла поступать уверенно. И, кроме того, были задания по музею и охране памятников старины»³⁹. В 1923 г. Зинаида Дмитриевна уехала в Москву. В Москве её ждала другая жизнь. Там уже была своя скульптурная мастерская, заказы на станковые и монументальные работы, свой круг общения. С этого времени Клобукова полностью посвятила себя творчеству. А приобретенный в Вятке жизненный и организационный опыт потребовался ей для нового большого дела – создания мемориального Дома-музея А. С. Голубкиной в Москве и Зарайске, у неё на родине.

Учёба в мастерской скульптора А. С. Голубкиной. Участие в местных выставках. Создание бюста А. И. Герцена

В 1913 г. Зинаида Дмитриевна познакомилась с московским скульптором Анной Семёновной Голубкиной, о которой много слышала от своих художников-земляков. Это событие изменило всю её жизнь. «Учиться можно, материально обеспечена, кругом художников и скульпторов много, но запало мне в душу творчество Голубкиной, вот бы у нее! Нет, ее не купишь, а как узнает, что ты богата, и разговаривать не станет... Художники пугали ее строгостью...»⁴⁰

Их встреча произошла на выставке в галерее Лемерсье у живо-

писной работы вятского художника А. В. Исупова, обучавшегося тогда в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Голубкина была в восторге от увиденного: «Какова картина?.. Талант! Да, хорош!» Зинаида Дмитриевна в этот момент оказалась рядом. Она, не помня себя от волнения, напросилась к ней в скульптурную мастерскую. Анна Семёновна была не против, но пригласила её только в качестве натурщицы. Голубкина сама давно за ней наблюдала, точнее сказать, за её красивой античной шеей, как у греческих статуй, «совсем как у Дианы или Афродиты».

Перевоплощение на выставке вятской купчихи в простую, скромную девушку в простеньком синем платье с гладко зачёсанными волосами произвело впечатление на скульптора. Анна Семёновна приняла её за молоденькую студентку, желающую обучаться в скульптурной мастерской: «А знаете что? Вот я на Вас смотрела и думала: дает же природа человеку такую античную шею и на нее садит такую головку... Лучше приходите позировать к нам – у меня ученики – пусть живую антику посмотрят... Вот находка! Завтра в 10 утра! Будем ждать»⁴¹.

На следующий день Клобукова пришла позировать в мастерскую. Однако ситуация неожиданно сложилась так, что ей выпал случай лепить вместе со студийцами знакомую Голубкиной модель. «Я не вытерпела и попросила Анну Семеновну раз-

решения поработать со всеми. Она сурово посмотрела на меня и, обращаясь к ученикам, сказала: “Господа, вот какая храбрая! Да знаете ли Вы, что здесь работают люди, закончившие высшую школу, а Вы – самоучка, только мешать им будете»⁴².

Студийцы не возражали. Модель была поставлена, выбрана поза: одной рукой натурщица опиралась на табурет, другая была закинута за шею. Для Клобуковой это всё было новым, так как до начала занятий у Анны Семёновны она лепила только портреты, а фигурные композиции никогда не делала⁴³. Зинаида смотрела на других, в перерывах тихонько советовалась с учениками, которые ей охотно объясняли непонятное. Работали медленно, больше думали.

На третий день зашла Голубкина, обошла всех и остановилась около Клобуковой: «Господа, смотрите: пропорции правильные, движения верны и даже характер фигуры схвачен – хорошо! Ведь она нигде не училась, и это – её первая фигура. Отлично!»⁴⁴

После занятий в мастерской нередко устраивались чаепития. Студенты и педагог делились своими мыслями, говорили об искусстве и современных проблемах в нём. Внимательно слушали Анну Семёновну: её размышления о скульптуре, понимании материала, отношении художника к работе, умении увидеть модель, «почувствовать её движение, характер, красоту, открыть её достоинства». Эти чае-

пития потом стали постоянными. «Они были такими ценными и так были насыщены мыслями, – вспоминала Клобукова, – что все уходило обогащенными ее мудростью»⁴⁵.

После таких бесед Зинаиде не хотелось возвращаться в свою богато обставленную московскую гостиницу. Ей становилось там скучно среди ковров, шелковых портьер, картин. Она начала невольно сравнивать роскошные интерьеры с «аскетическим величием жизни в мастерской Анны Семёновны, понимая, что всё это не стоило и одной хорошей Голубкинской скульптуры».

Клобукова стала часто приезжать в Москву, работала по несколько месяцев. Её мечта сбылась – она ученица Голубкиной. «Я жила только в атмосфере искусства. Это уже сделалось моим ремеслом. А. С. Голубкина была для меня всем, учителем и матерью... Я вся подчинилась её руководству»⁴⁶.

Среди друзей и знакомых Анны Семёновны были люди, в обществе которых ей было особенно интересно. К таким принадлежала скульптор З. Д. Клобукова. Она звала её «вятской малиновкой». «Прилетит ко мне малиновка моя, щебечет, разливаается, а я сию, слушаю. Хорошо»⁴⁷.

Зинаида Дмитриевна стала не только любимой ученицей, но и верным другом Анны Семёновны. Они были разные по характеру, воспитанию, образу жизни. Одна – строгая, неразговорчивая, сложно сходявшаяся с людьми. Другая, живущая

в роскоши и благополучии, наоборот, – мягкая, открытая, «простая и общительная» (С. А. Лобовиков). Эти два человека дополняли друг друга, а объединяло их самозабвенная вера в искусство.

Голубкина долгое время даже не подозревала, что Клобукова замужем и у неё четверо детей. Позднее, узнав о семейном положении, она пришла в ужас. Зинаида Дмитриевна успокаивала её, заверяя, что её занятия скульптурой не отразятся на детях, что у неё достаточно средств для дальнейшего существования и много помощников для безболезненного воспитания детей⁴⁸.

Анна Семёновна поставила перед собой и своей ученицей непростую задачу, а именно – постараться дать ей знаний за 3–4 месяца больше, чем та бы получила в училище за год. После трёх месяцев занятий в мастерской Клобукова получала материалы для домашних заданий на полгода. «Что ученики проходят за полгода, я Вам дам за три месяца, а дома прорабатывайте»⁴⁹.

В Москве заниматься приходилось в полную силу, причём не только скульптурой, но и живописью, рисунком. Порой работала по 3 сеанса в день, а вечером – живопись. По рекомендации Анны Семёновны, уроки живописи брала в частной студии М. Ф. Леблана, «который стремился обучать основам реалистической школы, давая базу для дальнейшего самосовершенствования»⁵⁰.

Кроме того, Голубкина считала, что молодым надо учиться у разных скульпторов. Она просила С. Д. Эрью принять свою ученицу в его мастерскую, где Клобукова пробыла совсем недолго. К Степану Дмитриевичу относилась хорошо, ценила его, но всё же каждый день приезжала после работы к Анне Семёновне. Могла творить только в её мастерской, ощущая особую там атмосферу тишины, сосредотачиваясь мыслями и чувствами на создании модели.

Голубкина внимательно и трогательно относилась к Зинаиде Дмитриевне, учила её самодисциплине в работе. Они проводили много времени в совместных посещениях выставочных залов и музеев, бывали случаи, когда одновременно лепили одну натуру, нередко ученица просто наблюдала за работой своего учителя.

Клобукова понимала, что занятия в мастерской великого художника — это не только учёба, но и воспитание скульптора. Она многое переняла от своего учителя: умение смотреть на мир через призму своей собственной души, быть сильной, выносливой, мужественной и волевой, не падать духом ни при каких обстоятельствах. Эти качества характера в дальнейшем помогли ей выжить в тяжелейших жизненных ситуациях.

* * *

Практически с первого знакомства со своей ученицей Голубкина

*А. С. Голубкина.
Портрет З. Д. Клобуковой.
Мрамор. 1915. ВХМ.
Фотография А. Е. Краева.
Из личного архива Л. Б. Горюновой*

начала думать над её портретом. Портретный образ создавался очень сложно. Было много сеансов, исполнено несколько вариантов в гипсе. Всё не устраивало скульптора, не выходило то, что хотелось. Наконец, гипсовые бюсты были сломаны, Анна Семёновна начала «делать прямо по мрамору, и он ей подсказал».

Голубкина неожиданно «уловила нужный ей момент» в то время, когда Зинаида Дмитриевна рассказывала об игре одного виолончелиста. Скульптор попросила модель «посидеть в данной позе, но очень

*З. Д. Клобукова. 1914–1915 гг.
Из личного архива Л. Б. Горюновой*

недолго». В самом конце 1914 г. Клобукова снова приехала в Москву и, к удивлению и радости, увидела свой бюст в мраморе. Работа ей понравилась, только она заметила, что в губах вложено много мудрости, которой у неё нет. С чем автор скульптуры не смогла согласиться.

Сегодня этот портрет находится в постоянной экспозиции Вятского художественного музея имени В. М. и А. М. Васнецовых. О нём много написано. Сложно не заметить в экспозиции выразительный женский образ, напоминающий «жившую в камне камю». Не случайно «греки не давали скульптору

покою». Но это не подражание грекам, а умение Голубкиной передать в сдержанной форме белоснежного мрамора трепет живой души, убедительно показать разные грани характера любимого ею человека, встречи с которым приносили ей большую радость.

В 1914 г. Зинаида Дмитриевна ещё раз ненадолго заехала в Москву, возвращаясь с лечения из Швейцарии почти последним поездом. Через два дня была объявлена война с Германией. В мастерской Анны Семёновны она узнала, что скульптор, желая помочь раненым, решила открыть благотворительную выставку в Музее изящных искусств. Клобукова тоже задумала дома организовать госпиталь для солдат и пройти курсы сестёр милосердия. Идея эта пришла в то время, когда по дороге из Швейцарии она увидела раненых, кровь, ужасы войны.

В Вятке она взяла на себя заведование лазаретом на 50 коек в доме купца-благотворителя Д. Ф. Зонова³¹. Проявляя силу добра и сестринского милосердия, Зинаида Дмитриевна полностью отдавала себя работе: ухаживала за больными, заботилась об их душевном состоянии, ездила в Москву для закупки медикаментов и оборудования.

По сведению К. П. Ошепкова, «Клобукова много сделала в области организации госпиталей в 1914–1915 гг. в Вятке. Среди пяти купеческих жён она была удостоена знака общества Красного Креста. Это был

очень редкий знак по тем временам. Кроме того, она привозила на возах товары и различные съестные припасы прямо к санитарным поездом и отвозила раненых, которые предназначались для вятских госпиталей»⁵². Мотивация её поступков была характерна для русской женщины с присущей ей самоотверженностью, милосердием и добросердечием.

* * *

Вспоминая события Первой империалистической войны, Клобукова писала, что, хотя дома ей удавалось работать по скульптуре, жизнь становилась всё тяжелее и напряжённей. События развёртывались с большой быстротой. В Вятке сделалось какое-то выжидательное загишьё. С фронта вести были самые разнообразные. Личного горя, конечно, было много⁵³.

Горе вошло и в дом Зинаиды Дмитриевны. В 1917 г. они расстались с мужем. Было конфисковано имущество. В квартиру поселили армейских солдат. Она с детьми и больной матерью оказалась в Яранске. О судьбе своей ученицы узнала Голубкина. Благодаря её ходатайству перед А. В. Луначарским, который отправил в Вятку охранное свидетельство за его личной подписью на право иметь Клобуковой мастерскую⁵⁴, отношение к вятскому скульптору изменилось.

Войти в русло прежней жизни было непросто, да и невозможно. По-

терянное душевное равновесие Зинаида Дмитриевна пыталась обрести в творчестве. Несмотря на тяжёлые и трудные годы военного времени, мирное существование постепенно налаживалось. Уже в 1917 г. начала оживляться художественная жизнь в Вятке. Осенью этого года в доме З. Д. Клобуковой собрались члены Вятского художественного кружка. Вопросов было много, в том числе и по организации выставочной деятельности.

На местных экспозициях Клобукова впервые показала свои скульптурные работы на «Выставке товарищества вятских художников» в мае 1918 г. Исчерпывающая информация о ней была дана в вятской прессе Ф. В. Гогелем. О творчестве Зинаиды Дмитриевны он писал: «Вся скульптура на выставке принадлежит одной художнице Зинаиде К-а. Это очень гибкое и разностороннее дарование. Выставленные её работы показывают, как сложен творческий путь художника. Ранняя работа – “Чёрная голова девочки” своей строгой сосредоточенностью напоминает египетскую скульптуру.

Целый ряд следующих работ, среди которых выделяются “Аля” и “Голова юноши”, отличны по твёрдой, уверенной технике и прекрасно характеризованы. В заключение художница возвращается к первоначальному монументальному стилю. Что-то могучее, глыбистое чувствуется в двух работах – “Мойра” (рок, судьба) и особенно в послед-

ней работе “Эскиз”, показывающих новое, более упрощённое сильное чувство формы»⁵⁵.

Клобукова принимала участие в 1921 г. в третьей передвижной выставке в г. Советске. В 1925 г., уже после отъезда из Вятки, на выставке игрушек кустарного отдела Вятского госсовнархоза, среди экспонатов были игрушки Зинаиды Дмитриевны⁵⁶. Это ещё одна сторона её творчества – деревянная расписная игрушка. В 1932 г. на основании распоряжения директора Государственного музейного объединения К. М. Любовикова «резные деревянные фигурки с росписью на темы русских сказок в количестве 10 штук под № 176 были переданы музею» Клобуковой⁵⁷.

Со слов родственников, Зинаида Дмитриевна многие годы работала над плоскими деревянными игрушками. Они помнят композиции на тему русских сказок: «Конёк-горбунок», «Царевна-лягушка», «Иван-царевич» «Жар-птица». Продолжая эту тему, надо сказать, что в Сиблаге Клобукова открыла керамическую мастерскую и расписывала вазы по сказочным мотивам В. М. Васнецова, создала игрушечную мастерскую, находясь в эвакуации в Каракалпакии во время Великой Отечественной войны.

* * *

О пребывании З. Д. Клобуковой в Вятке напоминает бюст А. И. Гер-

цена, находящийся сегодня в областной научной библиотеке, носящей его имя. Это одна из первых её работ, которая положила начало созданию портретной галереи скульптурных образов знаменитых личностей отечественной истории и культуры.

11 сентября 1918 г. Зинаида Дмитриевна получила уведомление за подписью знаменитого скульптора С. Т. Коненкова о приёме, согласно её заявлению, в действительные члены Союза и о том, что она допущена к участию в конкурсе заказа на 50 памятников, данном Советом народных комиссаров. Для получения аванса и формального окончания этого дела ей надлежало прибыть в Москву в Совет профессионального союза.

В том же году Клобукова писала: «По скульптуре в это время удалось создать: бюст Герцена, Цитатную доску в Москве, барельеф Ленина и ещё ряд вещей»⁵⁸. Речь идёт об участии Зинаиды Дмитриевны в осуществлении Ленинского плана монументальной пропаганды. В рамках данного мероприятия был утверждён список лиц из 66 имён, кому было предложено поставить монументы. Среди них выдающиеся революционеры, общественные деятели, художники, писатели, учёные.

Ленинский план монументальной пропаганды осуществлялся не только в столице, но и в провинции. В Вятской губернии также было принято решение об установке новых памятников и сношении старых

монументов, переименовании улиц и площадей, открытии мемориальных досок⁵⁹.

Так как отделу музеев по охране памятников искусства и старины было известно о намерении Вятского губисполкома поставить в городе памятники выдающимся деятелям революции и культуры, то он со своей стороны рекомендовал З. Д. Клобукову как художницу, которая могла бы взять на себя осуществление этой задачи⁶⁰. Вятский губернский отдел народного образования обратился к Зинаиде Дмитриевне с просьбой о создании памятника А. И. Герцену, который провёл годы ссылки в Вятке и «оставил глубокий след» в развитии её культуры. В 1917 г. Вятская губернская публичная библиотека получила имя русского писателя, и появилось желание поставить бюст Герцена в читальном зале.

В 1918 г. губотдел народного образования постановил: «...выдать художнику-скульптору З. Д. Клобуковой оплату труда по выполнению бюста Герцена 2 500 руб. и за отливку этого бюста – 500 руб., а всего три тысячи рублей»⁶¹. К началу 1919 г. была выполнена работа в глине и отлит слепок из гипса. В основу скульптурного образа был положен карандашный рисунок А. Л. Витберга, выполненный в 1836 г.

В 1920 г. в Вятской публичной библиотеке прошёл вечер памяти А. И. Герцена, о котором сообщалось: «В зале возвышался бюст Александра Ивановича Герцена

З. Д. Клобукова. Бюст А. И. Герцена. Гипс. 1919. КОУНБ им. А. И. Герцена

работы З. Д. Клобуковой, любимой ученицы известного скульптора Голубкиной. В витринах были выставлены архивные дела о Герцене и Витберге из Вятского губернского архива»⁶². Выступили с сообщениями по теме Е. В. Гогель, А. В. Паллизен, читались стихи, отрывки из произведений Герцена, звучала музыка. А ещё в июле 1919 г. Е. В. Гогель обратилась в Вятский губернский отдел народного образования: «Озабочиваясь украшением здания Вятской публичной библиотеки, коллегия библиотекарей считает весьма желательным использовать пребывание в Вятке скульптора З. Д. Клобуковой для заказа ей барельефной цитатной

доски над главным входом в библиотеку»⁶³.

Следует заметить, что скульптурные работы именно монументального характера определяют дальнейший творческий путь Клобуковой. Она станет заниматься монументальной скульптурой: парковой, мемориальной. Черты монументальности будут характерны для многих скульптурных образов мастера. Среди них А. С. Голубкина, А. Е. Жуковский, Н. К. Крупская, С. Д. Меркулов, Н. А. Семашко, А. Н. Туполев, П. И. Чайковский.

Исследование биографии вятского скульптора Зинаиды Дмитриевны Клобуковой не только даёт возможность узнать жизненный путь художника-земляка. Обращение к этой теме помогает увидеть и осмыслить новые грани истории культуры и образования Вятского края первых десятилетий прошлого века, понять роль и значимость конкретной личности в потоке бесконечных событий живого времени.

Примечания

¹ А. С. Голубкина. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. М., 1983. С. 338.

² Горюнова Л. Б. Спасительная сила искусства // Вятский наблюдатель. 1997. 9 мая (№ 36). С. 14.

³ Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Первая часть: Начало (от Заросы до Заострожной). Вятка, 2014. С. 85.

⁴ Алпатов В. М. О матери : (воспоминания о Зинаиде Владимировне Удаль-

цовой) // URL: <http://librarius.narod.ru/personae/zvudal.htm>

⁵ ГАКО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 732. Анкеты учениц Вятской Мариинской женской гимназии.

⁶ Николаева Т. К. Аронсоны в Вятке // Герценка: Вятские записки. Киров, 2011. Вып. 20. С. 163.

⁷ С 1918 по 1919 г. – преподавательница французского языка в школах Астрахани, работала преподавательницей русского языка в Палласовской школе немецкого Поволжья. Брала уроки рисования у художника П. П. Котова. В 1923–1925 гг., после смерти мужа, жила в Москве у сестры Зинаиды Дмитриевны. Позднее уехала в Кисловодск. Там работала учителем русского языка и литературы в разных учебных заведениях.

⁸ В 1901–1907 гг. работала преподавателем французского языка в Вятской мужской гимназии. Ещё гимназисткой она проявила интерес к театральному искусству, в частности, успешно выступала в спектаклях Вятского городского театра, о чём писала местная пресса. (Театрал. 1896. № 81. С. 48–49.) Со слов жены сына З. Д. Клобуковой известно, что Елизавета Дмитриевна «была замужем за Бушковым, который имел конный завод недалеко от Вятки. Он был родственником Гордеева. В 1918 году она преподавала русский язык. После революции они уехали на Восток. Жили в Шанхае. Бушков умер в Китае. Елизавета Дмитриевна приехала в 1948 году в Россию, жила в Нижнем Тагиле. Умерла в 1949 г.»

⁹ Пакеты в Зыковском лесу. Некоторые особенности вятского образования // Вятский край. 2007. 18 дек. С. 32.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-1158. Оп. 2. Д. 10. Протокол заседания комиссии по распределению стипендий с приложением заявлений учащихся и ведомостей. Спи-

сок учащихся художественно-промышленного техникума.

¹¹ Письмо В. С. Тезавровской к З. Д. Клобуковой. 1920-е годы // Личный архив Л. Б. Горюновой.

¹² Автобиография З. Д. Клобуковой // Личный архив Л. Б. Горюновой.

¹³ Профессиональное образование Огородников получил в Петербурге, в школе рисования Императорского общества поощрения художеств. В начале 1900-х гг. был в Париже. Вернувшись домой, он сразу активно вошёл в творческую жизнь Вятки: художественную, педагогическую, выставочную. В 1905 г. на местной выставке были представлены его живописные портреты и этюды, выполненные в Париже. Из газетных объявлений можно узнать также, что Огородников занимался церковной живописью, реставрацией икон, писанием заказных портретов.

¹⁴ Письмо З. Д. Клобуковой к Н. К. Крупской // Личный архив Л. Б. Горюновой.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Сегодня в доме № 16 по ул. Воровского находится Детско-юношеский центр гражданского, патриотического и духовно-нравственного воспитания имени святого благоверного князя Александра Невского. В 2016 г. на доме появилась мемориальная памятная доска З. Д. Клобуковой.

¹⁷ Письмо З. Д. Клобуковой к Н. К. Крупской // Личный архив Л. Б. Горюновой.

¹⁸ Телепередача «Купцы Клобуковы» в цикле «Из прошлого Вятки» с участием Л. Б. Горюновой и К. П. Ощепкина на Кировском телевидении. Машинопись. 1995. С. 24–26.

¹⁹ Лобанова Е. В. История Вятского художественного кружка на страницах

вятской периодической печати // Герценка: Вятские записки. Киров, 2010. Вып. 18. С. 101.

²⁰ Рылов А. А. Воспоминания. Ленинград, 1977. С. 116.

²¹ Вследствие реквизиции дома Клобуковой в сентябре 1918 г. эти произведения были отобраны для музея как имеющие художественно-историческое значение. После реабилитации имени Клобуковой в 1919 г. она подарила свою коллекцию в собрание музея.

²² ГАКО. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 9. Л. 49. Вятской губернской земской управы дело об охране памятников культуры, природы, искусства и старины.

²³ ГАКО. Ф. 2327. Оп. 1. Д. 10 Л. 11. Отдел учёта и хранения. Перечень произведений живописи и скульптуры, находящихся в музее.

²⁴ Там же. Д. 53. Л. 3. Воспоминания школьницы об экскурсии в музей в 1924 г., где она услышала рассказ музейного лектора Г. М. Боголюбова о скульптуре «Горе» автора З. Д. Клобуковой.

²⁵ В целом на сегодняшний день судьба скульптурного собрания неизвестна, как и тех работ, которые были переданы в музейные фонды в 1932 г. (расписная деревянная игрушка).

²⁶ ГАКО. Ф. 2327. Оп. 1. Д. 4. Отдел экспозиции – планы размещения картин музея на выставке (1918–1923).

²⁷ Там же. Д. 10. Л. 10. Отдел учёта и хранения. Перечень произведений живописи и скульптуры, находящихся в музее.

²⁸ Послереволюционное десятилетие. А. А. Мезрина. URL: <http://dymka.teploruk.ru/article/history/mezrina.html/>

²⁹ Вятские губернские ведомости (ВГВ). 1886. 11 июня (№ 46). С. 3.

³⁰ ВГВ : (прил. к ВГВ). 1903. 20 февр. (№ 22). С. 2.

³¹ Доклад З. Д. Клобуковой // Личный архив Л. Б. Горюновой.

³² ГАКО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 1084.

³³ На ней присутствовали А. Луначарский, Н. Пунин, Д. Штернберг и др.

³⁴ Послереволюционное десятилетие. А. А. Мезрина. URL: <http://dymka.teploruk.ru/article/history/mezrina.html/>

³⁵ ГАКО. Ф. Р-1158. Оп. 1. Д. 11. Л. 74.

³⁶ Письмо Б. М. Смирнова к З. Д. Клобуковой. 1920-е гг. // Личный архив Л. Б. Горюновой.

³⁷ Письмо И. Ф. Фёдорова к З. Д. Клобуковой. 1919 // Личный архив Л. Б. Горюновой.

³⁸ Письмо Е. П. Фирсова к З. Д. Клобуковой. 1920 г.

³⁹ Клобукова З. Д. Доклад о художественно-промышленных мастерских в Вятке: рукопись // Личный архив Л. Б. Горюновой.

⁴⁰ Клобукова З. Д. Воспоминания об А. С. Голубкиной. Машинопись. С. 2. Материал готовился к книге «А. С. Голубкина. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников». М., 1983 // Личный архив Л. Б. Горюновой.

⁴¹ Там же. С. 4.

⁴² Там же. С. 6.

⁴³ О получении профессионального художественного образования Клобукова не мечтала, но продолжала работать самостоятельно по скульптуре, имела возможность знакомиться с художественными выставками и классикой изобразительного искусства в Москве и за границей. Гордилась тем, что многие шедевры мирового искусства изучала в подлинниках под руководством Аронсона в Париже. Свои первые скульптурные работы она относит к 1910 г. Это «Голова учительницы», «Вербов», портреты детей.

⁴⁴ Клобукова З. Д. Воспоминания об А. С. Голубкиной. Машинопись. С. 8. Материал готовился к книге «Голубкина А. С. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников». М., 1983 // Личный архив Л. Б. Горюновой.

⁴⁵ Там же. С. 9.

⁴⁶ Из письма З. Д. Клобуковой к Н. К. Крупской // Личный архив Л. Б. Горюновой.

⁴⁷ Голубкина А. С. Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. М., 1983. С. 261.

⁴⁸ Клобукова З. Д. Воспоминания об А. С. Голубкиной. Машинопись. С. 12.

⁴⁹ Там же. С. 13.

⁵⁰ Московские частные художественные студии как явление художественной жизни России конца XIX – начала XX веков. URL: <http://cheloveknauka.com/moskovskie-chastnye-hudozhestvennyestudii-kak-yavlenie-hudozhestvennoy-zhizni-rossii-kontsa-xix-nachala-xx-vekov/>

⁵¹ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1915 г. / изд. губ. стат. комитета. Вятка, 1914. С. 45. URL: http://personalhistory.ru/papers/1915_Pam_kn_Vytskoy_gub%2042-45.htm/

⁵² Телепередача «Купцы Клобуковы» в цикле «Из прошлого Вятки» с участием Л. Б. Горюновой и К. П. Ощепкина на Кировском телевидении. С. 25.

⁵³ Воспоминания З. Д. Клобуковой // Личный архив Л. Б. Горюновой.

⁵⁴ Охранное свидетельство на мастерскую за подписью Луначарского: «Помещение, находящееся в городе Вятке угол ул. Свободы (Царевская) и Семеновской и представляющее мастерскую художника-скульптора З. Д. Клобуковой, согласно охранной грамоте Народного комиссариата по просвещению от 21 ноября за № 36 объявлено находящимся под защи-

той Рабочее-Крестьянского Правительства. Никакой реквизиции и уплотнению, а тем более отводу для других целей, оно не подлежит. Ввиду этого Президиум Губисполкома предлагает квартирному отделу горсовета принять самые срочные меры к очищению названного помещения от вселившихся в него» // Из личного архива Л. Б. Горюновой.

⁵⁵ Гогель Ф. В. Местная жизнь. Выставка товарищества Вятских художников // Известия Вятского губисполкома. Вятка, 1918. С. 2.

⁵⁶ Анисова К. П. Выставка изобразительного искусства в Вятке и Вятской губернии (1905–1925 гг.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2010. Вып. 18. С. 84.

⁵⁷ ГАКО. Ф. 2327. Оп. 1. Д. 100. Акт от 31 марта 1931 г. С. 9. Об их судьбе пока ничего неизвестно.

⁵⁸ Автобиография З. Д. Клобуковой // Личный архив Л. Б. Горюновой.

⁵⁹ Кирюхина Е. И. Ленинский план монументальной пропаганды и его осуществление в нашем крае // Научно-практическая конференция «Памятники истории и культуры – делу коммунистического воспитания подрастающего поколения»: тезисы и доклады. Киров, 1989. С. 2.

⁶⁰ ГАКО. Ф. 1137. Оп. 1. Д. 9. Л. 56. Вятской губернской земской управы дело об охране памятников культуры, природы, искусства и старины. Начало 1918 г.

⁶¹ Там же.

⁶² Рашковский А. Л. Фрагменты истории краеведческого отдела Герценки на фоне событий в библиотеке и Вятском крае: краткий обзор истории краеведения в Вятском крае // Герценка: Вятские записки. Киров, 2009. Вып. 16. С. 110.

⁶³ Загадочный библиотекарь. Жизнь и судьба фактического... URL: <http://blogs.7iskusstv.com/?p=14825/>

Смогла ли Зинаида Дмитриевна выполнить заказ Е. В. Гогель, остаётся под вопросом, как и создание портрета А. И. Герцена в бронзе или другом материале. Памятники в первые годы советской власти изготавливались из непрочных материалов, как временные.

Верное служение вятской медицине

А. А. Потанов

Рассматривая старые фотографии больших семей, многих из которых уже нет, порой трудно даже представить, что у моей прабабки, к примеру, к 35 годам было уже 10 детей! Так и на фотографии семьи вятского священника Николая Ивановича Россихина мы видим большой род, два представителя которого стали основателями здравоохранения города Кирова. К сожалению, мало что осталось после ухода из жизни этих людей – нет ни мемориальных досок, ни самих зданий, где они работали. Несколько вырезок из старых газет, кое-какие документы личного характера, фотографии в семейном альбоме – вот, пожалуй, и всё, что осталось от людей, посвятивших свою жизнь служению людям. Поэтому сегодня, когда без малого столетие прошло с тех пор, как в Вятке появилась первая бесплатная поликлиника – амбулатория имени 5-й годовщины Октябрьской революции, основателем которой был врач Ле-

Николай Николаевич Россихин с женой и детьми

Большая семья Россихиных

онид Николаевич Россихин, хочется вспомнить этих людей.

Леонид Николаевич родился в многодетной семье священника, служившего в Воскресенском соборе г. Вятки, Николая Ивановича Россихина и Ларисы Николаевны. Его старший брат Николай Николаевич Россихин, появившийся на свет в 1878 г., так пишет в своей автобиографии: «Ничем другим нельзя объяснить, как свободолубием, избранием мной врачебного поприща».

Окончив духовную семинарию, в 1900 г. Николай Николаевич поступает в Юрьевский (Дерптский) университет, однако за участие в студенческих забастовках в апреле 1901 г., наравне с другими студентами, его уволили из университета. Уволенных по многим институтам были тысячи, и уже осенью 1901 г. Николай Россихин с товарищами были возвращены в университет. 6 февраля 1905 г., в связи с непопулярностью Русско-японской войны, студенческая сходка 1017-ю головами постановила в знак протеста закрыть университет до лучших времён. В марте 1905 г. Николай Николаевич уже был исправляющим должность врача в Брянском земстве Орловской губернии, так началась его самостоятельная деятельность. После сдачи государственных экзаменов врач Россихин был направлен в село Вожгалы Вятского уезда, потом – в Саратовскую губернию, затем – в Слободской уезд на Белохолуницкий завод. В статье «Везло на

врачей Холунице» можно прочесть: «В открывшейся в 1904 году в Белой Холунице земской больнице врачом вначале был доктор Черняков. А затем на его место приехал молодой Николай Николаевич Россихин. Ему посчастливилось не раз проводить операции с В. А. Одинцовым, у которого он многому научился. Впоследствии Россихин работал врачом в Слободском, а ещё позднее стал известным врачом в Вятке. После в Белой Холунице работал молодой поляк Драверт, тоже в дальнейшем известный вятский врач-гинеколог». Наконец, Н. Россихин был направлен в г. Слободской заведующим земской больницей. В 1909 г. Николай Николаевич женился на фельдшерице Холуницкой земской больницы Рахиль Полиеновне Сергеевой-Бернштейн, поручителями выступили Леонид Николаевич и Виталий Николаевич Россихины. В 1915 г. Николая Николаевича приняли на военную службу главным врачом фронтового лазарета 5-й армии, где он работал до демобилизации в 1918 г. В 1918 г. Николай Николаевич Россихин был призван в Красную Армию главным врачом 630-го запасного полкового госпиталя до его расформирования. Дальнейшая работа в Красной Армии продолжалась в призывных комиссиях, а в 1926–1928 гг. он был председателем Вятской гарнизонной военно-врачебной комиссии.

В 1926 г. Николай Николаевич поступил в Вятскую губернскую больницу, ставшую Кировской об-

*Леонид Николаевич
Россихин с близкими*

ластной больницей, заведующим инфекционным отделением. Николай Россихин в 1925 г. первым применил светолечение ультрафиолетовыми лучами при помощи ртутно-кварцевой лампы, а в 1930–1931 гг. был первым в городе руководителем диетического питания в столовой Вятской страхкассы. Его статьи публиковались в «Вятской правде» и в «Деревенской газете». В 1942 г. Николай Николаевич Россихин умер.

Его младший брат Леонид Николаевич Россихин пошёл по стопам старшего. В мае 1916 г. Леонид Россихин окончил медицинский факультет Императорского Московского университета. В Москве Леонид

Николаевич встретил и жену Анфию Павловну Шемякину, но в столице что-то не сложилось, и молодая семья Россихиных вернулась в Вятку.

В 1922 г. умирает отец Николая и Леонида – священник Воскресенского собора Николай Иванович Россихин. Но жизнь продолжается, Леонид Николаевич становится основателем амбулатории имени 5-й годовщины Октябрьской революции. Уже с первого года деятельность учреждения вышла за рамки обычной амбулатории: здесь трудились доктора шести различных специальностей, больных принимали видные в Вятке врачи – Поленов, главный врач губернской больницы, Волков, Драверт.

Основным направлением данного учреждения было обслуживание рабочих заводов и фабрик. С ростом индустриализации в северной части города в 1930 г. возникла необходимость расширения поликлиники. Так, на пустыре за городом возникла Северная, позднее поликлиника № 1 городской больницы № 1. В годы Великой Отечественной войны Николай Леонидович работает в эвакогоспиталях Наркомздрава. Приказом № 39-о от 30 января 1946 г. «за самоотверженную работу и достигнутые успехи в лечении раненых» врачу-рентгенологу эвакогоспиталя Кировской области Л. Н. Россихину объявлена благодарность народного комиссара здравоохранения РСФСР А. Третьякова.

После войны будут новые пациенты, новые награды, в том числе и орден Ленина. Но даже сейчас трудно оценить тот вклад в медицину города Кирова, который внесли братья Россихины.

(Материал подготовлен на основе семейных архивов М. Лихачёва и С. Свечникова, внуков Николая Николаевича и Леонида Николаевича Россихиных.)

Без вятских нет педагогики!

В. Б. Помелов

...Летом 1925 г. студента Вятского пединститута Эле Моносзона направили вожатым в пригородный школьный пионерский лагерь. Здесь

в один из дней произошёл несчастный случай: погибла учительница, спасавшая свою тонувшую дочь. Прибежали крестьяне из соседней деревни. Пустили по реке каравай с зажжённой свечкой. В одном месте каравай закрутился. Водоворот! Здесь стали искать и, в конце концов, нашли бездыханное тело... На место происшествия прибыл инспектор губернского отдела народного образования И. Т. Огородников. Он строго журил юного вожатого за... допущенный им «религиозный обряд» (каравай со свечкой!). Происшествие было расценено как несчастный случай. Вот при таких курьёзных и, вместе с тем, трагических обстоятельствах познакомились два в будущем замечательных учёных-педагога.

Эта история известна нам со слов доктора педагогических наук, профессора Э. И. Моносзона, к 100-летию которого в альманахе «Герценка: Вятские записки» (№ 14) была опубликована наша статья под названием «Путь в педагогику начинался на Вятке». В данном материале нам хотелось бы дать своего рода коллективный портрет ряда наших земляков – крупных учёных в области теории и истории педагогики. И начнём мы свой рассказ с И. Т. Огородникова.

Доктор педагогических наук (1966), член-корреспондент Академии педагогических наук (далее – АПН) РСФСР (1955) и АПН СССР (1968), профессор (1935), заслуженный деятель науки РСФСР (1971) Иван Трофимович Огородников

родился 11 (23) апреля 1900 г. в с. Огородники Котельничского уезда Вятской губернии в бедной крестьянской семье.

По окончании начальной школы он поступил в реальное училище, но учёбу пришлось оставить из-за материальных трудностей. В 1919 г. Огородников поступил на физико-химическое отделение Вятского института народного образования, но учёбу вновь приходится оставить всё по той же причине. В итоге, в 1921 г. он оканчивает инструкторско-педагогические курсы, а в 1930 г., не имея высшего образования, – уже аспирантуру в Москве, причём это был самый первый выпуск аспирантов по педагогике в нашей стране. Практическая педагогическая деятельность началась в 1922 г. в г. Нолинске на педагогических курсах; потом его назначили заведующим отделом социального воспитания Нолинского уездного отдела народного образования. В 1923–1928 гг. Огородников был школьным инспектором и преподавателем педагогического техникума в Вятке.

В эти годы началось приобщение молодого педагога к науке. Свою первую опубликованную статью он послал в родную деревеньку любимой учительнице Антонине Николаевне Полянской. За первой статьёй последовали другие. Особенно увлекали автора вопросы обобщения и распространения передового педагогического опыта. Неожиданно его вызвала в Москву

зам. народного комиссара просвещения РСФСР Н. К. Крупская. Оказалось, что причиной столь крутого поворота в жизни Ивана послужили несколько его статей, напечатанных в журнале «На путях к новой школе», который редактировала Крупская. «Мы Вас хорошо знаем. Мы печатали Ваши статьи. Они нам очень нравятся, – сказала она при встрече. – Вам надо переходить на научную работу».

Многие годы потом в кабинете И. Т. Огородникова почётное место занимал второй номер журнала «На путях к новой школе» за 1929 г., полностью посвящённый вопросам политехнического обучения. В нём вместе с работами В. И. Ленина «Тезисы о производственной пропаганде», «Из заметок на тезисы Надежды Константиновны» (эта работа публиковалась впервые) и статьёй Н. К. Крупской «О политехнизме» были помещены две статьи аспиранта института методов школьной работы И. Огородникова – «К вопросу о политехнизме» и «К вопросу строительства школы крестьянской молодёжи». Статьи молодого учёного отличало знание проблем села вообще и сельской школы в частности. Он, например, писал о том, что нельзя ждать, как предлагалось некоторыми учёными, пока деревня обретёт надлежащий «техно-экономический базис»; надо использовать всё то, что уже имеется в наличии для ускорения социалистического строительства на селе.

С 1930 г. И. Т. Огородников в течение почти полувека вёл педагогическую работу в вузах Москвы: в высшем инженерно-педагогическом институте, МГУ, Московском областном пединституте им. Н. К. Крупской (далее – МОПИ), а с 1949 г. – неизменно в Московском госпединституте им. В. И. Ленина (далее – МГПИ). Причём в должности зав. кафедрой педагогики в этих институтах он работал свыше сорока лет, в том числе в МГПИ – свыше четверти века. Помимо этого, в 1944–1947 гг. был одновременно заместителем начальника главного управления высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР. В 1933 г. по рекомендации Г. М. Кржижановского И. Т. Огородникова приглашали принять участие в деятельности Всесоюзного комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР.

Профессор И. Т. Огородников читал курсы педагогики, руководил учебной и научно-исследовательской работой кафедр, возглавлял учёный совет педагогических кафедр вузов Москвы. Он автор свыше полутора сотен научных работ, в которых рассматривались коренные проблемы методологии педагогики, дидактики, теории воспитания и вопросы педагогического образования. Приведём один характерный пример.

Важным событием в общественно-политической жизни страны стала созванная перед самым началом Великой Отечественной войны Все-

И. Т. Огородников

союзная конференция по педагогическим наукам. И. Т. Огородникову было поручено сделать на ней доклад по проблеме, которая тогда – да и в последующий период времени тоже – была предметом острейших споров, – о взаимоотношении педагогики, дидактики и частных методик. Тогда было немало методистов, отрицавших руководящее значение общепедагогических и дидактических принципов для построения вузовских курсов методики, а то и просто не признававших за методикой статуса научной дисциплины и рассматривавших её как некий случайный набор технических приёмов. В докладе Огородникова были как раз намечены пути дальнейшего развития частных методик, укруп-

ления связей между педагогикой и частными методиками, обобщения методической работы, ведущейся в школах [1, с. 25].

И. Т. Огородников был разно-сторонним учёным-педагогом, но особенно много сделал он для развития экспериментальной дидактики. Причём его теоретические исследования всегда сочетались с экспериментальными. Младшие коллеги Ивана Трофимовича, Александр Егорович Дмитриев и Валентина Васильевна Мерцалова, в своих воспоминаниях [2, с. 118] отмечали его огромную эрудицию, глубокое знание школьных проблем, широту научных интересов, талант организатора и руководителя, которые во всей полноте были реализованы профессором Огородниковым в период работы на кафедре общей педагогики МГПИ. Кафедра под его руководством стала подлинным центром научно-педагогических исследований, направленных на решение актуальных проблем народного образования, педагогической науки и подготовки педагогических кадров. Эти исследования были сосредоточены в созданных при кафедре лабораториях воспитательной работы, экспериментальной дидактики, программированного обучения, высшего педагогического образования, сравнительной педагогики, истории педагогики. За кафедрой были закреплены три экспериментальные школы. Лаборатория дидактики, например, свои усилия сосредоточила

на поиске, научно-теоретическом обосновании и практическом внедрении путей и способов повышения эффективности урока, на решении проблем развития познавательной и творческой активности учащихся.

В памяти учителей старшего поколения – эксперимент в школах г. Казани, организованный И. Т. Огородниковым. Передовой опыт тамошних педагогов по повышению познавательной активности и организации разнообразной самостоятельной учебной деятельности учащихся на уроке перенимали тогда многие учителя страны, стремившиеся работать творчески.

Самим И. Т. Огородниковым опубликовано несколько оригинальных исследований о путях повышения эффективности учебно-воспитательного процесса в средней школе. К наиболее важным трудам разных лет можно отнести такие труды, как «Организация и методика работы в высшей школе» (1934), «Повышение идейного и теоретического уровня учебной и научной работы по педагогическим наукам» (1947), «Педагогический практикум» (1959), «Методика изучения эффективности урока по основам наук в школе» (1959), «Вопросы повышения эффективности урока» (под ред. И. Т. Огородникова, т. 1–3, 1959–1964). Велик вклад И. Т. Огородникова в создание учебников по педагогике. Его первый учебник для учительских институтов вышел в 1946 г. и был написан в творче-

ском содружестве с П. Н. Шимбирёвым, кстати, ранее (1936–1938) работавшим директором Кировского пединститута. Ещё один учебник – для пединститутов – увидел свет в 1954 г. Его последний учебник был издан в 1978 г., уже после смерти автора.

Некоторые работы И. Т. Огородникова переведены на иностранные языки. Особый интерес представляет опыт написания совместно с учёными ГДР работы по методике исследования проблем дидактики, которая была выпущена в 1974 г. в нашем издательстве «Просвещение».

В разные периоды своей долголетней научно-педагогической деятельности Иван Трофимович принимал активнейшее участие в педагогических дискуссиях. Так, в 1930-е гг. он настойчиво проводил мысль о необходимости комплексного применения различных методов преподавания; подвергал критике тех, кто считал, что навязывавшийся извне бригадно-лабораторный метод универсален. И всё же в центре деятельности нашего земляка на ниве просвещения было педагогическое образование и подготовка учительских и научно-педагогических кадров. Ученики И. Т. Огородникова до сих пор трудятся во многих регионах страны. Под его руководством защищены 48 кандидатских и докторских диссертаций.

Помимо своей основной работы, И. Т. Огородников выполнял обязанности председателя ученой комис-

сии по педагогике Министерства просвещения СССР, члена экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР, члена бюро отделения теории и истории педагогики АПН СССР, члена учёного совета НИИ общей педагогики АПН СССР и т. д.

За свой труд И. Т. Огородников был награждён орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта», медалями К. Д. Ушинского и Н. К. Крупской. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1971 г. ему было присвоено почётное звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Доцент кафедры педагогики КГПИ Галина Алексеевна Созинова (1941–2014), хорошо знавшая И. Т. Огородникова, вспоминала, что он был чрезвычайно остроумным, глубоко образованным человеком, требовательным и принципиальным и, в то же время, сердечным и доброжелательным, внимательным к людям. И. Т. Огородников активно работал вплоть до того трагического дня, когда, возвращаясь с работы, он был сбит автомашиной. Через несколько дней, 7 октября 1976 г., Иван Трофимович скончался.

Примечательная деталь: журнал «Советская педагогика», членом редколлегии которого Иван Трофимович состоял с 1952 г., в № 12 за 1976 г. поместил некролог памяти И. Т. Огородникова и одновременно дал материал о 8-м совместном семинаре аспирантов и молодых учё-

ных АПН СССР и АПН ГДР. В материале сообщалось, в частности, что на пленарном заседании семинара с докладом на тему «О повышении творческой познавательной самостоятельности в обучении» выступил И. Т. Огородников. А руководителем упомянутого семинара был другой наш земляк-котельничанин, доктор педагогических наук (1965), профессор (1968) Алексей Иванович Пискунов. Именно он стал преемником Огородникова в должности заведующего кафедрой общей педагогики МГПИ (1980–2000).

А. И. Пискунов родился 24 февраля 1921 г. в г. Оханске Пермской области. Когда Алексею было несколько месяцев, семья переехала в Котельнич, на родину его родителей. Здесь прошли детские годы будущего учёного. В 1942 г. А. И. Пискунов окончил факультет иностранных языков Ставропольского пединститута. Педагогическую деятельность начал в 1940 г. в качестве учителя немецкого языка в средней школе. По окончании института работал в Махачкалинском пединституте. В 1949 г. он становится аспирантом НИИ теории и истории педагогики АПН РСФСР.

После защиты кандидатской диссертации в 1952–1954 гг. работает доцентом и зав. кафедрой педагогики Мордовского пединститута. В 1955–1962 гг. – старший научный сотрудник, а в 1962–1965 гг. – зав. сектором истории педагогики НИИ теории и истории педагогики АПН РСФСР; в

А. И. Пискунов

1965–1974 гг. – заместитель директора, в 1974–1980 гг. – директор этого института (последние годы при Пискунове он назывался НИИ общей педагогики). Член-корреспондент АПН СССР (1968), действительный член АПН СССР (1977), действительный член РАО (1993). В 1970-е Пискунова избирают академиком-секретарём отделения теории и истории педагогики АПН СССР.

Как учёный А. И. Пискунов известен научной общественности, прежде всего, своими фундаментальными исследованиями в области истории зарубежной и отечественной педагогики. Им написаны такие значительные труды, как «Очерки по истории прогрессивной немецкой педагогики конца XVIII – нача-

ла XIX в.» (1960), «Теория и практика трудовой школы в Германии (до Веймарской республики)» (1963), «Проблемы трудового обучения и воспитания в немецкой педагогике XVIII – начала XX в.» (1976).

За большой вклад в дело изучения наследия великих педагогов Министерство просвещения Чехословацкой Социалистической Республики наградило А. И. Пискунова медалью Я. А. Коменского, великого славянского педагога. Пискунов – один из инициаторов, руководителей и авторов многотомного издания, посвящённого развитию школы и педагогики народов СССР. Он автор таких фундаментальных трудов, как «Методы педагогических исследований» (1979), «Теория и практика педагогического эксперимента» (в соавт. с Г. В. Воробьёвым, 1979), «Развитие экспериментальных учебно-воспитательных учреждений в СССР и за рубежом» (в соавт., 1978). Всего на его «лицевом счету» около трёхсот научных работ.

Большой вклад внёс наш земляк в совершенствование вузовской педагогики и как председатель методического совета по педагогическому образованию Министерства просвещения СССР. Он был членом нескольких диссертационных советов. Под его руководством десятки учёных стали докторами и кандидатами наук. В Кирове это доктор педагогических наук Н. В. Котряхов, кандидаты педагогических наук М. Ф. Соловьёва, Г. А. Созинова,

Т. В. Подавалова и др. Скончался Пискунов 30 мая 2005 г.

Все герои моего очерка были исключительно обаятельными людьми. Приведу один пример. В 1997 г. я присутствовал на докторской защите в диссертационном совете, возглавлявшемся А. И. Пискуновым. В ходе обсуждения я взял слово и высказал своё мнение о диссертации. После окончания процедуры защиты Алексей Иванович подошёл ко мне, мы познакомились. Он дружески обнял меня со словами: «Так вот, значит, Вы и есть Помелов!». Оказывается, он давно хотел со мной познакомиться. Дело в том, что в 1993 г. вышла в свет в Кирове моя книга «Педагоги и психологи Вятского края», в которой речь шла, в том числе, и о А. И. Пискунове. Узнав об этом обстоятельстве, некоторые наши кировские соискатели учёных степеней, пытавшиеся в те годы «покорить Москву», обращались ко мне с просьбой подарить им экземпляр этой книги для вручения его А. И. Пискунову, к которому они намеревались обратиться за содействием в поступлении в аспирантуру и докторантуру. В итоге, у Алексея Ивановича скопилось целая стопка этой моей книжки. Помню, он ещё недоумевал, почему я, в то время докторант, ранее не обратился к нему за содействием в поступлении в докторантуру. Я отшутился. Не мог же я, в самом деле, сказать «истинную правду», что я, как истинно русский человек, пошёл самым трудным путём...

Н. С. Сунцов

Мы стали вспоминать видных учёных – педагогов и психологов вятского происхождения. Какие имена! В. М. Бехтерев, В. С. Серебренников, В. Г. Разумовский, Б. П. Есипов, Е. А. Климов, М. Г. Яновская, В. Ф. Сахаров, Л. А. Цветков, Н. С. Сунцов, Ф. Ф. Нагибин... А сколько таких учёных, кто провёл значимую часть жизни в Вятке, как, например, Э. И. Монозон и П. Н. Шимбирёв! В итоге А. И. Пискунов согласился с высказанным мной в упомянутой выше книге утверждением о том, что Вятский край дал так много учёных в области педагогики и психологии, как никакой другой, за исключением, конечно, Москвы и Санкт-Петербурга. Но

у столиц ведь и огромный «численный перевес» населения по сравнению с таким провинциальным регионом, как Вятка. В общем, мы пришли к выводу о том, что «без вятских – нет педагогики!».

Одним из учёных, которого мы вспомнили в разговоре с Алексеем Ивановичем, был ещё один наш земляк Николай Степанович Сунцов, относившийся к числу наиболее крупных учёных в области школоведения – отрасли педагогической науки, изучающей проблемы организации деятельности школы.

Как известно, организационно-управленческие вопросы, в том числе и применительно к школьному делу и системе образования в целом, приобрели в последнее время особую актуальность в связи с тем, что становится всё более очевидным следующее обстоятельство: достижение успеха в этой сфере обеспечивается зачастую не только и не столько за счёт самоотверженных усилий отдельных учителей, сколько за счёт правильной организации их труда, совершенствования постановки и решения школьных проблем на государственном уровне, повышения престижности педагогического труда и образованности в стране.

Всем этим вопросам Н. С. Сунцов и организованный и возглавлявшийся им на протяжении более пятнадцати лет НИИ школ Минпроса РСФСР уделял первостепенное внимание. И как заместитель академика-секретаря отделения теории

и истории педагогики АПН СССР он внёс значительный вклад в организацию педагогических исследований в указанных научных направлениях. Н. С. Сунцов был автором значительного количества работ по актуальным проблемам школы и педагогической науки. Его главный научный труд – монография «Управление общеобразовательной школой. Вопросы теории и практики» (М.: Педагогика, 1982) является плодом фундаментального исследования в этой области, итогом многолетних раздумий и научных изысканий. Положения и выводы, содержащиеся в этой книге, легли в основу докторской диссертации. А ещё раньше, в 1950-е гг., была успешно защищена кандидатская диссертация. И эту диссертацию сопровождал капитальный труд – «Экономические взгляды Н. В. Шелгунова» (М.: Издательство политической литературы, 1957).

Видный советский учёный родился 22 ноября 1914 г. в Вятке в семье рабочего-железнодорожника. Отец Степан Леонтьевич работал главным кондуктором пассажирских поездов Вятского резерва, был ударником производства. По окончании в 1930 г. школы-семилетки № 53 Северной железной дороги Николай решил пойти по стопам отца и стать железнодорожником. Два года проучился он в школе фабрично-заводского ученичества на помощника машиниста, имел только отличные и хорошие отметки, и тут случилось несчастье: вследствие травмы колен-

ного сустава ему пришлось ампутировать правую ногу... Пришлось расстаться с мечтой стать машинистом. Николай перешёл в слесари по ремонту паровозов. Затем он сдал экстерном экзамены за среднюю школу и поступил на физико-математический факультет КГПИ, который окончил в 1938 г. Директор института Ф. С. Орешков и декан И. И. Бессонов писали в характеристике студента Н. С. Сунцова: «Академически успеваешь хорошо, педпрактику провёл отлично. Вёл общественную работу в качестве старосты духового оркестра, агитатора на избирательном участке. К работе относишься серьёзно».

По окончании института Николай Степанович Сунцов работал учителем физики. Как вспоминал его студенческий товарищ, директор Кировской средней школы № 17 Николай Андреевич Сапожников, впоследствии многолетний зав. Кировским областным отделом народного образования, Николай Степанович так живо и интересно вёл уроки, что к нему было настоящее паломничество других физиков города. Имея всего один год учительского стажа, он стал руководить городской секцией физиков-методистов. Затем Н. С. Сунцов был назначен завучем, директором школы.

Впоследствии Николай Степанович более двадцати лет находился на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС. Много внимания уделял он делу пропаганды педагогических

В. Ф. Сахаров

знаний среди родителей и общест-венности, будучи председателем президиума центрального совета Всероссийского педагогического общества. Активно участвовал в международных симпозиумах и конференциях, вёл обширную переписку с английскими, японскими, болгарскими, американскими учёными. Его ценили зарубежные коллеги. Он был избран почётным членом Болгарской и Румынской академий наук. Заслуги Н. С. Сунцова были отмечены высокими государственными наградами: орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта», медалями. 14 февраля 1987 г. Н. С. Сунцов скоропостижно скончался. Память доктора педагогических наук, члена-корреспондента АПН СССР

Н. С. Сунцова почтили некрологами «Учительская газета» и журнал «Советская педагогика».

Важнейшим методом воспитания, как известно, является метод примера. Положительный пример близкого человека, учителя оказывает исключительно важное влияние на становление личности любого человека.

В данном материале нам хотелось бы воздать должное человеку, который оказал немалое влияние на судьбы многих своих коллег, является примером для подражания. Речь пойдёт о В. Ф. Сахарове.

Василий Фёдорович Сахаров родился 22 октября 1920 г. в д. Деревеньки ныне Боровского района Калужской области в крестьянской семье. По окончании семилетней школы и педагогического техникума он поступил в 1938 г. в Калининский педагогический институт им. М. И. Калинина, однако учёбу прервала Великая Отечественная война. В 1941 г. он был призван в ряды Красной Армии и служил инструктором-лётчиком в авиашколе им. В. П. Чкалова в г. Борисоглебске Воронежской области. Награждён шестью медалями, в том числе медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

После демобилизации из Советской Армии в 1946 г. В. Ф. Сахаров работал учителем русского языка и литературы и директором Тишинской семилетней школы Калужской

области. В 1947–1949 гг. он завершил заочно обучение в Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской. В 1950 г. был выдвинут на должность заведующего Боровским районным отделом народного образования, а затем стал заместителем заведующего Калужским областным отделом народного образования.

С 1954 г. В. Ф. Сахаров снова работал заведующим роно, потом директором Абрамовской средней школы Калужской области. В 1961–1964 гг. он учился в аспирантуре МОПИ, защитил в 1964 г. диссертацию на соискание учёной степени кандидата педагогических наук на тему «Интерес учащихся к профессиям и его воспитание в сельской школе».

С 1965 г. В. Ф. Сахаров неизменно работал в Кировском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина на кафедре педагогики и психологии, (с 1984 г. – кафедра педагогики). С неизменной теплотой вспоминал он своих коллег – преподавателей кафедры: Татьяну Борисовну Храбрикову, Василия Ивановича Косолапова, Бориса Васильевича Леготина, Давида Моисеевича Сони́на, Валентину Михайловну Забабурову, Галину Алексеевну Созинову, Наталью Михайловну Капустину, Андрея Епифановича Воронова, Ивана Степановича Ершова, Нину Александровну Корневу, Лидию Ивановну Новикову, Антонину Ефимовну Ситникову, Владимира Николаевича Го-

голева, Михаила Израилевича Смирнова и др.

В 1967 г. В. Ф. Сахарову было присвоено учёное звание доцента. В 1977 г., после смерти зав. кафедрой, профессора В. И. Косолапова, В. Ф. Сахаров возглавил кафедру. Время его заведования кафедрой (1977–1988) вобрало в себя сложные и многообразные периоды в истории страны и системы образования: брежневский «застой», черненковскую «реформу школы», движение педагогов-новаторов, пресловутую «перестройку»... Все эти процессы требовали научно-педагогического осмысления, выработки соответствующих рекомендаций в адрес педагогов-практиков и студентов, и кафедра педагогики неизменно оставалась ведущей кафедрой вуза, главным генератором идей в деле совершенствования образования в Кировской области. Как заведующий кафедрой, В. Ф. Сахаров много внимания уделял подбору преподавательских кадров. От возглавлявшейся им кафедры «отпочковывались» кафедры психологии, основ научного управления школой, педагогики начального обучения и даже целый факультет начальных классов. С кафедры уходили люди, как правило, в наиболее работоспособном возрасте, в том числе в деканы (Н. Г. Колотилова, Л. И. Новикова, Г. И. Русинова) и проректоры (В. Б. Помелов), но кафедра быстро восстанавливала свой научный и преподавательский потенциал.

Помимо заведования кафедрой, в 1970–1980-е гг. Сахаров успешно руководил народным университетом научно-педагогических знаний, являлся членом научно-методического совета при областном управлении профессионально-технического образования, был руководителем секции по профориентации учащихся при областном отделении Педагогического общества РСФСР. Как депутат Кировского городского Совета депутатов трудящихся он возглавлял комиссию по народному образованию.

Автор данного материала был коллегой В. Ф. Сахарова на протяжении без малого трёх десятков лет. Помнится, жарким июльским днём «олимпийского» 1980 г. я пришёл в КГПИ насчёт трудоустройства. Однако на интересовавшем меня факультете никого не было. Прямо в коридоре меня заметил В. Ф. Сахаров. Мы познакомились, и он предложил мне место на кафедре педагогики, где я, вообще-то, не планировал работать.

В течение года я выполнял обязанности заведующего созданной В. Ф. Сахаровым на кафедре педагогики лаборатории профессиональной ориентации и профессионального отбора. В рамках этой лаборатории был создан так называемый факультет будущего учителя, а заведующий лабораторией был его «деканом». Лаборатория ставила своей целью привлечение на учёбу в пединститут абитуриентов, стремящихся к полу-

чению педагогического образования. Поэтому на каждом факультете для абитуриентов выпускались специальные методические пособия с контрольными заданиями. В работу со школьниками области были вовлечены десятки преподавателей, количество школьников измерялось тысячами. По воскресеньям проходили встречи с потенциальными абитуриентами: для них читались лекции, проводились консультации.

Такая лаборатория была в то время единственной в СССР. Опыт её изучался и пропагандировался по всей стране. Примечательно, что все руководители этой лаборатории впоследствии сделали достаточно заметную карьеру в вузе: Ф. Р. Зевахина – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой; О. В. Лебедева – доктор педагогических наук, профессор; Г. И. Симонова – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики; В. Б. Помелов – доктор педагогических наук, профессор, проректор, декан педагогического факультета.

17 июня 1985 г. в диссертационном совете научно-исследовательского института трудового обучения и профессиональной ориентации Академии педагогических наук СССР В. Ф. Сахаров успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Педагогические основы системы профориентации учащихся средней школы». Данная проблема давно интересовала В. Ф. Сахарова. В рамках её им был выпущен ряд

ценных книг. Среди них: «Профессиональные интересы Кировских школьников» (Киров, 1975), «Система профессиональной ориентации учащихся средних школ» (Киров, 1977), «Воспитание будущих земледельцев» (Киров, 1986), «Школа в пути» (Киров, 1992). Особенно значимым событием был выход монографии «Профессиональная ориентация школьников» (Москва, 1982), написанная в творческом содружестве с учёным из г. Кургана Александром Дмитриевичем Сазоновым. В. Ф. Сахарову принадлежит авторство наиболее существенных глав этой книги. В ней в обобщающей форме представлена модель профориентационной работы в нашей стране.

Защита В. Ф. Сахаровым докторской диссертации – кстати, это была первая защита докторской диссертации по общей педагогике за всю историю КГПИ им. В. И. Ленина – и присвоение ему учёного звания профессора в 1986 г. стали значительными событиями в жизни института, ведь в начале 1980-х на весь Кировский пединститут было всего два доктора наук – физик В. В. Мултановский и филолог В. И. Троицкий, причём последний вскоре скончался (1984).

Сам факт наличия на кафедре педагогики доктора наук дал основание открыть аспирантуру, а в 1995 г. – кандидатский совет по защите диссертаций, в котором В. Ф. Сахаров был заместителем председателя. Это

был первый диссертационный совет в истории нашего вуза. Со временем он стал докторским советом. За период с 1995 г. по 2012 г. состоялось 207 защит диссертаций. Далее совет был закрыт. И вот что интересно: если бы В. Ф. Сахаров не был в своё время доктором наук, десятки этих кандидатов и докторов просто не стали бы обладателями учёных степеней, не получили бы возможность стать доцентами и профессорами, не смогли бы сделать вузовскую карьеру; ведь учиться в аспирантуре и докторантуре в Москве и Санкт-Петербурге, организовывать защиту куда как сложнее (и дороже!), нежели в родном городе. В качестве научного руководителя В. Ф. Сахаров подготовил 10 кандидатов наук: это М. Н. Бородастая, А. А. Хохлов, И. Г. Завойчинская, Н. Г. Кологилова, С. С. Быкова, Р. Г. Сабирова, О. А. Говорова, Е. А. Кувалдина, М. П. Кибардина, С. А. Окунева.

В последние годы В. Ф. Сахаров работал профессором кафедры педагогики педагогического факультета ВятГГУ. Он активно занимался научной деятельностью. За заслуги в деле воспитания и обучения подрастающего поколения он награждён медалью «Ветеран труда», значками «Отличник народного просвещения РСФСР», «Отличник просвещения СССР», «Отличник высшей школы СССР», знаком «Почётный работник высшей школы РФ», почётным знаком «Заслуженный работник ВятГГУ».

В. Ф. Сахаров стал основателем целой династии учёных-педагогов. Его дочь Лариса Васильевна Мясникова – учитель иностранных языков с многолетним стажем работы, сыновья Александр и Евгений – кандидаты наук, внучка Елена Юрьевна Мясникова и внук Василий Александрович Сахаров прошли обучение в аспирантуре на кафедре педагогики ВятГГУ и стали кандидатами наук. Зять В. Ф. Сахарова, Юрий Алексеевич Мясников (1941–1995), долгие годы возглавлял школу-интернат № 6 г. Кирова.

В. Ф. Сахаров прожил длинную, наполненную плодотворным трудом жизнь. Он скончался 8 мая 2010 г., на 90-м году жизни. В памяти своих коллег и учеников Василий Фёдорович Сахаров останется замечательным руководителем, компетентным преподавателем, образцом научного работника, удивительно мудрым, отзывчивым и добрым человеком.

Осенью 1991 г. радостная и давно ожидаемая весть пришла из Санкт-Петербурга: доцент кафедры педагогики Майя Григорьевна Яновская успешно защитила докторскую диссертацию. М. Г. Яновская прошла большой жизненный и научно-преподавательский путь. Она родилась 21 августа 1929 г. в г. Пскове, в семье военнослужащего, ушла из жизни на 87-м году 24 марта 2016 г. В 1944 г. окончила школу-семилетку в г. Минске. В 1945–1948 гг. училась в Петропавловском педучилище, потом работала учителем начальных классов.

М. Г. Яновская

Продолжила образование на педагогическом факультете Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена, где получила специальность учителя начальных классов. Несколько лет работала преподавателем педагогики в педучилище г. Смоленска. Затем учёба в аспирантуре альма-матер (1958–1961). Одновременно в 1960–1961 гг. работала воспитателем школы-интерната № 15 г. Ленинграда. В 1961 г. М. Г. Яновская пришла на работу в Кировский пединститут. В 1964–1971 гг. вслед за мужем-военным была вынуждена продолжить преподавательскую работу в пединституте г. Южно-Сахалинска, а с 1971 г. до 2016 г. работала в КГПИ (ныне ВятГУ).

Автор этих строк, а также моя дочь, кстати, ставшая кандидатом

педагогических наук и доцентом по кафедре педагогики, в своё время учились у Майи Григорьевны в бытность студентами факультета иностранных языков. Для Яновской всегда была характерной чертой как преподавателя влюблённость в науку – качество, которое она стремилась прививать своим ученикам – студентам и аспирантам. Многие годы она возглавляла проблемную лабораторию «Эмоциональное стимулирование в процессе нравственного воспитания». Заметным событием в педагогической литературе стал выход в свет в издательстве «Просвещение» её книг «Творческая игра в воспитании младшего школьника» (1974) и «Эмоциональные аспекты нравственного воспитания» (1986). На эту же тему была её кандидатская диссертация «Творческая игра как средство нравственного воспитания младшего школьника» (1968). Многие десятки статей, брошюры по различным вопросам воспитания детей и подростков...

Считается, что успех любого дела процентов на семьдесят зависит от разумного эмоционального настроения его исполнителей. Основным направлением научной деятельности М. Г. Яновской как раз и является на протяжении многих лет проблема эмоционального стимулирования. А завершающим

этапом значительного по содержанию и охвату эксперимента стала защита докторской диссертации. Событие это тем более значительно, если принять во внимание тот факт, что М. Г. Яновская – первая женщина – доктор наук в истории КГПИ (ВГПУ, ВятГГУ). Это, впрочем, неудивительно: по данным высшей аттестационной комиссии, женщин среди докторов наук примерно 10 %. Тем значительней достижение нашей коллеги. Завоевать признание коллег и учеников, получить широкую известность, хотя бы и в рамках своей конкретной науки, непросто. На такое признание могут рассчитывать лишь те, кто сказал своё, достаточно веское слово в науке.

Именно такими останутся в памяти своих учеников и последователей герои нашего очерка – замечательные учёные и преподаватели, истинные вятчане.

Список использованных источников

1. Всесоюзная конференция по педагогическим наукам // Советская педагогика. 1941. № 7/8.
2. Дмитриев, А. Е., Мерцалова, В. В. Иван Трофимович Огородников // Советская педагогика. 1980. № 7.
3. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров, 1993.
4. Помелов В. Б. История Вятского образования: XIV–XXI вв.: монография // Поиски утраченного. Т. 2. Киров, 2013.

Раздел III

ПОРТРЕТЫ. СУДЬБЫ

Исследователи природы Вятской губернии

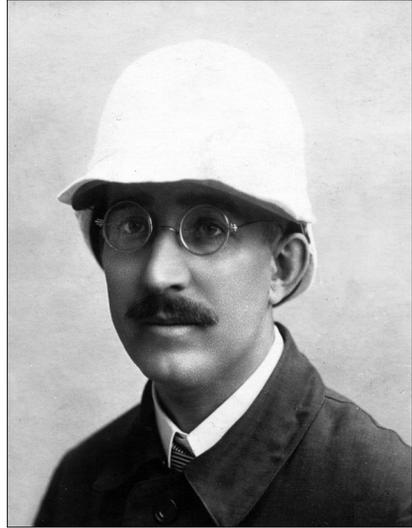
**Разумовский
Николай Константинович**

А. А. Хохлов

Родился Николай Константинович Разумовский 6 (18) октября 1893 г. в городе Казани¹. Вероятнее всего, в Казани он начал обучение. В октябре 1909 г. он переводится в 5 класс Вятского Александровского реального училища². После окончания училища в 1912 г. поступает в Петроградский горный институт. События осени 1917 г. значительно сказались на его судьбе. Студент 3 курса Николай Разумовский оказался в Вятке у своих родителей.

С 29 ноября 1918 г. студента Разумовского принимают работать в музей на должность исполняющего обязанности зав. кабинета геологии естественно-научной лаборатории³.

С первых дней работы он активно включается во все музейные дела. В 1919 г. Н. К. Разумовский в соавторстве с В. И. Башмаковым выпускают листовку-обращение к учителям о необходимости проведения наблюдений за природой⁴. В это время большинство работников музея из-за низкой зарплаты вынуж-

Н. К. Разумовский

дены были подрабатывать в других учреждениях. Приказом коллегии Вятского губоно № 337 от 14 ноября 1918 г. Разумовскому разрешено проводить занятия по минералогии в бывшем Вятском реальном училище⁵.

Одним из главных направлений работы молодого музейного работника стала научно-исследовательская деятельность, связанная с геологическими процессами в Вятской губернии. 17 ноября 1918 г. на заседании совета естественно-науч-

ной лаборатории губернского музея Н. К. Разумовский сделал доклад «О значении изучения Вятского края в геологическом отношении»⁶. На следующем заседании он выступил с новым докладом «О картах Вятской губернии»⁷. При его участии началась разборка имеющихся геологических коллекций и формирование геологической библиотеки музея. Участвовал Николай Константинович и в создании сельского музея в с. Ново-Троицком Котельничского уезда. Им была составлена листовка-обращение к учителям-любителям природы губернии об изучении природных явлений и передаче сведений о природе в музей⁸.

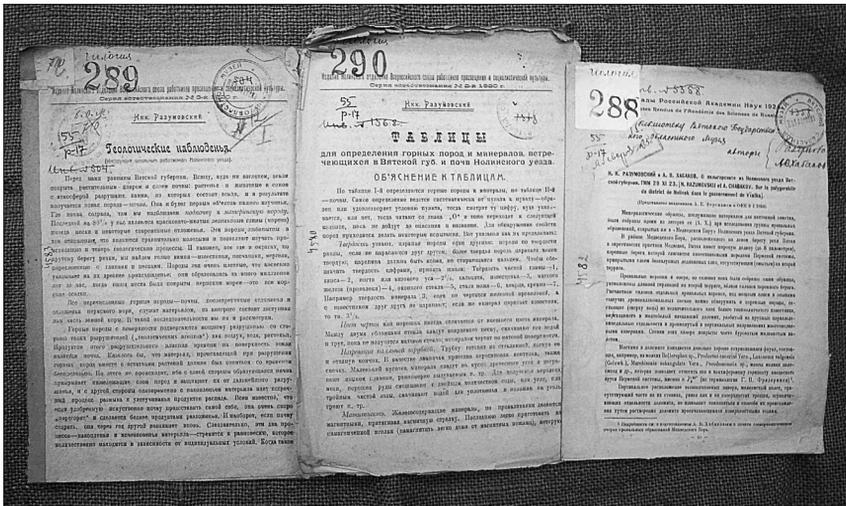
Проработал он на этой должности зав. кабинета недолго. Уже 16 апреля 1919 г. постановлением Нолинского уездного отдела народного образования (уоно) Н. К. Разумовский был принят на работу в Нолинский уоно⁹.

15 января 1919 г. третьим Нолинским съездом учителей Разумовский вошёл в состав уездного комитета союза работников просвещения¹⁰. На учительском съезде, в дни зимних каникул 13 января 1920 г., Разумовский сделал доклад «О состоянии исследования г. Нолинска»¹¹.

10 октября 1919 г. Разумовский пишет письмо в Вятский губмузей, где сообщает, что 3 августа 1919 г. на Нолинском уездном съезде учителей при первой школе 1 ступени организован уездный родиноведческий кружок, и что он избран секретарём

кружка. Члены кружка решили создать свой природоведческий музей. 7 октября 1919 г. постановлением Нолинского уоно № 107 был учреждён музей родной природы и утверждено «Положение о школьном музее родной природы». Н. К. Разумовскому было поручено составить смету на содержание музея в 1920 г. и организовать комиссию из 5 чел. школьных работников для составления инвентарного имущества музея, приведения его в порядок, подготовить к приёму посетителей, подыскать заведующего¹². 24 октября 1919 г. постановлением Нолинского уоно было принято решение об обращении в квартирный отдел о выделении помещения под музей на первом этаже здания, примыкающем к помещению центральной школы, библиотеки и выходящего во двор дома М. Я. Небогатикова¹³. В октябре в здании по ул. Советская, дом № 6 был открыт школьный музей «Родной природы», который возглавил Н. К. Разумовский. В письме, которое было направлено в научный музей г. Вятки, сказано, что Разумовский изучает геологию края¹⁴.

В 1920 г. Нолинское уездное отделение Всероссийского союза работников просвещения и социалистической культуры по предложению Н. К. Разумовского начинает выпускать методические рекомендации и инструкции по краеведческой работе в школах. Известно, что Н. К. Разумовский составлял и редактировал серию «Естествознание» и выпус-

Публикации Н. К. Разумовского

тил 3 брошюры: «Меры и измерения» (инструкция школьным работникам Нолинского уезда), «Таблицы для определения горных пород и минералов, встречающихся в Вятской губернии, и почв Нолинского уезда» и «Геологические наблюдения» (инструкция школьным работникам Нолинского уезда)¹⁵.

20 марта 1920 г. на районной конференции по делам музеев Николай Разумовский, выступая с докладом «О музейном строительстве в Нолинске», предложил создать художественно-исторический музей¹⁶.

Постановлением Нолинского уоно от 25 ноября 1919 г. Н. К. Разумовский командирован по просьбе Советского уездного отдела народного хозяйства для обследования штолен по добыче камня у с. Жерновогорья¹⁷.

5 августа 1920 г. Н. К. Разумовский освобождён от должности и уезжает в Петроград для продолжения учёбы¹⁸. За короткий срок Николай Константинович не только сумел закончить институт, но и написать диссертацию по известнякам Вятской губернии, защита которой прошла в 1922 г. Сразу же после этого он начал работать приват-доцентом в Петроградском горном институте¹⁹.

Работая в Нолинске и позже в Петрограде (Ленинграде), Николай Разумовский не терял связи с Вятским музеем. Так, летом 1920 г. Н. К. Разумовский совместно с другими работниками геологического кабинета Вятского научного музея обследовали в геологическом отношении окрестности железнодорожной станции Мантурово, и совместно с А. В. Хабаковым он принимает

участие в раскопках парейзауров²⁰. Именно благодаря данным раскопкам в фондовых коллекциях Вятского музея появились впервые кости травоядного ящера.

В 1923 г. в фонды Вятского музея горным инженером Н. К. Разумовским была передана коллекция девонских окаменелостей Кузнецкого бассейна²¹. В апреле 1924 г. А. В. Хабаров и Н. К. Разумовский выступали в Российской Академии наук с отчётом о нахождении А. В. Хабаровым в ходе экспедиции в 1923 г. по Медведскому Бору минерала палыгорскит (или горная кожа – минерал подкласса цепочечных силикатов)²².

В 1925 г. Н. К. Разумовский опубликовал статью, где даёт краткую характеристику географического положения, рельефа, полезных ископаемых Вятско-Ветлужской области²³. В 1927 г. он готовит к публикации статью «Геологическое строение и полезные ископаемые Вятско-Ветлужского края»²⁴. В 1928 г. Николай Константинович по просьбе Вятского НИИ краеведения даёт рецензию на гипсометрическую карту Вятской губернии²⁵.

Не забывал он и Нолинск, где проработал менее двух лет. В 1926 г. в Нолинске выходит сборник статей по геологии, археологии и общественному Нолинского уезда, в котором есть параграфы, написанные Н. К. Разумовским: «Как образовалась почва», «Песок и глина», «Геологическое обнажение», «Сброс у деревни Перевоз», «В недрах земли»,

«Что случилось с пермским морем», «Какие события пережила земля», раздела «Страница истории Земли»²⁶.

Умер доктор геолого-минералогических наук Н. К. Разумовский 29 марта 1966 г. В честь Н. К. Разумовского названы гора в массиве Вольтаг Земли Королевы Мод в Антарктиде, и 2 вида из подкласса фораминифер в ордовике Урала.

Примечания

¹ Н. К. Разумовский : некролог // Известия АН СССР. Сер. Геология. М., 1967. № 1. С. 111 ; ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 557. Л. 185.

² ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 557. Л. 185.

³ ГАКО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 18. Л. 20 ; Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 44. Л. 2, 3; Оп. 3. Д. 45. Л. 67.

⁴ Разумовский Н. К., Башмаков В. И. Обращение к учителям о необходимости проведения наблюдений за природой. Вятка, 1919.

⁵ ГАКО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 18. Л. 15.

⁶ ГАКО. Ф. Р-2222. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

⁷ ГАКО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 254 Л. 13.

⁸ Там же. Л. 15–17.

⁹ ГАКО. Ф. Р-1706. Оп. 2. Д. 1. Л. 45 ; Оп. 3. Д. 44. Л. 2, 3 ; Д. 45. Л. 67.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 69. Л. 26.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 69. Л. 8 ; Оп. 1. Д. 69. Л. 26.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 110.

¹³ Там же. Л. 118.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 36. Л. 11 ; Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 49. Л. 42.

¹⁵ Разумовский Н. К.: 1) Геологические наблюдения. Нолинск, 1920. Вып. 3. 21 с. Сер. Естествознание ; 2) Меры и измерения : (инструкция школьным работникам Нолинского уезда). Нолинск, 1920. Вып. 1.

4 с. Сер. Естествознание ; 3) Таблицы для определения горных пород и минералов, встречающихся в Вятской губернии и почв Нолинского уезда. Нолинск, 1920. Вып. 2. 8 с. Сер. Естествознание.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-2221. Оп. 1. Д. 49. Л. 42.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-1706. Оп. 2. Д. 1. Л. 129.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 41.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 54. Л. 38.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-2222. Оп. 1. Д. 19. Л. 56.

²¹ Там же. Л. 51, 52.

²² Разумовский Н. К., Хабаков А. В. О палыгорските из Нолинского уезда Вятской губернии // Доклады Российской Академии наук за 1923 год. М., 1924. С. 60–63.

²³ Разумовский. Н. К. Вятско-Ветлужская область // Химико-технический справочник. Л., 1925. Ч. 2 : Ископаемое сырье по экономическим областям СССР. С. 33–42.

²⁴ Материалы краевой конференции по изучению производительных сил Вятско-Ветлужского края : (резюлюции). Вятка, 1927. Вып. III. С. 26–27.

²⁵ ГАКО Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 1717. Л. 2–4.

²⁶ Прошлое нашего края : сб. статей по геологии, археологии и обществоведению Нолинского уезда / сост. В. Д. Емельянов. Нолинск, 1926. 71 с.

**Судьба забытого таланта
из города Котельнича**
**Из биографии литератора,
музыканта и землеустроителя
Василия Аристарховича Шапкина**
А. Л. Рашковский

Кажется, совсем недавно писал о талантливом литераторе-самоучке Григории Тимофеевиче Чеснокове

из Тужинского района. Но Григорий Тимофеевич не был забыт. Василий Георгиевич Пленков собрал о нём целую папку материалов, довольно долго с ним переписывался. Упоминается Чесноков и в книгах Е. Д. Петряева.

Но вот мне попало в руки письмо одного литератора из Котельнича, который, как выяснилось, не упоминается в наших краеведческих материалах. Даже в картотеке Гали Фёдоровны Чудовой его нет.

Из письма В. Карелина (город Котельнич) от 23 сентября 1937 г. в адрес А. Алдана-Семёнова, Н. Васенёва и А. Мильчакова:

«Ваш радушный приём в Кирове и любезное приглашение прочесть свои рассказы у вас на вечере ободрили меня и усадили за новую большую повесть.

Творчество – моя высшая радость и потребность.

За последний год я переживал творческий кризис и почти нигде не печатался.

Раньше я писал стихи и печатал их во многих журналах (“Смена”, 1929, № 6; “Резец”, 1932, № 11 и 12; “Октябрь”, 1935, № 9), во многих номерах “Литературной газеты”, а в “Литературной газете” от 25 сентября 1935 года была хвалебная рецензия обо мне. Всего больше я печатался в крестьянских журналах “Земля советская”, “Жернов”, “Журнал крестьянской молодёжи” и других. Ездил от оргкомитета

Л. Н. Рахманов

Всесоюзного Союза советских писателей в командировку в Среднюю Азию и от Гослитиздата – на родину С. М. Кирова, в город Уржум. Творчески отчитался за поездки своими произведениями.

Раннее печатание испортило меня.

Только недавно, честно сев за работу, я почувствовал свою верную тропинку, идя по которой, написал “Поводыря” и “Колодец ненависти” (намечены к печати в Москве).

Надеюсь с вашей помощью написать ещё более полноценные вещи.

Мы с Лёней Рахмановым (автором “Депутата Балтики”) корпели над “Поводырём”. Я хочу с ним вместе сесть за сценарий.

Да не смутит вас, товарищи, что год тому назад я отбыл год и три ме-

В. А. Шапкин

сяца на Беломорканале за политическое хулиганство. Работал там заведующим центральной библиотекой культурно-воспитательной части, сотрудничал в газете “Перековка”, отредактировал и издал книгу стихов бывшего бандита Киселёва, написал массу своих рассказов (большого преступника не допустили бы до такой работы).

Меня до срока освободили, ничем не ограничили, и я являюсь полноправным гражданином. Допущен до педагогической работы, оканчиваю нынче институт.

Нет причин чуждаться меня. Отбывших на том же канале Могилянскую и Жигульского приняли в кандидаты Союза советских писателей.

На педагогической работе я оправдал доверие общественности. На-

Содержание: 1. Четвертый год изданий. 2. Выходит через день.

ПЕРЕКОВКА

Выходит через день. Номер 10. Цена 10 коп.

Беломорско-Балтийский Водный Путь готов!

Да здравствует исправительно-Трудовая Коммуна советской власти!

ВВФ вступает в эксплуатацию

Восстановление системы водного сообщения СССР

Ком. упр. ВВФ чл. ВВФА

Вместо дороги — каналы Беломорья

Вместо дороги — каналы Беломорья

Вместо дороги — каналы Беломорья

Проводство Наркомпродом

Проводство Наркомпродом

Работа в ВВФ

Работа в ВВФ

Восстановление системы водного сообщения СССР

Восстановление системы водного сообщения СССР

Привет किसानам и рабочим — соединителям морей!

Газета «Перековка»

Землеустроитель

Ну-ка, солнышко, не подведи,
Поработай сегодня подольше,—
У меня, землемера, в груди
Сердце бьется с энергией большей.
От того ль, что сегодня я начал
Многополье в коммуне вводить?
Съемка здесь веселее, иначе,
Только надо коммуну любить.
А в овсяных просторах смелее
Льется удаль любви через край.
Эх ты, жизнь — непрерывный конвейер!
Эх ты, мой околхозенный край!!!
Вправо, просекой надо вздохнуть
Семиструнные косы осин,
Влево — земли каналом разгладить
Для осушки болотных долин...
Я теперь в этой хлебной равнине

Проектирую профиль пути,
Чтобы трактором вспенить дернины
В жирногровые волны земли.
Чтобы план, рассчитав на страницах,
Переделать заплаты полос,
Чтобы с лаской соседку-пшеницу
Веселил русоусый обвес...
Перецветы зарниц зовут взоры,
Где-то в даях галдят журавли,
Лес иглицами вышил узоры
В кумачевой рубашке зари.
Ну, а солнышко, слишком уставши
От поденщины в двадцать часов,
На прощанье мне космами машет
И спешит под неведомый кров.

Василий Шапкин.

В. А. Шапкин. Землеустроитель (Журнал крестьянской молодёжи. 1930. № 7)

деюсь и в литературе заслужить похвалу.

В. Карелин.

Котельничская средняя школа для взрослых, педагогу Шапкину Василию Аристарховичу» (*ГАСПИ КО. Ф. Р-6777. Он. 3. Д. 159 а*).

Просмотрел упомянутые в письме журналы и обнаружил стихотворения Василия Аристарховича, два из которых и публикую в этой статье о нём.

Удалось найти и его автобиографию.

Василий Аристархович Шапкин родился 31 января (ст. ст.) 1910 года в городе Двинске¹.

Отец его, Аристарх Меркурьевич, происходил из беднейшей крестьянской семьи деревни Пустая Свинцовской волости Котельничского уезда Вятской губернии. Земельного надела семья не имела и батрачила. Рано потеряв родителей, отец сначала нищенствовал, а потом освоил плотницкое ремесло (оно было распространено в Вятской губернии) и работал на отхожих промыслах в Сибири.

В армию он был забрит (как тогда выражались) неграмотным. В армии пробыл 23 года и дослужился до нижнего офицерского чина. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах.

В Февральскую революцию 1917 года отца избрали членом полкового совета Рабоче-крестьянских депутатов. Всю Гражданскую вой-

ну он провёл на командных должностях. После тяжёлого ранения (отрыв пальцев правой и левой рук и контузии в живот) он вернулся в свою родную деревню инвалидом. Брат его, не желая подрывать хозяйство разделом, помог отцу сколотить в городе Котельниче двухкомнатный дом, и отец стал работать в артели инвалидов. С тех пор он и остался на службе в городе, временами выезжая в родную деревню на плотницкие работы. В 1935 году работал в больнице Котельнича по хозяйству. К XVII годовщине Октября был премирован за добросовестную работу 100 рублями (в те времена немалые деньги. – *А. Р.*).

Сам Василий, так как семья была бедной, уже с 12 лет начал работать по найму в кооперативной артели, где клеил пакеты. Потом, выучившись играть на скрипке, стал служить в местном симфоническом оркестре. Одновременно играл на пианино в кинотеатре. Заработав таким образом денег, он уехал учиться в Москву.

В Москве Василий сначала работал чернорабочим в Хамовнической строительной конторе, а затем поступил в землеустроительный техникум им. М. И. Калинина², который и окончил в 1930 году. Одновременно учился в рабочей консерватории при Московской государственной консерватории, которую окончил в 1928 году³.

В 1930 году, по окончании техникума, был мобилизован Нарко-

Д р у г у

Солнце соль достает из земли,
 Расплавляя туркменские сланцы...
 Мы с тобою здесь, друг мой, одни —
 Вместе нам по кибиткам слоняться.
 Не скучать, не мечтать о Москве, —
 Если стал на учет пятилетки...
 В отзвевшем, самуном песке
 Раззвенятся хлопчатника ветки.
 Отшумят саксаула кусты
 По степям безмятежным, безмолвным,
 И арыки, как нервы пустыни,
 Обуздают песчаные волны.
 Знаю я, да и ты знаешь тоже, —
 Эта жизнь не из ласковых дней:
 Каждый бай может мстить, гнутья может,
 Спрятав смерть в переплетах бровей.
 Но не страх диктовал эти строки.
 В сердце ржавчину нам не носить,
 Тот, кто молодость сжег на Востоке,
 Тот не в силах боязнь полюбить.
 Трудно в сердце сомненья душить,
 Подчинившись дехканской угрозе...
 «Э... колхозы яман, эх, якши,
 И не слышит моя про колхозы...
 Сеять хлопок не хочет моя,
 Дай пшеницу, пшеницу, пшеницу...»
 В желтом взгляде — басмаческий яд,
 И гроза изгибает ресницы...
 Все же мы здесь с тобой не одни
 В пятилетних боях новобранцы...
 Солнце соль достает из земли,
 Расплавляя туркменские сланцы...

Василий Шапкин.

Чарджуй.

19

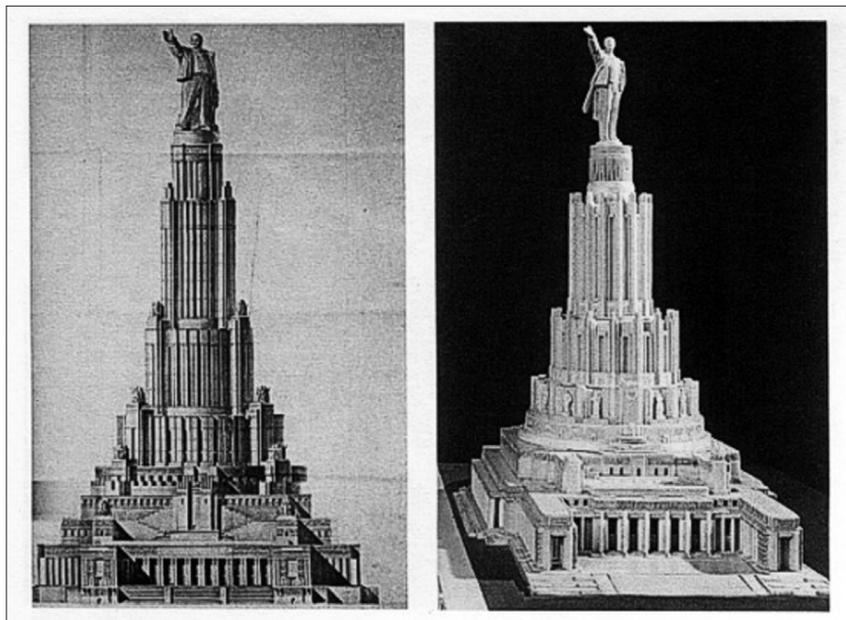
В. А. Шапкин. Другу
 (Журнал крестьянской молодёжи.
 1930. № 17/18)

матом земледелия для работы по землеустройству колхозов в Средней Азии. Работал районным землеустроителем и начальником землеустроительной партии в Дейнауусском и Карлюкском районах. Вёл там большую общественную работу. Был председателем Карлюкского районного товарищеского суда и председателем районного культурного штаба.

Тяжёлая и длительная болезнь (тропическая малярия с осложнением на сердце) вынудила его покинуть Среднюю Азию.

Литературную деятельность Василий Аристархович начал рано. С 1927 года он был уже членом Всероссийского общества крестьянских писателей. Будучи талантливым литератором, печатался в центральной печати. Начал печататься в журнале «Жернов» в 1927 году. Затем печатался в журналах: «Смена» (1929. № 6; 1933, № 7/8), «Журнале крестьянской молодёжи» (в 9 номерах), «Резец» (1932. № 11/12), «Комбайн» (в 7 номерах), «30 дней» (1933. № 8). Его материалы печатала «Литературная газета». Он публиковался в сборниках «Человеческий переплав», сборниках крестьянских писателей и других изданиях. Часть материалов печатал под псевдонимом «В. Карелин» (видимо, в многотиражке).

В 1935 году учился в Литературном университете Союза советских писателей СССР⁴. До этого учился в Редакционно-издательском институте (оказывается, был и такой. — А. Р.) до его расформирования. Работал ответственным секретарём и литературным сотрудником редакции многотиражки «Ударный труд» завода «Компрессор»⁵ в Москве. Одновременно руководил литературным кружком завода. До этого руководил литературным кружком на строительстве Дворца Советов⁶ и на других заводах. В Литературный университет командирован заводом

*Б. Иофан, В. Шуко, В. Гельфрейх. Дворец Советов. Проект. 1937 г.
Б. Иофан, А. Баранский, Я. Белопольский. Дворец Советов. Вариант 1943 г.*

«Компрессор». Будучи ударником работы на заводе, был премирован библиотекой.

Автобиография написана 22 февраля 1935 года.

Затем он отбыл год и три месяца на Беломорканале за политическое хулиганство. Работал там заведующим центральной библиотекой культурно-воспитательной части, сотрудничал в журнале «Перековка».

После досрочного освобождения уехал в город Котельнич, где работал в средней школе для взрослых. В конце июня 1941 года Василий Аристархович ушёл на фронт, погиб 30 апреля 1942 года в местечке Ле-

сопункт Чудновского района Новгородской области.

В работе использованы материалы Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Кстати, в РГАЛИ, в фондах неопубликованных рукописей журналов «Знамя» и «Октябрь», сохранились рукописи Василия Аристарховича.

Примечания

¹ Даугавпилс (ранее Двинск, Динабург (до 1893 г.), Борисоглебов, по русским летописям – Невгин) – город республиканского подчинения в Латвии, второй по величине и значению город

страны после столицы. Население города в 2015 г. составляло 86 тыс. человек.

² Один из старейших техникумов города Москвы, находился на ул. Герцена.

³ Воскресная рабочая консерватория была организована в 1927 г. для подготовки талантливых рабочих и крестьян к поступлению в Московскую государственную консерваторию.

⁴ Вечерний рабочий литературный университет основан в 1933 г. по инициативе А. М. Горького (постановление Президиума ЦИК СССР от 17 сентября 1932 г.). Предшественником его был Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова. Ныне это Литературный институт им. А. М. Горького в Москве.

⁵ Завод «Компрессор» был основан в 1869 г. в Москве предпринимателем А. К. Дангауэром. Первоначально завод представлял собой кузнечно-слесарную мастерскую с названием – завод «Дангауэр и Кайзер». На заводе делали оборудование для пищевой промышленности. Нынешнее название завод получил в 1931 г. В этом же году рядом с заводом на территории района Лефортово для его работников был построен жилой массив. До Великой Отечественной войны на заводе «Компрессор» проведена реконструкция и был продолжен выпуск холодильных агрегатов, а в годы войны здесь выпускали пусковые установки реактивной артиллерии, известные как установки «Катюша», снаряды и боеприпасы. Заводом «Компрессор» в годы войны было выпущено 75 % всех установок «Катюша».

⁶ Дворец Советов – неосуществлённый грандиозный строительный проект в Москве. Построить его предложил на I Всесоюзном съезде Советов С. М. Киров, как здание, в котором будет при-

нята в состав СССР последняя союзная республика ВСЕГО МИРА. Должен был стать девятой, центральной и главной московской сталинской высоткой, кульминацией всего высотного строительства СССР и самым высоким зданием мира. В качестве места для Дворца был выбран холм над Москвой-рекой, где стоял Храм Христа Спасителя. 5 декабря 1931 г. Храм Христа Спасителя был взорван. После разбора его руин быстро начались подготовительные работы к строительству. С 1937 г. началось основное строительство. К 1939 г. закончилась кладка фундамента высотной части, главного входа и стороны, обращённой к Волхонке, высотой до семи этажей. Для строительства Дворца была разработана и изготовлена специальная марка стали. Она называлась ДС («Дворец Советов»). Это была самая прочная сталь на тот момент в стране. Однако уже в сентябре-октябре 1941 г., в период Великой Отечественной войны, из подготовленных для монтажа металлических конструкций были изготовлены противотанковые ежи для обороны Москвы. Вскоре едва поднявшееся от уровня фундамента здание пришлось разобрать совсем: после оккупации гитлеровцами Донбасса в 1942 г. стальные конструкции Дворца Советов были демонтированы и использованы для сооружения мостов на железной дороге, построенной для снабжения северным углем центральных районов страны. В 1943 г. 250 тонн металла из разбираемых конструкций Дворца Советов были направлены на строительство путепровода на Волоколамском шоссе, а в 1944 г. стальные конструкции использовались для пролётных строений Керченского моста, но вскоре этот мост был разрушен. После окончания войны было решено сосредоточиться на восстановлении страны, и проект был заморожен.

Яркий человек своего времени
К 90-летию со дня рождения
Леонида Григорьевича Прозорова
Н. Л. Прозоров¹

Каждый человек оставляет после себя своеобразный след, как плуг пахаря – борозду на возделываемом поле, глубокую или мелкую, прямую или извилистую. Данный след отражается в судьбах окружающих его людей и просто на земле, с которой он связал свою судьбу.

Леонид Григорьевич Прозоров – яркий человек своего времени. Этапы его жизни напрямую связаны с судьбой страны, на каждом из которых он всегда был на передовой, там, где трудно.

Л. Г. Прозоров родился 9 ноября 1926 г. в д. Чекоты Кумёнского района (по тем временам – бригада «Партизан» гремевшего на всю страну колхоза «Красный Октябрь») в крестьянской семье. С раннего детства работал с коммунарами и получал свои трудовни (форма оплаты в коммуне, а впоследствии в колхозе). В довоенное время с пионерским галстуком на шее, а позднее с комсомольским значком на груди с азартом трудился, помогая взрослым крестьянам в поле и на ферме, но больше его тянуло к работе с техникой и электричеством. До семи лет жил в деревне Чекоты, учился в селе Вожгалы, которое издавна славилось своей ранней на Вятке историей, знаменитой ярмаркой, богатой духовной культурой, а позднее

яркими страницами советской истории. В середине 30-х гг. XX века в селе открылась детская техническая станция, активным членом её коллектива стал и Леонид вместе со своим сверстником, тёзкой и будущим родственником Леонидом Лалетиным. Впоследствии последний, работая на Кировском заводе в городе Ленинграде, стал известным новатором, изобрёл резец для обработки сложных деталей. При помощи его он выполнял месячную производственную норму на 2180 процентов. Экземпляр знаменитого резца Лалетина сегодня хранится в музее истории колхоза «Красный Октябрь» Кумёнского района. И только безвременная смерть помешала Леониду Константиновичу Лалетину осуществить свою мечту – создать полностью автоматизированный станок.

Особой страницей в судьбе двух Леонидов – Прозорова и Лалетина – стала Великая Отечественная война. Отцы их – на фронте, дядья – тоже. Мужиков-колхозников призвала война, многих – безвозвратно. Снаряжали и провожали подводы с новобранцами до границы колхозных полей всем миром. В 15 лет от роду Леонид Прозоров и Леонид Лалетин взяли энергохозяйство колхоза на свои плечи, заменив ушедших на фронт взрослых колхозников. Это они в годы войны сумели оперативно восстановить пострадавший от пожара локомотив и обеспечить колхоз электричеством. На колхозной электростанции Леонид

Прозоров работал до самого призыва в ряды РККА, выполнял обязанности электромонтёра, дежурного электромашиниста и электромеханика. Скидок на возраст не было, требовали как с взрослого. Работая на электростанции, освоил и изучил на практике правила эксплуатации, обслуживания и ремонта электроустановок, электропотребителей и систем коммуникаций.

С декабря 1943 г. Леонид Прозоров – на фронте, участвовал в разгроме войск милитаристской Японии. Попал на Дальний Восток в Приморский край, посёлок Сучан. Служить пришлось в инженерно-сапёрном батальоне. Кроме военной специальности, стрелок-сапёр исполнял обязанности нештатного киномеханика и электрика батальона. При этом пригодились навыки, приобретённые в родном колхозе. Всё для фронта! Всё для победы! На западе солдаты в бою погибают, а здесь, на восточных рубежах Родины, – зловещая тишина, постоянное ожидание пограничных провокаций (попробуй разберись, провокация это, или началась настоящая война). Изнуряют голод и томительное: «Когда? Когда пойдём в наступление на проклятых самураев?» В августе-сентябре 1945 г. участвовал в боевых действиях в районе г. Лесозаводска в составе 843-го эвакогоспиталя Первого Дальневосточного фронта. Служба на Дальнем Востоке в инженерно-сапёрных частях продолжалась до 1947 г. и привила

любовь к сложной технике, научила обращаться с ней «на ты», расширила жизненный кругозор. Героем войны Леонид Григорьевич себя не считал, но медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией» почитал особо, считал, что получил их вполне заслуженно. В 1985 г. в честь 40-летия Победы Указом Президиума Верховного Совета СССР был награждён орденом Отечественной войны II степени.

После армии вернулся на родину и осознал, что время упущено, что неоконченного 7-летнего образования крайне недостаточно и необходимо навёрстывать упущенное. Работая в колхозе по механизации ферм, запуску вальцевой мельницы, маслобойни, участвуя в полной электрификации и водоснабжении объектов колхоза и личных подворий, сумел получить полноценное среднее образование – окончил 10 классов вечерней школы с. Вожгалы (и это в 21 год!).

В 1947 г. стал семейным человеком. Свадьба с Антониной Евстигнеевной Лалетиной была организована колхозом. В качестве свадебного подарка молодожёны от правления колхоза получили книгу Н. А. Островского «Как закалялась сталь» в шикарном красном переплёте. Впоследствии в семье шутили: «Так, всю жизнь и закаляемся...» В 1950 г. родилась дочь Наталья. В этом же году ещё одно важное со-

*Леонид и Антонина с его родителями Григорием Алексеевичем
и Марией Степановной. 1950 г.*

бытие: по представлению правления колхоза «Красный Октябрь» Леонид Григорьевич Прозоров Указом Президиума Верховного Совета СССР был награждён орденом «Трудового Красного Знамени» (в 24 года!).

Но далеко не всё складывалось гладко. Серьёзным испытанием для семьи стал конфликт между Леонидом и председателем колхоза, его дядей Петром Алексеевичем Прозоровым. Оба были нрава сурового, скорыми на решения и горячими. Правда, зла на сердце не носили². Так оказался Леонид в г. Москве, оставив молодую жену, которая под сердцем носила уже второго ребёнка. Устроился в столице на завод «Красный инструментальщик» токарем.

Там его и нашло письмо земляка-колхозника Алексея Прозорова, который сообщал, что в г. Кирове идёт первый набор студентов на факультет инженеров-электриков сельскохозяйственного института. Скорее всего, написать такое письмо надумил его именно Пётр Алексеевич, так как он знал Леонида с детских лет. В школьные годы племянник вместе со старшей сестрой и младшим братом частенько столовались у дяди, а зачастую и оставались ночевать, ведь от д. Чекоты до школы в с. Вожгалы – более 7 километров (если напрямую, через лес, вдоль русла речки Лебедки). Трудными были вступительные экзамены, особенно по русскому языку. Но зачлось

его фронтовое прошлое и направление колхоза. Стал студентом. Учёба в институте – дело непростое, да и о семье надо подумать. К этому времени на руках уже двое малолетних детей. Дочь Наталью взяли с собой в г. Киров, сына Николая оставили на попечении и воспитании своих родителей в деревне. Где жить? Помог Пётр Алексеевич. Уговорил ректора сельскохозяйственного института, профессора Василия Григорьевича Смирнова дать возможность молодой семье студента жить во флигеле его дома. Вопрос с жильём был решён. Но как прокормить семью? Жена Антонина пошла работать на Кировский станкостроительный завод кладовщиком, дочку отдали в детский сад. Сам Леонид устроился в институт электриком. Никакой работы не чурался.

1957 год – за плечами институт. Первой ступенькой специалиста с высшим образованием стала должность инженера-механика в Бахтинской МТС. Здесь он получил навыки руководителя, здесь пришло понимание того, что ответственность единоличного решения должна опираться на умелое и качественное коллективное его исполнение. Умение видеть главное, решать, казалось бы, невыполнимые задачи, создавать творческую и рациональную обстановку в подчинённом коллективе – вот что отражалось в его характеристиках того времени.

Уже на этом этапе, этапе становления как руководителя производ-

ства, Леонид Григорьевич понял, что рационализаторская работа – не дань времени, не выполнение чьей-то волюнтаристской прихоти, а эффективный способ решения проблем. При постоянном дефиците, подчас отсутствии запчастей и комплектующих, можно выполнить производственный план, если отнестись к нему со смекалкой и рационализацией. Реставрация изношенных деталей, их изготовление своими силами, применение новых материалов, оснасток и технологий позволяло избегать порой патовых ситуаций на производстве по ремонту сельхозтехники. Здесь проявилось умение Леонида Григорьевича успешно решать «задачи прорыва», где трудно, но надо поднять производство. Поэтому решением горкома партии Кирово-Чепецкого района в 1960 г. он был направлен главным инженером на крупное предприятие областного значения. Пасеговская районная техническая станция (РТС) в то время была многопрофильным предприятием по капитальному ремонту автотракторной и специальной техники, плюс (как сегодня принято говорить) градообразующим предприятием. Директором предприятия был Борис Иосифович Иванов. За два года работы Леонида Григорьевича главным инженером предприятие вышло на уровень передовых в отрасли, качество ремонта техники получило самую высокую оценку в области и на местах. Сроки ремонта техники были выведены

*В мастерских Пасеговской районной технической станции.
Первый слева – главный инженер Л. Г. Прозоров,
четвёртый – директор Б. И. Иванов*

на уровень нормативных, а многие даже были снижены. Немаловажным фактором в решении задач производства стала опять рационализаторская работа, но уже не рационализатора-одиночки, а созданной в РТС ячейки рационализаторов. От снижения себестоимости, повышения производительности труда, внедрения новых рацпредложений получили дополнительный доход, который пошёл на дальнейшее развитие предприятия и улучшение социальной сферы в селе. Были построены и введены в эксплуатацию новая баня, детский сад и ясли, поселковый пруд с зоной отдыха, це-

лая улица двухквартирных домов для рабочих.

Начало 60-х гг. характеризуется целенаправленной деятельностью партии и правительства по подъёму и развитию сельского хозяйства: намечался переход от экстенсивного развития к интенсивному. Гигантомания, то есть создание сельхозпредприятий-гигантов, привела к провалу сельскохозяйственной политики государства. Освоение целинных и залежных земель не дало в полной мере ожидаемых результатов. Был взят курс на подъём сельхозпредприятий средней полосы и в том числе Нечерноземья. Вот на этой волне 15 ян-

варя 1962 г. Леонид Григорьевич был назначен директором совхоза «Поломский» Кирово-Чепецкого района. Совхоз вместе с «Филипповским» и «Ардашевским» совхозами был создан на базе пришедшего в упадок колхоза-гиганта «Родина». На эту ответственную должность Леонид Григорьевич пришёл уже подготовленным и зрелым руководителем со своим видением путей и способов как подъёма, так и развития хозяйства. Несмотря на различные «перегибы» в тогдашнем руководстве сельским хозяйством, процветание лозунга: «План любой ценой!», Леонид Григорьевич все свои 28 лет бессменного руководства неукоснительно шёл намеченным путём, не «прогибался» и не подстраивался в удобный фарватер партийных и государственных «кормчих». Приходилось и ему иной раз проявлять гибкость, но никогда мягкотелость, раболепие или тупую исполнительность. Совхоз «Поломский» – это детище Леонида Григорьевича. Если на предыдущих этапах своей трудовой деятельности он учился и впитывал, то на «поломском этапе» он отдавал – отдавал себя полностью и самозабвенно! Уже в семидесятые годы он избран и длительное время был членом бюро обкома партии, делегатом районных и областных партийных конференций. И это значимое по тем временам положение в партийной иерархии использовал чисто в практических целях – на решение насущных задач хозяйства

и села. Леонид Григорьевич много раз приглашался на работу в партийные и административные органы управления районного, областного и даже столичного масштаба. Но он оставался верен себе, понимал: его удел – это работа на земле, а не на бумаге, с реальным коллективом, а не с абстрактными трудовыми массами³.

Сегодня на фасаде сельского дома культуры в с. Полом открыта мемориальная доска в честь директора совхоза «Поломский» Леонида Григорьевича Прозорова за его большой личный вклад в развитие социально-экономической сферы с. Полом. В школьном музее ему посвящена отдельная экспозиция. Зададимся вопросом: «Почему жители села и ближайших населенных пунктов до сих пор его помнят?». Ежегодно, в день его рождения проводится мемориальная акция «Дань памяти»?

Попытаемся ответить, используя информацию, полученную из публикаций периодической печати того времени, автором которых являлся Леонид Григорьевич. Анализ материалов достоверно и доказательно показывает, как совхоз «Поломский» шёл от отсталого нерентабельного убыточного хозяйства к многоотраслевому производству и как это отразилось на социально-культурной сфере села⁴.

Начнём с того, что Л. Г. Прозоров был твёрдо убежден, что только многопрофильное сельхозпредприятие

на базе современной агротехники, развитого животноводства, подсобных предприятий в состоянии прочно стоять на своих ногах, давать устойчивую прибыль и не требовать помощи от государства, реальной моделью чего был колхоз «Красный Октябрь», школу которого он прошёл основательно и осознанно. Почему многопрофильного, да потому, что сельскохозяйственное производство не даёт стабильный результат. Нет погоды – задержка сева; дождливая погода – сгноили сено; жаркое лето – зерновые дали малый намолот и т. д. А одновременно развивая полеводство (выращивая озимые и яровые злаки, корнеплоды, овощи, кормовые культуры), животноводство (производя и частично или полностью перерабатывая молоко, мясо, яйца, шерсть), имея ещё дополнительные и сопутствующие производства, можно гарантированно совхозу получить прибыль. И для этого необходимо было решить трудные и неразрывно связанные между собой задачи.

В полеводстве: создать и внедрить в жизнь многолетний план севооборота. В течение 2-х лет он был разработан и успешно применён на всех посевных площадях хозяйства. В плане севооборота нашли своё применение старые, проверенные временем подходы (в том числе применение травопольной системы и паров) и новые современные технологии полеводства. Необходимость подъёма плодородия земли

требовала грамотного подхода к её удобрению. Ведь посевные площади совхоза имели глинистую и суглинистую почву, только Каныпское отделение частично имело супесь. Вносить органику и минеральные удобрения надо системно, то есть постоянно и регулярно. Поэтому в совхозе был специально создан и на протяжении многих лет (пока существовал совхоз) работал торфоотряд. Это нештатное механизированное подразделение, которое в зависимости от времени года и выполняемых задач имело в своём составе различную численность рабочих, снабжённых специальной сельскохозяйственной и автотракторной техникой. Срочность и производственная необходимость вынуждали руководство совхоза к внесению удобрений вручную, то есть привлекая школьников, работников конторы и даже шефов с Кирово-Чепецкого химического комбината. В ранние мартовские и апрельские утра вручную рассыпать минеральные удобрения, можно сказать, выходило всё население. Первые результаты не замедлили сказаться: если в 1962 г. средняя урожайность ржи по совхозу была 6–8 центнеров с гектара, то в 1968 г. на Бызовском поле Перелазского отделения получили урожай в 36 центнеров с гектара⁵.

Важным показателем уровня развития отрасли является производительность труда. С целью её поднятия покупалась, бралась в кредит и аренду современная автотранс-

портная и сельскохозяйственная техника. Но, как бы ни хороша была серийно выпускаемая техника, её необходимо было адаптировать к условиям эксплуатации в совхозе на его тяжёлых землях. Один пример: тракторные двухосные телеги, поставляемые заводом-изготовителем, были хороши своей грузоподъёмностью, а вот по глинистому сырому полю не шли: трактор просто буксовал. Совхозные умельцы сместили назад переднюю колёсную базу, тем самым пригрузили задний ведущий мост трактора через сцепное устройство. И любое бездорожье стало проходимым.

Не последнее место в подъёме культуры земледелия имеют высококлассные семена. Главное директор совхоза видел в том, чтобы иметь собственный семенной фонд, адаптированный к совхозной земле и капризам непредсказуемой вятской погоды. Поэтому был выполнен пошагово целый комплекс мероприятий: обучение рядовых и руководящих специалистов, селекционный отбор, хранение лучших семян, собранных с полей совхоза, постоянный контакт с опытными и научными станциями и хозяйствами. В итоге уже через 10 лет своего существования совхоз, в основном, обеспечил себя собственным семенным и посадочным фондом. А это опять же положительно сказалось на урожайности в полеводстве. Наряду с этим во главу угла было поставлено строгое соблюдение агро-

технических норм, правил и сроков сева, обработки и уборки. В целом, грамотное использование посевных площадей не замедлило сказаться на их продуктивности и отдаче. Из года в год росла урожайность каждого гектара. В 1987 году, в 15-летний юбилей совхоза, урожайность зерновых составила около 32 центнеров с гектара, а сеяных трав – до 43,5. Продажа зерна государству возросла с 12 029 до 25 303 центнеров⁶.

Второй важной отраслью сельскохозяйственного производства является животноводство. В совхозе, получая директивные указания властных структур всех уровней, их не игнорировали, а принимали к сведению и исполняли, исходя из реально складывающейся обстановки. Например, область не выполняла план по мясу. Руководителей хозяйств «прессовали» по партийной и административной линиям, доставалось и Леониду Григорьевичу Прозорову, но «под нож» в совхозе не пустили ни одной головы дойного стада, ни одного племенного хряка или свиноматки. План, точнее довесок к плану, выполнили, применив своеобразную предприимчивость и крестьянскую смекалку – по «бартеру»: меняли корма на мясо с хозяйствами других регионов и сдавали. Точно так же, когда потребовалось резко увеличить поголовье крупного рогатого скота, коллектив совхоза под руководством директора с честью выполнил эту задачу: сначала обеспечили

Леонид Григорьевич с женой Антониной Евстигнеевной, диспетчером совхоза, и с Лидией Петровной Созонтовой, главным агрономом. 1968 г.

кормовую базу, создали культурные пастбища, построили кормовой цех, возвели крупные животноводческие комплексы, оснащённые по последнему слову техники, обзавелись своим цехом переработки и сепарирования молока. Большое значение имела и полная механизация животноводческих ферм, в первую очередь, молочно-товарных. В начале 60-х гг. на фермах господствовал ручной труд. Механизировать и даже автоматизировать молочно-товарное производство Леонид Григорьевич считал одной из важнейших задач. Выполнение её он держал под постоянным контролем. Буквально на второй год существования совхоза по его инициативе была создана

комплексная бригада по механизации животноводческого производства. Был разработан перспективный план механизации ферм, он неукоснительно исполнялся, изыскивались пути и способы выполнения стоящих задач. Вот здесь особый размах приобрела рационализаторская работа. Она велась не для того, чтобы получить диплом или свидетельство о регистрации рацпредложения, а для того, чтобы быстро, качественно и оперативно выполнить ту или иную задачу. Итогом работы рационализаторов совхоза явилось то, что через пять лет плодотворной работы весь производственный цикл на фермах стал механизированным. Был ликвидирован ручной труд

при кормоприготовлении, раздаче и кормлении, дойке и доставке молока на сепаратор, уборке, вывозе и заготовке навоза. Механизация всей цепочки производства, естественно, значительно облегчила труд доярок и скотников и, в то же время, позволила значительно увеличить поголовье дойного стада, поднять его продуктивность, снизить себестоимость молока и мяса. Особо необходимо сказать о строительстве в совхозе крупных животноводческих комплексов. В наследство от колхоза «Родина» совхоз получил множество мелких молочно-товарных ферм: «что не деревня, то ферма», а это было крайне не эффективно и, конечно, очень затратно. В 70–80-е гг. были построены новые животноводческие комплексы в отделениях: «Ванихинский», «Каныпский», «Маклаковский». На остальных отделениях фермы были реконструированы, модернизированы и увеличены по объёму, а мелкие были ликвидированы. Строить комплексы самим было не по силам, да и финансовых средств потратили бы больше. К работе привлекли на договорной основе специализированные строительные организации. «Каныпский» комплекс строили заключённые из спецучреждения г. Кирово-Чепецка, но доводку и совершенствование оборудования выполняла своя комплексная бригада по механизации труда. Естественно, производительность труда значительно выросла, а себестоимость продукции упа-

ла. Экономический эффект был на лицо. Модернизация, техническое переоснащение животноводческой отрасли – это первый шаг. Второй – создание собственной кормовой базы. Утверждение Л. Г. Прозорова, что «без собственных кормов не может быть высокопродуктивного стада», было конкретно подтверждено жизнью. Поголовье скота росло, а кормовая база нет. Покупать корма и завозить их со стороны дорого и не эффективно. Поэтому продумали и воплотили в жизнь комплексный план создания и развития собственной кормовой базы. Разработали свои культурные пастбища. Так, по всей протяжённости русла реки Просница, протекающей по территории совхоза, провели осушительные работы, вырубали ольховники, обрабатывали почву и засеяли культурными травами. Органично вписали в план севооборота выращивание кормовых культур с высокой отдачей и сделали это не в ущерб, а на пользу зерновым культурам. В заготовке силоса и другой зелёной массы тоже применили новые, более продуктивные и эффективные технологии. Так, первыми в районе заготовку силоса стали осуществлять с использованием нафталина, как эффективного и безвредного консерванта. Пустили в эксплуатацию цех витаминной травяной муки. Добавили её к сену, как твёрдому корму, плюс гранулированный корм, так научились производить собственные комбикорма. Комплекс проведённых работ обеспечил

поднятие продуктивности поголовья и выполнение планов по сдаче государству молока и мяса.

Большое значение в создании высокопродуктивного стада играла и собственная селекционная работа, которая уже на пятый год хозяйствования дала первые положительные результаты. Проводимый комплекс мероприятий не замедлил сказаться на результатах труда и экономических показателях хозяйства: если в 1962 г. было сдано 2 667 центнеров мяса, то в 1987 г. – уже 4 609⁷.

И, наконец, какую бы отрасль производства мы ни взяли, нельзя не отметить важность подготовки своих высококвалифицированных кадров. В 1962 г. в совхозе трудилось 7 специалистов с высшим образованием и 15 – со средним специальным, а в 1972 г. их было уже 16 и 38, соответственно. Например, супруга Леонида Григорьевича и надёжный помощник во всех начинаниях мужа, Антонида Евстигнеевна, в 43 года заочно окончила сельскохозяйственный техникум в с. Бобино. Совершенствование навыков руководства и закрепление профессиональных знаний системно осуществлялись и непосредственно в хозяйстве. Три раза в месяц со специалистами проводились совещания – семинары, где, кроме подведения итогов и постановки задач, отрабатывались вопросы профессионального совершенствования, рассматривались новые приёмы и способы решения производственных задач. Широко

применялся метод обмена опытом. Руководящее звено специалистов ездило в передовые хозяйства области: совхозы «Кстининский», «Бурмакинский», «Коршиковский», колхозы «Красный Октябрь», «Искра» Котельничского района. Управляющие двух отделений вместе с директором посетили Прибалтику, изучали опыт кормопроизводства. Механиков направляли в Московскую область и Марийскую АССР для знакомства с опытом применения сенозаготовительной техники, специалистов управления совхоза – в Московскую и Тульскую области, где они наглядно видели организацию механизации труда на молочно-товарных фермах. Имело место и привлечение молодых специалистов со стороны, что позволило в короткие сроки поднять уровень профессионализма рабочих и служащих совхоза.

Мечтая о создании многоотраслевого хозяйства, директор с командой специалистов, рабочих совхоза большое внимание уделял развёртыванию и развитию попутных и дополнительных производств. Так, на основе бывшей МТС была создана современная производственная база по ремонту и обслуживанию всего комплекса автотракторной и сельскохозяйственной техники на основе разработанного планово-предупредительного комплекса мероприятий. В основу был заложен принцип – лучше предупредить поломку, чем её допустить, а потом ремонтировать. «Готовь сани летом» – эта по-

словица как нельзя кстати рисовала отношение к технике в совхозе. Заранее, зимой, готовили зерноуборочные комбайны. Весной ещё снег на полях, а техника готова к посевной. Об уборке зерновых только подумали, а кузова грузовиков уже уплотнили, борта нарастили. В совхозных механических мастерских (комбайновый и тракторный цеха) ремонтировалась не только собственная, но и техника соседей, что тоже давало весомую прибыль. А построенная тёплая автостоянка обеспечивала круглогодичную безаварийную работу всего автопарка совхоза. В совхозных мастерских производились все виды слесарных, сварочных, токарных и других работ, а шефы с Кирово-Чепецкого химкомбината помогали выполнить те работы, с которыми без спецоборудования не справиться. Другим видом дополнительного производства стала организация деревообрабатывающего цеха на месте старой полуразрушенной пилорамы, что позволило производить глубокую деревопереработку: от бревна кругляка до мебели и хозяйственной утвари. Продукция цеха покрывала полностью нужды совхоза. На стройках хозяйства вся «деревяшка» была своя. Хороший доход давало производство автомобильных кузовов: 113 тыс. руб. – на такую сумму в 1973 г. было продано кузовов в другие регионы страны. Они продавались на многих территориях Советского Союза: от Чеченской Республики до Урала. Цех

давал круглогодичный доход и обеспечивал полную занятость рабочих. Новинкой того времени стало создание своего цеха по производству полиэтиленовой плёнки и продукции из неё, что позволило на 100 % закрыть собственные потребности и нужды, дало неплохой дополнительный доход и дополнительные рабочие места. В 1989 г. чистой прибыли от продукции цеха совхоз получил более 100 тыс. руб.⁸

Ещё в колхозе «Красный Октябрь» Леонид Григорьевич видел, насколько доходным и интересным является рыболовство и рыбозаведение. Учитывая то, что через территорию Каньпского отделения протекает река Чепца, и то, что она богата рыбными ресурсами, создали рыболовецкую бригаду. Примечательно, что орудия промысла изготавливались своими умельцами. По несколько десятков центнеров крупного леща за один выход на реку могли взять совхозные рыбаки. А характерный рельеф берегов речки Филипповки подтолкнул построить в районе д. Исаковцы своё рыбное хозяйство. Ещё с дореволюционных времён здесь стояла Векшинская мельница, а сейчас появился комплекс прудов для роста, нагула и зимовки зеркального и простого карпа. Из Ленинградской области были завезены для дальнейшего разведения мальки пеляди (рыба, похожая по вкусу на байкальского омуля или северного хариуса). Рыбное хозяйство в Исаковском отделении развивалось

и требовало большого внимания к нему, нужны были узкие специалисты, корма и оборудование, поэтому в конце семидесятых годов, по настоянию Леонида Григорьевича, оно было отделено от совхоза и превратилось в унитарное, отдельное, рыбное хозяйство «Филиповка». Совхоз длительное время поставлял свежую рыбу, получая при этом хороший доход. Свежей рыбой обеспечивали и рабочих.

Помнят полоччане и швейный цех. Изготовление детской одежды, нижнего белья, мужских рубашек и спецодежды из полуфабрикатов, поставляемых со швейных фабрик г. Кирова, позволило обеспечить круглогодичную занятость женщин хозяйства, снабдить совхоз дешёвой спецодеждой и получить прибыль от продаж. За неполный 1987 г. цех выдал продукции более чем на 500 тыс. руб.

А стационарные и мобильные пасеки? Чтобы получить хороший сбор мёда, на период медосбора пасека вывозилась даже в Уржумский район, где липа и лесной травостой исстари считались бесценным богатством этого района Кировской области.

Крепкая экономическая база позволила создать развитую социально-культурную сферу на селе. Леонид Григорьевич никогда не отделял дела производственные от жизни села. Он всегда считал, что только комплексный подход к решению любых задач обеспечивал их успеш-

ное и своевременное выполнение. Приводил в пример такую взаимосвязанную цепочку: совхозу нужен хороший специалист, а специалисту нужна квартира, его детям нужны садик или школа, продукты питания тоже нужны, нужно и в бане помыться, и культурно досуг провести. И если эта цепочка работает, то специалист, как правило, остаётся в хозяйстве. Такой пример, в 1964 г. в совхоз в поисках достойной работы приехал молодой ветеринарный врач Василий Максимович Пыхтеев. Ему предложили работу по специальности; хорошую по тем временам зарплату, отдельный новый дом, а, учитывая его любовь к мотоспорту, – ещё и новый мотоцикл. Естественно, он остался в совхозе, плодотворно работал в нём на различных ответственных должностях до самого ухода на пенсию.

Жилищный вопрос, жилищное строительство, всегда главный. В его решении проявилось умение директора находить способы решения задачи и умение претворять это видение в реальную жизнь. Учитывая отсутствие достаточного количества денежных средств в хозяйстве, он включил все возможные рычаги административного влияния: от районных до областных. Активно использовалась система займов и кредитования. И всё это без материального участия жителей Полома. На протяжении всего своего существования совхоз не испытывал затруднений в вопросах жилья для

своих рабочих. Многоквартирные двухэтажные дома строились крупными строительными организациями. Двухквартирные дома и дома коттеджного типа строились подрядными и субподрядными организациями, а малоэтажное строительство из дерева осуществлялось своими строителями. Этот комплекс мероприятий позволил в короткие сроки обеспечить крышу над головной рабочей совхоза и дал возможность привлекать рабочие ресурсы извне.

Жильё не только было, но было благоустроенным. В первую очередь, в дома пришли водопровод и тепло. И это не дань моде или времени, а производственная необходимость. Рабочий совхоза не терял времени и сил на доставку воды, заготовку дров и топку печей. Высвободившееся время посвящал работе и отдыху. Центральное отопление и водопровод, канализация общая и септиковая обеспечили цивилизованные условия жизни сельчан. Несколько позднее было создано своё газовое хозяйство. Газопроводов в то время ещё не было, поэтому баллонный газ завозился на совхозное, специально оборудованное хранилище, а затем по заявкам развозился и подключался специально обученными специалистами в домах. Газификация села дала возможность значительно экономить на электричестве и на своём личном времени.

На глазах менялся и сам облик села. Твёрдое покрытие проезжей

части улиц, тротуары, ночное освещение – тоже не прихоть руководителя совхоза, а понимание того, что культура быта и культура труда – вещи неразрывно связанные. Какая русская деревня без лужи в центре и непролазной грязи на улицах? Эту привычную картину в Полومه быстро разрушили. Сначала забетонировали две центральные улицы и так называемые производственные дороги вокруг села, построили деревянные, а затем и бетонные тротуары. Затем привели в порядок и периферийные улицы. Привлекли школьников и сельскую интеллигенцию к озеленению. Заложили большой сад на въезде в село. Всё это придало современный вид селу и позволило жителям выбраться из резиновых сапог, надеть нормальную обувь.

В центре села в 80-х гг. пустили в эксплуатацию детский комбинат. Тем самым не только решили проблему нехватки рабочих рук, но и обеспечили достойное воспитание подрастающего поколения. Родители больше не беспокоились о своих детях, которые, пока они работают, были в надёжных и ласковых руках воспитателей и нянечек. После детского сада – школа.

Поломская средняя школа во время подъёма совхоза и села принимала в свои стены детей школьного возраста от д. Кузики до д. Исаковцы. В то время в Полومه ещё детский дом находился. Его воспитанники также обучались в этой

школе. Учебных классов не хватало, учебный процесс даже в начальных классах был организован в две смены. Леонид Григорьевич преодолел не один бюрократический, финансовый и производственный барьер для того, чтобы на территории с. Полон появилось это красивое комплексное сооружение. Здание построенной средней школы заменило несколько старых и до сегодняшнего дня обеспечивает все потребности учеников и педагогов, отвечая требованиям современного учебного процесса.

Украшением села стал и сельский дом культуры. Кроме культурного центра, здесь разместились сельская администрация, опорный пункт милиции, почта, сберкасса, библиотека и музей. Большой многофункциональный дом культуры – и на сегодняшний день центр организации общественной и культурной жизни в с. Полон.

Несмотря на большие материальные затраты, постоянные трудности производственного плана, изысканы источники финансирования и резерва производства для строительства бани, пекарни и комплексного торгового центра, что сняло многие социальные проблемы сельчан и улучшило их быт.

Как руководитель большого хозяйства Леонид Григорьевич прекрасно понимал, что после плодотворного труда труженик совхоза должен и достойно отдохнуть. Для активного отдыха сельчан был построен легкоатлетический стадион,

регулярно возводилась хоккейная коробка, проведена освещённая ночью лыжная трасса, что доставляло удовольствие всем – от мала до велика. Совхоз всесторонне поддерживал художественную самодеятельность. Сельский хор, бесценно руководимый Александром Владимировичем Шатуновым, был множество раз лауреатом многих конкурсов. Выступал на сценах Кирова, Москвы и других городов. Примечательна судьба художественного руководителя хора. После окончания училища культуры он был направлен на работу в дом культуры колхоза «Красный Октябрь». Сама Александра Прокошина, когда услышала выступление коллектива краснооктябрьцев на сцене Колонного зала Дома Союзов, хотела с ним работать, им руководить. Вот где началась трудовая школа Александра Владимировича и его супруги Галины. Леонид Григорьевич сумел увидеть в земляке, а родился Шатунов в с. Полон, незаурядные способности и музыканта, и художественного руководителя. Он пригласил его работать в родное село, предложил такую перспективу, что тот не смог отказаться. Александр Владимирович уже на пенсии, но до сих пор руководит любимым детищем, является активным участником художественной самодеятельности, создаёт музыкальные произведения и пишет прекрасные песни.

Работники совхоза получили и широко использовали возможность

отдыхать на курортах, турбазах и в санаториях СССР. Регулярно лучшие люди совхоза направлялись по туристическим путёвкам в республики Кавказа, отдыхали в здравницах Крыма, были гостями Прибалтийских республик. А лучшие из лучших отправлялись в туристические поездки по Польше, Германии, Венгрии, Болгарии, совершили морской круиз по странам Средиземноморья. Голубой мечтой руководителя совхоза была задумка построить свой санаторий-профилакторий, возвести его в красивейшем уголке, в районе д. Кузики, в д. Заберезник.

Результат многоплановой работы Леонида Григорьевича Прозорова – хозяйство-миллионер, ставшее базой для создания села с развитой социальной инфраструктурой, обеспечивающей комфортное проживание населения. То, что сделано под его руководством в то время, и сейчас достойно служит на благо полумчан. Вот и ответ на вопрос, почему Леонида Григорьевича Прозорова люди помнят и чтят на земле Поломской.

Активная жизненная позиция, самоотверженный, высоко результативный труд Леонида Григорьевича были замечены и высоко оценены. В 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР он награждён орденом Трудового Красного Знамени, в 1971 г. – орденом «Знак Почёта». В 1973 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему присвоено почётное звание «Заслу-

женный рационализатор РСФСР». В 1981 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Леонид Григорьевич Прозоров удостоен ордена Ленина.

Примечания

¹ Автор статьи – сын Л. Г. Прозорова, Николай Леонидович, полковник в отставке, ветеран Вооружённых Сил, участник боевых действий в Афганистане, участник ликвидации последствий землетрясения на о. Итуруп и о. Сахалин. Награждён правительственными наградами: орденом Красной Звезды и медалью «За спасение погибавших», наградами Министерства обороны СССР и Республики Афганистан.

² Спустя годы председатель колхоза «Красный Октябрь», дважды Герой Социалистического Труда Пётр Алексеевич Прозоров, готовясь уйти на заслуженный отдых, несколько раз лично и через специально подобранную группу «сватов» предлагал Леониду Григорьевичу прийти ему на смену. Предложение было более чем заманчивое, но Леонид Григорьевич остался верен своей мечте – поднять совхоз «Поломский» на уровень «Красного Октября», а, может быть, и выше.

³ От автора: «В конце 90-х гг. отец приехал ко мне в гости на Дальний Восток, по прошествии многих лет я понял, зачем он приезжал. В то время я, в звании полковника, командовал отдельной механизированной бригадой, а это 14 отдельных батальонов, около двух тысяч личного состава и более восьмисот единиц техники. Он осмотрел моё хозяйство, ознакомился с ритмом военной жизни, высказал своё удовлетворение увиден-

ным и после недельного отдыха уехал. Только позднее до меня дошло – он приехал ко мне, чтобы предложить возглавить совхоз после его ухода на пенсию. Но он понял, что у каждого человека на земле своё предназначение и ему изменить нельзя».

⁴ Писать о Леониде Григорьевиче легко – он всегда был публичен, открыт. Свои мысли, задумки, предложения он часто, точнее, регулярно отражал в периодической печати, был внештатным корреспондентом газет «Кировец» и «Кировская правда», выступал с интервью по радио и телевидению. Однажды он принимал участие в знаменитой и любимой многими в те годы телепрограмме Валентины Леонтьевой «От всей души». В статье использованы материалы авторских публикаций Л. Г. Прозорова на страницах местной печати в 70–90-е гг.

⁵ Трудом каждого // Кировец. 1982. 9 янв. (№ 4). С. 3.

⁶ Мы верим в перспективу // Кировская правда. 1987. 15 янв. (№ 3). С. 3.

⁷ Там же.

⁸ Миллион от подсобных промыслов совхоза «Поломский» // Кировец. 1989. 21 нояб. (№ 10). С. 3.

Не вошедшее в сборники

Из архива публикатора

В. К. Семибратов

Кто занимался составлением каких-либо тематических сборников, знает, что по разным причинам далеко не все готовящиеся к публикации материалы в конечном итоге оказываются объединены под одной обложкой. Иные «перекочёвывают» в следующую книгу, иные оседают

в архиве составителя «до лучших времён», которые, к сожалению, иногда не наступают.

Такая участь постигла воспоминания митрофорного протоиерея Алексея Сухих об общении в мае 2010 года на Крупинских чтениях в п. Кильмезь с известным на Вятке поэтом Анатолием Гребневым и дарственных надписях на его книгах. Опубликовать их предполагалось в альманахе «Вятский библиофил», в котором о. Алексей, будучи книжником до мозга костей¹, печатал свои статьи².

Однако в 2011 году по ряду причин это издание прекратилось, и написанное о. Алексием осталось в архиве составителя.

Вот этот текст:

В завершении вторых Крупинских чтений, которые проходили в посёлке Кильмезь в конце мая прошлого года, нас, гостей, пригласили на уху в село Каменный Перебор.

Село стоит на высоком правом берегу дорогой сердцу В. Н. Крупина реки Лобань. И как только мы оказались возле неё, из уст поэта-земляка А. Г. Гребнева услышали слова:

Клонилось солнышко к закату,
И другу я сказал: «Табань!».
Пускай шумит на перекате
Река прекрасная Лобань.

Весь Божий мир исполнен ласки,
И полон, как родник, стакан.
Ах, батюшка вятскополянский!
Ах, наш кильмезский Александр!

личных трав. И этот вкус напоминан босоное детство, что ушло, убежало далеко. Это время не вернёшь, но воспоминания заставляют сделать вывод, что лучше той жизни – детства – уже никогда не будет. А жаль!

Солнце клонилось к закату и как бы нас призывало, что пора разъезжаться, расставаться до следующего года, до третьих Крупинских чтений. На прощание, обняв меня, А. Гребнев произнёс:

Отнюдь нам не было досадно,
Среди нас не было плохих,
И взор прекрасный отца Александра,
И орлий взор отца Сухих.

Все стали расходиться, рассаживаться по своим машинам. И мы с П. Н. Солодянкиным, бывшим мэром города Вятские Поляны, который был в этой должности 19 лет, тоже подошли к своей. К моему удивлению, на правом зеркале автомобиля, повёрнутом кверху, лежал томик стихов А. Гребнева. Открыв первую страничку книги, я прочитал посвящение:

*«Лобань. Дорогому моему сердцу
о. Алексию.*

*...С поклоном низким Алексию
Свои стихи передаю.
Мы возродим свою Россию –
Сначала здесь, в своём краю!
С любовью А. Гребнев. 30.05.10».*

В своём сердце я поблагодарил Анатолия Григорьевича за подарок

и пожелал ему здоровья и новых интересных стихотворных находок на радость людям.

В моей библиотеке есть ещё несколько книг этого автора с его автографами. Например, на книге «Берег родины», изданной в Москве в 2008 году, он сделал следующую надпись: *«Дорогому отцу Алексею – с любовью и почитанием А. Гребнев. Кильмезь. 30.5.09».* А томик стихов «Родины свет», изданный в Вятке в 2001 году, он надписал: *«Дорогому батюшке о. Алексею Сухих – с любовью к нашей бедной и богатой душой и сильной духом родной Вятской земле – сердечно А. Гребнев. 8.9.2001, п. Кильмезь».*

Закончился праздник на Кильмезской земле, но он начинается всякий раз, когда я открываю томики стихов одного из любимых поэтов-земляков А. Г. Гребнева.

Книгами с дарственными надписями о. Алексей особенно дорожил, доказательством чему служит изданная в 2005 году книга «Былых времён бесценные инскрипты»³, основу которой составили раритеты из собрания вятскополянского книжника, а также двухтомник «Самому вятскому писателю...»⁴, в котором факсимильно воспроизведены автографы на книгах, подаренных В. Н. Крупину и переданных им в дар библиотеке православной литературы в п. Кильмезь.

После трагической гибели о. Алексия вышла в свет посвящённая его памяти книга «Подвижник»⁵, в ко-

Лобанов

Дорогому
моему сердцу
о. Алексею
... с поклоном
низким
Алексию
Свои стихи
передаю.
Мы возродим
свою Россию -
Счастья здесь,
в своем краю
с любовью
30.05.10 *Алексей*

*Дарственная надпись А. Г. Гребнева
на книге, подаренной о. Алексею
в с. Каменный Перебор*

*Слева направо: А. Г. Гребнев, о. Алексей Сухих, В. Н. Крутин,
П. Г. Солодянкин. Каменный Перебор, 30 мая 2010 г.*

торуя вошли воспоминания знавших священника людей.

Не вошёл в сборник пришедший уже после его сдачи в печать отклик на печальное событие, присланный из Санкт-Петербурга вятским уроженцем, математиком по профессии М. Я. Парменовым-Зингером. Будучи внимательным читателем серии книг о. Алексия «Вспомним поимённо», он ещё в 2005 году прислал отклик на первые 5 выпусков, который затем и был опубликован⁶.

Преимущественно об этом сборнике Михаил Яковлевич повёл речь и в заметке «Памяти о. Алексия Сухих»:

Передо мной лежат восемь выпусков сборника «Вспомним поимённо», сборник «Лишенцы», и опять трудно оторваться от них. Сколько светлых по духу и нечеловеческих по жизни судеб!

Они были загублены, расстреляны, лишены человеческих прав. Советская власть опустила их на дно жизни, но не могла отобрать у них главного – веры в Бога. Власть думала, что очистила от них нашу землю. Ан, нет. Их души проросли.

Проросли в книгах трудами о. Алексия Сухих.

Проросли, чтобы напомнить нам: каков бы ни был политический строй в России, какова бы ни была окружающая нас жизнь, всегда присутствует в России эманация Святой Руси⁷. Именно поэтому Россия необорима, какое бы ни шло на Россию глобальное атакующее зло с Запада

и с Востока, или от нас, грешных, забывающих в нашей мирской жизни о самом главном – о вере в Бога, о вере в Россию.

Этими книгами о. Алексей Сухих воздвиг себе, возможно, и не помышляя об этом, нерукотворный памятник, внося малую, но бесценную лепту в продолжение истинной духовной жизни России.

Выпуски начали публиковаться в 2003 году и закончились в 2008.

Закончились выпуски, закончилась и земная жизнь о. Алексия. Царствие ему Небесное!

Раб Божий Михаил

В архиве публикатора сохранились и другие рукописи вятскополянского батюшки, а также не публиковавшиеся ранее материалы о нём, характеризующие о. Алексия как человека широких интересов и глубоких знаний.

Примечания

¹ О библиофильской ипостаси о. Алексея см., напр.: Семибратов В. К. «Напечатая в граде святого Петра»: из собрания о. Алексея Сухих // Невский библиофил: альм. СПб., 2005. Вып. 9. С. 133–139; Его же. Рукой «кропотливого» учёного // Там же. 2006. Вып. 11. С. 137–141; Его же. Вятский корреспондент Д. С. Лихачёва // Там же. 2007. Вып. 12. С. 56–59; Закирова Н. Н., Семибратов В. К. Вятскополянский книжник протоиерей Алексей Сухих // Мир библиографии. М., 2007. № 4. С. 49–52; Семибратов В. К. Осколок «книжной атлантиды»: о книж-

ном собрании протоиерея Алексея Сухих // Худяковские чтения – 2014 / сост. О. Д. Иванова. Малмыж, 2014. С. 57–59; Его же. Книжные сокровища вятского священника // Библиофилы России : альм. М., 2016. Т. XII. С. 68–78.

² См.: Сухих А. А. На память от композиторов // Вятский библиофил : альм. / гл. ред. и сост. В. К. Семибратов. Киров-на-Вятке, 2009. Вып. 2. С. 125–128; Его же. В дар от художников // Там же. 2009. Вып. 3. 129–130; Его же. Из петряевской библиотеки // Там же. 2011. Вып. 4. С. 57–60.

³ Былых времён бесценные инскрипты / сост.: В. К. Семибратов, прот.

А. А. Сухих. Киров (Вятка), 2005. Вып. 1.

⁴ Сухих А. А., митр. прот. Самому вятскому писателю... Вятские Поляны, 2010. Т. 1, 2.

⁵ Подвижник: памяти отца Алексея Сухих / сост. В. К. Семибратов. Киров-на-Вятке, 2011.

⁶ См.: Из читательских откликов : (вместо предисловия) // Сухих А. А., прот. Вспомним поимённо. Киров, 2005. Кн. 6. С. 3.

⁷ Эманация – философская категория, означающая переход от высшей ступени всего сущего к менее совершенным – низшим.

Раздел IV

ГОДУ РОССИЙСКОГО КИНО ПОСВЯЩАЕТСЯ

Из истории советского кино 1920–1930-х годов

Л. Г. Попцова

*Пока народ безграмотен,
из всех искусств для нас
важнейшими являются
кино и цирк!
В. И. Ленин*

Рождением советского кино считается 27 августа 1919 г. – день подписания Советом народных комиссаров РСФСР декрета о национализации кинематографа. С этого времени вся фото- и кинематографическая промышленность и торговля перешли в ведение Народного комиссариата просвещения. Отличительной чертой нового советского государства был идеологический контроль над духовной жизнью общества, формирование «правильных взглядов» и уничтожение инакомыслия. В массовой воспитательной работе, наравне с театром, кино отводилась значительная роль. Оно стало мощным идеологическим оружием и находилось на стыке искусства и экономики.

Рассмотрим историю развития советского кинематографа в Вятской губернии – Кировском крае –

Кировской области на примере документов Государственного архива социально-политической истории Кировской области.

Демонстрация фильмов в 1920–1930-е гг. осуществлялась под руководством отделов агитации и пропаганды уездных и районных комитетов ВКП(б)¹. Киноработников критиковали за слабое использование кино «как мощного орудия в борьбе за скорейшее выполнение хозполиткампании и за культурно-просветительное воспитание масс»². Кино называлось «культурным рычагом перевоспитания масс»³. Для более успешной работы киномехаников передвижек с населением с ними велись технические и политические занятия «по 3 дня, 6 часов в день, 2 раза в месяц – 36 ч.»⁴. В период весеннего сева составлялись маршруты движения по районам агитфургонов с кинопередвижками. В колхозах, кроме показа кино, создавались светогазеты, читки которых проводили киномеханики. Таким образом, «продвижению кино в деревню» придавалось чрезвычайное значение.

Стационарных кинотеатров по губернии существовало немногим

Плакат «Кино – в массы»

более десяти: в Советске, Слободском, Котельниче, Уржуме, Яранске, Халтурине и губернском центре. Остальные населённые пункты обслуживались кинопередвижками. Вся губерния была разделена на кинорайоны, к которым прикреплялись кинопередвижки для постоянного обслуживания населения⁵. Известно, что первая кинопередвижка в Вятской губернии была пущена в 1923 г. Постоянных маршрутов её движения не было, а расчёт с населением за билеты мог вестись крупной, мукой и грибами⁶. На июнь 1926 г. губерния имела уже 6 кинопередвижек⁷, на октябрь 1926 г. – 13, на октябрь 1927 г. – 37, а на декабрь 1927 г. – уже 41. Кинопередвижки

были распределены по уездам: Вятский уезд – 2, Котельничский – 9, Слободской – 3, Яранский – 6, Нолинский – 2, Уржумский – 1, Малмыжский – 5, Халтуринский – 3, Омутнинский – 1. В городе Вятке существовало ещё 9 кинопередвижек, не прикреплённых для постоянной работы к уездам⁸.

На 1 января 1935 г. в Кировском крае действовало уже 307 киноустановок и кинопередвижек, из них 70 – городских, 237 – сельских⁹.

Звуковое кино появилось в СССР в конце 1920-х гг. Однако узнаём, что в Кировском крае до марта 1935 г. не было ни одного звукового кинотеатра¹⁰. «Положение с организацией звуковых кинотеатров, действительно, обстоит неудовлетворительно. Причиной этому является, во-первых, то, что кинотрест в г. Кирове организовался только в конце февраля, причём при разделе Горьковский кинотрест не помог организации, не дал ни одного работника, не выделил монтажного материала и никого не командировал для помощи в организации треста, во-вторых, только в марте мы получили звуковую аппаратуру для 3-х установок... Просим оказать содействие...» – писал В. И. Лисин, заведующий отделом пропаганды и агитации Кировского краевого комитета ВКП(б)¹¹.

Помощь была оказана, и на 1 мая 1935 г. в Кировском крае было озвучено 4 точки: Советск, Шабалино, Слободской, Яранск; ещё планиро-

вались Малмыж, Омутнинск, Нолинск¹². На 1 августа 1935 г. действующая киносеть края составила: 17 звуковых кинотеатров (из них в Кирове – 1), 55 немых (в Кирове – 2) и 240 сельских кинопередвижек, всего 312 киноустановок и кинопередвижек¹³.

На 1 января 1937 г. по Кировской области имелось около 260 киноустановок и кинопередвижек: 23 звуковых кинотеатра (10 сельских стационарных, 13 городских, из них 1 – в г. Кирове – кинотеатр «Прогресс»), 15 звуковых кинопередвижек (12 немых, 3 звуковых), 221 немая передвижка¹⁴.

А к 1940 г. – 442 звуковых и немых киноустановок¹⁵.

В 1920–1930-х гг. с кинофикацией сельских населённых пунктов существовали проблемы. Помещения для хранения кинокопий не были приспособлены, поэтому репертуар был недостаточен, приходилось «брать, что дадут»¹⁶. Жители деревень были недовольны высокой ценой на билеты. В отчёте о состоянии кино в губернии за 1926 г. отмечаются траты доходов от кино не по назначению, например, на покрытие дефицита от оперетты. Если городские жители оповещались о ежедневной программе киносеансов из газет, то сельские – о времени демонстрации фильмов и предполагаемом репертуаре узнавали за несколько часов до начала сеанса. Затруднения в кинообслуживании населения были связаны также с от-

сутствием железнодорожных и водных путей сообщения¹⁷.

Ощущалась острая нехватка в кадрах. В целях экономии средств на подготовку киномехаников в 1920-х гг. проводилось обучение слушателей педтехникумов¹⁸, а также организовывались группы на последних курсах профтехшколы, учащиеся которой дополнительно к основной специальности электромеханика получали специальность киномеханика¹⁹. В 1930-х гг. подготовка киноработников велась уже в централизованном порядке через курсы киномехаников в г. Горьком (ныне Нижний Новгород) и г. Загорске (ныне г. Сергиев Посад Московской области), курсы кинотехников – в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург) и Ростове-на-Дону.

Как же обстояло дело с кинофикацией в 1920–1930-е гг. в г. Вятке – Кирове? На начало 1920-х гг. в городе имелось 4 кинотеатра (все они размещались в деревянных зданиях): это павильон детского парка им. В. А. Жуковского (ныне детский парк «Аполло», открыт в 1897 г.), летний кинотеатр «Прогресс» сада им. Ст. Халтурина (ныне Александровский сад, открыт в 1908 г., а с 1911 г. и в новом здании на улице Никитской (Володарского), между улицами Московской и Преображенской), «Колизей» (открыт в 1913 г. на улице Спасской, приблизительно на месте нового здания областного художественного музея). К началу 1930-х гг. город имел лишь два ос-

новых деревянных, выходящих из строя кинотеатра («Прогресс», «Колизей») на 400 мест и до 350 мест – в клубных театрах. В докладной записке в Кировский областной комитет ВКП(б) отмечалось: «Кинотеатр “Колизей” считается лучшим коммерческим в областном центре. Однако билеты стоят 2 руб. 15 коп., а обслуживание публики очень плохое, удобств никаких. Крыша течёт, стулья разлезаются, цепляются за платье публики гвозди из стульев. Надо починить крышу...»²⁰

Среди клубного типа кинотеатров надо отметить кинотеатр «Октябрь» при музее революции, который располагался с 1927 г. в здании на улице Дрелевского (ныне здание Театра на Спасской). «Картины здесь демонстрировались исключительно идеологически выдержанные». Ежедневно с 14.00 до 23.00 часов проходило 6 сеансов²¹. Закрылся кинотеатр в связи с нехваткой площадей здания под экспозиции в 1935 г. после перевода музея Кировского краеведения в здание музея революции²². Аппаратура кинотеатра «Октябрь» была передана в с. Кырчаны Кировской области в 1936 г.²³

Вопрос о строительстве каменного кинотеатра на 800 мест в городе был выдвинут еще в 1931 г. с обязательным началом строительных работ на следующий год²⁴. Существующих двух основных кинотеатров было недостаточно для удовлетворения потребностей населения Вятки. В краткой записке

о коммунальном хозяйстве Вятки и необходимых мероприятиях по его укреплению за 1932 г. приводился расчёт потребностей населения в кинообслуживании: «...Чтобы более или менее значительно удовлетворить потребности в гор. Вятке, нужно иметь не 800, а 1 600 мест, исходя из следующего расчёта: 52 000 человек населения в возрасте 16–50 лет при необходимости, как минимум, обслуживать кинотеатром каждого не менее, чем 3 раза в месяц, при 3-х сеансах, даваемых кинотеатрами ежедневно, в течение каждого месяца, действительно, требуется: $52\ 000 \times 3 / 30 \text{ дн.} \times 3 \text{ сеанса} = 1\ 600 \text{ мест}$. Данная цифра ясно говорит за немедленное строительство в Вятке в течение 1932 года нового кинотеатра»²⁵.

При кинотеатре планировалось оборудовать кинобудку «для демонстрирования громкоговорящих кинофильмов»²⁶.

Но строительство нового кинотеатра в 1932 г. не началось. В постановлении президиума Кировского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов № 18 от 21 июня 1935 г. читаем только лишь об определении места постройки звукового кинотеатра: «Согласиться с заключением Горкомхоза о постройке кинотеатра на углу Карла Маркса и Герцена...»²⁷ Строительство будущего кинотеатра «Октябрь» велось с 1936 г. и было завершено в 1938 г. Зрительный зал его был рассчитан на 800 мест,

Здание кинотеатра «Октябрь» г. Кирова. Фотография Б. К. Лысова. 1950 г.

имелись просторное фойе и кассовый зал. И сегодня этот старейший кинотеатр города, построенный по проекту московского архитектора Виктора Калмыкова, является украшением областного центра и отражением ушедшей советской эпохи.

В документах архива имеются сведения о репертуаре показываемых фильмов в 1930-е гг. Документальное и художественно-документальное кино было средством обучения, просвещения и пропаганды нужной идеологии.

Например, документальный фильм «Поколение победителей» (1936 г., звуковой) мог служить ярким наглядным пособием при изучении краткого курса истории ВКП(б)²⁸.

Фильм «Аэроград» (1935 г., звуковой) «посвящён Дальнему Востоку и рассказывает об освобождении края, о классовой борьбе, защите границ, тесной и нерушимой связи народа со своей армией, ненависти к врагу, беспредельной любви к Родине»²⁹.

В агитационно-пропагандистском фильме «Если завтра война» (1938 г., немой) «отряды фашистских агрессоров пытаются внезапно перейти советскую границу. Но зорок глаз наших славных пограничников. Горячие патриоты принимают бой и после жестокой перестрелки вынуждают противника перейти к обороне. Весь советский народ, как один человек, с гневом и решимостью встает под боевые красные знамена.

Красная Армия атакует противника со всех сторон и добывает врага на его территории»³⁰.

Среди художественных фильмов того времени можно назвать: «Человек-невидимка» (1933), «Юность Максима» (1936), «Дубровский» (1936), «Дети капитана Гранта» (1936).

Наряду с художественным фильмом «Цирк» (1936) самым успешным и любимым фильмом 1930-х гг. был «Чапаев» (1934 г., немой, звуковой). Это «историческая и революционная эпопея эпохи Гражданской войны на Урале» о «борьбе Чапаевской дивизии против белогвардейских банд» сорежиссёров Сергея и Григория Васильевых. По всем районам Кировского края состоялась массовая демонстрация фильма³¹, во время которой проводилась большая агитационная и воспитательная работа среди населения. Агитбригада с кинопередвижкой объезжала районы Кировского края. Силами культбригады оборудовали клубы, были отремонтированы радиоустановки, организованы лекции медицинских сестёр среди женщин по вопросам материнства и гигиены, проведены концерты баянистов и, конечно, танцы. Колхозники-ударники, предварительно посетившие имеющегося в штате агитбригады парикмахера, были сфотографированы. Показ киноленты проводили и в клубах, и просто на улице, так как ни один клуб не мог вместить всех желающих её посмотреть³².

В архивном фонде Кировского краевого комитета ВКП(б) сохранились отзывы о просмотре кинофильма. Так, колхозники Марьянского сельского совета Кумёнского района писали: «Посмотрев кинокартину “Чапаев”, мы, колхозники в количестве 400 человек, с большим вниманием и напряжением следили за развёртыванием действий эпизодов Гражданской войны. Поражались исключительной отвагой героев этой картины»³³. Другой отзыв колхозников Кырмыжского сельского совета Вожгальского района: «Посмотрев кинокартину “Чапаев” и обсудив разъяснения, мы, колхозники в количестве 400 человек, с большим напряжением, вниманием и волнением посмотрели этот, по существу, исторический фильм, который может создать только наша советская кинофабрика, наши киноартисты, работающие под руководством партии Ленина-Сталина»³⁴.

Пропагандистская и идеологическая роли кино в 1930-х гг. проявились в создании документальных фильмов. Для ознакомления населения с Конституцией СССР, принятой в 1936 г., по районам Кировской области был проведён показ документального кинофильма «Доклад тов. И. В. Сталина о Конституции СССР» с разъяснительной работой³⁵. В октябре-ноябре 1937 г., в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, по 47 районам Кировской области прошли кинофестивали³⁶. На кинопередвижках были закрепле-

ны лозунги, посвящённые выборам. Перед сеансами демонстрировались специальные выпуски кинохроники «Как будет голосовать избиратель». Одновременно в колхозах были зачитаны доклады о том, как живёт страна, каково состояние международного положения, продавалась литература, после показов кинолент устраивались вечера самодеятельности. Проведение кинофестиваля считалось «политической работой»³⁷. Велась статистика посещений сеансов и активности населения в предвыборный период. В инструкциях лекторам говорилось: «нельзя перегружать докладами, он должен идти час-полтора, после картины вести разъяснительную работу, чтобы люди ушли с правильным понятием»³⁸.

Для оперативного обслуживания кинохроникой кампании по выборам в Верховный Совет РСФСР первого созыва в Кировскую область была направлена киноварианта Горьковской киностудии хроники для съёмки трёх короткометражных фильмов о кандидатах в Верховный Совет РСФСР и более пяти сюжетов о том, как ведётся выборная кампания³⁹.

В 1939 г. Горьковской киностудией был снят агитационный фильм об известной спортсменке-кировчанке Марии Григорьевне Исаковой, кандидате в депутаты Кировского Совета депутатов трудящихся⁴⁰.

Итак, к концу 1930-х гг. определились основные черты советского кинематографа: с одной стороны, обязательная цензура, идеологиче-

ский подтекст фильмов, воспитательное значение, героическая и патриотическая тематика, с другой стороны, яркие сюжеты и актёры, большая популярность кино у населения. Таким кинематограф практически просуществовал до 1990-х гг.

Примечания

¹ ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 4. Д. 117. Л. 66.

² Там же. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 574. Л. 61.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ ГАКО. Ф. 887. Оп. 1. Д. 1320. Л. 3.

⁶ ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 241. Л. 5.

⁷ Там же. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 235. Л. 70.

⁸ ГАКО. Ф. 887. Оп. 1. Д. 1320. Л. 3.

⁹ ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 574. Л. 48.

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 14–14 об.

¹² Там же. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.

¹⁵ Там же. Оп. 6. Д. 190. Л. 24–25.

¹⁶ Там же. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 235. Л. 70.

¹⁷ Там же. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 574. Л. 49.

¹⁸ Там же. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 234. Л. 73.

¹⁹ ГАКО. Ф. 887. Оп. 1. Д. 1320. Л. 6.

²⁰ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 197. Л. 21.

²¹ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 98. Л. 10.

²² Там же. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 574. Л. 66–67.

²³ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 197. Л. 12.

²⁴ Там же. Ф. Р-6817. Оп. 1. Д. 103. Л. 16.

²⁵ Там же. Д. 21. Л. 2. Там же. Оп. 1. Д. 197. Л. 7250–7251.

²⁶ Там же. Д. 1036. Л. 17.

²⁷ ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1201. Л. 117.

²⁸ ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 4. Д. 117. Л. 67.

²⁹ Там же. Л. 75.

³⁰ Там же. Л. 77.

³¹ Там же. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 574. Л. 39.

³² ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 1. Д. 574. Л. 40.

³³ Там же. Л. 35.

³⁴ Там же. Л. 28.

³⁵ Там же. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 197. Л. 43.

³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 241. Л. 83.

³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 197. Л. 72.

³⁸ Там же. Л. 82.

³⁹ Там же. Оп. 2. Д. 241. Л. 128.

⁴⁰ Там же. Л. 200.

Кинооператор – участник двух войн Аркадий Александрович Климов

В. Ю. Шеш

Президентом России В. В. Путиным 2016 год был объявлен Годом кино. Посвящён он не только выдающимся актёрам и режиссёрам, но и тем, кто почти всегда остаётся за кадром – операторам художественных и документальных фильмов. Есть в этой плеяде признанных мастеров искусства и наш земляк – Аркадий Александрович Климов.

В экспозиции Уржумского краеведческого музея кинооператору, участнику Великой Отечественной

войны А. А. Климову уделён уголок в небольшой витрине, где помещён его портрет и два кадра из снятого им художественного научно-фантастического фильма «Планета бурь». И ещё в экспозиции представлен его фотоаппарат, подаренный музею сыном.

Более подробно об этом замечательном человеке сообщается в энциклопедическом словаре «Кино»¹.

Климов Аркадий Александрович (19.07.1914 – 12.10.1970), советский оператор, заслуженный деятель искусств РСФСР (3.06.1959). С 1937 года, окончив ВГИК, работал в научно-популярном кино. В годы Великой Отечественной войны с группой операторов снял фильмы «Лётчики-гвардейцы» (1942), «Ладога» и «Ленинград в борьбе» (1944), «К вопросу о перемирии с Финляндией» (1944) и «Разгром Японии» (1945) – за последние два получил Государственные премии СССР первой степени (1946). Среди его работ: «Адмиралтейство» (1949), «Государственный Эрмитаж» (1955), «Художник И. Е. Репин» (1957; приз Международного кинофестиваля в Оберхаузене, 1958), «Театр зовёт» (1969), «Александр Ульянов» (1963), «Луна» (1965), «Марс» (1968), «Пушкиным воспетый» (1969).

Много информации выставлено и на различных Интернет-сайтах.

Родился А. А. Климов в городе Яранске в семье служащего. Детство, отрочество и юность Аркадия Александровича прошли в Уржу-

А. А. Климов

ме. Семья жила на улице Свободы, в доме № 51. Учась в школе, он увлекался фотографией и изобразительным искусством, в частности, живописью. Под руководством учителя рисования Фёдора Логиновича Ларионова занимался рисунком дополнительно, совершенствовал своё мастерство, и это во многом помогло начинающему художнику в дальнейшем. В связи с тяжёлым материальным положением в семье с 12 лет он уже начал самостоятельно зарабатывать деньги. Трудился рекламным художником в городском кинотеатре, затем был учеником киномеханика и последние два года перед завершением обучения в школе работал киномехаником уже са-

мостоятельно. Это дало юноше возможность просмотреть множество художественных и документальных фильмов, киножурналов, ознакомиться с техникой кинематографии. Его интересовало всё, что относилось к области кино, но в большей степени привлекала всё-таки работа оператора над созданием фильма. Это и повлияло на его выбор профессии.

Быть может, именно из-за того, что с ранних лет парнишке приходилось зарабатывать себе на пропитание, школьная успеваемость Аркадия Климова была не очень высокой. В 1931/1932 учебном году в первой и второй четвертях девятиклассник пропустил почти по месяцу учёбы. Из-за этого ему пришлось пересдавать литературу и математику. Наверстав упущенное в обучении, юноша успевал ещё заниматься художественным оформлением почти всех праздников, проводившихся в школе. Об этом я узнал из личной ученической карточки учащегося².

После окончания в 1932 г. девяти классов школы № 1 им. В. И. Ленина Аркадий Климов продолжил обучение на операторском отделении в Московском всесоюзном государственном институте кинематографии. Нелегко было пареньку из вятской глубинки осваивать специальность, жить в большом незнакомом городе и снова подрабатывать, чтобы купить продукты или одежду. Ведь из дома, кроме писем с рассказом об уржумской жизни, ему

ничего не приходило. Через пять лет, получив диплом с отличием, Аркадий Александрович начал свой творческий путь на Ленинградской киностудии научно-популярных фильмов, куда попал по распределению. Городу на Неве он посвятил почти все последующие годы жизни и талант кинооператора.

До начала Великой Отечественной войны А. А. Климов снял более десяти фильмов, получивших высокую оценку заказчика и зрителя. Главные из них – «Новости стеклотехники», «Шёлк», «Детская инфекционная клиника», «Малярия», «Корь». В эти годы он на практике учился специальности, которой в совершенстве владели его старшие коллеги-наставники, подлинные мастера киноискусства. Молодой оператор стремился быстрее овладеть всем лучшим, чем обладали его старшие товарищи по киностудии.

Проверкой на зрелость и мужество стали для А. А. Климова годы Великой Отечественной войны. С первых её дней он работал кинооператором на фронте. В 1942 г. его мобилизовали на службу в Краснознамённый Балтийский флот. В качестве военного кинооператора продолжал творческую деятельность при политуправлении флота. Аркадий Александрович, находясь на фронте, много раз участвовал в боевых операциях армии и флота, шёл в атаку с кинокамерой в руках. Благодаря этому, ему удалось запечатлеть на киноплёнке неповтори-

мые события войны, впоследствии ставшие документами исторической важности. Отснято было несколько десятков километров киноплёнки. Часть этого материала вошла в кинофильмы Аркадия Александровича и в журналы советской кинохроники.

В суровом 1942 г. Аркадий Климов, продолжая оставаться в блокадном городе, как кинооператор-документалист участвует в создании фильмов «Лётчики-гвардейцы», «Ладога» и «Ленинград в борьбе». Это уникальные фильмы, посвящённые городу на Неве и его героическим защитникам. Работа над картиной «Ленинград в борьбе» (режиссёр Роман Кармен) велась в самый трудный и страшный период блокады, зимой 1941–1942 годов. В голодном, вымирающем городе операторы продолжали снимать то, что происходило на улицах, понимая, какое значение эти кадры будут иметь для истории. Живя настоящим, они думали о будущем, о победе. Но никто не знал, наступит ли для них завтра, что будет с ними через неделю, через месяц...

А. А. Климов снимал дни ужасов и мужества героической обороны Ленинграда. Фильм – ни в коем случае не агитационная лента. Он направлен вовсе не на пробуждение духа героизма, не призывает к подвигам. Скорее, этот фильм – подвиг сам по себе: умирающие от голода, холода и бомбёжек операторы продолжали работать в блокадном Ленинграде, честно и бесстрашно исполнять свой гражданский долг

перед осаждённым городом, перед Родиной: фиксировать на плёнку всю неприглядность и безжалостность войны. Семьдесят минут этой документальной киноленты запечатлели хронику событий от первых боёв Великой Отечественной войны до весны 1942 года, героизм и отвагу воинов Красной Армии и Флота, ополченцев, тружеников предприятий – защитников города на Неве. Вместе с ленинградцами Аркадий Александрович делал всё от него зависящее, чтобы приблизить прорыв блокады. Но главным его оружием была не винтовка, а кинокамера. Благодаря его съёмкам мы видим, как под ударами вражеской авиации и дальнобойных орудий противника рушатся здания, как от голода и ран умирают дети и женщины, как их окоченевшие трупы складывают штабелями у зданий. На других кадрах наши бойцы идут в атаку, сражаются с врагом и партизаны, по льду Ладожского озера проходит «дорога жизни». Везде успевают кинодокументалисты, рискуя порой не меньше солдат и офицеров, непосредственно участвовавших в боях.

Подводя итог показанному, кинолента заканчивается словами диктора: «Так живёт и борется город Ленина! Так живут и борются ленинградцы – славные патриоты и патриотки нашей страны!» Так мужественно и бесстрашно сражались с врагом в годы войны миллионы советских людей, там, в Ленинграде, фронт и тыл находились почти рядом.

Отечественная война в ленинградских кинорепортажах Климова предстала на документальном экране с подлинной глубиной и силой. Это были кадры не каких-то исключительных, особых событий, а повседневная жизнь Ленинграда. Документалисты создали самую сильную, достоверную, самую впечатляющую страницу кинолетописи Великой Отечественной войны не потому, что они владели каким-то особым мастерством, – жизнь осаждённого города разворачивалась у них на глазах, они рассказывали и показывали зрителям всей страны ту страшную правду, рассматривали свои съёмки как суровый документ, обличающий фашизм. Не случайно эта лента демонстрировалась в качестве обвинительных доказательств на Нюрнбергском процессе в 1945 г.

Операторы, как и солдаты, как и горожане, гибли в те месяцы, честно исполняя свой долг, но после них оставались киноплёнки, в которых продолжали жить их идеи и мечты. Дело погибших продолжали их товарищи. Фильм «Ленинград в борьбе» стал обладателем Сталинской премии 1943 г.

В 2010 г. этот документальный фильм был показан в ретроспективных кинолентах Санкт-Петербургского международного кинофестиваля, чтобы и поколения наших дней знали, что пришлось испытать их предкам.

Растёт, крепнет в годы войны мастерство режиссуры и профессио-

нальное искусство фронтовых операторов, которые создают суровую, доступную колоссальному количеству зрителей летопись войны огромного мобилизационного значения. Отдельные операторские работы стали выдающимися достижениями кинорепортажа, в том числе и работы нашего земляка. Наблюдательность, снайперская меткость взгляда, ясное понимание общественно-политического содержания событий – все эти особенности журналистов экрана, развитые, а во многих случаях и воспитанные войной, позволили им не только фиксировать внешнюю сторону фактов, но и раскрывать их глубинные жизненные связи, их скрытый смысл, их философию.

В числе боевых офицеров Красной Армии и Флота А. А. Климов в Великую Отечественную войну не раз был представлен командованием к награждению орденами и медалями. Правительство Советского Союза высоко оценило заслуги кинооператора перед Родиной. Он был награждён орденами Красной Звезды (1944 и 1945) и Отечественной войны II степени (1945), восемью медалями СССР, в том числе «За оборону Ленинграда» (1943), «За боевые заслуги» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией» (1945), «В память 250-летия Ленинграда» и другими.

За обычную боевую работу военный кинооператор политуправле-

Военный кинооператор А. А. Климов

ния Краснознамённого Балтийского флота (КБФ) А. А. Климов представлялся к награждению орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа:

«Техник-лейтенант Климов Аркадий Александрович вступил в ряды флота в июле 1942 года и с этого времени выполняет обязанности военного кинооператора киногруппы КБФ. Будучи квалифицированным кинооператором, честным и смелым воином, тов. Климов, как правило, находится на ответственных боевых съёмках. В самых сложных условиях тов. Климов хорошо справляется с заданиями командования. Так, например, в 1942 году тов. Климов был направлен для съёмок проводки первого каравана ЛВФ с продовольствием и боезапасом. Тяжёлые условия этого похода, налёты вражеской авиации не

помешали тов. Климову выполнить возложенные на него задания.

В июне 1943 года тов. Климов участвовал в боевой операции над гор. Нарва на самолёте СБ с экипажем гвардии капитана Победкина³.

В июне 1944 года тов. Климов принимает участие в походе МБК-505 к острову Бьерке, в разведке боем огневых точек противника. На этом же катере принимает участие в высадке десанта на остров Пейсаари. Затем снимает боевую операцию по высадке десантной группы на остров Тейкасаари.

Тов. Климов, добросовестный, смелый, квалифицированный кинооператор, заслуживает награды – ордена Отечественной войны II степени.

Начальник IV отдела политуправления КБФ подполковник Цыганов.

31 июля 1944 года».

Но вышестоящее руководство посчитало, что кинооператору-документалисту ещё рано получать этот орден. От имени Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество приказом № 93 командующего Краснознамённым Балтийским флотом от 15 августа 1944 г. Аркадий Александрович Климов был награждён орденом Красной Звезды.

Боевые действия на фронте продолжались, кинодокументалисты были и на передовой, и в тылу, на

суше, на воде и в воздухе совершали боевые операции вместе с пехотинцами и моряками, лётчиками и танкистами, иногда меняя кинокамеру на автомат, чтобы отбить очередную контратаку врага.

16 августа 1944 года оператор оперативной киногруппы политуправления КБФ А. А. Климов был направлен для киносъёмок на бронекатере. Задание он выполнил хорошо и снял под бомбардировкой противника два налёта вражеской авиации. Затем он перешёл на тендер⁴ и снова работал под вражеским огнём. Во время боя вынес из-под обстрела двух раненых бойцов и оказал им первую медицинскую помощь. По мнению врачей, только благодаря этим своевременным действиям они остались живы.

Наградным приказом командующего Краснознамённым Балтийским флотом № 103 от 14 сентября 1944 г. А. А. Климов вместе с другими солдатами и офицерами был удостоен медали «За боевые заслуги».

Многие эпизоды из съёмок кинооператора нашли место в документальном фильме «К вопросу о перемирии с Финляндией» (1944). За 45 минут, именно столько длится этот фильм, творческая группа его создателей полностью отразила тему непростых советско-финских отношений конца тридцатых – начала сороковых годов прошлого века и наступление Красной Армии на Карельском перешейке. Там наши войска, с трудом преодолевая четы-

ре многокилометровые укрепленные полосы обороны противника, в том числе и знаменитую, считавшуюся финнами неприступной, линию Маннергейма, с боями дошли до города Выборга, который взяли штурмом. Панорамные и близкие съёмки производились с самолётов и танков, с бронекатеров Краснознамённого Балтийского флота и из цепей наступающей пехоты, с позиций артиллеристов и миномётчиков. За кадром частенько слышится свист пуль и осколков, рядом строчат из автоматов красноармейцы, мы видим близкие разрывы мин и снарядов противника. Кинооператоры вместе с наступающей пехотой продвигаются за танками, идущими в прорыв линии обороны врага. Автоматчики режут колючую проволоку, бросают гранаты, посылают короткие очереди в сопротивляющихся финнов. Всё это мужественно фиксируют на плёнку военные кинооператоры.

В этом фильме не показаны убитые и раненые красноармейцы, зато тела уничтоженных врагов на разбитых укреплениях засняты в различных позах. На других кадрах навстречу кинооператору идут колонны пленённых солдат и офицеров противника. Главная идея фильма – враг будет разбит, победа будет за нами! Заканчивается кинолента актом подписания перемирия между СССР и Финляндией.

Завершилась Великая Отечественная война. Страна празднует победу. Командиры подразделений

подводят итоги боевой работы своих подчинённых, отмечают лучших в приказах о награждении. Среди отличившихся – снова наш земляк.

Из наградного листа:

«Кинооператор киногруппы ПУ КБФ ст. техник-лейтенант Климов А. А. работает на флоте с первых дней Великой Отечественной войны. Лично участвовал в важнейших боевых операциях Краснознамённого Балтийского флота. Проявляя исключительную храбрость и мужество, он снимал десантные операции на Ладожском и Чудском озёрах, на острове Бьорке и Тайкасаари, операции армии и флота по разгрому немцев на полуострове Саарема, штурм и взятие крепости Пиллау, десантную операцию на косу Фришгоф, боевые действия авиации КБФ, тральные операции флота. Сюжеты, снятые тов. Климовым А. А., получили высокую оценку Центральной студии кинохроники (Москва), за отличное качество съёмки он трижды премирован студией.

За высокое качество работы по киносъёмкам боевых действий КБФ, личную отвагу и мужество в боевых операциях т. Климов А. А. достоин награждения орденом Отечественной войны II степени.

Начальник культпросветотдела ПУ КБФ майор Авербах.

29 мая 1945 г.»

7 июля 1945 г. в Таллине был подписан приказ № 124 войскам Краснознамённого Балтийского флота о

награждении группы творческих и технических работников политуправления КБФ, являвшихся бойцами и командирами различных воинских частей и подразделений, о награждении их орденами и медалями СССР. А. А. Климов был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

Отгремели последние залпы одной войны, но для части фронтовиков боевые действия продолжились на другой войне. Вместе с начальником киногоруппы, майором Сергеем Николаевичем Фоминым и кинооператором, старшим лейтенантом административной службы Николаем Сергеевичем Долговым – боевыми товарищами по Балтике – в 1945 г. А. А. Климов на Дальнем Востоке вёл съёмки сражений Тихоокеанского флота во время войны с Японией. Совместно с бойцами и командирами он участвовал в операциях десантников и лётчиков, познакомился с жизнью подводников. И снова кадры документальных съёмок военных кинооператоров стали основой фильма. «Разгром Японии» вышел на экраны советских кинотеатров в конце 1945 г.

Более часа длится этот документальный фильм, в котором прослеживаются славные боевые традиции наших доблестных моряков, участвовавших в Русско-японской войне начала прошлого века и в сражениях, развернувшихся в Китае и Корее через сорок лет после неё. На этот раз победа была за нами.

Армия вернула себе некогда утраченную славу.

Съёмки киноленты проходили как на суше, так и на море. Вот мы видим, как идут на штурм японских позиций русские солдаты, бьёт наша артиллерия и знаменитые «катюши», рвутся снаряды и авиабомбы, разнося на куски неприятельские укрепления, с кораблей Тихоокеанского флота, с мониторов и бронекатеров Амурской военной флотилии на вражеский берег высаживается десант. И кинооператоры справляются со всеми сложными и ответственными заданиями своего руководства, делая работу только на «отлично».

Но вот кадры боевых действий сменяются другими. С большим трудом наши войска переправляются через быстрые реки, продвигаются по непроходимым лесам, по горным кручам и безводным степям. Но идут вперёд танки, артиллерия, пехота...

Показан в фильме и переход частей и подразделений Красной Армии через перевал Хинган, где наши войска ощутили перебои с доставкой продовольствия и питьевой воды. 300 километров – такова длина этого перехода, и вместе с бойцами, где пешком, где на попутной полutorке или броне танка, продвигался вперёд военный кинооператор Климов.

В кадрах киноленты наши войска с боем берут город, кинооператор показывает очередную атаку, кругом

дым и пожарища, продолжающиеся стычки за каждый дом, в окнах первого этажа оборудованы бойницы для пулемётов, а на чердаках затаились до времени снайперы, но наши солдаты одерживают верх. Вот в объективах кинокамер появляются пленные японцы. Идут они, понуро опустив головы, складывая в кучи оружие и боеприпасы. Для них война закончилась. В финале фильма представители союзных государств и японское правительство подписывают акт о капитуляции Японии.

Кинооператор, старший техник-лейтенант А. А. Климов проводил съёмки в портах Кореи Сейсин и Росин операций войск Красной Армии и Флота в боях с японскими агрессорами. Кроме этого, он фиксировал боевую деятельность подводников и катерников, показав организованность и высокое качество киносъёмки, представляющих большую ценность для истории Тихоокеанского флота и для создания кинофильма «Разгром Японии». Также он обеспечивал киноматериалом союзную кинохронику, снятые им сюжеты боевых действий смотрели зрители по всему миру.

Командованием Тихоокеанского флота боевая работа нашего земляка была отмечена вторым орденом Красной Звезды.

Не случайны были и другие награды кинооператора. За каждый из документальных фильмов – «К вопросу о перемирии с Финляндией» и «Разгром Японии» – в 1946 г.

А. А. Климов в числе других работников кино был удостоен Сталинской премии первой степени⁵.

Закончилась война. В 1946 г. Аркадий Александрович демобилизован из армии и возвращается на Ленинградскую киностудию научно-популярных фильмов. Здесь почти за четверть века он снял более пятидесяти различных фильмов. Многие из них посвящены искусству (не прошли зря занятия с Ф. Л. Ларионовым). Например, полнометражные – «А. М. Горький», «Выставка Дрезденской картинной галереи», «Приглашение к танцу», короткометражные – «Золотые руки», «Кружевницы», «Искусство резьбы по кости», «Ансамбли России», «Петродворец», «Живопись Федотова», «Советская батальная живопись», «Сикстинская мадонна», «Скульптор Шубин», «Античное искусство», «Боевой карандаш», «Художник неизвестен», «Гусли звончатые». А ещё были киноленты «Смольный», «Ленинградский порт», «Вблизи России» и многие другие. Из научно-фантастических фильмов зрителям наиболее запомнились «Луна», «Марс» и особенно приключенческий «Планиета бурь». Последний был снят в 1961 году по повести А. Казанцева в жанре космической одиссеи.

Некоторые фильмы А. А. Климова отмечены дипломами на международных кинофестивалях во Франции, Германии, Италии и Голландии.

Мечтой Аркадия Александровича было снять фильм о земляке –

Сергее Мироновиче Кирове, тем более что Уржум и Ленинград объединяли давние дружественные связи. Климов надеялся, что именно ему, уржумцу по юности и ленинградцу по зрелому возрасту, доверят возглавить эту творческую работу. Но мечта, к сожалению, так и осталась неосуществлённой.

Кроме работы кинооператором, А. А. Климов вёл большую общественную деятельность – избирался в партийные, комсомольские и советские органы киностудии и города Ленинграда, он был секретарём правления и председателем бюро секции научного кино Ленинградского отделения Союза кинематографистов СССР, заместителем председателя Всесоюзной комиссии по научному кино Союза кинематографистов СССР (г. Москва).

Посещая город детства, Аркадий Александрович живо интересовался, как живут его земляки, искренне радовался новостройкам Уржума, благоустройству, встречам с немногочисленными старыми друзьями. Свои приезды сюда заслуженный деятель искусств старался приурочить к традиционной августовской встрече выпускников в школе имени В. И. Ленина. Но не всегда это получалось. С чувством огромной благодарности вспоминал он своих учителей: Владимира Ивановича Журавлёва, Владислава Павловича Спасского, Фёдора Логиновича Ларионова и других.

Выступая в 1967 г. перед уржумцами по местному радио, Алек-

сандр Аркадьевич говорил о том, что он, как и другие выпускники «ленинки», горячо любит эту школу и город. И где бы он ни был, всегда рад навестить Уржум. А всё потому, что и город, и школа стали для него родными.

«Дорогие земляки, – писал Климов, обращаясь к уржумцам, – я люблю свою специальность и горд тем, что работаю в такой области искусства, которая является самым важным, самым массовым из всех искусств».

Пятидесяти шести лет Александр Аркадьевич Климов, кинооператор высшей категории, дважды

Памятник А. А. Климова

лауреат Государственной премии СССР, скоропостижно скончался в Ленинграде от инфаркта миокарда. Похоронен наш славный земляк на кладбище «Памяти жертв 9 января». На простом памятнике из плит красного гранита лаконичная надпись: «Кинооператор Аркадий Климов».

Примечания

¹ Кино : энцикл. словарь. Москва : Сов. энцикл., 1987.

² Сектор архивной работы (муниципальный архив) администрации Ур-

жумского района. Ф. 64. Оп. 1-л. Д. 52. Л. 355.

³ СБ – стратегический бомбардировщик.

⁴ Тендер – небольшое вспомогательное судно.

⁵ Сталинская премия (в 1940–1954 гг.) – форма поощрения граждан СССР за выдающиеся достижения в области науки и техники, военных знаний, литературы и искусства, коренные усовершенствования методов производственной работы. Премия первой степени составляла 100 тыс. руб. В 1966 г. Сталинская премия была приравнена к созданной Государственной премии СССР.

К 70-летию А. ПОГРЕБНОГО

Алексей Погребной и его герои

О. В. Самсонова

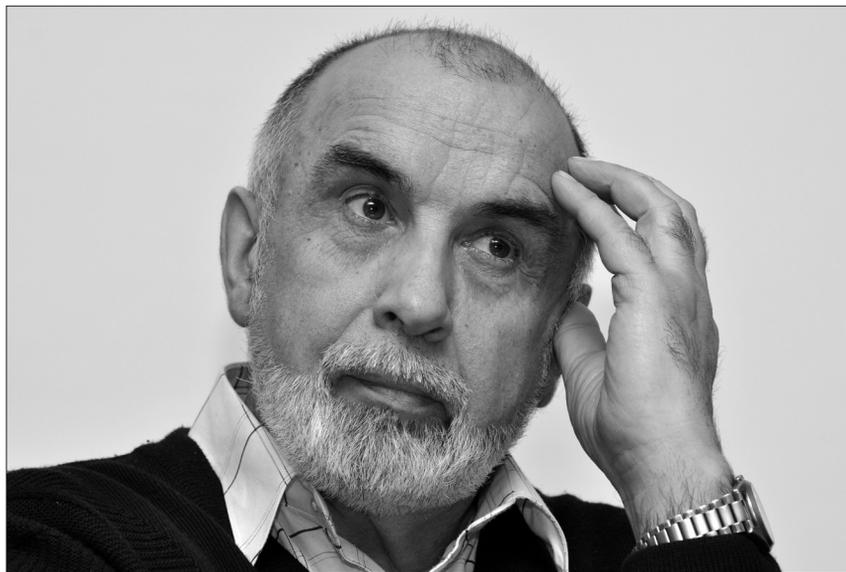
Нынешний 2016 год посвящён российскому кино. Немалый вклад в российскую кинодокументалистику внесли и вятские кинематографисты. В этой публикации мы хотели бы представить нашего земляка, кинорежиссёра Алексея Погребного, чьи фильмы с успехом шли по Центральному телевидению, на ведущих отечественных телеканалах, в телепрограммах для жителей ближнего и дальнего зарубежья.

Алексей Иванович Погребной – кинорежиссёр высшей категории, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, лауреат Государственных премий РФ, член Ака-

демии Российского телевидения, Евразийской академии телевидения и радиовещания, Академии кинематографических искусств «Ника».

Свою деятельность на телевидении в качестве режиссёра и сценариста начал в 1971 году. Вначале в Приморье и Амурской области, а с 1974 по 2009 работал на Кировском областном телевидении в должности кинорежиссёра, последние 6 лет из них он возглавлял студию «Вятка-телефильм». В настоящее время – художественный руководитель ООО «Киноvideостудия “Вятка”».

В послужном списке режиссёра и сценариста Погребного более 170 наград международных, союзных и российских кинофестивалей и телефорумов, а также профессиональных конкурсов «Лавр», «Ника», «ТЭФИ».

А. И. Погребной

Первым из мастеров отечественного неигрового кино он обратился к жанру многосерийного документального телеромана и успешно работает в этом направлении. Фильмы Алексея Погребного стали классикой отечественного документального кино. Их показывают студентам творческих вузов.

В 1997 году документальный телесериал «Лёшкин луг», созданный им в качестве режиссёра и автора сценария, был участником III заключительного этапа Всемирной конференции ИНПУТ, а в 2000 году стал лауреатом Государственной премии РФ «За достижения в области киноискусства».

Фильм Алексея Погребного «Извините, что живу», отмеченный

главными призами пятнадцати российских и международных кино- и телефестивалей, в 2004 году также был удостоен Государственной премии Российской Федерации.

Работам Алексея Погребного посвящены публикации ведущих российских журналов и газет. Пристально следили за творчеством кинорежиссёра и кировские журналисты. Предлагаем читателям две статьи наших вятских авторов – Лидии Смирновой «Провинциальное кино» и Александра Мальцева «Есть чувство правды в сердце человека...», а также два отзыва – Татьяны Куштьевской на фильм «Деревенский фотограф» и кинооператора Михаила Камионского, пришедшие из Германии.

Провинциальное кино

Л. В. Смирнова

Есть люди, которых независимо от профессии уважительно называют мастер. Вятский режиссёр-кинодокументалист Алексей Погребной из их числа. И дело не только в регалиях. Хотя для режиссёра скромной провинциальной телекомпании – две Государственные премии за достижения в области киноискусства и более восьмидесяти наград российских и международных кино- и телефестивалей – заслуга, согласитесь, немалая. К счастью, и сам он, и фильмы его живут негромко, несуетно, а в лентах его, как в известных строках поэта, «дышат почва и судьба».

Первый успех режиссёру принёс документальный цикл о сельской молодёжи, снятый им в соавторстве со сценаристом Юрием Авдеевым на рубеже 70–80-х годов. В те застойные брежневские времена в официальной кинодокументалистике процветала примитивная «идеологическая жвачка». И спущенная «сверху» тема закрепления молодёжи на селе изначально обрекала авторов на творческую несвободу. Но уже в первых фильмах – «Деревенские невесты», «Адрес прежний – деревня», «У всей деревни на виду», сохраняя острую социальную направленность своих лент, режиссёр наполнял их иронией, лирикой, выводя на первый план обычных деревенских парней и девчонок. Он

пытается делать эти фильмы по законам «большого кино». Порой они и воспринимались зрителем не как привычные «документалки», а как произведения из ряда «художественных».

И всё же, первые ленты Алексея Погребного событием в документальном кино не стали. Тем более что по своему образованию и прежнему опыту был он режиссёром театральным, и телекино ему тогда приходилось постигать с азов. Однако это основательное, неторопливое погружение в документалистику уже тогда обозначилось в его творчестве «тихим взрывом», он прорастал в ней медленно, но уверенно, как прорастает трава сквозь камни и асфальт.

Постепенно формируется интерес режиссёра к человеку самому простому, чья жизнь, протекает в череде повседневных насущных забот. И, вместе с тем, среди привычных его персонажей появляется новый герой, живущий на свой лад, из тех, кого в народе называют чудаками. Понять и открыть в герое нечто сокровенное, скрытое от поверхностного взгляда, становится для режиссёра принципиально важным. Названия фильмов – «Коля Модный», «Спартанец», «Ау, вселенная!», «В деревне Кукарековке», «Железный Генрих», составляющих цикл «Вятские характеры», – говорят сами за себя.

Любопытно, однако, складывается судьба людей творческих. Хотя

Алексей Погребной окончил театральное отделение в Московском институте культуры, пошёл он не в театр, а на телевидение. И даже получил позднее диплом телевизионного режиссёра в Ленинградском институте театра, музыки и кино. За три десятка лет работы на Кировском телевидении он снял около 80 фильмов. Но кто бы подумал, что в душе до сих пор считает себя человеком театра. Тоскует по хорошей драматургии, по спектаклям и героям, в которых живёт любовь к человеку и миру. Там-то, думается ему, смог бы он более значимо рассказать обо всём, на что отзывается душа. В кино же документальном вериги производственные и технологические не дают воображению воспарить над «протоколом событий». «...И ходить по земле среди свиста и брани распростёртые крылья мешают тебе», – приводит он строки Бодлера из своего фильма «Предзимье».

Если говорить о театре, нельзя не заметить, что перемены в нашей жизни существенно его изменили, и он сегодня, в прямом смысле этого слова, «перебивается» без героя. Не отсюда ли лихорадочные поиски современными драматургами так называемых «новых форм», попытки формалистическими вывертами возместить отсутствие в произведениях полноценного содержания, жизнеспособного героя и собственной – не выдуманной, а выстраданной позиции?

То, чего не видим мы сегодня в большинстве театральных постановок, в кино игровом, обнаруживается в документальных лентах Алексея Погребного. И герои его предстают не в могучем развороте плеч, а в ту пору их жизни, когда, «униженные и оскорблённые», пытаются подняться с колен. Возможно, он, человек, встающий с колен, – сегодня и есть герой нашего времени. Секрет фильмов Алексея Погребного в том, что обычный документальный материал он поднимает до уровня художественного обобщения.

Говоря о достижениях отечественной кинематографии конца XX – начала XXI века, нельзя обойти вниманием документальный телероман Алексея Погребного «Лёшкин луг», проследивший жизнь крестьянской семьи на протяжении двух десятилетий. Создание подобной семейной саги в сфере неигровой – опыт уникальный не только для российского, но и мирового телекино.

Означенный луг существовал реально: это 11 гектаров земли, выделенных в 1990 году семье Орловских районными властями для создания первого в области фермерского хозяйства. По чиновничьему недосмотру земли эти, принадлежавшие ранее соседнему колхозу, не прошли формальной процедуры отчуждения. И колхозники, не желавшие отдавать чужакам богатые травами покосы, двинули на них тяжёлую технику. Двенадцатилет-

ний сын Орловских Алёшка, в тот день оставшийся в семье за старшего, вместе с двумя маленькими сестрёнками вышел на защиту семейных владений и сумел отстоять их. Тогда-то и получил луг Лёшкино имя.

Острый конфликт между фермерской семьёй и колхозом «Заря коммунизма» стал исходным событием телесериала «Лёшкин луг», съёмки которого длятся уже почти два десятка лет. Режиссёр сумел создать документальную ленту, которая смотрится на телеэкране, как увлекательное, полное драматизма художественное произведение о жизни сельских жителей глубинной России в сложные годы реформ, затронувших не только экономические интересы семьи, но и нравственные её основы. На наших глазах течёт повседневная жизнь фермерского семейства, подрастают и заявляют о себе дети: Алёша, Таня и Надя.

И без того непростые отношения в доме Орловских накаляются после привлечения к суду сразу трёх членов семьи: Алёшке инкриминируется кража колхозного сена, а его родителям – противодействие органам правопорядка. Дальнейший ход событий преподносит новые сюрпризы. Испытание любовью переворачивает жизнь молодых хуторян. На фоне бесконечных судов возникает новая тема – «взрослеющие дети».

В конце концов, многолетняя судебная тяжба Орловских выиграна, но хозяйство – в полном упадке. От

красивой мечты о семейном хуторе осталось лишь пепелище сгоревшей усадьбы, да киносказание «Лёшкин луг», ставшее живым свидетельским документом времени. По меткому выражению кинокритика Виктора Матизена – «семейная сага вятского режиссёра – это, в своём роде, “Война и мир” в деревенском микрокосмосе». Её съёмки продолжают и сегодня.

В 2000 году «Лёшкин луг» был удостоен Государственной премии. Отмечен он и многими другими наградами, – весомое подтверждение тому, что «кинематографический луг» Алексея Погребного оказался много жизнеспособнее реального Лёшкиного луга. Многие критики считают эту киносагу о семье Орловских произведением остросоциальным. И это справедливо. Тем более впечатляет заявление режиссёра, что и в этом, и в остальных своих фильмах вовсе не ставит задач публицистических, а стремится разобраться в мотивах поведения своих героев. Что обуславливает их поступки? Какова их внутренняя логика? В чём нравственная подоплёка всего происходящего?

Герои Погребного – как правило, люди с ярко выраженной индивидуальностью, которых объединяет общая, прослеживаемая в их жизни закономерность: чтобы выжить в нелёгких обстоятельствах и сохранить свою душу, они должны идти наперекор силам разрушения. И чаще всего герои эти, по воле

обстоятельств, остаются «один на один» со своими бедами. На примере российской глубинки особенно ясно прослеживается отчуждение государства от своих граждан, от их насущных интересов. В этом смысле пронзителен своей почти вселенской безысходностью фильм «Задворки». И снова впрямую никаких социальных задач – режиссёр просто повествует при помощи кинокамеры о жизни, на которую он направил её фиксирующий глаз. Его кинокамера ведаёт, что творит. Для многих зрителей, особенно для людей благополучных, это равносильно проходящему перед их взором живому сотворению мира, о котором они доселе не знали или знать не желали.

Итак, «Задворки»... Изначально в стране нашей все мы – россияне. И обитающий в землянке на положении бомжа вятский пенсионер Николай Чурин, и инженер из Челябинска Олег Шатков, который вдруг затосковал в «компьютерном раю» по земле предков, «где все Шатковы жили», и перебрался с семьёй в родные края. Все мы связаны друг с другом незримыми нитями, и, если их разорвать, то, образно выражаясь, пойдут строчки по всей ткани наших человеческих отношений, и они начнут расплываться по швам. Что, собственно, мы уже и наблюдаем – картину распада веками складывавшихся отношений между нашими соотечественниками. Крепость их в своё время опре-

деляла и крепость отдельной семьи, и единство народа, и силу всей страны.

Именно это имел в виду Алексей Погребной, когда при вручении ему президентом второй Государственной премии, в нарушение протокола, обратился к главе государства с просьбой вникнуть в проблемы регионального телевидения, которое волевыми действиями из центра фактически лишилось тематического вещания, а, стало быть, и возможности рассказывать о насущных нуждах людей, о духовной жизни российской провинции. Ныне региональным государственным телекомпаниям оставлено право выдавать в эфир только короткие информационные выпуски типа, «что, где и когда произошло». Последовательное уничтожение важнейших коммуникаций культуры, связующих наши провинциальные сообщества, по мнению режиссёра, ведёт к разобщению и, соответственно, утере государственного влияния в регионах.

Но вернемся к Николаю Чуринову, отшельнику. Бывший шахтёр, вернувшийся после долгих скитаний в родные места, за неимением жилья вынужден был вырыть для себя землянку и поселиться в ней, никому особенно не пытаясь навязать своё общество. Живёт себе человек на особицу: как живёт, чем живёт, никому не докладывает. Отсюда – отшельник. В ответ на насмешки людей решил доказать, что не бросовый он человек, и практически из мусора и глины, которых в природе

Рабочие моменты

великое множество, начал строить экологически чистый керамический дом со всякими фантазийными придумками, искусно сделанными звёздками.

Однако не успокоился на этом. Написал книгу о том, как построить чудесную печку, которая сохраняет тепло в течение суток. Говорят, что труд вполне адекватный своему назначению. Есть у Николая Чурина ещё одна прекрасная особенность: очень уж речь его красна, говорит умно, тонко и грамотно – философ милостью Божьей. Может, душа на волю просится, хочет, чтоб её заметили, обласкали... Именно на такие души у Алексея Ивановича Погребного особое чутьё. Потому, что рядом с Чуриным заметил ещё одну ему родственную натуру.

То, что не удалось сельскому философу, удалось инженеру. Параллельно с городской жизнью своей семьи Олег Шатков, по обоюдному согласию с близкими, наладил и жизнь сельскую на земле предков, где жили Шатковы с середины XVII века. Олег Шатков – по своим склонностям – поэт, но пишет и стихи, и прозу, сочиняет песни. Своими руками построил рядом с домом часовню в память об исчезающих вятских деревнях и написал большой труд об истории родного края.

Погребной своих героев любит, помнит их, как правило, за их судьбой следит, если потребуется, ненавязчиво поможет. И с гордостью говорит: «Они не сдаются и, как

могут, противостоят уготованным судьбой обстоятельствам. В их душах всегда есть свет надежды!»

Героиня фильма «Извините, что живу» – инвалид детства Вера Казакова – с первых же кадров завораживает зрителя своим талантом, женской красотой и человеческой мудростью. Махонькая, с трудом передвигающаяся по своему деревенскому дому, она сумела отстоять родовую деревню и окрестности от всемогущих районных властей, решивших устроить песчаный карьер в этом заповедном месте. Вместе с четырёхлетним сыном прожила здесь без воды, электричества и без человеческого участия несколько лет. Выстояла, создала семью, вернула жизнь в опустевшую было деревню.

Режиссёр так строит свой фильм, что физические недостатки героини уходят на самый дальний план, а на первом – царит красивая, умная женщина, которая, к тому же, пишет стихи, рассказы, изумительно поёт и глубоко судит о жизни. Потому, наверное, и понятна почти детская, восторженная влюблённость в неё её мужа и их общего сына.

Фильм этот в 2004 году так же, как и «Лёшкин луг» в 2000-м, отмечен высшей государственной наградой за достижения в области киноискусства. Надо сказать, это не единственный фильм о людях с ограниченными физическими возможностями. Сам режиссёр считает: его фильмы не об инвалидах, а

о людях, обладающих силой характера и незаурядными способностями.

Сопереживая и сочувствуя своим героям, режиссёр, вместе с тем, даёт характеры объёмно, без скидок на их особые обстоятельства. Генрих Сергеев из фильма «Железный Генрих» после перенесённой в детстве болезни с трудом передвигается даже на костылях. У него золотые руки и светлая голова. Всю свою жизнь возится Сергеев с железками, чинит бытовую технику, сконструировал из старого мотоцикла мотоцикл для зимних поездок и целую коллекцию музыкально-шумовых инструментов. Выступая на «колокоLINE» – гибриде пианолы и ударного устройства из подобранных по ладам колокольчиков, – заработал на собственный автомобиль. Сотрудничал он и с местной газетой: писал репортажи, стихи, очерки, историю родного края. Собрал двухтысячную коллекцию вятских частушек. Придумал для своего села герб, утверждённый Геральдической палатой.

Но при всех талантах характер у Железного Генриха – тоже железный, как говорит его любимица-дочь, «непререкаемый». Жена его, тихая, терпеливая Шурочка, даже уходила от Генриха Ивановича на три года, потом, правда, пожалела и вернулась. А вот с сыном до сих пор отношения сложные.

Режиссёр нашел замечательную возможность показать этот «характер» в действии. В фильм включены сцены, где сам герой, определив

будущий фильм как «музыкально-драматическую поэму», предлагает режиссёру снимать это произведение по собственному сценарию. Он постоянно конфликтует со всей киногруппой и учит её, как нужно делать «настоящее кино». В фильме «Железный Генрих» удивительно тонко переплетаются и драматизм истории героя, и добрая ирония автора к нему, создавая образ человека сложного, неистового, но талантливого, сумевшего преодолеть превратности судьбы и прожить яркую, интересную жизнь.

В фильме «Деревенский фотограф» Алексей Погребной, как это бывало с ним не раз, вновь резко меняет стиль повествования и киноязыка. Удивительно, но каждый из его фильмов, ни по сути своей, ни по форме не повторяет предыдущих. Может, потому, что всегда в своих фильмах «идёт» он не от режиссёрского замысла, а от героя.

Деревенского фотохудожника, поэта и философа Николая Зыкова мы застаём в сложный период его жизни. Только теперь, на седьмом десятке, потеряв жену, понимает он, что хрупкая женщина, подарившая ему восьмерых детей, была духовным светом и основой их семьи. Зыков уже не может заниматься любимым делом – фотографией. Он часами слушает музыку и уходит мыслями в прошлое, где осталось нечто, требующее покаяния, где есть непреходящая любовь и счастье, запечатлённые на фото.

Герой, с трудом согласившийся на съёмки фильма, не склонен вспоминать и пересказывать перипетии своей судьбы и личной жизни. Он живёт как бы на грани двух миров, где настоящего уже почти нет. Всё лучшее осталось в прошлом. Жизнь бытовая, материальная ничего для него не значит. После смерти жены он одинок, хотя рядом живут семеро его детей. Зыкова мучает неведомое нам чувство вины перед детьми и женою, которую, судя по всему, он искренне и глубоко любил до последнего её часа. Авторам фильма было позволено какое-то время находиться рядом с героем. Согласившись на жёсткие условия, они ни о чём героя не расспрашивают, лишь всматриваются в то, что с ним происходит, разглядывают фотографии мастера, слушают его комментарии, которые изредка возникают по тому или иному случаю.

Параллельно, почти не соприкасаясь с жизнью отцовского дома, живут его дети, но их судьбы, поступки связаны с миром отца тысячей незримых нитей. Разъехавшись когда-то по большим городам, они вернулись сюда, под отцовское крыло, со своими семьями. В их деревенских домах на книжных полках – лучшая отечественная и мировая литература, здесь звучит классическая музыка, говорят о стихах и фильмах. При этом Зыковы не склонны к праздным разговорам, а радости жизни, по большей части, «вкушают» от обычных крестьянских трудов.

С первых же кадров в фильме «Деревенский фотограф» возникает ощущение пространства. Оно многомерно. Здесь и просторы России, и деревенского мира, пространства искусства и человеческой души. Свойственная этой ленте недосказанность в судьбах героев даёт также простор зрительскому воображению. Не случайно лента эта отображена на многие российские и международные кинофестивали, и не случайно сопутствует ей зрительский успех.

Кинорежиссёр Алексей Погребной отметил уже своё 70-летие и 40-летие творческой деятельности, но, судя по последним фильмам, он ещё только вступает в пору расцвета своего дарования.

«Есть чувство правды в сердце человека...»

(Размышления о сериале

А. Погребного «Лёшкин луг»)

А. Мальцев

Вятский режиссёр Алексей Погребной завершил недавно главный труд своей жизни – телероман «Лёшкин луг». Начатый двадцать лет назад как милицейская хроника о конфликте фермерской семьи с местным колхозом, этот документальный сериал к финалу своему поднялся до уровня эпической драмы – да, позволительно будет осторожно употребить здесь эту эстетическую категорию.

Драматическое начало в телеромане обусловлено самой эпохой.

Рубеж столетий. Период коренной ломки самих основ существования. Смутное время, полное драматизма. Крушение старого мира и мучительные попытки жить по-новому.

Двадцать лет продолжалась работа над этой многосерийной сагой. В сущности, это ведь целая жизнь. История зарождения, становления и краха фермерского хозяйства на примере отдельно взятой семьи из Вятской глубинки. Уникальный эксперимент. Редкий пример многолетнего творческого наблюдения и исследования жизни одной семьи. Двадцать лет скрупулёзной работы. Двенадцать серий. Документ времени и факт искусства. Событие в культурной жизни страны.

Истекшее двадцатилетие, безусловно, – самый плодотворный и самый значимый период в творческой биографии А. Погребного. «Лёшкин луг» принёс ему известность, признание, первую Государственную премию. В эти годы, наряду со съёмками сериала, одна за другой выходили другие его картины, отмеченные призами и наградами всевозможных форумов и фестивалей. Самые известные из них: «Извините, что живу» (вторая Государственная премия), «Задворки» («Окраина»), «Счастливчик», «Две жизни Ясабуро Хачия», «Железный Генрих», «Деревенский фотограф», «Нежный жанр».

В эти годы обретал силу авторский голос, формировался художественный феномен Алексея

Погребного. Это, действительно, – авторское кино, когда сценарист, режиссёр и рассказчик в одном лице.

Это и неустанный поиск героя. Персонажами его картин становились люди незначительные, незаметные, а иногда и попросту отверженные. Но удивительное дело: что ни герой – то открытие, что ни биография – то незаурядная судьба. Иных уж нет. Это и деревенский фотограф Николай Зыков, и инвалид детства Вера Казакова, и спартанец Борис Мошонкин. Их нет, но они жили рядом с нами. И благодаря фильмам Погребного они остались в истории, остались в нашей памяти. Обогатили и расширили наши знания о Человеке.

Кинематограф А. Погребного – это всегда ясность сюжета, внятность художественного высказывания, изобразительная насыщенность кадра, дыхание живой природы на экране.

Отдельного разговора заслуживает музыкальное, звуковое решение фильмов. Способы его разнообразны. В каждом из фильмов предельно точно выстроена звуковая драматургия живой природы и шумов окружающей среды. Многие герои владеют музыкальными инструментами. А, значит, гитара, балалайка, гармонь, аккордеон – важнейшие атрибуты экранного действия – не случайно оказываются в кадре. Некоторые из героев ещё и замечательно поют с экрана. Наконец, прямое использование известных песенных

мотивов, образцов музыкальной классики, что непременно пробуждает эмоциональную память зрителя, его эстетический опыт.

Вот лишь один характерный пример (из фильма «Деревенский фотограф»). Раннее сельское утро. Рассвет. Лучи восходящего солнца настойчиво проникают сквозь щели в прохладный полумрак деревенского хлева. Естественные бытовые звуки, шорохи. Мычание коровы. Упругий звон молочных струй о дно подойника. И невесть откуда, будто с небес, летяся... Моцарт! Возникает неожиданный «звукозрительный» синтез. Но контрапункт высокой музыкальной темы и бытового видеоряда – не самоцель, а органичный творческий ход в постижении бытия, единство поэтического и земного. В доме деревенского фотографа Николая Зыкова, знатока философии и искусства, живущего в некой параллели с бытийным миром своих детей, классическая музыка звучит постоянно. После недавней потери жены эта музыка хоть как-то скрашивает его уходящие дни и мучительное одиночество среди самых родных людей.

Решительно отвергая застарелую практику именовать художественным только кино игровое, заметим, что документальное кино А. Погребного – кино художественное.

Отбор материала, серьёзная сценарная основа, убедительные монтажные построения, свободное оперирование категориями прост-

ранства и времени, лирические отступления, наконец, проникновенная авторская интонация – всё свидетельствует о том, что с экрана документального фильма предстаёт художественно преобразённая реальность. Эстетика документальности вмещает в себя понятие «художественный образ». Образ героя. Образ события. Скажем и больше, перефразируя известную строчку Бориса Пастернака: и образ мира, в кадре явленный.

«Лёшкин луг» – не имеющая аналогов кинолетопись бурного противоречивого времени, эпохи глобальных перемен. Однако сам постановщик не раз заявлял, что историко-экономические проблемы его мало интересуют. А вот человек в сложных обстоятельствах, в моменты выбора – другое дело.

Да, бесспорно, пристальный интерес к человеку, способность автора в житейском и будничном выявить некие глубинные смыслы человеческого существования (экзистенцию!) всегда были характерны для Погребного. Но! Что же делать, сама жизнь диктовала условия, влекла за собой, предлагая всё новые и новые сюжеты, проблемы, конфликты. Отправляясь со съёмочной группой летом 1990 года в сельскую глубинку, где, согласно рапорту капитана милиции Кощева, назревал серьёзный «земельный» конфликт между колхозниками и новоявленным фермер-

ским хозяйством, режиссёр вряд ли предполагал, на какую дорогу художественных обобщений выведет его судьба, какие творческие горизонты откроются перед ним.

Всё смешалось в доме Орловских. Крепко и надолго. И потому Лёшкин луг стал полем боя, а внутренние семейные неурядицы, то вспыхивая, то угасая, – испытанием для всего семейства. «Лёшкин луг» – это художественный анализ времени, сгусток проблем социальных и страстей человеческих. Это наглядный материал для серьёзных исследований – историкам, социологам, искусствоведам.

Итак, на волне провозглашённых реформ семья Орловских из Слободского района Кировской области вознамерилась создать фермерское хозяйство. Новое для современной России дело. Хутор – как отдельное крестьянское поселение. Чтоб формировался и креп новый уклад жизни: исполненный поэзии нелёгкий труд на земле, независимость, самостоятельность, ответственность. Чтобы возродившееся чувство хозяина передавалось по наследству. Потому и название фермерскому хозяйству определили соответствующее – «Наследник». Радужные мечты. Большие планы. Благие намерения.

О том, что из этого получилось, а правильное сказать, не получилось, и рассказывает кинороман.

Большое удовольствие отсмотреть сериал сразу, целиком, в ди-

намике. Проследить, как на твоих глазах вырастают и взрослеют дети Орловских: сын Алексей, дочери Надежда и Татьяна, как с ранних лет вместе с родителями участвуют в общем деле, как сами потом становятся родителями.

Необозримая панорама жизни предстаёт с экрана. Местом действия становятся пойменный луг и приусадебный участок, коридоры казённых учреждений и тюремные помещения, зал судебных заседаний и больничная палата, железнодорожный вокзал и церковь в день обряда венчания. Наконец, городская квартира. Квартира, которую Орловские купили в рассрочку: дом – в лесу, а в городе – «дача», «окно в Европу».

Важно при этом отметить, как из разрозненных фрагментов собирается экранная картина реальности. Шумная городская дискотека монтируется с грязной работой в деревенском коровнике, гламур – с навозом. Протокольный текст судебного решения – с мычанием коровы. Подобные монтажные сопоставления высекают искры ассоциаций, рождают новые смыслы и настроения.

Если бы знали супруги Орловские, затеявая серьёзное дело, какие мытарства предстоят им, какие унижения, обиды и разочарования подстерегают. Неодолимые препятствия встали на их пути: людская зависть, косность, чиновничья непробиваемость. Скандалы, клевета, прямые стычки с милицией, поджо-

ги имущества, заключение в тюрьму главы семейства – воистину шекспировские страсти разгорались при решении крестьянского вопроса. Дело дошло до Москвы. Многочисленные судебные разбирательства завершились оправдательным приговором... Президиума Верховного суда. Но какой ценой далась эта победа! Развалом семейного хозяйства и инвалидностью обоих супругов.

А вот постоянные проблемы и заботы внутри семейного круга никаким судебным инстанциям, вроде бы, неподвластны. Но: «Лада-то в семье нет», – не раз сокрушается с экрана хозяйка семьи Раиса Никифоровна. Что ж, обычное, привычное дело: взрослеющие дети, у каждого свой нрав, свои претензии на лидерство и независимость, своя личная жизнь, наконец, влюблённости и расставания, женитьбы и разводы. Извечные проблемы поколений, извечные столкновения интересов, когда люди заняты одним общим делом. И самое поразительное в этой хронике семейной жизни – незримое присутствие кинокамеры. Словно и впрямь снято всё тайно, скрытой камерой.

Степень доверия автору столь велика, что герои не стесняются показаться неправыми и некрасивыми, браниться, проливать неподдельные слёзы. Или, напротив, поведать автору (а значит, и зрителю!) о самом сокровенном. Так, Раиса Никифоровна, будто на исповеди, рассказывает о важном событии в жизни –

случайном знакомстве с будущим мужем своим, Александром, на железнодорожном вокзале. Заветное место их первой встречи стало для обоих столь дорогим, что они не раз принесли туда цветы!

Умение расположить к себе героев, добиться их полного раскрепощения – важнейшее условие и залог успеха, творческое кредо режиссёра Погребного. Он и сам изредка появляется в кадре. Появляется как свой среди своих – «дядя Лёша».

Закадровый голос автора – ещё один фирменный знак в художественной палитре сериала «Лёшкин луг». Начиная со второго фильма, автор каждый раз вводит зрителя в курс событий, а главное – *задаёт интонацию*. Проникновенная интонация, как эмоциональный камертон, располагает к общению, порождает зрительское доверие. Доверие героев и доверие зрителей – во многом определяет авторское начало в фильмах А. Погребного.

Центральный герой сериала, его стержень, безусловно, – глава семейства Орловских, Александр Леонидович. Уроженец Подмосковья. Фактурная, выразительная внешность. Натура сильная, горячая, но отходчивая. Автор не идеализирует его. Герой сам заявляет о себе: «Чужого не возьму, но и своего не дам!» Идеолог и организатор затеянного дела, он не командует, а царит в семье, сглаживает, гасит возникающие конфликты. Вдумчивый, основательный, мудрый, он во всём

На сѣмках сериала «Лѣшкин луг»

пытается дойти до сути. Его речь грамотна, выразительна. Среди других заметно выделяется неместным говором. Монологи Орловского – сплошные афоризмы. Постоянно цитирует Библию и литературных классиков. С карандашом в руках штудирует Конституцию в поисках правды. А его письмо сыну из тюрьмы, будто из-под пера писателя: «Твори мир и лад. Если мы не сможем стерпеть недостатки друг друга, нас раздавят...»

Однако этот незаурядный человек не смог реализовать себя. В этом его драма. И трагизм времени.

Существенное значение в изобразительном строе картины имеют пейзаж и предметный мир, выразительная сила среды, выразительная роль детали. Живописные окрестности, смена времён года, добрососедство братьев наших меньших – ничего случайного на экране. Всевозможные лирические вкрапления – как эстетическая терапия в минуты острых драматических коллизий. И чуткий зритель благодарно отзовётся на россыпи запечатлённых лирических мгновений, из которых и складывается полноценная картина жизни.

Случается, что по нескольким выразительным фрагментам можно проследить биографию человека, движение самой жизни. Вот сквозь пелену дождя и оконное стекло деревенского дома мы видим, как

мечтательная девочка-подросток расчёсывает свои волосы. Это Надя – старшая из дочерей Орловских. Через несколько лет мы увидим её на сцене филармонии. Повзрослевшая девушка, заворожив зал неподдельной искренностью, поёт «Рябинушку» – песню своих бабушек, и эта музыка перекликнется потом с её рассказом о собственной, непростой личной ситуации.

Пройдёт ещё несколько лет, и в последнем фильме сериала Надежда предстанет в самом, быть может, сильном по эмоциональному воздействию эпизоде. Она приходит к тенистому омуту. К месту трагической гибели мужа. Качаются на волне брошенные в воду цветы, звучит полный отчаяния голос молодой женщины, потерявшей любимого человека и оставшейся с двумя малыши детшками на руках. Этот самый сложный в психологическом смысле эпизод и режиссёр, и оператор снимают безукоризненно точно. Простые и сильные чувства обретают характер маленького реквиема – столь велико очищающее воздействие зрительского сострадания. Об этом говорит особое напряжение зала на каждом просмотре. Три эпизода с участием одной героини, а за ними – целая судьба.

Каждый фильм носит выразительное и точное название. К примеру: «Иголка в стоге сена», «Судные дни», «Крестынский крест».

И каждый фильм, обладая собственной композиционной завершённостью, всякий раз предполагает продолжение, оставляя неразрешённой интригу: что же будет дальше? Ответы давала уже сама жизнь. А съёмочная группа, настроенная на бесстрастное наблюдение, тем не менее, становилась адвокатом, носителем справедливости и правды.

Заключительный фильм «Последнее свидание» – самый насыщенный и напряжённый по драматизму событий, самый цельный. Окончательная точка. Художественный венец цикла. «Последнее свидание» – это прощание. Прощание с хутором. Прощание с крестьянским миром. Прощание с героем.

«Метод жизни хочу сохранить. И оставить на земле крестьян», – так заявляет ещё в первом фильме воинствующий мечтатель Александр Орловский. А в финале, через двадцать лет, он же горестно констатирует: «Не свершилась форма хозяйствования хуторского».

Не сбылось. Не сложилось. «Как и другие российские фермеры, они оказались заложниками непродуманных реформ», – печально комментирует автор итоги прожитого с героями двадцатилетия.

Заложники реформ... Вот они сидят в обнимку – двое мужчин. Орловские: отец и сын. Быть может, впервые в жизни так искренне, по-мужски скупно они признаются друг другу в любви. Старший, тяжело больной, с потухшим взглядом, не

скрывает гордости, что после него остаётся Алёшка. А младший при этом не в силах сдержать своих слёз.

В титрах появится надпись, что съёмка проведена за несколько часов до смерти отца, и происходящее обретает трагическое звучание. Любовь и смерть – рядом. Провидческое прощание...

Отец и сын. Этот «вечный сюжет» в искусстве всех времён в небольшом эпизоде документального фильма потрясает выразительной простотой. И каждый вынесет из него своё. Ведь все мы, в сущности, – родители и дети. У каждого своя память, своё чувство не до конца исполненного долга.

Сокровенная тема Ухода решена в фильме простыми средствами кино. Без комментариев. Краткими кадрами в единой монтажной фразе. «Перечитаем» эту фразу: *Отец с сыном. Последние слова – юркая белочка на ветвях дерева как вестница судьбы – полевой цветок – простор Лёшкиного луга – свежая могила в венках.*

Закончились земные дни Александра Леонидовича Орловского. И с его уходом ушёл целый мир.

Ещё в предпоследнем фильме сериала («Свой дом») витало тревожное предчувствие, как затишье перед бурей, ожидание беды. И вот беда свершилась. Последние надежды сгорели в огне очередного по-

жара (поджога). Кажется, что жизнь остановилась.

Но не в традициях гуманистического искусства оставлять зрителя в полной безысходности. Поразительная особенность сериала в том, что в итоге он внушает не уныние и тоску, а светлую печаль. И не лишает вкуса к жизни, не отменяет желания жить и верить. Несмотря ни на что! Вот как итожит свои размышления в закадровом монологе сам автор: «И всё же не иссякла в народе нашем эта неизбывная, вечная тяга к земле...»

Прошедшие суровую школу жизни дети Орловских, конечно, не пропадут. Хотя каждый из них снова на распутье. И маленький внук на похоронах деда, глотая слёзы, говорит с недетской горечью о своём «ушедшем в облако дедушке», обещая всегда помнить о нём. (Этот трогательный эпизод деликатно снят на дальнем плане, в момент, когда Алексей Орловский с шестилетним Вовкой идут от кладбища по увядающему лугу.) И здесь режиссёр обозначил новый поворот темы «Отец и сын». А далее мы узнаём, что родители Вовы развелись, и Алексей называет себя «воскресным папой».

Есть эпизод, где зрителю предстаёт жуткая картина пепелища... И тогда камера осторожно, плавно переведёт наш взгляд с дымящихся головёшек на стоящий в отдалении Храм. Затем образ храма приблизится, укрупнится, и зритель останется с ним наедине.

Есть чувство правды в сердце человека.

Но есть и божий суд!

И остаётся память.

«О счастье мы всегда лишь вспоминаем», – писал когда-то Иван Бунин. И вправду, режиссёр подключает в финале кадры ретроспекции – хронику прошлых лет – как живительный бальзам на растреванную душу. Вот они, выразительные возможности кино – вернуть прошлое. Когда все ещё были живы и молоды, когда всё было впереди и многое казалось возможным. И это не только о героях фильма, но и о каждом из нас – таково свойство искусства. Вместе с героями мы возвращаемся в собственное прошлое и острее осознаём бесценную неповторимость каждого прожитого дня и часа.

Природа! В кинематографе Алексея Погребного ей всегда придаётся значительность и смысл.

И улетевшие журавли обязательно вернуться назад.

И спелые яблоки под проливным дождем – знак вечного обновления, обещание новой жизни. Знак утешения.

Вспоминаются яблоки Александра Довженко. Из его классического фильма «Земля». И в этой эстетической переключке с классиком – залог преемственности и развития искусства, движения времени, продолжения жизни.

Слово о деревенском фотографе

Т. Кушневская

На чистый и ясный голос документальных фильмов Алексея Погребного отзывается с радостью и благодарностью. Ибо ему дано разглядеть и расслышать тех интереснейших, самобытных людей, которые пока ещё рядом с нами. Тех, кто добавляет миру света. Без них наш мир будет пугающе пустым.

Как легко, как страстно мы порой обличаем, обижаем, критикуем, и как робко и неохотно хвалим! Сколько на памяти добрых, ярких, талантливых людей, которым мы постеснялись сказать слова восхищения, ободрения, благодарности, а теперь уже поздно...

Однажды один славист, молодой немец, сказал мне: «Великое русское документальное кино кончилось на Дзиге Вертове». Я спросила, а что он видел из современных русских документальных фильмов? Оказалось, ничего. Тогда я дала ему посмотреть три фильма Алексея Погребного: «Извините, что живу», «Деревенский фотограф» и «Нежный жанр».

Через пару дней он вернул их мне с письмом, в котором были такие тёплые слова об увиденных документальных фильмах! Он писал, что «великое русское документальное кино не кончилось, нет, оно стало другим, как у Погребного. Герои его фильмов – люди, сохранившие в

себе божественный дар, они передают нам ощущение неповторимости Божьего мира, Божьего замысла.

В «Деревенском фотографe» – рассказ о талантливом человеке из русской провинции, любящем классическую музыку, сделавшем удивительно прекрасную серию фотографий деревенской природы. Человеке такой внутренней красоты и художественного дарования, что понимаешь: и в нынешней, сильно оскудевшей России, есть в людях особенный дух и творческий огонь.

О таких страстно увлечённых людях рассказывает нам Алексей Погребной. И в «Нежном жанре» мы любуемся крестьянским художником-самоучкой, рисующим, как выражаются художники, «обнажённую натуру». И как рисующим! Вся жизнь его – служение живописи, призванию, хотя он и не говорит никогда таких высоких слов. Живёт в деревне, работает, детей растит, по хозяйству хлопочет. Но при этом ему удаётся найти время и силы – рисовать.

Его работы вызывают порой самые противоречивые чувства – от восхищения до протеста. Но что бы о них ни говорили, это – работа мастера, невозможно не заметить блеск оригинального, самобытного таланта. И в конце фильма – выставка в Москве!

Для Алексея Погребного человек – явление в динамике. Он, человек, не может существовать в статике, ибо должен непрерывно «быть,

а не казаться», то есть продолжать своё существование с напряжённой, творческой работой.

И он сам, как я думаю, и его герои не могут быть ни равнодушными, ни инертными. Такие люди имеют драгоценное свойство: несмотря на идейную духоту, бедность, запустение, медвежьи углы российской провинции, разглядеть родные мятежные души тех, в ком горит творческий огонь и есть врождённая потребность приподнять небесный полог. «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...»

Ещё студенткой я записывала народные песни в Вологодской области, вглядываясь, вслушиваясь в тексты, в которых были все варианты судьбы: «то разгулье удалое, то сердечная тоска» – я все время вспоминала слова Пушкина о народных песнях. Он звал это «лестницей чувств», когда в песне можно прожить всю жизнь от начала до конца, рассказать в ней о самом сокровенном...

Я смею думать, что нашла в фильме «Извините, что живу» эту самую «лестницу чувств», когда жизнь человека, как песня со своими переливами, драмами, любовью, одиночеством, предательством – и даже в пределах этой песни по первой строке никогда не угадаешь, а что будет во второй.

Так, в фильме, рассказывающем о судьбе женщины-инвалида, отстояв-

шей своё право на жизнь и любовь, живущей с чувством счастливого изумления Господнему богатству человеческого мира. Это чувство не смогли остудить ни обиды, ни горечь, ни болезни. Эта женщина беззащитна, добра, свет её так доверчиво нежен ко всем и ко всему, что, кажется, она никогда не видела зла...

И теперь, когда на сердце темнеет и одолевают сомнения и хвори, я всегда вновь и вновь просматриваю этот чудесный, добрый фильм Алексея Погребного, слушаю тихий гитарный перезвон и голос женщины – героини фильма, поющей песню Владимира Высоцкого «Я несла свою беду...» И тогда мне кажется, что все добрые, умные и красивые люди живут в своей вселенной, которая граничит с нашей, но не знает угрюмости и злобы. Та вселенная хранит наше лучшее, как замысел Бога о нас.

Все документальные фильмы Алексея Погребного объединяет единый мировоззренческий стержень. Они – как мозаика нашей жизни. Есть такое выражение: «это мой режиссёр, а это не мой». Это как совместимость по группе крови. Есть, я думаю, такая же кинематографическая совместимость. Такие вещи происходят на каком-то энергетическом уровне и не зависят ни от каких доказательств и аргументов.

Так вот: Алексей Погребной, без всякого сомнения, – мой режиссёр.

Вы работаете для Историк

М. Каминский

Авторам и создателям
замечательных
документальных фильмов

О. В. Самсоновой и А. И. Погребному

Уважаемые Ольга Валентиновна и Алексей Иванович!

Пишу вам по поручению членов нашего кино клуба, существующего в Кёльне более пяти лет. Мы на наших ежемесячных встречах с огромным интересом смотрим и обсуждаем фильмы, рассказывающие об истории России, о деятелях российской культуры и искусства. Но, конечно, особое внимание у наших зрителей вызывают фильмы, показывающие жизнь современной России, судьбы и проблемы россиян в наш, довольно сложный период истории. Поэтому мы особенно рады, что благодаря вашей любезности получили возможность познакомиться с вашим многолетним творчеством. После первых же просмотров – а мы только начали смотреть ваши фильмы – члены нашего клуба попросили меня передать вам свои впечатления. И я с большим удовольствием это делаю и хочу коротко рассказать об основных моментах клубных дискуссий по поводу ваших фильмов:

Выбор героев. Такие ваши фильмы, как «Деревенский фотограф», «Железный Генрих», «Деревня Кукарёвская», «Извините, что живу»,

«Коля Модный», – это рассказы об обыкновенных людях с необыкновенными судьбами. Но эти фильмы ещё и ещё раз доказывают, что нет «обыкновенных людей», что у каждого из нас, живущих на этой земле, своя, необыкновенная судьба. И, самое главное, каждый фильм просто пронизан вашей любовью к своим героям!

Внутренняя свобода. Такое ощущение, будто вы снимаете, как дышите, – не задумываясь, как и кому понравится или не понравится фильм, без всякой самооценки. В современном российском документальном кино, часто подстраивающимся под телевизионные правила игры, эта свобода сохранилась у очень немногих больших мастеров.

Самоотверженность. Огромный труд, вложенный в каждый фильм всеми членами вашей группы, настоящему могут оценить только профессионалы-киношники, знающие, какой ценой эта свобода достаётся. Но в том-то и заключается мастерство и талант, когда на экране нет и следов напряжения, пота и нервов, потраченных при создании фильма. И это очень правильно – ведь зрителю не должно быть дела до нашей «кухни». Но заряд вашей энергии остаётся и, безусловно, с экрана передаётся зрителям.

И ещё – может быть, самое важное – вы сами, ваши операторы, звукооператоры, монтажёры – вы все вместе ДЕЛАЕТЕ КИНО! Мы видим сейчас, что, к сожалению, целое поколение создателей документаль-

ных фильмов, воспитанных в эпоху тотального телевидения, убеждены в том, что главное в фильме – голая информация, разговор, забывая (а, может быть, по неграмотности и не догадываясь), что кино – искусство изобразительное. Поэтому ваши фильмы ценны ещё и тем, что вы используете в них всю палитру киноязыка.

Во многом это заслуга и моих коллег – ваших замечательных операторов. По всему чувствуется, что у вас с ними хорошее взаимопонимание. По своему, более чем 20-летнему опыту работы с Владимиром Кобриным, знаю, насколько важна в группе атмосфера взаимного творческого доверия. Хороший оператор может снять много прекрасных картинок, но, если они не объединены авторской и режиссёрской сверхзадачей, то их труд будет напрасен. А я по-хорошему завидую вашим операторам, ведь после того, как не стало Володи Кобрина, мне было очень трудно работать с другими режиссёрами – уж больно высока была его планка...

Всё вышесказанное, конечно, целиком относится и к вашей непо-

вторимой киносгае «Лёшкин луг». Эти двадцать лет жизни ваших героев, борющихся не только за выживание, но и за сохранение своего человеческого достоинства в диких условиях постсоветской России, вы перенесли на плёнку не только для нас, современников, но и для следующих поколений. Ведь вы, как и все документалисты, не задумываясь специально над этим, работаете для Истории.

Мы будем продолжать знакомиться с другими вашими картинками, уверены в том, что лучшие ваши фильмы ещё впереди, и, очень надеемся, что и их мы сумеем посмотреть. И ещё мы желаем вам, чтобы никакие кризисы не отражались на вашем творчестве, потому что ваша работа, как и работа всех честных документалистов, очень важна для культурного здоровья России.

Нам очень жаль, что не имеем возможности пригласить вас в Кёльн, так как клуб наш – абсолютно некоммерческая организация, но если «киношные» пути-дороги забросят вас в наши края, будем счастливы с вами встретиться.

Раздел V

ИЗ НЕИЗДАННОГО

Иван Иванович Мышкин

В краеведческом отделе Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена хранится машинописный труд – воспоминания Ивана Ивановича Мышкина «Записки врача». Иван Иванович – непревзойдённый врач-диагност, талантливейший организатор, огромной порядочности и чести человек, самоотверженно трудился с 1927 года на разных должностях в медицинских учреждениях нашего города, прошёл путь от рядового врача-терапевта до главного терапевта области. Он являлся примером подлинного исконного отношения медицинских работников к своему делу, примером верности профессиональному долгу каждого врача – самоотверженной борьбе за жизнь и здоровье всех людей, равнодушному отношению к своим пациентам.

Он внёс весомый вклад не только в развитие медицины нашего края, оставив после себя огромное количество медицинских трудов, воспоминаний. В памяти всех знавших его людей остался человеком высочайших моральных принципов, который всегда на первое место ставил бескорыстное служение лю-

И. И. Мышкин

дям, не подразделяя их на «своих» и «чужих».

В годы войны ему была поручена самая главная задача – организовать работу госпиталей, которые находились на территории Кировской области, и он с этой работой справлялся отлично. В разные периоды войны в области находилось около ста госпиталей, 11 из них специальные – для военнопленных. НКВД поставила сложнейшую задачу – отвечать за жизнь каждого, вне зависи-

мости от национальности. В Кировскую область пленные прибывали уже поражённые множеством заболеваний, не хватало врачей, а в подчинении у Мышкина остались лишь экзотические для войны специалисты – стоматологи, педиатры. После окончания рабочего дня доктор Мышкин садился писать практические указания по организации лечебного процесса в спецгоспиталях и рассылал их по районам. На тот момент за Иваном Ивановичем уже был закреплён самолёт, часто приходилось экстренно вылетать в разные уголки области, чтобы лечить или установить причины смерти: «Меня подняли ночью. Надо срочно лететь в посёлок Рудничный. Военнопленные в госпитале поголовно заболели. Испугались, что русские их специально травят и грозят бунтом». Поставить диагноз и утихомирить пленных удалось только И. И. Мышкину. Эпидемией оказался обычный авитаминоз. Блестящие знания медицины, способность найти подход к больным, владение в совершенстве множеством языков, в том числе немецким, постоянно выручали. Его образованность, тяга к знаниям, самосовершенствование в профессиональном плане были эталоном для кировских врачей. Единственный в городе экземпляр Большой советской энциклопедии по медицинскому профилю можно было найти только в библиотеке доктора Мышкина.

После войны в Киров ещё много лет чудом приходили открытки

с некогда вражеских территорий. Пленные, вернувшись домой, благодарили кировского врача Ивана Мышкина. В тяжёлые для страны годы он умел проявить милосердие даже к пленным солдатам противника, всегда оставаясь, прежде всего, врачом.

Ивана Ивановича Мышкина не стало в 1982 году. В полной мере оценить его вклад в развитие вятской медицины ещё предстоит. Долгие годы информация была засекречена. В 2010 г. в Кирове были организованы первые чтения, посвящённые его имени. Восполнить некоторые белые пятна и раскрыть облик доктора Мышкина позволит его рукопись, которую мы печатаем в альманахе.

О коллеге

Е. В. Березин

Иван Иванович Мышкин родился в 1899 г. После окончания Вятской гимназии поступил на медицинский факультет Казанского университета. Студентом участвовал в борьбе с эпидемией холеры в Казани. В родной город вернулся в 1925 г. с дипломом врача-терапевта и однокурсницей Зоей Фёдоровной, ставшей женой. Вырастили сына и дочь.

Врачуя, доктор с ненасытным, беспримерным постоянством пополняет запас своих медицинских знаний. Им собрана лучшая в городе личная библиотека медицинской ли-

терапии. 16 лет труда терапевтом областной больницы до войны принесли ему славу «врача потрясающей диагностической вездливости». Он ставит диагнозы болезней, о которых коллеги не слышали. Трудные обстоятельства жизни пациентов, нехватка, а порой отсутствие всяких лекарств побудили искать свои пути лечения общеизвестных болезней. До 1951 г. доктор лечит защитников Отечества, работая в госпитале ветеранов войны. Затем его назначают городским терапевтом, где лечит всех: от безвестных старушек, детей до работников партаппарата. В послевоенные, даже самые трудные, полуголодные для семьи годы, Мышкин каждый отпуск проводит рядовым врачом в свите известного московского кардиолога Мясникова. Рядом с профессором трудится в его прозекторской. Вернувшись в Киров, щедро и безвозмездно делится приобретёнными знаниями. С особой любовью и старанием он пестует своих коллег – от молодых специалистов до врачей высочайшей квалификации. Ивана Ивановича не стало 17 октября 1982 года.

Жаль, что Иван Иванович Мышкин начал писать воспоминания незадолго до смерти, они датируются 1981 годом.

В детстве он ездил в Мухино, рассказ о его посещении попа и попадьи – один из лучших разделов воспоминаний. Мне тоже памятно Мухино, где я пошёл в первый класс. Только церковь к тому вре-

мени была оборудована под мастерские МТС (машинно-тракторная станция. – Е. Б.) и взирала на всякого вошедшего внутрь закопчёнными ликами святых.

В медицинском мире про него ходили легенды как о превосходном диагносте, отчасти они подтверждаются: случаем цистицеркоза, например.

Следует пояснить ряд употребляемых автором специальных терминов.

Анамнез, сбором которого мастерски владел Иван Иванович, представляет сведения, сообщённые больным или окружающими его лицами о предшествовавших данному заболеванию условиях жизни больного и истории болезни. Собираение анамнеза – один из важнейших методов врачебного исследования – включает: расспрашивание о жалобах больного, его ощущениях, начале заболевания и последующем его течении, вплоть до дня исследования больного.

Перкуссия – простукивание, один из основных методов физического исследования внутренних органов больного, заключающийся в постукивании по поверхности тела. Метод основан на том, что при перкуссии возникают звуки, различающиеся по громкости или звучности: подлежащие органы, содержащие воздух или газ, при перкуссии дают громкий (ясный) звук, плотные – тихий (тупой). Врач, исследуя больного, обычно прикладывает плотно к его

телу свой палец и пальцем другой руки постукивает по нему.

Пальпация представляет собой ощупывание. При пальпации определяют упругость, эластичность, степень влажности, болезненность и температуру кожи; ощупывают также кости, суставы, мышцы, лимфатические узлы, опухоли, поверхностно расположенные кровеносные сосуды, пальпацией определяют пульс. Наибольшее значение метод пальпации имеет при исследовании органов живота: желудка, кишечника, печени, селезёнки, почек; при этом устанавливается их консистенция, величина, болезненность, подвижность. Пальпация внутренних органов производится также проникновением в доступные для этого полостные органы отдельными пальцами.

Пневмоторакс – Иван Иванович имел в виду искусственный пневмоторакс как метод лечения туберкулёза. Заключается во введении воздуха в плевральную полость с целью сдавить больное лёгкое и тем создать наиболее благоприятные условия для заживления туберкулёзных изменений в лёгочной ткани. Широко применялся до внедрения в практику антибактериальных препаратов.

РОЭ – реакция оседания эритроцитов – способ определения скорости разделения крови, предохранённой от свёртывания на два слоя: нижний, состоящий из осевших на дно красных кровяных телец (эритроцитов), и верхний – из прозрачной плазмы. Определяется в лаборатории.

БК – метод определения содержания бактерий туберкулёза в мокроте. БК(+) означает положительную реакцию; БК(–) – отрицательную.

Слово об авторе

С. В. Зарусская

Замечательный вятский врач-терапевт Иван Иванович Мышкин – ровесник XX века. Всю жизнь он посвятил медицине, принесшей ему поистине всенародную славу.

Но не только медицина стала властительницей дум и чувств доктора. Он не мыслил своей жизни без музыки. Много времени проводил на природе, занимаясь охотой и рыбной ловлей. А весной по большой воде плыла его лодка, и, сидя на вёслах, он часто слагал стихи о женской красоте и друзьях-собаках. К нему так и тянуло, ведь всё вокруг воспринималось шире и глубже, порой познаёшь даже то, чего никогда бы не заметил, не будь его рядом. Общение с ним обогащало душу, ибо его восприятие вещей и явлений передавалось и тебе.

И жизнь казалась лучше, прекраснее. В нём привлекала неиссякаемая свежесть чувств, вечное движение вперёд, в ногу со временем, и необыкновенно отзывчивое сердце доброго человека. Ведь и после тяжёлой болезни – инфаркта миокарда – он снова шёл к больным и, лечась сам, лечил их, поддерживая нравственно годами. Это знали все больные, без этого нельзя жить!

Поэтому такую радость принесла нам мысль Ивана Ивановича о написании мемуаров. В них вошли наиболее светлые воспоминания детства, юности, университет, кульминационные моменты из практики.

Его воспоминания увлекали разных людей. Но, чтобы легче познать человека, создавшего главу «Врач», нужно знать о нём ещё кое-что, ведь непросто проникнуть в душу больного, завоевать его доверие и даже расположение. А посмотрите во всех примерах-иллюстрациях, как легко, можно сказать, играючи, шёл сбор анамнеза. Как достигал этого врач-автор? В воспоминаниях есть глава «Образование. Самообразование», но ничего нет о нравственном самосовершенствовании – той глубокой внутренней работе, которая шла всю жизнь. Идёт и теперь. Шла ежедневно, ежечасно, ежеминутно, на работе, на улице, днём и ночью, во время бдения, когда не решалась какая-либо задача. Напряжённо работала мысль, до предела натянута нерв. Но только после этого никогда не прекращающегося труда можно вынести решение, установить диагноз. Терпение, терпение и часто полное забвение себя. И всё, что запечатлело всевидящее око, что выносил в долгих думах, обернулось великим мастерством врачевания. Своё блестящее подтверждение оно нашло в моём чудесном исцелении, тогда за тысячи вёрст, в далёком городе.

Я шесть лет не выходила из дома, не имея надежды подняться,

и вдруг услышала его голос и те слова, которые он неустанно повторял столько лет: «Движение – жизнь, покой – смерть». Какую же силу нужно иметь врачу, чтобы вселить не только надежду и твёрдую уверенность, но и желание двинуться в далёкий рискованный путь! И здесь, в родном городе, выучиться двигаться, ходить, физически трудиться.

Я очень благодарна Ивану Ивановичу Мышкину за радость участия в создании его воспоминаний. Это не только большая честь, но самое главное в моей жизни.

Записки врача (воспоминания)

И. И. Мышкин

Часть I

Прежде чем писать воспоминания о моей жизни, труде и успехах, я должен вспомнить и рассказать о тех, кто меня воспитал, научил быть трудолюбивым, кто посоветовал получить высшее образование, приобщил к культуре.

Это, конечно, мои дорогие родители: отец и мать. Их памяти я посвящаю этот труд.

Моя мама

Трудно, почти невозможно в воспоминаниях далёких дней всесторонне охватить и бережно донести до настоящего времени дорогой об-

раз моей матери – человека высокой духовной культуры.

Своей главной задачей по отношению к детям она считала не только дать им среднее и даже высшее образование, но и воспитать их нравственно стойкими, трудолюбивыми людьми, чтобы они до конца жизни сохранили заложенные в них добрые начала.

Эту трудную задачу она выполнила с честью.

Своим трудолюбием мои родители, безусловно, заражали и, тем самым, благоприятно действовали на нас, вызывая желание двигаться вперёд.

Большим примером трудолюбия был для всей семьи отец. А мама не только сама трудилась целыми днями, но и умела увлечь всех нас, ребят, всегда интересовалась нашим образованием. Я по себе помню этот труд. Он начинается всегда, как забава. Например:

– Ванюша, проводи корову до реки утром, когда подоят. Сейчас туда же отправятся и городские коровы, но ты ещё успеешь её проводить и увидишь, как она поплывёт за реку есть сочную травку. А если ты сумеешь вечером, в 6 часов, её вызвать из-за реки и дать ей ломтик чёрного хлеба с солью, она будет всегда тебя слушаться, будет любить тебя.

Или:

– Будь добр, голубчик, возьми-ка эту маленькую мисочку с остатками после завтрака всей нашей семьи,

с крошками и кусочками хлеба и созови цыплят. Они у тебя поедят!

Или:

– Залезь на сеновал, опусти корове охапку сена.

На сеновале в углу было сделано отверстие в полу, куда опускалось сено. И я, конечно, делал всё с удовольствием, потому что все поручения мама выражала чудесной, ласковой просьбой, которую нельзя было не исполнить. Постепенно эта несложная работа входила в привычку, и мы часто уже сами распределяли её между собой, ухаживая то за коровой, то за курами и поросятами. А корова так привыкла ко мне, что даже думалось: наверное, она меня караулит – так скоро отзывалась бурёнка на мой зов и плыла ко мне, зная, что её ждёт вкусный ломтик хлеба с солью.

Наступила осенняя пора. У мамы в огороде было два парника, где росли огурцы, тыква на грядках, капуста. Тыквы были такие большие, что мы с Колей катили их по дорожке во двор к крыльцу, где уже старшие братья поднимали и заносили их на кухню. Кроме удовольствия прикатить этот чудо-овощ, мы уже знали, что к обеду будет очень вкусно приготовленная жареная тыква во второе.

К сбору малины мы, маленькие, допускались под контролем самой мамы. Нам надо было брать только созревшую ягоду и срывать её осторожно, если поторопишься, сомнёшь ягоду, мама увидит и в следующий раз не позволит собирать.

Каждый нёс свою наполненную кружку маме, а она ссыпала в большой кувшин. Забракованные ягоды подавали после обеда с молоком на стол. При этом мама извинялась, что ягоды чуть помяты.

– Видите ли, – говорила она, – собирали ребяткишки.

Но все кушали с удовольствием и даже нас хвалили. Уговаривали «стараться».

После уборки всех овощей мама вела нас в большой сад. Там посередине росла высокая китайская яблоня. Её мелкие, с волоцкий (гречкий. – *Ред.*) орех, яблоки росли только наверху, мы с братом ловко залезали и срывали их. Из них варили вкусное варенье.

Рано оставшись сиротой, мама некоторое время воспитывалась у бабушки, жившей в селе около г. Слободского и занимавшейся лечением больных. По-видимому, бабушка была широко известна и пользовалась большим авторитетом. Имела даже стационарные койки в своём доме. Её вызывали в г. Казань на совет к профессору Ге (об этом я пишу в главе о лечении сердечного больного настоем из чёрных тараканов).

Но бабушка умерла, и мою маму, круглую сироту, поместили в женский монастырь, где она окончила четырёхклассное церковно-приходское училище. Вместе со своей закадычной подругой Марианной обе сбежали из монастыря, достигнув 18-летнего возраста. Добрались до г. Вятки. Здесь подруга, очень кра-

сивая девушка, вскоре вышла замуж за чиновника банка, а мама добилась назначения учительницей русского языка в одно из сёл Слободского уезда. Поселилась на квартире, в семье местного сапожника. Сюда вскоре после её приезда стал наведываться молодой человек. Он приходил, садился на лавку возле сапожника и, по-видимому, интересовался учительницей. А сапожник его лукаво спрашивал:

– Зачем пришли, Иван Васильевич?

Тогда молодой человек, мой будущий отец, смущённо говорил:

– Мне бы маленький кусочек кожицы.

Мама вспоминала этот эпизод, шутливо указывая на нас, шестерых ребят, говорила под общий хохот:

– Вот сколько кожи дал добрый старичок-сапожник.

Моя мама тщательно следила за нравственностью в семье. Охраняла её свежесть и чистоту. Она всегда говорила:

– Слово учит, пример научит.

Поэтому стремилась направить общение своих детей с друзьями в русло живого интереса к познанию, стремлению к добру и красоте.

В зимние вечера, обычно по воскресеньям, в 5 часов у нас собирались друзья и приятели моих старших братьев и сестёр. Была музыка, декламация, игры. Моя старшая сестра Лиза окончила консерваторию в г. Лейпциге, так как не смогла попасть в России. Иногда, когда среди гостей

не было скрипача, к молодёжи присоединялся отец, который с детства с увлечением играл на скрипке. На этих вечерах никогда не было табака и вина. Эта хорошая традиция живёт до сих пор – в нашей семье нет ни курящих, ни пьющих. В конце вечера мама угощала молодёжь чаем со сдобными булочками. Мы с братом всегда с большим удовольствием и интересом присутствовали на этих встречах.

Особенно сильное влияние оказала мать на мою жизнь, на моё образование в университете. Не раз я мог оставить учение из-за трудностей студенческой поры. Была полная возможность поступить на работу и жить беспечно. Но мать настойчиво поддерживала меня, вселяя веру в свои силы, учила понимать высокое назначение врача.

Надо сказать, что мама многие годы болела туберкулёзом. И мы старались несколько раз отправлять её на лечение в Сухуми (Гульрипш). Но стойкий организм, её удивительное желание жить, видеть и воспитывать свою семью поборол болезнь, и она поправилась. А в 1936 г. она вдруг вызвала меня в спальню и показала мне свою левую грудь, где я прощупал явную опухоль железы. Мама была немедленно проконсультирована и положена в областную больницу, где её осмотрел замечательный врач и тут же предложил операцию. Она была совершена лучшим и опытнейшим хирургом Крюковым, который тщательным обра-

зом обследовал всю грудную клетку, и все подозрительные места на рак были удалены. Вскоре мама была отправлена в Ленинград, где прошла облучение рентгеновскими лучами с целью профилактики. Однако через три года у мамы появились резкие боли в позвоночнике. Это были метастазы раковой опухоли. Она умерла дома под моим наблюдением, боли приглушали путём введения наркотика – промедола. Мама отлично понимала неизбежность своей смерти. Когда боли стали нестерпимы, она взяла с меня слово, что я не дам ей так мучиться. Мама была похоронена на том же кладбище, что и отец.

Во время похорон мы с Лизой попросили ещё раз открыть крышку гроба, чтобы в последний раз посмотреть на мать. Как сейчас, помню её прекрасное лицо...

Я даже сказал сестре:

– Какая у нас красивая мама!..

Летний отдых (1908 г.)

Наступало лето, и мама говорила:

– Пора съездить в Мухино, к моей подруге Аполлинарии.

Подруга была женой местного священника.

Мы с братом Колей весело приветствовали это сообщение. Ехать надо было на поезде до станции Зуевки, а там двадцать вёрст – на лошади. Мама нанимала подводу, куда погружали небольшую берёзовую

корзину с «городскими новостями». Так называла мама подарок подружке – обычно городскую сдобу, часто даже не купленную, а испечённую ею. Ехали весело. После города приятно было подышать свежим воздухом. Даже в поезде, в третьем классе, мы с братом всю дорогу сидели на приступках вагона. С интересом отмечали живописные места, людей, ехать надо было часа четыре.

Ямщик, который нас вёз от Зуевки до Мухина, своими разговорами и расспросами о городе нас не только удивлял, но и смешил. Он был удмуртом, и своеобразиие вопросов, которые он задавал, соответствовали его полной неграмотности.

В семействе маминой подружки мы попадали в строгий режим, правда, это только дома и то во время еды!

Семейство – двое пожилых мужчин и жена священника. Все трое были толстые, упитанные и так ели, что это было настоящее священнодействие. Мы должны были подчиниться и тоже кушать. Всего ужаснее было то, что сама хозяйка накладывала на тарелки, а за обедом было до восьми блюд! Мы с братом с тоской глядели после 2–3-х блюд, а их всё несли и несли! Это обжорство было тягостно и потому, что дед – отец мужа подружки – всегда рассказывал во время обеда прочтённые им из журнала анекдоты, причём говорил так непонятно и в то же время громко, что мы первое время смущённо молчали, а он сам сопровождал свой рассказ громким

смехом. Наконец, обед кончался, все шли в комнату рядом со столовой и пили вкусный квас.

Вырвавшись на улицу, бежали вдоль по селу к деревянному мосту через реку Косу. Она была приятная, глубокая, можно было купаться и рыбачить. Для купанья была сделана купальня, обтянутая рогожей, и, так как она запиралась, нам с братом приходилось перебираться по боковой нижней доске к переднему, обращённому к реке выходу, здесь дверей не было, и можно было раздеться, выкупаться, сходя по лесенке. Надо сознаться, что я плавать ещё не умел и однажды, перебираясь, оборвался, а там было уже глубоко, стал барахтаться, чтобы не утонуть. И о, чудо! Я чувствую, что поплыл, как говорят, по-собачьи! Уже на следующий день я смело заходил в воду с берега и плыл до лесенки купальни, где можно было посидеть, отдышаться. Купанье было ежедневное, весёлое. С собой мы всегда брали полотенце. На этой же речке Косе я сумел удилещем вытащить порядочной величины сорогу, которая была зажарена на сковородке и подана за обедом, даже с поздравлением. Нам очень понравилось ездить верхом (конечно, без седла) на лошади, которая возила навоз из хлева в поле. Я, девятилетний мальчишка, с гордостью сидел на лошади и смотрел на всё и всех. Но результат недельной езды верхом был для меня печальный: как-то утром, надевая штаны, я увидел

на задней их поверхности дыру... С той поры я стал мечтать о брюках из чёртовой кожи, они не протирались и меньше рвались.

Очень интересно было путешествовать за километр по реке к мельнице, где был пруд. Вода вращала большое деревянное колесо, которое приводило в движение жернова. Мельник показывал нам, как жернова перетирали зерно и получалась мука. Запомнился и воскресный рынок в селе, куда съезжались из окрестных деревень. Шум, гам, все волнуются, говорят громко. Посреди площади возвышалась церковь с большой высокой красивой колокольней, откуда с утра раздавался звон колоколов. Звонивший пономарь, слепец Яков, был мужчиной крепкий, сильный, обладавший таким басом, что, если он начинал петь, рядом горящая свеча гасла! Он же нам рассказывал про верующих удмуртов, посещавших церковь, о том, что они каждое воскресенье приезжали на рынок, привозили продукты. Заходя в церковь, покупали самую толстую свечу и ставили её к иконе Николая Чудотворца, так как других святых не признавали. На этом кончались их православные моления. После этого они уезжали за две версты от села. Там, недалеко, была гора. Наверху росла большая развесистая ель, вся увешанная побрякушками, а под елью стоял небольшой каменный божок. Приехавшие из села проводили перед этой ёлкой свои обряды. Самый ста-

рый, солидный мужик ударом ножа в шею резал телёнка, кровь лилась струёй, люди подходили с кружками и пили горячую кровь. Упавшего телёнка свеживали и варили в котле щи с крапивой. Когда щи были готовы, их ели и запивали самогоном, даже молодые. Затем начинались игры, чаще в горелки – бегали по всему лесу, веселье было большое. Мы с братом видели эти торжества и с интересом наблюдали за ними.

Обратно из Мухина нас всегда возил один ямщик, тоже удмурт. Помню, он как-то утром пришёл в кухню, поздоровался и, обращаясь ко мне и моей маме, сказал:

– Ехать, матушка, никак нельзя, везде вода сидит.

Она ответила:

– Подождём до завтра.

Погода утром была хорошая, ярко светило солнце, мы распрощались с хозяевами, уселись в тарантас и поехали на станцию. Через час мы проезжали по деревне, в которой жил ямщик, и он стал просить сделать ему удовольствие – заехать к нему домой попить чаю. Мама дала согласие. Мы остановились и зашли к нему в избу. Она была в две комнаты, довольно чисто прибранные: в первой посередине стоял стол, весь уставленный деревенскими яствами. Солидный начищенный самовар, несколько стаканов и чашек. В одной тарелке – ягоды земляники, в другой – брусника. Стояла тарелка и с сухарями белого хлеба. Из кухни вышла хозяйка, довольно полная

женщина с приветливым лицом. Поздоровалась с нами и поставила на стол блюдо с горячей картошкой, большую тарелку с огурцами, нарезанными ломтиками. Мы с удовольствием выпили по чашке чая и поели картошки. Хозяин важно сидел с нами, угощая нас, и хвастал:

– Я своя мука (то есть муха. – *Ред.*) вся вывел!

Мама спрашивает:

– А как же ты их вывел?

– Я взял капустный лист и тоненько намазал его мёдом, мука на села много, я взял лист и за дверью всех мук вытряхнул. – Так несколько раз.

И действительно, к нашему ожидаемому приезду мух было немного, летали единичные, мы, конечно, улыбались в душе. Нас с Колей очень удивило устройство уборной. Она не только была холодной, но внизу доски не доходили до земли, то есть низ был открыт; мы поинтересовались у хозяина, почему сделано так, он объяснил, что это сделано с той целью, чтобы свинки, которые свободно гуляют по деревне, могли бы съедать отбросы. Культура удмуртов была низкая, грамотность отсутствовала, кроме того, население страдало трахомой, бытовым сифилисом и, конечно, гельминтозом. Мой двоюродный брат Алексей Ильич был одно время работником-землеустроителем, а затем учителем в Мухино. Он подтверждал, что культура здесь была на низком уровне.

Мой жизненный друг

Интересный случай произошёл со мной в первый год посещения медицинского факультета Казанского университета, в 1920 г. Я встретил на улице своего доброго знакомого вятчанина Михаила Викторовича Подюкова, который работал участковым агрономом. Приветливо поздоровались, пожали друг другу руки, и он сразу же задал мне вопрос:

– Ты ведь живёшь в деревянном доме с печным отоплением?

Я ответил утвердительно. Тогда он мне предложил:

– Не желаешь ли поехать со мной в лес, за 3–5 км, чтобы заготовить себе дров? Заготовку дров ведёт агрономический участок, которым я заведую.

Я с удовольствием согласился, но сказал, что работаю дезинфектором во 2-м дезотряде на эпидемии холеры – сутки, а двое свободен.

– Ну и хорошо, – ответил он. – Ты будешь ходить в свободные дни. Но придётся ночевать в палатке, поэтому нужно теплее одеваться.

И мы две недели усердно работали на заготовке дров. А на дежурные сутки меня отпускали, и я бегал в дезотряд. В лесу в нашей артели было две палатки. В одной спали я и Михаил Викторович, а во второй – молодая женщина с девочкой лет пятнадцати. Их обязанностью было готовить пищу, подбирать срубленные сучки. А девчонка, которую звали Зоей, имела страстное

желание указать, какое дерево нужно пилить. Был нетолстый дубняк, она с азартом указывала и говорила:

– Спилите это дерево!

Но было видно, что, если спилить это дерево, оно будет мешать подходу к следующему. Я ей сказал, что нужно пилить другое. Она очень сердилась и обижалась, даже жаловалась матери. А вообще мы дружно и весело работали. В мои рабочие дни в дезотряде на заготовку дров приходил другой студент, Серёжа Потапов, и заменял меня. С наступлением зимнего пути нам дали двое саней, и я привёз своей домохозяйке два воза дров, за что она была несказанно благодарна. В 1922 г. я вынужден был сменить место жительства вследствие отъезда хозяев. Я жил с сыном той самой женщины, которая была с нами на лесозаготовках в палатке с девочкой, в будущем ставшей моей супругой. Надо сказать, что уже 57 лет мы живём тихо и мирно. Моя супруга Зоя стала прекрасной домохозяйкой, родила мне двух чудесных детей, сумела при нашем общем старании окончить с отличием ветеринарный институт в г. Кирове и при распределении здесь же была оставлена. Она проработала с честью до пенсии заведующей лабораторией детской педиатрической больницы. Мы дружно воспитывали и воспитываем уже не только детей и внуков, но и четверых правнуков. Наши дети получили высшее образование. Я искренне благодарен жене, что она хорошо

относилась к нашим племянницам-сиротам: Грише, Ване, Тане и Гале. С нами дружно жили и наши родители: мой отец и мать, а также мать жены. И теперь, когда встречаются все родственники, нам приходится приносить из кухни стол, так как гостей собирается много! До двадцати человек.

Моя вторая мама

Мне приятно вспоминать те любовно-дружеские отношения, которые установились между мною и родителями моей жены.

Дорогая Марина Николаевна с самых первых дней нашего знакомства чудесно относилась ко мне. Я чувствовал и часто ловил её добрый, ласковый взор, обращённый ко мне, даже ещё когда между мной с её дочерью Зоей не было никакого намёка на увлечение.

Я дружен был с её сыном Колей, жили мы с ним в одной комнате мирно, тихо и, наверное, ей нравилось во мне отрицательное отношение к табаку, вежливое отношение к её родственникам.

Я был опечален кончиной отца Зои.

До настоящего времени в моих воспоминаниях – грусть по поводу нераскрытой истинной причины смерти дорогой Марины Николаевны.

Тяжёлым упреком в моей душе лежит и неожиданная смерть моей дочери Светланы. Правда, всё в жизни не узнаешь, не предвидишь...

Какая радость и красота была в рождении и воспитании наших детей: сына Юры и дочери Наташи! В меру своих сил и возможностей мы старались вырастить их здоровыми, образованными.

Наше дружеское любовное отношение было и сохранилось до настоящего времени.

Отец

Отец отличался огромным трудолюбием. Целые дни он работал в мастерской. Эту мастерскую он сделал своими руками всю – от простого токарного станка до сложного, фрезерного. Здесь он занимался не только ремонтом учебных пособий всех школ и институтов г. Вятки, но и упорно, годами трудился над изобретением учебного пособия – теллурия, глобуса, демонстрирующего вращение Земли вокруг своей оси, Луну, Солнце вокруг Земли.

На этом приборе круглый шар – Земля – вращалась вокруг своей оси. Луна вращалась на металлическом стержне вокруг Земли. На столике стояло приспособление, где была ввёрнута маленькая электролампочка, а сзади неё стоял вогнутый рефлектор. Он отбрасывал свет от лампочки на вращающуюся Землю. Движение этого комплекса осуществлялось часовым механизмом. Движение Земли вокруг своей оси и движение Луны было так хорошо рассчитано, что с учебной целью демонстрировало движение нашей планеты.

Весь прибор укреплялся на подставке, отлитой из чугуна, и укладывался в большой деревянный ящик-футляр.

Изобретение было представлено на Казанской выставке учебных пособий и получило одобрение в виде похвального листа. Этот учебный прибор распространялся по школам города и области через мастерскую учебных пособий Вятского губернского земства. Образец теллурия находился в музее завода «Физприбор» в г. Кирове на ул. Карла Маркса.

Мне хочется описать очень интересный и поучительный эпизод из жизни отца, который характеризует его как труженика и честного человека. Тяжёлым временем для г. Вятки был период контрреволюции и наступления Колчака. Колчак занял Глазов в 100 км от Вятки. В качестве предохранительной меры в городе были взяты заложники – ряд купцов и представителей духовенства. От домовладельцев был взят и мой отец.

Переночевав в общей камере заложников, отец попросил свидания с начальником тюрьмы. Когда он вошёл в кабинет начальника, тот обратился к нему с вопросом:

– Что тебе, длинноволосый?

Отец ответил:

– Я не длинноволосый. Я сам через газету снял сан диакона и отрёкся от церкви. Был подвергнут проклятию архиереем и протодиаконом и отлучён от церкви. Я прошу у вас работу, так как не могу без неё жить.

– Какую же ты можешь делать работу?

Отец ответил, что может делать всякую работу. Например, починить или сделать новые рамы во всем здании тюрьмы.

– Инструмент мне принесут из дома.

Ему разрешили работать, и он приходил в камеру только ночевать. Вскоре, видя его способность трудиться, отца перевели в отдельную камеру. После окончания ремонта окон всего здания его отпустили домой. Конечно, в те времена его отрешение от сана было своего рода героизмом. Особенно, когда его проклинали на кафедральной площади при большом стечении народа. Проклятье – «анафема» – ему было произнесено басом архидиакона. Такой шаг требовал большой стойкости характера, полного неверия в бога и церковь.

Вся наша семья, мать и мы, дети, конечно, глубоко переживали заключение в тюрьму отца при нашествии Колчака. Я и брат Коля ежедневно бегали к тюрьме и, конечно, успокаивали маму, когда видели в окне работающего отца. Но вдруг дошел до нас слух, что в тюрьме будто бы расстрелян Мышкин. Это же передал и наборщик типографии. Он пришел в гости к родственнику, работающему в мастерской, где делали самовары. И нам сказали, что расстрелян наш отец. Мы тотчас же в ужасе побежали к тюрьме. А когда спросили у караульного, правда ли,

что сегодня расстрелян Мышкин, он подтвердил.

Очень опечаленные, с поникшей головой, мы всё же пошли по кварталу, откуда всегда видели работающего отца. И какова же была наша радость, когда на втором этаже вдруг увидели отца, который ремонтировал раму. Наши крики поддержал брат Вася, который прибежал вместе с нами. И всё же мы вновь вернулись к часовому и спросили:

– Какой же Мышкин расстрелян?

– Урядник из района, – ответил караульный.

А вскоре отец был выпущен и снова целые дни работал в своей мастерской. Он прожил до Великой Отечественной войны. В эту пору его здоровье ослабело, с каждым днем ему становилось хуже. А последнюю неделю он уже не вставал с постели. Умер отец на 84-м году. Я, уже врач, зашел к нему после работы, пощупал пульс и, видя его тяжёлое состояние, тихонько, вежливо спросил:

– Папа, ты, может быть, хочешь побеседовать с нашим хорошим священником о. Василием?

Он ясно и резко ответил:

– Мне не о чем с ним говорить.

Ночью отец умер. Похоронен без участия церкви, но с возросшим уважением к нему всех нас.

Детство

Я помню своё детство. Мне пять лет, чудесное майское утро. Солнце,

тепло, я был отпущен во двор в одной лёгкой курточке. Сбежав с лестницы из сеней, я носился по двору, там была тенистая аллея, и я мог заблудиться. Пятилетнему мальчику хотелось бегать, прыгать и, конечно, сражаться с врагами. Тогда были врагами японцы. Везде и все говорили о них, об их коварстве. И представлялись они нам жёлтыми, с хитрыми, злыми глазами. Старшие братья подарили мне небольшую деревянную саблю. Я, конечно, ловко побеждал ею врага – крапиву, росшую вдоль берегового забора, за баней, за дровяником.

Вдруг дверь нашего дома открылась и оттуда, весело разговаривая с подругами, спускалась моя старшая сестра. Меня удивило, что через плечо у них были полотенца. Они шли к берегу через двор, где была маленькая калитка, и неширокая тропка, извиваясь, вела вниз к реке. Мне тогда не позволяли выходить за эту калитку.

А девушки спустились вниз, умылись и, смеясь, поднимались наверх, вытирая свои раскрасневшиеся лица. Каждая из них, проходя мимо, гладила меня ласково по голове.

Разлив в тот год был большой – 4–5 км. И от нашей горы до деревни за городским лесом было сплошное зеркало воды. Воды Вятки разливались от нашего берега-горы далеко за сосновый бор, до деревни Богородской. Чудесный лес был в воде. Он разделялся посередине так называемым широким логом, в центре которого росла красивая ёлочка,

тоже затопленная. А как интересно было наблюдать за летевшими на север над нашим домом косяками гусей, уток, чаек, оглашающих воздух криками!

Наш сад располагался вдоль горы, он был густой, но за ним хорошо ухаживали. Хорошо было пройти за руку с мамой или сёстрами по тенистым аллеям сада. Там была сосновая, берёзовая, липовая аллеи, один я даже боялся ходить. Как там пели птички! А вечером около бани пел соловей. Когда кто-либо видел на деревьях белку, он созывал всех нас полюбоваться на ловкую, прыгающую по деревьям красавицу.

В зимнее время старшие устраивали катушку с крыши амбара по сосновой аллее, катались больше на ледянках. Для этого широкую и длинную доску обмазывали коровьим помётом и обливали водой, а когда она застывала, то гладили лёд горячим утюгом, делали поверхность гладкой – лучше скользила. Садились чаще вдвоём, а если один, то можно было и лечь. В особые вечера братья на катушке развешивали цветные фонарики, а внутри ставили огарок свечки. Катишься под такими фонариками и радуешься.

Однажды весной вечером мы провожали маму: она поехала на пароходе в г. Слободской. Мы вышли на берег сада и ждали, когда покажется пароход. Он должен был пройти вверх, мимо нашей горы, и мама обещала выйти на палубу, чтобы поглядеть на нас.

И вот, наконец, показался пароход; он шёл по так называемой «прорве», метрах в ста от горы. Мама уже была на палубе и махала нам платком, а мы все хором кричали:

– Счастливого пути!

Ещё долго смотрели мы вслед удаляющемуся пароходу, пока он не скрылся за поворотом. Там был очень красивый небольшой лесок. Мы ходили туда летом всем семейством: играли и пили чай из самовара, который приносили с собой и разжигали шишками. Это было для нас, малышей, интересно и весело. Всем казалось, что чай, вскипячённый на шишках, гораздо вкуснее, чем дома, когда вскипячён на углях. А как было приятно и весело босиком, завернув штанишки, бегать по тёплому песочку, брызгать друг на друга тёплой водой!

Возвращались к вечеру, когда солнышко начинало садиться, а деревья уже давали тень. Мамочка полотенцем обтирала нас, ласково шлёпала и говорила:

– Пора, плутишки, домой! – ведь идти нужно было две версты. – А то будет темно, и можно заблудиться.

Наконец, мы поднимались в гору, во двор. Мама быстро накрывала стол на террасе, откуда была видна река, лес и два озера, оставшиеся после половодья. Пили молоко с толокном и обязательно с чудными, тёплыми булочками, приготовленными мамой ещё утром. Команда: «Спать!» И все, перегоняя друг друга, весело смеясь, бежали

на чердак, где было четыре кровати и всегда снились чудесные сны. Часто виделся лес, река и даже зайчата. Разговаривали до тех пор, пока мама не начинала стучать из кухни в потолок чердака.

Обычно, кто раньше всех утром просыпался, тот подбегал к другим кроваткам, сдёргивал одеяла, и тут уж начиналась война: летели подушки или скомканные одеяла, шум, гам. Тогда мама говорила отцу:

– Иди, утихомирь!

Но мы, как только услышим тяжёлые шаги отца, поднимающегося к нам по лестнице, замирали, вмиг наступала тишина. Отцу не приходилось наводить порядок – он уже был!

Какие же чудесные воспоминания остались у меня в памяти о нашем милом, уютном чердачке!

А как приятно было в зимний вечерок затопить печурку, она стояла посередине комнаты, посидеть около неё, подбросить пяток картофелин, испечь их и с солью, а ещё лучше с копчёной или сухой воблой, покушать с чёрным хлебом во время интересного рассказа приятеля.

Чудесны и поэтичны воспоминания, связанные с порой вечернего ужина на террасе. Они волнуют до сих пор. С террасы был виден лес, река и озёра, освещённые заходящим солнцем. Наступающая тишина... Добрые, порой немного жуткие рассказы взрослых о том, о сём... Так приятно было пить вкусное, тёплое молочко с чёрным хлебом, испечённым ласковой няней Авдотьей,

одинокой, бездетной женщиной, которая жила у нас 30 лет.

Ещё интереснее и радостнее было предложение мамочки сходить к саду перед сном и послушать, как поёт соловей! Но вести себя нужно было тихо и спокойно идти за ней. В сгущающейся темноте мы подошли к маленькой баньке, стоящей у сада, осторожно садились на заваulinку и с наслаждением слушали соловья. А он заливался и, когда вслушаешься, можно было различить, что соловушка поёт, выделявая несколько, как говорила мама, «колен». Так же тихо, не пугая птичку, мы по команде мамы отправлялись спать.

Нужно обязательно рассказать и о нашей баньке. Она была чудная, достаточно просторная, с отдельной раздевальной. В середине бани стояла широкая крашеная скамья, на которую нас, ребятишек, усаживали, а между нами ставили большой, наполненный тёплой водой таз. Мама намыливала нам головы, а смывать позволялось самим. Не обходилось мытьё без полоскания друг друга и смеха. Но иногда мыло попадало в глаз, и был писк. Да, мы пищали часто. Особенно было интересно, когда как-то зимой был большой снегопад. Начался он с вечера, всю ночь шумел буран. А утром, когда всё стихло, нас выпустили на улицу, и папа сказал:

– Идите-ка, ребята, посмотрите, не унёс ли ветер нашу баньку?

Мы с братом побежали, но снега было так много, что он попадал нам

в валенки. Как же велико было наше удивление и даже страх – бани не было! Лишь громадная куча снега! Мы оторопели. Пришёл папин работник Андрей, которому пришлось прокапывать в снегу ход в баню.

Интересно было смотреть, когда старший брат Гриша залезал наверх снежной кучи и откапывал трубу. Когда затопили печку в бане, то было забавно видеть идущий из снега дым – мы хлопали в ладоши и прыгали. А в бане, как говорил отец, было теплее, тепло держалось после топки дольше, но было жутко ходить мыться. Мы, малыши, думали, что от большого тепла растает весь снег, и нас залёт.

Весной, когда огребали крышу большого дома, освободили и крышу баньки. Она стояла такая чистенькая, весёленькая на чудном берегу около прекрасного сада, в котором был даже фонтан! Его называли детищем папы. Папа сумел собрать дождевую воду с крыши дома в большой деревянный крашенный и промазанный замазкой ящик, поставленный под крыльцом. Оттуда была проведена вниз металлическая труба. Она проходила под землёй по всему двору. Можно было, по желанию, открыть краник, укрепленный на деревянной стойке, и фонтан бил достаточно высоко. Он был очень красив! Моя дорогая мамочка испытывала от этого удовольствие и отдыхала, когда ей удавалось повозиться в цветнике. А отдыхала она от работы по хозяйству, ведь у нас была корова – люби-

мица мамы. В полдень мама носила ей ведро питья с размешанной подсолённой мукой и следила, чтобы Бурёнка выпила всё. Ещё было два поросёнка и 70 куриц.

Мне было поручено гнать по утрам корову с кем-нибудь к реке. Она плыла через реку на луга, где росла сочная трава. А к часу дня Бурёнка сама возвращалась пить вкусное пойло. Затем, если была хорошая погода, я снова гнал её к реке. Но она паслась уже на этом берегу, хотя иногда снова плыла за реку. Вечером, в 6 часов, я приходил, иногда с мамой, и звал корову. Она быстро откликалась. И было интересно наблюдать, как все – до 10 городских коров – фыркают, плывут через реку, и вода бурлила от этого.

На сеновале, в глубине, стояли топчаны, на них мы спали. А в полу сеновала было отверстие. По вечерам мы спускали через него корове сено в специально приспособленный ящик. Обычно нас было 3–4 человека. Братья очень любили перед сном попеть. Я, конечно, им подтягивал. Чудно спалось и обычно вставать не хотелось, особенно к осени, когда становилось прохладнее. Ну, такая дурь поднималась порой, что приходил или старший брат Григорий, уже студент Томского института, или отец, чтобы утихомирить нашу возню и крики.

А иногда вечером, перед сном, после ужина, мы – все братья – бежали на реку купаться. Вообще купание было частым удовольствием.

Мальчишки купались выше по реке, и там было глубже, а девочки – на квартал ниже, и нам туда уж ни плавать, ни ходить было нельзя.

Как весело было купаться, плавать наперегонки, нырять с плота! Я трижды тонул, но благополучно выплывал, или меня сносило с глубокого места на мель. Течение на Вятке было очень сильным. Однажды мы четвером благополучно переплыли реку, выбрав узкое, хотя и глубокое место. Для этого мы шли по песчаной косе до её конца. На той стороне был чудесный песок, мы стали бегать, гоняться друг за другом. Когда поплыли обратно, ошиблись в выборе места, и нас течением унесло ниже косы. Коля, старший из всех, всё же выплыл на косу, но мы ему помешали и стащили с мели. Плыть против течения было трудно, нам пришлось вернуться обратно, так как нас несло к самому глубокому месту, где стояли керосиновые баки.

Я плыл третьим и услышал, что кто-то сзади хрипит. Я оглянулся – вижу приятеля Ганьку, он меньше всех был, лицо у него бледное, и дышит он часто. Ну, думаю, как бы не утонул. И вдруг мы видим, что старший брат встал и ловит других. Сразу прибавилось сил, мы благополучно доплыли до него и встали на дно. На наше счастье, на этом месте намыло песок – образовалась мель. Мы отдохнули, спокойно доплыли до того берега, побежали вверх по течению, рассчитали снос и благо-

получно добрались до косы на нашем берегу.

Часто, идя купаться, особенно ближе к осени, мы брали с собой по небольшой корзине и по столовой вилке. Там, где стояли летом плоты, убранные с реки на берег в бурты, в воде около берега оставались куски коры от брёвен, и под ними часто находили налимов. Мы тихонько левой рукой оттягивали вниз по течению кору, а правой рукой с вилкой быстро кололи спящего налима – и в корзину. Так, продвигаясь против течения, доходили до леса, росшего на берегу. Бывали дни удачные, мы собирали, вернее, кололи, до десятка налимов. Принесёшь рыбок маме, а она сварит уху или, если налимов мало, то пожарит на сковородках. Как было чудесно!

Хочется вспомнить моё страстное увлечение игрой в бабки с плитками. Я достиг больших результатов – завоевал славу лучшего игрока! Также играли в лапту с мячом, в «солёные лапти», «чикало-бегало». Игры происходили на просторной полянке, на берегу. Там можно было побегать, побороться и даже повоевать с «духовниками». Где теперь телевизионная башня, было большое здание духовного училища. Там же находилось и общежитие учеников. Они выходили на полянку с нами сражаться. Мы их здорово гоняли, и им приходилось звать на помощь пекарей и поваров, работающих в училище. Тогда мы, ребята со всей улицы Кикиморки (ныне это ули-

ца Водопроводная. – *Ред.*), быстро убежали.

На углу сада училища была сделана катушка, и мы часто залезали туда. Считалось удовольствием прокатиться на ней.

Однажды была очень интересная прогулка в лес за грибами. Мы с братом Колей и другом Митей сопровождали живущего в нашем доме почтового чиновника. В воскресенье утром ушли за реку, за 6 км, в Бобинский лес. Грибов было много – корзинки заполнились быстро. Пришлось снять рубашки и их наполнять. Устали, решили отдохнуть и начали отбирать лучшие грибы – больше было белых. Собрались домой. Но оказалось – мы зашли так далеко, что наш вожак потерял дорогу. Шли мы, шли, отдыхали и снова шли и, наконец, выбрались на какую-то дорогу. Присели отдохнуть. На наше счастье услышали шум колёс. Телегой правил мужик. Мы спросили его, как скорее дойти до города. Он рассмеялся и сказал:

– Далеко же вы забрались, грибники, вёрст десять будет. Если пойдёте по этой дороге, то через час-два выйдете на берег, на другом берегу будет видна часовня – это Филейка, а дальше ещё 5 вёрст до Вятки.

Мы посмотрели друг на друга и поплелись, опустив головы. В город мы вошли в час ночи и так захотели есть, что наш вожак заходил в ресторанчик купить хотя бы хлебца.

Когда мы подошли к дому, нас встретили две женщины. Одной из

них была моя мама. Они уже начали беспокоиться, куда мы пропали. Как хорошо было выпить стакан тёплого кипячёного молока с толокном, забраться на сеновал и протянуть ноги до утра! А грибы строго сортировала мама. За обедом мы ели грибовницу и весело вспоминали о пережитом.

У нас ещё был жив дедушка – папин отец. Седой, но бодрый старик. Он очень любил пилить дрова поперечной пилой и всегда в помощь брал кого-нибудь из нас. Попилим час-два, и он давал две копейки. Пойдёшь, ещё у мамы выпросишь копейку – и бегом на угол Стефановской (ныне улица Молодой Гвардии. – *Ред.*) и Успенской улиц (ныне улица Горбачёва. – *Ред.*). Там была маленькая лавчонка, где за три копейки давали жирную копчёную воблу. Вместе с братом или товарищем мы садились на берегу в саду и с таким аппетитом ели воблу с чёрным хлебом, что даже теперь слюнки текут – так вкусно.

Кто-то из взрослых, когда нам было по 12–14 лет, подарил крокет, ежедневно на дворе расставляли дужки, и мы, вооружившись молотками, катали шары. Нужно было пройти ряд ворот, а в центре дужки стояли крестом, называлось это сооружение «мышеловкой». Через неё нужно было провести шар – трудно, но я быстро овладел этим искусством и оставлял в проигрыше многих. Были даже споры. Как-то я поспорил с одной девушкой, ко-

торая пришла в гости, а она играла хорошо и числилась среди девиц чемпионкой. Спорили мы на лимон. В случае проигрыша нужно было его съесть. И когда девчонка, красная от огорчения, ела лимон, все, смеясь, аплодировали и желали ей здоровья!

Запомнилось мне и затмение солнца. Его надо было наблюдать через закопчённое стекло. Конечно, и мы вооружались такими стёклами и ждали, играя в крокет. В углу двора был небольшой дровяник. Дров там не было, но был насест, где ночевали куры – мамино сокровище! Днём они гуляли по двору. Когда начало темнеть, мы бросили игру, а куры все пошли в амбарчик и стали садиться на насест. Через несколько минут, когда затмение кончилось и стало светлеть, куры были очень удивлены. Они клокотали и покидали амбарчик, а мы снова вернулись к игре.

Однако мальчики считали, что игра в городки гораздо интереснее, чем крокет, потому оставляли девочек и шли на поляну, где с азартом играли в городки и бабки.

С восьми лет я начал кататься на одном коньке. На выструганной деревяшке снизу закладывалась толстая, обточенная проволока. В деревяшки через дырки просовывался длинный ремешок. Он закреплял ногу (обычно левую) на деревяшке. Правой ногой оттолкнёшься и катишься на одной ноге по мёрзлым тротуарам, особенно под горку.

А через 2–3 года мне купили коньки «снегурки», и я с друзьями только и ждал, когда застынет вода на озере. Тогда все гурьбой шли туда кататься. Было очень интересно пробираться из одного озера в другое. Считалось, что открываешь новую землю.

А однажды я провалился посредине озера и весь вымок, пока добирался до берега. Мы с братом Колей бегом взобрались на гору, был холодный ветер, и одежда на мне застыла. Дома мы тайком от мамы проскочили в комнату, где спали. Я снял всю мокрую одежду, брат достал где-то водки, меня долго растирал, и я не захворал, а родители даже не знали.

Шли годы, я стал настоящим конькобежцем. Имел беговые коньки «норвеги» и ходил уже на каток или лог на Казанской улице, или в детский сад на Никитской (ныне улица Володарского. – *Ред.*). Там мы катались дружно и часто с девушками. В 8 часов каток закрывался, и мы, мальчишки, шли провожать девушек. А иногда я и один провожал девушку. Обычно идёшь позади, развлекаешь разговорами. Я был, мне казалось, галантный кавалер, и мне часто дарили ленточки из косы – то был признак большой дружбы. Дома я прятал эти ленточки в коробку из-под конфет...

И вот уже отпуск со 2-го курса университета. Я приехал на две недели домой. Мои сестрички Катя и Лида очень обрадовались и всюду меня сопровождали. Однажды я от-

крыл ящик стола, и они увидели красивую коробку:

– Что это здесь?

Наверное, думали – конфеты. Но были в большом восторге, когда коробка оказалась полна ленточек. У них совсем их не было, и в то время купить их было невозможно. А они были рядом!

Спустя десяток лет я как-то встретил на улице нашего города одну из тех девушек, с кем катался, уже – мадам, и мы весело, с удовольствием вспоминали прошедшие годы, трогательные встречи на катке и подаренную ленточку, которую я сумел у неё захватить, вернее, она мне, лукаво глядя, подарила, привязав на протянутую правую руку. Это приятно вспомнить!

1905 год

Какая же связь между общим настроением большинства населения Вятского края, особенно Вятки, и стычкой революционеров-подпольщиков с полицией в нашем доме? Дело в том, что край наш в те времена считался в России в числе «мест, не столь отдалённых», куда царское правительство ссылало революционно настроенную молодёжь и противников реакционного монархического строя. Это обстоятельство способствовало росту культуры не только городского, но и сельского населения. Среди этих людей были чудесные пропагандисты – Екатерина Ивановна Столбова и её муж

Падерин. *Хочется ещё и ещё раз напомнить о её просветительской работе как врача-гинеколога в среде тёмного народа Вятской губернии, об организации курсов для бабок-повитух, которые принимали роды не только по всей губернии, но и в городе. Здесь они получали её очень нужные советы в учении о стеснительности. Попутно Екатерина Ивановна, конечно, произносила правдивые слова, невзирая на присутствие беременных женщин, смело критиковала правительство.*

Она заявляла о необходимости создать отделение для родовспоможения. Современный родильный дом № 1, безусловно – творение её рук. Её слова, поучения имели силу, особенно потому, что она была из первого выпуска женщин-врачей в России. Друг нашей семьи, она принимала моих сестёр и их детей. Я был её учеником в период каникул в институте, а впоследствии лечащим врачом. Вылечил её от крупозного воспаления лёгких в возрасте 84–85 лет. А после по её желанию и по моему ходатайству она ещё некоторое время работала в консультации по определению сроков беременности. К сожалению, по невежеству начальства была уволена, хотя её работа была безупречна. Жизнь её закончилась трагически ввиду срочной командировки в район её лечащего врача – этот врач оказывал на неё благотворное влияние.

Нельзя забыть такого эрудированного врача с чудным педагогиче-

ским даром, как Никодима Ивановича Крестьянинова, который первый организовал помощь туберкулёзным больным в г. Вятке. Он был главным предводителем революционной стычки в нашем доме в 1905 г.

Всё началось с того, что в субботу вечером члены подпольной революционной организации г. Вятки устроили тайное собрание в помещении городской водокачки под горой в дер. Ежовке. Засиделись допоздна и, не желая возбуждать внимание курсирующих в городе полицейских, остались, чтобы днём разойтись.

В воскресенье утром в водокачку пришли пильщики – старик со старухой. Они увидели чужих людей в помещении и донесли о неизвестных в полицию, которая немедленно окружила водокачку. Увидев это, революционеры позвонили в фельдшерскую школу. Там в это время находился студент 2-го курса Крестьянинов. Узнав про беду, он вызвал подпольные резервы, вооружённые винтовками (похищенными в г. Слободском). Они составили отделение из 25 человек и пошли на выручку. Но, встретив значительные силы полиции, вынуждены были отступить. Отступали по высокому берегу в направлении улицы Орловской, тогда-то мы с братьями увидели, как они быстро повернули и пошли к нашему дому.

Около ворот подпольщики остановились и были окружены быстро подбежавшими полицейскими. Уйти

вниз по Кикиморке революционеры не дали работникам купца Нечаева, которых тот подпоил и вооружил вилами и топорами. Спасаясь, революционеры решили заскочить к нам. Я был в то время у ворот, успел первым вбежать в дом и спрятаться между шкафами с одеждой. В страхе присел и слышал, как они ходили по коридору и комнатам. На моё счастье, как сейчас помню, молодой человек в папаше обнаружил меня, вытащил и вытолкнул в сени, открыв уже запертую на крючок дверь. А в сенях ожидала искавшая меня мама.

Все мы, мама, папа и сестрёнки ушли к нашим добрым знакомым Нурминским, жившим ниже по улице, где пробыли до вечера.

Кстати, на шкафах, где я прятался, мы с братом насчитали более ста отверстий от пуль, замазанных смазкой. В комнате висели большие настенные часы. Две пули пробили футляр, а часы продолжали идти, так как механизм был цел. В зале стояло пианино, его подвинули к окошку, а за пианино были натолканы пуховые подушки. И что же – пули были найдены и в подушках, а пианино, к счастью, не пострадало. Окна были разбиты; в окне, выходящем в огород, нашли убитого человека, он зачем-то высунул голову, её и прострелили. Другой революционер был убит около окна в комнате, выходящей на улицу. Двое солдат были убиты, когда ворвались из соседней квартиры.

Отцу пришлось проводить большой ремонт. А мы в это время две недели жили у подруги матери на Спасской улице.

Главного предводителя той стычки, будущего врача Н. И. Крестьянинова, раненого в руку, поместили, как и остальных, в хирургическое отделение больницы. Он совершил оттуда ночью побег. Выждав, когда в отделении осталась лишь дежурная сестра, угрожая пистолетом, довёл её до обморока и вышел задним входом из больницы, где его уже ждали закрытые сани. Крестьянинов скрылся в Румынии. Там закончил он своё медицинское образование, в Россию вернулся в 1917 г. и сразу же занялся лечением больных. Его дружба с народом, когда он зачастую был бесплатным лекарем, прекрасна. У него в приёмной висела надпись о том, что платить за лечение следует по возможности, а то и вообще необязательно.

Всё же полиция держала наш дом под наблюдением. В нижнем этаже были обнаружены два ящика с типографским шрифтом, и проживающий там рабочий пекарни был арестован. Но при аресте подпольщиков в нашем доме, один из них, зная расположение комнат, проскочил на подволоку, спрятался за обшивку дома, а ночью через окошко спустился с тополя в дер. Ежовку и удрал. Его звали Андрей.

На нас, троих братьев – Васю, Колю и меня – это событие произвело большое впечатление: мы «за-

разились» революционным духом, сделали красный флаг, ходили по саду и двору и пели революционные песни. А вскоре решили поставить памятник жертвам революционной борьбы (в доме было убито 4 человека: 2 солдата и 2 повстанца). На берегу за флигелем лежали бутовые белые камни. С большим трудом мы поставили камень на камень и едва-едва сумели поднять третий наверх. На этом камне красной краской написали: «В память погибших революционеров». Но памятник простоял только несколько дней. Живущий во флигеле чиновник, почтовый служащий, сходил в полицию, вскоре пришёл пристав и с ним двое полицейских. Сначала они зашли к отцу, он в это время работал в мастерской, и спросили, что за памятник у вас выстроен и кто его поставил. Отец удивился, конечно, так как мы ему ничего не говорили. Тогда они все пошли к памятнику, и полицейские разрушили наше сооружение. Пристав велел отцу нас строго наказать. На этом наш энтузиазм угас. Отец нас не наказывал – наши опасения были напрасны.

На чердаке, где жили мы, четыре брата, у старшего была библиотека. Как сейчас помню, формат этих книжек был в виде брошюр красного цвета, которые он не только читал, но и давал читать знакомым. Он был в подпольном кружке. Через два месяца после сражения в наш дом неожиданно пришли два жандарма и предъявили вышедшему к ним

отцу документы на право обыска. Они искали оружие, оставшееся после выступления революционеров. На счастье, вход в коридор, в основную квартиру закрывался большой дверью. Если её открыть, то вход на чердак закрывался целиком. Жандармы прошли в комнаты, старший брат Гриша подбежал к остальным и сказал:

– Бегите на чердак и сожгите все книжки с верхней полки.

А сам, стоя внизу, придерживал дверь, чтобы закрыть вход. Мы трое поднялись наверх. Старший скидывал нам брошюры, Коля топил печь, я помогал сжигать брошюры. Мы очистили всю полочку и сообщили Грише. Он успокоился, а жандармы вскоре покинули наш дом, ничего не обнаружив.

Следует сказать также о том, что в нашем доме несколько лет спустя спасался брат мужа сестры – известный революционер Кодомцев, который проезжал из Перми после ограбления парохода на Каме группой революционеров.

По его приезду была вызвана телеграммой мать для свидания с давно отсутствующим сыном, ссыльным. Интересны были наши мальчишеские переживания. Утром все проснулись, как обычно, умылись, пошли в столовую. Видим, за столом сидит какой-то дяденька. Он весело и ласково приветствовал нас, и мы сразу с ним подружились. Он показывал нам гимнастику, которую он делал в тюрьме, рассказы-

вал всякие сказки, и вообще с ним было весело и интересно. Вскоре приехала его мать. И вдруг однажды ночью мы слышим – внизу проснулись. Услышав громкий разговор и звук шагов, мы соскочили и увидели, как увозили приезжую женщину – мать Кодомцева. Мы тотчас бросились к окошкам: вокруг дома стояли люди, у каждого светился маленький фонарик. Тот случай был описан в «Вятской речи». Мать Кодомцева вскоре была отпущена и уехала домой. Сына же её, революционера, предупредил его брат – муж её сестры, капитан, и Кодомцев вскоре скрылся. Интересно, что капитану при встрече с жандармским офицером на улицах Вятки было потихоньку сказано:

– Сегодня ночью у вас будут гости.

И вот уже много лет спустя я узнал, что в городе Уфе есть дом с мемориальной доской в честь революционного семейства. И вообще наш дом, вернее, нас самих называли опалёнными политиками и фантазировали, что не без участия отца и матери было допущено сражение. А потому неожиданно к нам прибыл жандармский полковник с двумя полицейскими и священником. Как сейчас помню, мы с братом тайком видели всю сцену. Священник положил на стол Евангелие и крест, заставил родителей положить на них свои руки и произнести клятву в верности и непричастности к вторжению революционеров в наш дом.

Свияжский полк в Вятке

Как и Сибирь, Вятский край издавна относился к так называемым «местам, не столь отдалённым». Сюда ссылались во все времена неблагонадёжные люди, а также и те, кто имел прямое отношение к революционной работе.

Это обстоятельство отразилось на настроениях народа, породило в нём бунтарский дух. Поняли это и мы, дети, не упускавшие ни одного случая, нарушавшего спокойное течение жизни нашего города. Потому все мальчишки нашей уединённой Кикиморки однажды были крайне удивлены, уловив звуки военного оркестра, раздававшегося со стороны пристани. Конечно, мы моментально помчались туда. Звучание усиливалось. Оркестр приближался. На пристани мы увидели, как снизу по реке двигался пароход, тянущий две баржи, полные солдат. Это был 105-й Свияжский полк.

Он размещался на баржах и двух пароходах. Не дойдя 8 км до города, пароходы остановились, так как проехать по левой излучине реки было нельзя – мелко.

Тогда командир, обследовав излучину, обнаружил справа от реки большое озеро Боровое. Он решил воспользоваться его водами и велел прорыть к нему каналы с обоих концов. Течение реки изменилось, напор усилился, пароходы прошли. А мы смотрели и думали: для чего столько солдат в наш город?

Оказалось, что воздух общественного настроения к тому времени настолько был насыщен грозowymi разрядами, что власти уже не надеялись на способность городской полиции разогнать тучи, и губернатор, князь Горчаков, вытребовал целый полк солдат.

Его разместили в казармах, в западной части города – это зимой. А летом на правой стороне крайней улицы города устанавливался палаточный городок. Время от времени там проводились манёвры для устранения бунтарского духа. Мы часто бегали туда и наблюдали эти картины. Но это мало кого устрашало – в народе бродили силы сопротивления. Явным доказательством тому была перестрелка в нашем доме, тревожные дни 1905 г. и факт разграбления оружейного склада в г. Слободском.

Оружие потом уложили на подводы, покрыли сеном и привезли в г. Вятку. Готовились выступления. Действовали подпольные революционные кружки. Народ не дремал. Росло движение сопротивления. Ждали только удобного момента. Город и край были неблагонадежны и крайне возбуждены.

Моё образование

На моё несчастье, я поступил в первый класс приходского училища, где в 3-м классе учился мой брат Николай. Он был очень способный, но ленивый, к тому же из-за плохого

поведения его исключили. А мама, будто бы по совету учительницы, взяла и меня из этой школы. И я поступил во вновь открывшееся коммерческое училище, где учился два года. Но вынужден был сделать большой пропуск в занятиях ввиду серьёзной болезни: мне делали операцию по поводу удаления полипов, её выполнял доктор И. В. Аксаков, работавший в уездной больнице. Дело в том, что состояние моего здоровья после первых признаков болезни стало сильно ухудшаться: появились головные боли, нос постоянно закладывало, дышать приходилось ртом.

По ночам снились кошмары: казалось, всё падает, рушится, я с криком вскакивал с постели, а утром ничего не помнил (даже выученного вечером урока). Наконец, мама сводила меня к доктору Аксакову в уездную земскую больницу. Он предложил операцию. Мы согласились. Доктор тут же усадил меня, смазал мне чем-то плотку, немного подождал. Затем велел маме держать мою голову, а сам длинной блестящей ложечкой ловко срезал полипы. Я харкал кровью в таз, а доктор вытащил их на край стола и насчитал девять штук. Всё вижу как сейчас.

В больнице я просидел два часа. Пришёл домой с мамой. Пока готовился завтрак, я у себя в комнате начал решать задачи на завтра и был удивлён, даже похвастался маме, как легко далось мне задание. Это заработал мой нос, и улучшилось

состояние. Известно, что кислород, поступающий с воздухом через нос, усваивается на 15 % больше, чем при дыхании ртом. В будущем мне делали ещё три операции в глотке и носу, но такого впечатления, как от первой, уже не было. После болезни мне не хотелось возвращаться в коммерческое училище, и меня отдали в частную подготовительную группу. Её вела Клавдия Семёновна Ухова.

В одиннадцать лет я сдал экзамен в 1-ю мужскую гимназию. Первые два года учился хорошо. Но всё же был переведён во 2-ю гимназию в 3-й класс. Я не жалел. Надо сказать, что старое здание, напоминавшее казарму, также и педагогический состав с устарелыми методами преподавания не пользовались симпатиями и не внушали доверия молодёжи. Другое дело – 2-я гимназия.

Всё было там молодо, красиво и уютно: светлое здание в саду и, главное, молодые учителя. Тем более что мы, первоклассники, были самыми старшими, первым, но последним выпуском после окончания 8 классов. Между учениками и учителями было полное взаимопонимание. Позднее гимназия как таковая была переоформлена в школу 2-й ступени. Преподавание шло на высоком уровне. Даже такой, казалось, скучный предмет, как математика (её преподавал наш классный наставник Андрей Павлович Шестаков) сделалась занимательной.

И латынь, которой мы все боялись (преподаватель С. П. Бельс-

кий) была настолько привлекательна, что когда ввели в качестве факультатива греческий язык (тоже С. П. Бельский), то из всего класса только один ученик не посещал эти занятия. Мы все были довольны, занимались с интересом, хотя занятия факультатива начинались часом раньше (с 8 утра) обычных занятий и продолжались час. Преподаватель так занимательно рассказывал о Греции и Риме, их жителях, образе жизни, обычаях, войнах, передавал легенды и в то же время умело «подсовывал» грамматику и чтение, что до сих пор помню отдельные фразы и могу продекламировать латинские и греческие стихи. Моё умение правильно читать и переводить на латинском языке очень помогло в будущем, в моих занятиях на медицинском факультете. А умелый анализ словообразования даже выделял меня среди других.

Рассказы о Греции и Риме были для меня, конечно, очень интересны. Под руководством С. П. Бельского мы изучали студенческий гимн «Гаудеамус» и выступали с ним в концерте. Из греческой поэзии помню басню «Ворона и лисица». Не отставал от Бельского и преподаватель немецкого языка Г. Бахман, который был увлечён Г. Гейне. А я до сих пор щеголяю, декламируя «Лорелею» («Русалка»).

Мы росли мыслящими, активными, умеющими анализировать и обобщать события текущей жизни. Со стороны своих молодых пе-

дагогов мы в то же время встречали сочувственное понимание и поддержку. Стоит хотя бы вспомнить такой случай.

До нас дошло известие о том, что новый министр просвещения Г. Ф. Игнатьев придерживается либеральных взглядов. Поэтому нам казалось, что одним из важнейших нововведений будет определение Закона Божьего как факультативного предмета.

Мы изучали также катехизис, то есть церковную службу. Многие здесь приходилось учить наизусть, часто не понимая заученного, особенно порядка богослужения. Я мало уделял вникания этому предмету и при ответах, конечно, «плавал». Это, наконец, надоело отцу Василию, и он однажды строго спросил меня:

– Мышкин, Вы когда-нибудь будете изучать Закон Божий?

Я, не смущаясь, ответил, что если он будет необязательным, то не буду. Батюшка взорвался, в гневе бросил ручку, опрокинул чернильницу, схватил журнал и выскочил из класса. Наступила тишина, и слышались сочувственные возгласы:

– Как бы не вышибли!

Но на моё счастье, батюшка застал в учительской, куда он прибежал, полный гнева, только нашего наставника. Он со злостью бросил журнал на стол и, обращаясь к Андрею Павловичу, сказал:

– Вот до чего Вы избаловали ребят своим воспитанием!

Андрей Павлович спокойно выслушал его и возразил:

– Скажите, уважаемый отец, а что, было бы лучше, если бы ученик Мышкин на Ваш вопрос, будет ли он учиться, ответил: «Да, буду», – а сам бы не учил, или всё же лучше сказать правду?

Отец Василий молчал, но понял, что был не прав, и к директору жаловаться не пошёл. На перемене меня вызвал наставник, он не одобрил моё поведение и сказал:

– Учи, он тебя спросит. Надо думать, что говорить.

Пришлось учить. Отец Василий спросил меня лишь в конце четверти, чтобы поставить «тройку».

Наши мечты об отмене обязательного изучения Закона Божия не сбылись. Министр Игнатьев обманул наши надежды. Но в 1917 г. мы, семиклассники, просили заменить Закон Божий изучением права.

Нам пошли навстречу, и с этой целью был приглашён юрист Попов, который нас просвещал два раза в неделю. Преподавание Закона Божьего в 7-м и 8-м классах было отменено.

Шестиклассники завидовали нам и нашей удаче с отменой Закона Божьего. Им не повезло – у них этот предмет оставили. Тогда они сами решили распрощаться с отцом Василием и вывезти его из класса на тачке, как это бывало на заводах и фабриках, когда рабочие вывозили неугодных директоров. А я был председателем школьного комитета,

и директор не раз обращался ко мне для поддержки дисциплины в школе, особенно в 6-м классе. Я шёл на это с охотой и даже гордился. А тут я пронюхал, что в 6-м классе готовится скандал, да и отца Василия как педагога было жаль. Я выследил, когда шестиклассники притащили тачку. Перед приходом отца Василия на урок ученики вошли в класс, а я остался в коридоре караулить.

Вот, наконец, появляется отец Василий. Я пошёл к нему и сказал:

– Отец Василий, я не советую идти на урок.

– Это ещё почему? – спросил он сердито.

– Вас хотят из класса вывезти на тачке!

– Это правда?

– Да, можете заглянуть в класс!

Он подошёл к двери, осторожно приоткрыл её, заглянул в класс, поглядел, обернувшись ко мне, сказал:

– Благодарю! – и ушёл из гимназии навсегда.

Я заглянул в класс и предложил:

– Уберите тачку, пока не появился директор!

В это же время мы с двумя товарищами по классу начали заниматься литературой вне классных занятий, то есть увлеклись самообразованием. Это были произведения русских классиков, с которыми мы знакомили друг друга во время вечерних прогулок по линии железной дороги и вдоль дер. Ежовки. Иногда обращались за указаниями к нашему чудесному преподавателю

литературы. Детектив (так называемая «пинкертоновщина») нас не интересовал. Правда, с наступлением Февральской революции наши прогулки закончились, так как мы с Колей увлеклись собраниями в кинотеатре «Колизей». Выступления каждого оратора мы обсуждали и давали оценки, определяли политическую платформу (большевик, меньшевик, консерватор). Но особенно нас поразили полковник старой армии.

Мы приготовились было слушать бредни о великолепии самодержавия и величии его идеалов, но вместо того услышали восхваление свободы, которую заслужил многострадальный народ России за сотни лет рабства.

Мы подтолкнули друг друга и спросили себя: кто же он, этот необычный оратор? Ведь он говорит уже о необходимости образования, всеобщем равенстве людей и вдруг под конец громко, отчётливо заявляет:

– Да, это чудо революции! Да, все льготы народу! Должно быть равенство!

Но я с большим сомнением, опасением и даже страхом думаю: «А как поведёт себя рядовой человек, неграмотный, с которого сняли узду, и он получил свободу? Ведь этот народ не сможет понять, что высокая нравственность – труд без палки! Хорошее поведение – это залог удачи жизни на земле! А не ударится ли он в разврат в широком смысле слова: пьянство, грабёж, насилие?»

Оратор ушёл под свист и жидкие аплодисменты. А я так и не понял, кто он? Далее о Союзе учащихся. В Союзе учащихся мы ничего хорошего не нашли и вскоре перестали его посещать. Попытка получить в школе у окружающих толковое объяснение совершившимся событиям не увенчалась успехом.

Категорические лозунги: «Долой меньшевиков!», «Долой Учредительное собрание!» – требовали для нас авторитетного разъяснения, но его не последовало, хотя и были условия для сочувствия именно у нас, жаждущих услышать разумную правду.

В 1918 г. мама получила письмо от моего старшего брата Гриши, который жил в г. Омске. Он предлагал прислать к нему одного из младших братьев учиться с тем, чтобы облегчить тяжёлое материальное положение семьи. Мама уговорила меня ехать к нему жить. Я согласился и, взяв справку и аттестат из гимназии, пустился в дальний трудный путь.

Наконец, я у брата в г. Омске. Он жил одиноко, без семьи. Через день я пошёл в гимназию к директору и подал ему заявление о моём желании перевестись из г. Вятки. Директор принял меня холодно и в переводе отказал, заявив, что из России учащихся не принимают, так как они разболтаны и своевольны. Мне очень повезло, что перевод не удался, и я отправился в родной город к родителям. Ехать в теплушке целую неделю было тяжело. Но я был счастлив, так как через не-

сколько месяцев путь в Сибирь был закрыт – наступал Колчак.

В г. Омске меня бы мобилизовали. Я должен был бы неизбежно воевать против родных, против Родины. А это было невозможно.

Все летние каникулы, а они увеличились, так как школьные здания были заняты солдатами, я работал подённо. В гимназии занятия проходили во вторую смену и начинались в октябре, поэтому я сходил на биржу труда и получил назначение на должность секретаря фабрики «Одежда». Тогда она находилась на ул. Стефановской. Я пришёл в бухгалтерию. Там же сидел и директор. Он был старше меня на два года и окончил первую гимназию. Директор принял меня на работу, велел написать заявление, прочёл его и сказал:

– Я Вас знаю. Мы Вас принимаем. Но я советую Вам выучиться расписываться. Фамилию надо писать не так скромно! Вам придётся подписываться и заверять протоколы, так как Вы будете секретарём.

Так я стал секретарём. С утра был на фабрике, затем в 4 часа шёл обедать и отправлялся в школу к 5 часам. Занятия в школе заканчивались в 9–10 часов вечера. Работа шла хорошо, я быстро освоился, подружился с бухгалтером, тоже Иваном Ивановичем. Так как мне приходилось писать счета, протоколы, я тут же стал учиться печатать на машинке, оказалось, это не трудно.

Через пару месяцев все протоколы, акты приёма и сдачи я печатал.

Достиг такого успеха, что печатал под диктовку, то есть очень быстро. Не помню, сколько я зарабатывал, но получал паёк рабочего и оделся в красноармейскую одежду, даже получил портфель, в котором носил в школу книги и тетради. Эффектно было закатиться в школу в модных тогда галифе и с портфелем в руках. Несмотря на такую нагрузку, я всё же ухитрялся ходить на каток, реже на лыжах. В нашем классе учились две девушки, и мы после уроков поочерёдно провожали их домой. Жили они в разных концах города. Мне ближе было провожать Лиду. Она жила на Казанской. Как сейчас помню её одноэтажный домик. Обычно стоим у ворот и прощаемся.

Но как-то зимой была пурга, и около ворот намело много снега. Я стоял на куче в валенках и утаптывал её, а Лида – у двери. Мы мило беседовали. Только вдруг я подскользнулся или сам скатился нарочно, столкнулся с Лидой и неожиданно поцеловал её. Она засмеялась и убежала, а я порядочно смутился. На другой день я даже не пошёл в школу, думал, Лида расскажет, и девушки будут смеяться. Это был первый поцелуй в моей жизни, правда, с Лидой он был и последний. Мы встретились спустя много лет. Она даже успела выйти замуж, а я жениться. Но муж Лиды, с которым я был знаком, говорил, что на столе жены стоит моя фотография, вырезанная из газеты. Встреча наша была душевной. Мы были рады пообщаться, пого-

ворить. Работа захватила нас, и год протёк незаметно.

Однажды в апреле 1919 г. ко мне в кабинет секретаря пришла работница с фабрики, принесла справку о болезни. Пока я печатал, ей стало дурно, и она упала. Я поднял её и перенёс на диван. Женщину с сыпным тифом отправили в больницу. От неё заразился и я. Болел тяжело несколько месяцев. Подошёл 1919 г. – год окончания гимназии. Много занятий в школе, дневная работа на фабрике, тяжелые события – Колчак, Деникин, попытка реставрации, болезнь... После выписки из больницы меня везли домой в большой корзине из-под снега. Я простудился и лежал ещё три недели с повышенной температурой. Окончился учебный год, и меня выпустили из гимназии без государственных экзаменов: дали аттестат об окончании 8 классов. Тотчас же после выздоровления я послал аттестат в Казань, в университет, с просьбой зачислить меня на медицинский факультет. А сам стал поправляться и даже съездил с товарищами в с. Пижемское, где мы поохотились и прекрасно провели время.

Ехать до села нужно было шесть часов. Лошадка бодрая, ямщик – разговорчивый мужичок. Ехали мы весело, я почувствовал себя здоровым и сильным после лесной прогулки, как после курорта. Но время отпуска, данное мне по болезни, кончилось. Передо мной была перспектива – или работать, или призываться

в армию. Так хотелось быть студентом, учиться, а ответа из университета всё не было. Меня уговаривали остаться дома и даже дожидаться призыва, тем более, что живущий в доме телеграфист сказал, что объявлена мобилизация всех студентов вузов. Но я хотел во что бы то ни стало уехать в г. Казань, зарегистрироваться студентом, а потом можно было и в армию. Я крепко верил, что по окончании студенты будут отпущены из армии в первую очередь: без обучения людей жить нельзя.

Правда, и раньше, в моё время, мастера ценились больше, чем образованные люди. Однако, образованный человек интереснее видит, чувствует, переживает. Труд должен быть любимым. Труд – это жизнь! Наконец, пришло извещение из Казани, что я принят в университет. Не теряя времени, я получил направление в отделе народного образования, захватил корзинку с парой белья и караваем хлеба, поцеловал моих дорогих мамочку и сестрёнок – и бегом на пристань. Тогда до Казани был единственный путь по реке.

Я, конечно, опоздал и сумел купить билет только третьего класса. Был уже первый свисток для отплытия. Я заскочил на пароход и стал искать место. Наконец, устроился возле бака для кипячёной воды. Был уже сентябрь. По ночам становилось холодно.

Я сел на свою корзину, проехали две остановки. Вдруг передо мной появились две девы!

– Ваня, куда Вы едете?

Я ответил:

– В Казань, учиться.

– Мы тоже в Казань. А почему же Вы так плохо устроены?

Я ответил, что опоздал. Минут через двадцать они появились снова и говорят:

– Ваня, у нас в каюте 8 человек. Мы обдумали и решили, что сможем и Вас поместить в нашей каюте.

Я оторопел, говорю:

– Я Вас стесню!

– Не беспокойтесь, идите вниз.

Меня поместили за занавеской, удобно настолько, что я мог даже протянуть ноги, а ночью чудесно спал.

На остановках мы гуляли, помогали матросам грузить дрова – пароход отапливался дровами, пели песни, рассказывали истории. Я раздобыл гитару у матросов и пел романсы. Была пересадка на камский пароход. В такой девичьей компании я благополучно прибыл в г. Казань.

Я знал адреса вятских знакомых, уехавших раньше меня учиться в университет на медфак. Я пошёл к ним после того, как зарегистрировался в университете. Ребята жили в отдельной комнате. Хозяйка оказалась доброй женщиной и разрешила мне ночевать у них три дня. Обедать мы ходили в студенческую столовую – там дешевле и уютнее. В коридоре столовой была доска с различными объявлениями, мы все искали – о сдаче комнаты. И вот листок о сдаче комнаты студенту. Я тот-

час побежал, нашёл двухэтажный деревянный домик. Звоню, открывает интересная дама, оглядывает меня и спрашивает:

– Что скажете?

– У Вас сдаётся комната, я хотел бы занять.

– А Вы сможете платить десять рублей?

– Смогу, – ответил я, хотя в кармане осталось всего 8 рублей.

– Тогда заходите.

Я вошёл и был восхищён хорошей комнатой, прекрасно накрытой кроватью и великолепным письменным столом. Даже первую ночь я спал в своей комнате. Перетащил свою корзинку и спрятал её под диван. В университетскую канцелярию я входил с трепетом, был зарегистрирован и считался равноправным студентом. Надо было искать работу. В Вятке я слышал, что наши земляки, в частности, студенты 3-го курса медфака, работают в госпитале. Коробов работал в военном госпитале помощником лекаря. Я направился туда. Госпиталь находился на Булаке, так называли набережную небольшой речушки, протекавшей через город.

В прошлом это было здание реального училища, а теперь госпиталь для сыпнотифозных больных. Я надеялся, что в случае неудачи Коробов хотя бы скажет, где можно найти работу или посоветует, как её искать. Войдя в коридор, я зашёл в приёмную комнату и обратился к дежурному, попросив вызвать тов.

Коробова, объяснив, что он работает у них лекпомом. Когда появился Коробов, я спросил:

– Вы вятчанин?

– Да, вятчанин.

– Я тоже вятчанин, студент 1-го курса медфака.

– Ну, и что же?

– Устройте меня на работу.

– Куда же я Вас устрою?

– В госпиталь санитаром.

– Так ведь у нас заразный госпиталь, сыпнотифозный.

– А я уже болел тифом!

– Ну, тогда другое дело! Пойдите к начальнику!

Когда мы пришли к начальнику, тов. Коробов доложил:

– Вот студент-медик 1-го курса. Просится санитаром. Он тифом уже отболел.

Начальник оглядел меня, потом сказал:

– Ну, раз уже отболел, то можно взять!

Сутки дежурю, сутки слежу за порядком, чистотой. Большая, довольно тяжёлая работа выпадает, когда прибывает партия больных. Приходится на носилках с улицы их вносить в коридор и класть на заранее расстеленной соломе. Когда их осмотрит врач, разносить опять на носилках по этажам в палаты. Иногда партия была до 30–40 человек. А санитары бывали и женщины.

После дежурства идёшь в ванную. Раздеваешься и уничтожаешь «блондинок». Так называли мы вшей. И частенько штук 15–17...

Затем принимаешь душ, моешься, ужинаешь или, если смена была утренней, завтракаешь. В общем, я всегда был сыт. Случалось, сразу после дежурства отправляешься в университет.

Дней через 20 после работы ко мне зашёл завхоз и говорит:

– Завтра придёте за пайком. Захватите лучше всего санки, корзину и небольшой мешок.

Когда я привёз на квартиру паёк, в нём были не только картофель, капуста, крупа, масло, яички, но даже барашек. Внёс всё это в кухню к хозяйке и сказал: «Это Вам».

Она была, конечно, довольна.

– А если будете добры, разрешите мне раз в день из университета зайти с Вами пообедать – я буду рад.

В час дня у меня теперь был обед.

В учёбе и работе жилось хорошо. Однако вскоре, то есть в конце сентября, я почувствовал в комнате холод, и предложил хозяйке свои услуги – сходить в дровяник за дровами и истопить печь. Но услышал, что у неё нет дров и топить нечем. Пришлось по вечерам собирать брошенные доски, чурки и подтапливать, пока хозяйка не сумела купить воз дров.

Я спокойно работал и даже начал, в основном, заниматься в анатомическом театре, изучать кости. У каждой кости нужно было знать не только её название, но и все названия её поверхности, ложбинки, бугорки. Особенно трудная кость височная с её внутренним ходом. Нужно было

различать кости конечностей, с какой они стороны – правой или левой.

С упорством и любознательностью я изучал остеологию, то есть учение о костях. И вдруг объявление о мобилизации всех студентов в Красную Армию! Даже тех, кто работал в военных учреждениях, то есть в госпиталях. И мы – я, Серёжа, Гена – взяли по большой деревянной ложке и пошли на военную комиссию. Я удостоился того, что врач ткнул меня в живот и сказал: «Годен!» В казарме, за пять километров от Казани, в студенческом полку мы учились шагать, бегать в строю, стрелять. И я даже отличился меткостью – помогла охота. Кормили достаточно хорошо.

Нужно отметить приятное обстоятельство: на полк давали билеты в театр и оперу. Я выменивал на вечерний горшок гречневой каши билет, и мы группой ходили в г. Казань, а вечером при луне возвращались в казарму. Нам, любителям музыки и пения, везло: состав исполнителей был хорошим, а наша прогулка, хотя и дальняя, не утомляла, а радовала.

Тифозная эпидемия росла, и уже говорили о пандемии, потому что в марте нас, студентов-медиков, командировали на курсы дезинфекторов. Они продолжались две недели, а затем – на трёхдневные курсы оспопрививателей. Эти курсы были по желанию.

В период курсов меня неожиданно вызвали к начальнику. Вхожу: сидят примерно 15 девушек. Начальник говорит:

– К нам, в Казань, Москва и Ленинград шлют детей из детдомов. В самой Казани разместить их невозможно. Будем расселять по кантонам (так раньше называли районы). Вот вы поедете, в каждом кантоне посмотрите и решите, сколько детей можно послать. Составите план помещения, опишете природу и тотчас же перешлёте нам. Попрошу подойти ко мне и получить направления.

Все девы бросились, я спокойно подошёл последним и получил направление в самый отдалённый район – г. Елабугу. Надо было ехать на пароходе, и на завтра я уже был на нём. Интересная поездка! Я сидел с капитаном в рубке, любовался рекой и берегом. Людей на пароходе было мало, и капитан, как мне показалось, был рад, что студент едет с ним. Меня приняли и посоветовали, где можно устроить ребят. По карте я отметил все точки посещения.

Ездил я по району 40 дней, ездил с удовольствием – везде меня хорошо встречали, угощали. После казармы это мне особенно понравилось. Красивый город Елабуга стоит на берегу реки Камы. Он славился торговлей, купцы до революции торговали пшеницей непосредственно с Германией. Город этот относился раньше к Вятской губернии.

Ниже по течению была интересная башня, крыша которой наполовину покрыта огромными плоскими плитами. Вот какую легенду рассказал мне старик, который рыбачил поблизости.

Жил-был богатый купец с супругой, и была у них дочь необыкновенной красоты, так хороша собой, что в неё влюбился сам Сатана. Он стал свататься к красавице. И она, и родители отказали ему. Но когда он решил её утащить, призадумались.

Спасла благополучие дома соседка, которая предложила Сатане выкуп: если за ночь, до первых петухов, он построит башню из разбросанных на берегу Камы камней, ему отдадут красавицу в жёны. Сатана принялся за работу – таскал камни, мешал раствор, рыл фундамент. За ночь башня была готова, и оставалось только покрыть крышу. Но тут запел петух. И Сатана провалился. А петух запел раньше, так как соседка притащила его в корзине и принесла курицу. Сатану обманули.

Много интересных мест я посетил. Я люблю природу, охоту – и мне всё это очень приятно. В Елабуге встретил Николая – бывшего ученика духовной семинарии. Два раза был у него в гостях, пел, сопровождал его сестра. В общем, провёл время неплохо. Я описывал каждую школу или дом крупного купца (там впоследствии был дом отдыха), снимал план, описывал местность и отсылал в Казань. У меня было только это поручение, и, выполнив его, я вернулся в Казань. Меня поблагодарили и похвалили.

Но пока ездил, всех дезинфекторов уже распределили, я остался один и спросил:

– Куда мне теперь?

– Не знаем, – говорят мне.

Я попросил устроить меня на работу. Меня спросили, что я умею делать. Я сказал, что дезинфектор. С лукавой усмешкой мне предложили поехать на эпидемию холеры.

Однако я согласился. Меня зачислили во 2-й отряд в слободу Прохову, в пяти километрах от Казани. Работа была хорошая. Я твёрдо понимал, что эпидемия возникает вследствие неряшества жителей. Поэтому строго следил за собой, был всегда аккуратен, чист. Дежурство – раз в три дня. Приходил и, прежде всего, в уютной комнате кушал. Обед – из трёх блюд с вином или рюмкой белой водки, или рюмкой красного портвейна. Я всегда и всю жизнь потом пил только красное вино. Это для того, чтобы не заразиться и не захворать, так как вино возбуждает сокоотделение – оно кислое, а кислого не терпят холерные вибрионы. Но чаще всего, как я заметил, болеют пьяницы, которые теряют человеческий облик. Вот пример. Моя бригада – кучер на лошади с повозкой, санитар и я – «главная персона», приезжаем к молодому рабочему. Домик, хозяйка, ребёнок. Больной лежит на полу, кругом рвотные массы. Устраиваем дезинфекцию. Кладём больного на носилки, несём в повозку. Жена провожает. Спрашиваю больного:

– Где тебя угораздило заразиться?

А жена отвечает:

– Вон там, – и показывает на бочку, поставленную под стрехой дома.

Я поинтересовался бочкой и её содержимым. В воде был не только мусор, а даже коровий помёт. Я и говорю:

– Как же ты пил такую гадость?

А он отвечает:

– Так я рукой весь мусор отодвинул!..

Холера косила людей. Помнится такой случай: вызов – убрать умершую. Приезжаем. Посредине большой комнаты лежит худая женщина. Вся в рвотных массах. Убираем. Мой взгляд останавливается на двери в другую комнату, где стоит мужчина лет 50, в меру полный, и жалобно смотрит. Через дня три повторный вызов – на том же самом месте лежит очень худой мужчина. Я спросил стоящую в дверях женщину: «Кто это?» Она отвечает, что это муж умершей. Меня изумило, как он сумел похудеть за три дня! А при заболевании холерой организм катастрофически теряет воду. Её в нашем организме – 90 %. Лечили тогда введением в вену физиологического раствора в огромных количествах. Антибиотиков ещё не было.

Кончились лето, осень, закончилась и эпидемия холеры. За работу на эпидемии я был премирован костюмом. Ещё года полтора-два я работал дезинфектором уже в деэотряде № 1, в городе, у тифозных больных и, конечно, учился. Только на третьем курсе я получил стипендию и перестал работать.

Какие чудесные воспоминания об учёбе, о лекциях профессуры!

Особенно профессора С. С. Зимницкого – «внутренние болезни». Он подходил к предмету практически: демонстрировал больных, разбирал их «по косточкам», применял обычные домашние способы лечения. Например, при заболевании почек, при отёчности он запрещал нам применять мочегонные, но легко и с успехом рекомендовал выводить отёчность через потовые железы, что я потом не раз применял, помня его слова: «Если при отёке, при заболевании почек вы назначаете мочегонные, вы палкой бьёте по больному органу – почкам! А при изгнании отёков через потовые железы или через кишечник почки не травмируются».

Чудесные были лекции по акушерству профессора Груздева. Его учебник «Акушерство» часто служил мне во врачебных делах моей молодости. Удивительно доступны для понимания были лекции хирурга Геркена. Мы его любили. Он не только рассказывал, но и показывал, умело вкладывая в наши головы знания.

Хочу рассказать один анекдот, который всегда помогает убедить больного, особенно, когда задавался вопрос: какая мазь лучше помогает? Я всегда вспоминаю этот рассказ о профессоре Геркене.

Летом профессор живёт на даче вдали от Казани, отдыхает. К нему на приём приходит больной. Он татарин, жалуется на боль в ногах. Профессор смотрит его, затем про-

писывает на клочке бумаги рецепт, подаёт больному и говорит:

– На, втирай, а через две недели зайди.

Больной ушёл и через две недели появился. Профессор спрашивает:

– Ну, как, лучше ли?

– Да, гражданин профессор. Только вот бумажка-то истёрлась...

– Какая бумажка? – спрашивает профессор.

– Да та, что Вы мне дали...

Соль басни в том, что, если вы правильно делаете массаж, то мазь и её название не имеют решающего значения.

Особенно памятен был пятый курс. Занятия в психиатрической больнице. Лекции профессора Фаворского были настолько интересны, что проводились не в аудитории, а в актовом зале, так как их посещали не только студенты, но и врачи. Профессор умел и прочитать, и показать наглядно. Например, гипноз. Профессор внушает даме, что сейчас идёт дождь – и она открывает зонтик. Заставит человека лежать на 2-х скамейках, касаясь их только пятками и не падая – и он лежит. Но особенно, на всю жизнь запомнится лекция с демонстрацией больного шизофренией.

У меня позднее была возможность встретить врача, натворившего дел в госпитале, где были военнопленные. Этот случай, как память о блестящей лекции профессора Фаворского, описан мною в отчёте о посещении госпиталя на севере во

второй половине войны. Лекция сохранилась в моей памяти, помогла правильно понять и поставить диагноз шизофрении у врача, многих освободить от наказания, а, главное, правильно лечить больных.

Я обладал хорошим слухом, я бы сказал – музыкальным. И когда ещё работал в детской клинике, сумел отличиться у профессора Воробьёва. Мы, группа студентов, пришли на практику в клинику детских заболеваний. Педагог, молодой врач, демонстрирует нам ребёнка с невысокой температурой, держащейся длительное время. Она слушает его, даёт послушать двум студенткам:

– Вот видите: ничего не слышно. А исследование крови – в пределах нормы. Думаю, вам не понятен больной. Давайте вызовем профессора.

Профессор пришёл. Послушал больного, обвёл взглядом нашу группу и поманил меня пальцем:

– Послушайте!

Я взял больного ребёнка за правую руку, стал слушать спинку. Приложил своё ухо к телу ребёнка, он кричит – это хорошо, так как при крике дыхание усиливается, и ребёнок дышит глубже (наверное, он ещё испугался), тогда все явления, которые имеются в лёгких, лучше улавливаются. Я слышу мелкие хрипы и, меняя место прослушивания, улавливаю, что хрипы на ограниченном месте.

– Что всё это значит? – спрашивает профессор, когда я доложил ему результаты.

– Значит, есть фокус! А так как ребёнок температурит, значит, фокус воспалительный!

– Правильно! – говорит профессор и, обращаясь к врачу. – Вы бы лучше его вызвали, а не меня.

Студенты меня приветствовали. А когда я через полгода пришёл с группой сдавать государственные экзамены по детским болезням, то профессор увидел меня и спрашивает:

– А Вы зачем пришли?

Я говорю, что пришёл сдавать экзамены.

– Давайте Вашу зачётную книжку, – сказал профессор. Он взял и написал: «Весьма хорошо». – Идите отдыхайте.

Интересен был экзамен по внутренним болезням у профессора Зимницкого. Готовился крепко. Но объём курса был большой, и я шёл с трепетом в душе. Сажусь по приглашению профессора и на вопрос:

– А какого больного Вы курировали у меня в клинике?

Отвечаю:

– Сахарная болезнь, диабет.

– Хорошо. Ну, вот к Вам на приём жена приводит мужа и жалуется, что как ни кормит, а он всё худеет и много пьёт. О чём Вы будете думать?

– Буду думать о сахарной болезни.

– А как Вы установите точно?

– Я попрошу привезти мочу. Исследую её на сахар.

– Хорошо. Ну, вот на другой день жена везёт мочу и, чтобы не про-

лить в бутылке с пробкой, держит её около груди, но всё же пролила.

– Я попрошу ещё раз привезти.

– Да, это хорошо, но надо ехать 20 вёрст по плохой дороге, – а сам смотрит на меня с хитрецей, постукивает моим билетом по столу и говорит. – А погода-то была жаркая. Солнце крепко грело...

Я сообразил, что ежели моча нагрелась, а там сахар, то получилось брожение, и пробку вытолкнуло.

– Правильно. И повторять не надо, – говорит профессор. – А вот Вы зимой идёте по улице, у Вас на голове лёгкая кепка, и вдруг Вы почувствовали боль в мочке уха... Что это за процесс? – Отчего и почему возникла боль?

– От холода сузились сосуды, получился спазм – и боль.

– Один спазм боль не даёт. А какой процесс в крови?

Начинаю вспоминать, что с кровью.

– Наверное, на холоде кровь стала остывать, и выпадают кристаллы холестерина.

– Совершенно верно, – профессор смотрит на мою экзаменационную карточку и говорит. – А где в литературе встречается ваша фамилия?

– У Достоевского в романе «Идиот».

– А как, по-Вашему, герой романа – положительная личность или нет?

– Положительная.

– Почему?

Начинаю приводить отдельные главы романа. Профессор прерывает меня:

– Достаточно. Вы обладаете сообразительностью и, видимо, читали, то есть образованы. Из Вас выйдет толковый врач.

Он возвращает зачётку: «Весьма хорошо». И вот уже последний экзамен: нервные болезни. Я готовился не спеша, время было, да и тема меня интересовала. Объём материала был большой, но я метил сдать на «весьма хорошо». Надо вспомнить, что из всего курса я слабее знал лишь один билет «Проводящие пути». Но вообще курс знал очень прилично и спокойно шёл на экзамен. Моя дорогая мамочка приехала в г. Казань повидаться со мной и поздравить. Мне было приятно, что в последние месяцы мои знакомые и друзья начали поздравлять меня с оговоркой: «Без пяти минут доктор», – провалиться и плохо сдать не хотелось.

Экзамен проходил в клинике нервных болезней, среди больных в палате. Я пришёл, сел. Мне предложили взять билет. Беру и читаю: «Проводящие пути». Я взял и положил его обратно. Беру второй – «Эпилепсия». А в это время сдающий передо мной студент был приглашён профессором к постели больного исследовать рефлексы. Он что-то путает.

Профессор, его ассистент отвернулись к постели больного и не смотрят. Но ассистент в это время вдруг

обернулся, и я понял, что он заметил мой фокус. Тема «Эпилепсия» была лёгкая. Я её прекрасно знал и хорошо рассказал. Профессор говорит:

– Достаточно, пожалуйста к больному.

Ассистент возразил:

– Позвольте, профессор... – и начал гонять меня по всему курсу.

Но я спокойно и хорошо отвечал. Это удивило профессора, он поглядел на него и на меня. Я спокойно подошёл к больному, со знанием, даже с навыком. Это потому, что я всех жителей дома и студентов не по одному разу исследовал.

Домой шёл в отличном настроении. Был поздравлен и закусил вкусными пельменями, приготовленными мамой. Я сдал последний экзамен.

Я – врач!

Самообразование

В моё время это понятие имело глубокий смысл. Мы читали, изучали литературу, бывали на товарищеских встречах. Там велись бесконечные споры, обсуждения прочитанных книг, классической литературы.

Я и сам гимназистом посещал такие сходки, слушал горячие споры не только о новых произведениях больших писателей, но и о каких-либо событиях в России. Под таким влиянием некоторые гимназисты нашего класса занялись самообразованием. Нас было трое приятелей: Николай Рогачёв, Семён Василев-

ский и я. Занимались литературой. У нас в доме есть чердак, где я жил. Мы собирались там довольно часто: раза три в неделю. Пели, затем отправлялись гулять, большей частью по линии железной дороги или вдоль деревни Ежовки. В это время кто-нибудь из нас по очереди пересказывал прочитанное. Таким образом, в течение двух-трёх дней мы знакомились с двумя или тремя новыми произведениями, кроме тех, что изучали в классе.

Такой способ помог мне в дальнейшем, уже после окончания университета, когда я, будучи врачом, читал курс внутренних болезней в Вятском медицинском училище. Там за каждый год мною был прочитан новый курс терапии, по которому я составлял конспект, ежегодно его обновляя. Помогли мне в этом не только плановые университетские лекции, но и занятия общеобразовательного и аналитического характера, которые я успевал посещать в студенческие годы.

Мне выпало счастье побывать на пяти съездах по терапии, которые я не только слушал, изучал с жадным любопытством, но и старался передать обширные материалы съездов моим товарищам.

С большим интересом и радостью ездил я в научные, учебные командировки в Москву и Ленинград.

Темы моих выступлений на заседаниях терапевтического общества были интересные оттого, что я, будучи консультантом по городским

и районным больницам, безусловно, должен был разбираться с запутаными диагнозами, определять редко встречаемые формы заболевания.

Работа над собой была мною поставлена в основу врачебной деятельности. А желание поделиться со своими коллегами, передать им всё новое приносило мне чувство удовлетворения и даже радости.

Я – врач

Я врач с 1925 года.

Кроме того, когда я учился в Казанском университете, добровольно работал в госпитале сыпнотифозных больных санитаром. Как студент был призван в армию, где полгода готовился стать военным. Но эпидемия тифа перешла в пандемию, и нас, медиков, всех откомандировали на курсы дезинфекторов. Окончив курсы, я был командирован во второй дезотряд г. Казани дезинфектором на эпидемию холеры. По окончании эпидемии я продолжал свою работу дезинфектором на тифе. За свою работу на эпидемии я был премирован хорошим костюмом, который мне служил до окончания университета. Весь стаж моей работы в медицинских учреждениях – пятьдесят шесть лет.

Благодаря столь длительному сроку, я познал жизнь и деятельность медицинского работника, особенно врача. Поэтому могу сказать каждому: кто думает, что быть врачом легко – тот глубоко ошибается. Я знаю,

что такое труд врача, особенно того, кто поступил на медицинский факультет по призванию. Поэтому я считаю себя вправе сказать, что не каждый может быть врачом, особенно лечащим. Прежде всего, важно, чтобы врач был истинным другом человека, особенно больного, страдающего порой заразной болезнью. И всё же, несмотря на это, врач обязан подойти к больному со всей душой, настойчивым желанием оказать ему помощь.

Но, кроме этого, нужно суметь достичь расположения больных, хотя сам врач в это время испытывает не только умственное, но и нравственное напряжение. Но этого мало, врачу требуется высокая образованность, глубинное знание предмета, отличное воспитание, культура. Все эти условия обеспечивают доверие больного, без которого я не мыслю успеха в лечении.

Врач должен быть приятным человеком не только для больного, но и для окружающих его родных, уметь внушить им доверие. Иначе может быть неудача. Таким примером явились первые дни моей врачебной практики, когда больной пострадал только из-за того, что я не внушал доверия из-за своей молодости. Сам больной и его жена не согласились на операцию, несмотря на срочное направление в хирургическое отделение горбольницы. Этот случай мною описан в главе «Первый блин комом».

Но надо помнить также и то, какие глубокие чувства испытывает

молодой врач при посещении им тяжелобольного, потерявшего сознание или умирающего. Каждый такой больной и его родные, даже сознавая безнадежность, в глубине души надеются на помощь. Врач должен воспользоваться этим чувством и укрепить нравственное состояние больного, дать ему успокоение, вселить уверенность в возможном преодолении недуга, хотя для врача и ясна сущность поражения – необратимость патологии. Если врач видит хоть какую-то возможность излечения, он должен приложить все усилия, не щадя времени, и самым тщательным, последовательным осмотром суметь утвердить веру больного в возможность выздоровления, а не ограничиваться только выпиской лекарства. Врачу всегда следует помнить, что он человек, а людям, как и врачам, свойственно ошибаться. Чтобы не повторять ошибок, допущенных ранее, нельзя начинать обследование больного ознакомлением с анализами лабораторий, особенно, с рентгеновскими данными и диагнозами, поставленными ранее. Врач сначала сам должен собрать анамнез, тщательно осмотреть больного, составить своё мнение. А потом уже проверить его, сопоставив свои данные с данными лаборатории, то есть подтвердить или отвергнуть их. И уже тогда, всё сопоставив, дать заключение.

Здесь, мне думается, уместно сослаться на описание картины заболевания больного И. М. Братухи-

на, к которому меня привозили его дети для успокоения умирающего. Случай интересен ещё и тем, что он происходил в 1977–1978 гг. и заставил применить метод, забытый в последние десятилетия, который дал чудесные результаты.

Безусловно, надо помнить, что правильно собранный анамнез – это 50 % успешного диагноза и лечения. Характерные указания на боли в животе, где впридачу приходится детализировать их, уточняя зависимость болей от принятия пищи, движения или во время ночи. Локальность болевого симптома: боли при повороте на левый бок (контроль поджелудочной железы). Однако несколько не легче дифференцировать жалобы больного на боли в сердце. Что это за боли? Где возникают? Что служит причиной? Когда они возникают – в зависимости от волнения, физического напряжения? Заставляют ли эти боли остановиться, прилечь, положить тепло и т. д.?

Но очень интересна зависимость сердечной боли от состояния желудочно-кишечного тракта. Как паразитичный и интересный пример, могу привести интеллигентного человека, начитавшегося популярной медицинской литературы и считавшего, что у него стенокардия и, наверное, будет инфаркт. Интересно, что боли у него возникали при ходьбе, но в какое-то неопределённое время дня. Тщательно, детально собранный анамнез позволил установить, что эти боли возникают пос-

ле того, как он сходит в обеденный перерыв домой, где хорошо покушает, задержит возвращение на службу в разговоре, поторопится идти на работу, чтобы не опоздать. Пройдя несколько кварталов, вынужден будет остановиться из-за сжимающих болей в области груди, принять валидол, минутку постоять, пока пройдет боль. И до следующего приступа большой снова может идти. Несмотря на мой тщательный осмотр, измерение кровяного давления, прослушивание сердца во всех положениях и даже с нагрузкой, я не нашёл в сердечно-сосудистой системе патологии. Но мной было зафиксировано внимание на слегка вздутый кишечник, и при пальпации утолщённая кишка была слегка чувствительна. Больной объяснил мне, что в детстве он перенёс дизентерию и что всегда чувствует дискомфорт кишечника, особенно после некоторой пищи. Больной был разочарован, когда узнал, что сердце у него совершенно здоровое и что у него хронический колит. А когда я повторно сконцентрировал внимание на кишечнике, выяснилось, что иногда бывает урчание, вздутие и отход газов, что облегчает общее состояние и живот. Больной был смущён и даже разочарован. Тогда я ему посоветовал после сытного обеда не ускорять свой ход и, если случится такой приступ, остановиться на улице, оглянувшись кругом, выпустить газы, и боли пройдут без принятия лекарств. Тогда больной достал из бумажника кардиограмму. Она была со-

вершенно нормальная для его 37 лет. Прошло три недели, и мне пришлось встретиться с ним на улице, правда, он был на другой стороне. Поздоровавшись, он поднял руку и громко крикнул: «Я избавился от болей и валидола, но стал чаще оглядываться вокруг...» К этому следует добавить, что назначенный курс фталанола и соблюдение режима питания, небольшого отдыха после еды сыграли благоприятную роль.

Расспрашивая больного, одновременно отвлекая его внимание, я в то же время ощупываю кожу, лимфатический аппарат, щитовидную железу, улавливаю напряжение мышц живота, а также подвергаю перкуссии (выстукиванию) живот. Очень хороша и успешна пальпация живота больного, сидя на стуле, обхватив больного сзади со спины, заставив его слегка наклониться. Тогда пальпация проходит удачно. Легче определить – прощупать поражение поджелудочной железы, край печени. После снятия анамнеза, осмотра и ощупывания целиком тщательно прощупываю сердце и лёгкие в разных положениях, если позволяет состояние больного. Осматриваю полость рта, зубы. Тщательный анамнез успокаивает больного, убеждая его в том, что врач глубоко заинтересован его болезнью. Собрав анамнез, перехожу к тщательному осмотру. Осматриваю полость рта, зубы. Проверка пульса не менее минуты. Пульс на ногах. Прощупывание грудной клетки, лёгких при покашливании, обра-

щаю внимание на величину корней лёгких, на подвижность нижней границы при вдохе и выдохе. К сожалению, в те короткие отрезки времени, что врач уделяет больному, он должен суметь понять не только сущность болезни, которой страдает больной, но и интеллект больного. Это требует, прежде всего, большой наблюдательности. А так как она играет существенную роль, врач должен постоянно развивать её в себе, и тогда она поможет ему правильно предугадать своеобразие самой болезни у данного больного. Я уверен, что наблюдательность лучше развивается у тех людей, которые связаны с природой. Она многому учит. Правда, не тех людей, которые только любят природу, смотрят на её красоту. Наблюдательность лучше развивается у тех, кто относится к природе внимательно, изучает её и невольно замечает, что всюду кипит жизнь. Это очень интересно и, конечно, заставляет сосредоточить своё внимание, чтобы понять всю сущность истины, что, безусловно, развивает наблюдательность.

Примером могут служить охотники и рыбаки, которые в поисках дичи упорно наблюдают, изучают не только зверей, птиц и рыб, но и любимые места их нахождения, жизни. Так было и со мной, когда я был охотником. Охотник, рыбак в лесу, на реке, находясь на свежем воздухе, в движении получает большую оздоровительную зарядку, столь необходимую человеку, особенно вра-

чу, в его постоянной утомительной деятельности. Я всегда это замечал. Удачно проведённая охота позволяла следующую неделю трудиться с бодрым настроением, с большей отдачей сил.

Вторым элементом, снимающим усталость и напряжение, о котором мне хотелось бы рассказать, является музыка. Послушаешь хороший фортепианный концерт – и обретаешь бодрость духа. Предпочтение отдаю классической музыке, которую люблю слушать с детства и до настоящего времени. Стремлюсь не пропускать ни одного концерта пианистов. Музыка помогает острее чувствовать, глубже мыслить. Я испытываю прилив энергии, желание трудиться. Вот чувства, рождающиеся во мне после концерта. Впечатления от потрясающей музыки, красота духовной жизни в мире высоких эмоций нравственно обогащают. Я становлюсь добрее, ласковее, легче переношу в жизни встречи с неприятным, спокойнее иду к тяжело больному и легче нахожу нужные слова успокоения. Мне приятно встретиться с человеком, нуждающимся в дружеской беседе. А когда среди пациентов встречаются люди, имеющие хоть какое-то отношение к музыке, например, посещающие концерты, у нас возникает взаимное понимание, некоторая общая заинтересованность, возрождается желание вновь услышать чарующие звуки и, конечно, оба желаем скорейшего выздоровления. В таких случаях, мне

кажется, я нахожу ключ к больному. Это помогает установлению доверительных отношений с врачом и, конечно, успешному лечению.

Врачу нужно немало времени, чтобы добиться доверия у больного, хотя бы для того, чтобы тот мог успокоиться после волнения, возникающего при первичном посещении врача. Например, я считаю, что во время приёма нельзя сразу измерять кровяное давление нового больного, так как можете получить несколько завышенные цифры. Необходимо измерять давление в конце приёма и обязательно, трижды накачивая манжет, беря среднюю цифру показаний. Снимая анамнез, мне часто приходилось повторно слушать основную жалобу больного, что приписываю незнанию пациента или же небрежности в наблюдении за собой. Это характеризует интеллект больного.

Указав больному на серьёзное заболевание, врачу следует успокоить его надеждой, уверенностью в излечении. Эту уверенность легче удаётся укрепить примером удачного излечения другого больного с такой же болезнью, чем даже собственным примером перенесённого заболевания. Мои тяжело перенесённые инфаркты миокарда служили подобным примером. И каждому больному я привожу чудесные слова академика И. П. Павлова: «Движение – жизнь, покой – смерть». Глубоко убеждён в правдивости и жизненности подобного изречения. Истина проверена мною на себе самом. Ежедневная ды-

хательная гимнастика с отдельным дыханием грудью и животом приводит в движение диафрагму, получается массаж сердца и внутренних органов. Это прогулки с периодическими рывками утром и вечером. Это ежедневный физический труд, но без особого напряжения, нагрузку следует увеличивать постепенно.

Подобные тренировки позволяют мне в восемьдесят лет пройти на лыжах без напряжения и даже без значительного отдыха до села Порошино (10 км), пользоваться гребной лодкой в течение часа на нашей быстрой реке Вятке. Я с удовольствием по утрам пилю дрова и чувствую бодрость, а не усталость. Безусловно, надо отметить, что я не курил и не увлекался вином. Я уверен, что пациенты не должны видеть врача выпившим или курящим. Это моё глубокое убеждение. Иначе он теряет авторитет у больных. Своим пациентам, курящим и пьющим, несмотря на мои разъяснения, я ставлю условие отказаться от своих слабостей, так как в противном случае не гарантирую успеха в лечении.

Питание

Большое внимание я уделял диете – питанию заболевшего человека, где основным моментом полезного усвоения пищи является своевременность четырёхразового приёма пищи строго по часам. Моё личное знакомство с вятским профессором Э. И. Певзнером и его заместителем

доцентом И. Ф. Лорие в клинике института питания научило меня познать важность диеты как лечебного фактора больного человека. Диетика и, я бы сказал, скрупулёзность её соблюдения, особенно во время принятия пищи, вырабатывает условный рефлекс введения соков пищеварения. Конечно, учитываю состояние анализов желудочного содержимого каждого больного с указанием пользы или вреда от рода пищи и её приготовления. Последний приём пищи должен быть за два часа до сна. Считаю, лучше всего стакан кефира или простокваши в зависимости от трудности или лёгкости опорожнения кишечника. Я часто применяю так называемые разгрузочные дни (простоквашные, кефирные, фруктовые), особенно у людей, склонных к полноте.

Лекарственная терапия

С большой осторожностью и разумением я всегда относился к лекарственной терапии. Назначение лекарств по симптомам болезни я не признаю. Особенно назначение разнообразных ингредиентов в одном рецепте. Встречал выписки лекарств явно противоположного действия, что при соединении может уничтожить желаемый результат.

Санаторно-курортное лечение

Я всегда уделял серьёзное внимание санаторно-курортному лечению.

Это огромное завоевание нашего народа. Однако требуются достаточные знания, чтобы правильно анализировать необходимость назначения и, в первую очередь, целесообразность посылки больного на курорт. В те годы считали, что чахотку, то есть туберкулёз можно вылечить только в Крыму или на кумысе (кисло-молочный напиток особой заправки из перебродившего кобыльего, реже верблюжьего, молока. – *Ред.*), но, долго работая с туберкулёзными больными, я пришёл к убеждению, что это понятие неверно. Я видел много случаев, когда посылка на курорт, особенно по «горящей» путёвке не только бесполезна, но и вредна.

Те скудные данные о климате и условиях пребывания больных на юге, которые можно было прочесть в годы моей работы по туберкулёзу, не удовлетворяли меня. При первой же финансовой возможности я поехал с семьёй в Крым. Устроив родных в посёлке около Севастополя, я сам отправился пешком по побережью до Ялты. Испытывая на себе влияние перемены климата, особенно солнца и ветра, возможности благоустройства, я понял, что посылка на курорт, и, прежде всего, больных туберкулёзом, должна быть строго контролируема, нужно учитывать функциональную возможность перенесения резкой перемены климата с севера на юг, а также обратно при возвращении. Особенно надо быть осторожным с больными, перенёсшими в этот год вспышку

туберкулёза, пневмонии и, так называемый, грипп.

Мне часто вспоминается перенесённый сухой плеврит с нормальной температурой, с лабораторными и рентгеновскими нормальными данными и даже в семье врача-рентгенолога. Проведённая мною месячная терапия с коротким постельным режимом закончилась успешно: учитывая влияние климата, я рекомендовал увезти больную на лето в деревню, где был сосняк и красивая река. Но родители, вопреки моим советам, направили больную в Крым, где она пробыла более месяца. Приехала, как будто поправившись, но осенью получила межлобарный (междолевой) плеврит и потеряла год обучения, проведя длительный курс постельного лечения. Надо тщательно обследовать отъезжающего больного, при малейшем сомнении проводить рентгенографию лёгких. Не надо забывать осмотр полости рта, глотки, состояния зубов. Моё путешествие по Крыму заставило меня быть очень осторожным, прежде чем дать совет для лечения в Крыму. Безусловно, выгодно посылать больных, нуждающихся в лечении в тёплом климате, ранней весной с тем, чтобы они возвращались в летний тёплый период. Гораздо выгоднее и дешевле разумное лечение в условиях нашего климата: в сосновых лесах, вблизи красивой реки, без резкой перемены природных условий с большой возможностью продолжения лечения под наблюдением своего врача.

Лечение травами

Я не увлекался лечением травами, но всегда рекомендовал применять корень валерианы, как на длительный период, так и временно как успокаивающее средство для нервной системы. Мне очень нравилось назначение микстуры Павлова, где корень валерианы играет большую роль. А больным с малым кровяным давлением уместно содержание кофеина. Он улучшает тонус. Для декомпенсированных сердечных больных я всю жизнь применял порошки дигиталиса на длительные периоды времени, контролируя пульс, правда, одновременно добавляя паналгин. И видел хорошие результаты. Никогда не было осложнений, хотя больных иногда приходится навещать раз в неделю или даже раз в месяц.

Борьба с предрассудками у туберкулёзных больных при питании

Мы, врачи-«туберкулёзники», постоянно боролись с укorenившимися у больного понятиями, что при лечении туберкулёза и выздоровлении решающую роль играет усиленное питание. По нашим наблюдениям, усиленное питание не оказывает полезного действия и даже ухудшает течение процесса. Я был свидетелем одного такого удивительного случая, безусловно, действующего отрицательно на организм. Я сидел в столовой в Ялте. Рядом со мной присел

худощавый бледноватый молодой человек. Он что-то прошептал подошедшему официанту, который, по-видимому, был немало удивлён. Однако вскоре принёс ему полную тарелку сырых яиц. Больной, как потом выяснилось, страдал туберкулёзом. Он разбивал яйца одно за другим и проглатывал. Я смотрел с большим любопытством. И когда он кончил все десять штук, я задал ему вопрос, зачем он это делает. Он ответил в категоричной форме, удивляясь моему невежеству: «Я пью сырые яйца по совету профессора Г. Я лечу туберкулёз». Много встречал я больных, пьющих собачье сало, жиры. Всё это вело не к улучшению здоровья, а к ухудшению. Я наблюдал в санаториях туберкулёзных больных, которым к их лечебному питанию родные приносили дополнительные жирные и сладкие блюда. Больной полнел, с виду как будто поправлялся, но туберкулёзный процесс оставался неизменным или очень медленно поддавался улучшению. А приём даже одного яйца в сыром виде нарушал функции желудочно-кишечного тракта. Были случаи увлечения одной рюмкой коньяка перед едой, я не мог отметить благоприятного действия даже при потере аппетита. Здесь сказывается, скорее, самовнушение и желание выпить.

Вино и табак – извечные враги человека

Всю врачебную жизнь и до настоящего времени мне отвратитель-

но смотреть на курящих и выпивших людей. Уж не говоря о пьяных. С гордостью могу сказать, что всегда запрещал больным употреблять вино и табак. Меня удивляла пассивность педагогов, которые знают, а иногда и видят, что их воспитанники курят, и всё же молчат. Я провёл в один год десять лекций о вреде табакокурения в разных школах города и институтах. После каждой лекции обязательно заходил в уборную комнату, где бывают и некурящие, часто заставлял педагогов, раскуривающих папиросу. Я всегда говорил: «Слово учит, пример научит!» И я прекратил беседы о вреде табака как бесполезные. Возмутительно наблюдать до сих пор очереди возле магазинов, торгующих водкой, пьяных людей, ругающихся последними словами, курящих. И невольно хочется вспомнить город Вятку. Это было на моих глазах, семьдесят лет тому назад, когда на улицах ещё действовал запрет курения и безобразного слова. Добром вспомнишь городских, стоящих на углу, которые не допускали подобного безобразия. Кроме того, всякий более или менее культурный человек не боялся оговорить на улице курильщиков или ругающихся. Я считаю, что взрослые курильщики – это учителя молодёжи, подражающей им, как обезьяны.

Послесловие

Для того чтобы не создалось впечатление, что в воспоминаниях

я замалчиваю свои ошибки, должен честно сказать: «Да, ошибки были!» Они неизбежны за столь длительный срок и при столь широком объёме моей работы. Правда, я не встречался с ошибками, где результатом моей работы была непосредственная гибель больного – летальный исход. Я твёрдо уверен, ясно помню, что не стеснялся обращаться за консультацией к товарищам-врачам, особенно к специалистам в данной области, всегда учитывал и считался также с мнением среднего и даже младшего медперсонала, наблюдавшего больного более длительное время.

В заключение хочется ещё раз повторить слова великого академика И. П. Павлова: «Движение – жизнь, покой – смерть!»

Часть II

Первый блин комом, но с большим уроком

В воскресный день я отдыхаю, работая на дворе. Вдруг вижу: входит во двор женщина средних лет. Подойдя ко мне, спрашивает:

– Где здесь живёт врач Мышкин?

– Это я, – отвечаю.

– Доктор, у меня тяжело заболел муж, уже третий день лежит, повышенная температура до 38,5. Запишите адрес, не могли бы завтра посетить больного?

В этот период я работал коммунальным врачом, замещая в отпуске постоянного врача:

– Зачем записывать? Давайте сходим сейчас!

Я захватил медицинскую трубку, и мы пошли. До настоящего времени очень хорошо помню и, конечно, буду помнить до конца своей жизни эту улицу, двухэтажный полукаменный дом на Копанской улице (ныне Герцена). Больной живёт во втором этаже. Снимаю плащ в прихожей. Войдя в комнату, вижу слева за ширмой кровать, на ней лежит мужчина лет 50-ти с забинтованной головой. «А это зачем?» – спрашиваю я. Жена отвечает: «У мужа сильно заболел зуб, и мы пошли к зубному врачу А.» Врач осмотрела больного и говорит: «Зуб погиб, пломбировать нельзя, надо удалить!» Мы дали согласие. Доктор вскипятила инструменты и попыталась зуб удалить, но щипцы сорвались. Резкая боль, полубморочное состояние больного. Врач вывела его в сени, посадила на скамейку, дала каких-то капель и сказала: «Отдохните и успокойтесь. Я повторю удаление зуба», – а сама вошла в дом.

Но больной не захотел повторить удаление зуба и ушёл с женой домой.

Температура повышалась оба дня до 38, и была боль, не позволяющая жевать пищу. «А забинтовали, – говорит жена, – мы сами, больному будто легче».

Я тщательно осмотрел пациента, предварительно расспросив его о перенесённых заболеваниях, травмах, дурных привычках. Создава-

лось впечатление, что до заболевания зуба больной был совершенно здоров.

Конечно, его самочувствие ухудшилось после неудачной попытки удаления зуба. Я осматриваю больного: пульс ритмичен, наполнение – в пределах нормы, тоны сердца чистые, границы – норма. В лёгких – везикулярное дыхание, перкуссия – без отклонения от нормы. Живот мягкий, при пальпации без боли, печень и селезёнка не прощупываются. Кожные покровы нормального цвета.

Полость рта: язык чистый, влажный, в зеве чисто. В области больного зуба слизистая ткань красного цвета, небольшая припухлость и резкая болезненность при надавливании, подозрительная при прощупывании флюктуация. Слева под челюстью – небольшая увеличенная лимфатическая железа. Учитывая анамнез и объективные данные, считаю возможным высказаться за нарушение общего состояния, повышение температуры из-за воспалительных явлений в десне с подозрением на гной в области больного зуба.

Предлагаю больному отправиться в хирургическое отделение больницы для удаления зуба. Он даёт согласие. Пишу направление, указав: «В хирургическое отделение срочно направляется больной Н. для оперативного лечения с диагнозом “статус-тифозус”», – подчёркивая его тяжёлое состояние.

Я покидаю больного.

Через день ко мне на приём в амбулаторию приходит жена больного и извиняется передо мной, что его не отправили в больницу, так как вызвали опытного врача, и он сказал, что больного можно лечить дома: «Будьте так добры, напишите справку (бюллетень) на два дня и укажите температуру». Я дал освобождение на два дня. Попросил медсестру зайти и узнать о состоянии больного. Через несколько дней медсестра зашла и узнала, что больному стало хуже, его отправили в больницу в тяжёлом состоянии.

Спустя два месяца в газете «Вятская правда» появилась статья под названием «Врачу – исцелился сам!» В статье сообщалось, что пациент в больнице умер. Хирург не стал делать операцию, считая поздним хирургическое вмешательство. Поставил диагноз – заражение крови (сепсис). Больной лечился вливаниями внутривенно.

В статье обвиняли врачей, лечавших больного на дому, а обо мне в конце статьи было сказано: «Посетил больного и коммунальный врач Мышкин И.» Через два дня меня пригласили к следователю. В кабинете, куда я зашёл, сидел пожилой мужчина, следователь и женщина лет 35. Она встретила меня словами: «Благодаря Вашему лечению больной умер! Пишите объяснение». Я написал, что был в тот день у больного, тщательно, со вниманием осмотрел его и направил на операцию

в больницу с диагнозом «статус-тифозус». Объяснения лечения больного врачами на дому и в больнице и моё объяснение было направлено в Москву на консультацию к профессору-дантисту. Профессор дал заключение о виновности врачей, упустивших время, что повлекло к отказу от хирургического вмешательства, а врача Мышкина – в связи с нелепым диагнозом брюшного тифа, ввиду чего больного не сразу поместили в хирургическое отделение для правильного лечения.

Мною следователю своевременно было дано разъяснение о значении диагноза «статус-тифозус», говорящем о тяжёлом состоянии больного, но не о брюшном тифе. И следователь должен был знать, что я больного направил в хирургию своевременно, то есть в первый день своего посещения. Когда меня вызвали в третий раз и приписывали мне виновность в смерти больного, я попросил устроить свидание с женой умершего. Меня пригласили на завтра к 10 часам утра: как раз будет личная ставка жены пострадавшего с зубным врачом А.

Я пришёл и сел у дверей кабинета следователя, дожидаясь вызова, слышал два женских голоса. Минут через 20 зубной врач А. выскочила из кабинета, покрасневшая и возбуждённая. Вызвали меня, я вошёл и, увидев жену умершего, обратился к ней с просьбой напомнить подробности моего посещения. «Дорогой Иван Иванович! – сказала она. –

Я не понимаю следователей, почему они Вас вызывают, ведь мы должны глубоко перед Вами извиниться – только Вы правильно и срочно направили мужа на операцию в хирургическое отделение! Ваша молодость нас смутила, и мы Вам не поверили – жестоко каемся, простите нас!»

Я обращаюсь к следователю и говорю: «Запишите показания, я думаю, что теперь буду освобождён». Мне подтверждают: «Да, Вы свободны».

P.S. К сожалению, ни газета «Вятская правда», ни горздрав, ни союз медицинских работников не удосужились реабилитировать меня через прессу, что досадно и обидно.

Мой труд в тубдиспансере

После двух недель работы коммунальным врачом я был приглашён на должность младшего ординатора в тубдиспансер.

Приглашение воспринял с большим удовольствием. Восемь лет работал ординатором, а в последние два года организовал второе отделение, которым заведовал до перехода по приказу облздравотдела в областную больницу в 1936 г.

Моя работа протекала под непосредственным руководством докторов Н. И. Крестьянинова, Греке-Архангельской и Петровой. Я всегда ценил этих врачей, обладавших глубокими познаниями диагностики и лечения туберкулёзных больных,

и теперь вспоминаю их с большой благодарностью. Они научили меня правильно оценивать лабораторные и рентгенологические данные у больного туберкулёзом.

Через три года я был послан в Москву в туберкулёзный диспансер на четыре месяца, где с большой настойчивостью и любознательностью закрепил свои знания не только в клинике туберкулёзных больных, но и в специальной тренировке в рентгенологическом институте по изучению лёгочной патологии, что в будущем мне очень помогло при консультации в районах, где приходилось самому рентгеноскопировать больных. Да и совместная работа с рентгенологом в затруднительных клинических случаях была всегда поучительна и интересна. Особенно показательно проходили еженедельные научно-практические конференции с замечательной трактовкой патологии доктором Н. И. Крестьяниновым.

Работниками тубдиспансера велась серьёзная общественно-просветительская работа, в которой я принимал самое деятельное участие. Следует отметить большое количество лекций, бесед на заводах, фабриках, в артелях. Приходилось самостоятельно после беседы проводить обследования. Иногда мне удавалось выявить не только больных с подозрением на туберкулёз, но даже с явным заболеванием – заболеваемость туберкулёзом в городе была высокой.

Считаю возможным описать моё обследование сапожно-ремонтной мастерской на углу улиц Ленина и Дрелевского. Большая комната. Посередине стоит круглый стол, за ним сидят пятнадцать человек. У каждого на колодке надета обувь. В правой руке – шило и молоток. Мастер протыкает шилом в подмётке отверстие, берёт из общей большой банки деревянные гвозди в рот и по одному забивает в подошву, а оставшиеся и неиспользованные бросает обратно в банку. Так делает каждый. Я с любопытством осмотрел банку, в которой лежали гвозди, и отметил, что на многих остаётся слюна. Мною были тщательно осмотрены все работники, сидящие за столом, среди них я выделил двух с подозрением на туберкулёз, требующих детальной проверки. При лабораторном и рентгенологическом обследовании был выделен бациллоноситель туберкулёзных палочек. Конечно, этот больной мог заражать других. Кроме того, я отметил частое курение рабочих, а так как табак был в дефиците, то окурки попадали в рот неимущим товарищам, что тоже создавало возможность заражения. Заведующему мастерской было предложено поставить каждому рабочему отдельную банку с гвоздями. Я разъяснил недопустимость докуривать окурки, так как можно заразиться туберкулёзом.

Большая работа была проделана врачами диспансера, конечно, и мною по приёму людей с подо-

зрением на заболевание туберкулёзом. Кроме того, был большой контингент, и мы лечили амбулаторно. Это преимущественно наложение искусственного пневмоторакса и повторное введение воздуха, что даёт у некоторых больных через пару-тройку дней положительный результат. Увлекались введением хлористого кальция.

Мне удалось черпать знания и умения работать с больными под руководством доктора Н. И. Крестьянинова. Большая благодарность этому прекрасному врачу и учителю. Он всегда искал новое и возможное в лечении туберкулёзного больного. Его мысль об использовании диафрагмы, благодаря её большой подвижности, путём подвязывания корсета на живот, была заменена в дальнейшем поддуванием воздуха в брюшину, но вскоре этот метод был оставлен, по-видимому, из-за малой эффективности. Мы наблюдали улучшение в течение острого туберкулёзного процесса (и даже первое время пугались) при осложнении присоединившимся экссудативным плевритом. А в дальнейшем мы толковали этот парадоксальный факт нарушением напряжения и с точки зрения сдавления активного очага в лёгких жидкостью в плевре.

Никодим Иванович Крестьянинов пользовался огромным авторитетом, большим доверием и уважением руководящего состава гор- и облздравотдела. Я с удовольствием и надеждой на будущее участвовал в

заседаниях горздравотдела, где нас, врачей тубдиспансера, собирали для обсуждения нового в организации здравоохранения, где Н. И. с успехом играл первую роль. Эти заседания были раз в месяц, проводили их ответственные руководители: заведующий врачебным сектором доктор С. Я. Преде, заведующий санитарным сектором, врач Э. М. Барохович. К сожалению, совместные заседания этих двух врачей прекратились.

Приятно вспомнить большую напряжённую работу по выявлению заразных туберкулёзных больных, их изоляции и лечению. Мне хочется вспомнить всё негативное отношение к обязательному лечению, особенно острых или только что перенесённых обострений, больных в Крыму. Нисколько не хуже предложенный нами способ лечения в условиях нашей области с выездом в шалаш, построенный в лесу, с введением правильного распорядка суток: спать с начала темноты, вставать с восходом солнца, проводить на берегу реки до 11 часов утра, снова ложиться спать до 3-х часов дня, когда спадёт жара, вновь быть на берегу. Мы даже указывали удобные места: Порошино, берег реки Вятки или берег реки Великой. Одним словом, там, где есть сосновый бор и река. Мы проводили большую разъяснительную работу по питанию больного туберкулёзом. Настаивали на умеренности, ритмичности и особенно подчёркивали необходимость

овощей, фруктов, шиповного чая, еловой хвои. Всегда оговаривали методы усиленного питания с употреблением сала (даже собачьего).

Как вразумительный пример – моя пациентка, дочь врача Д. Она заболела экссудативным плевритом. В течение двух месяцев поправилась, нормализовалась температура, жидкость в плевре рассосалась, РОЭ – в норме. Мною был дан совет: провести лето в деревне, где сосняк и речка. Но родители меня не послушали и отправили дочь в Крым, несмотря на мой протест. После двухмесячного пребывания она возвратилась в Киров, приступила к учёбе. В сентябре я был снова вызван к больной по поводу вспышки туберкулёзного процесса (инфильтрат). Затем три месяца постельного режима с введением антибиотика. Больная поправилась, но год учёбы пропал.

Очень приятно было вспомнить в 1978 г. больную Котелову, ей уже больше 90 лет, но она активна и особых жалоб не предъявляла. Этой больной в 1927 г. по поводу активного туберкулёза лёгких (инфильтрат в форме распада) я наложил первичный пневмоторакс, который продолжался пятнадцать лет.

Первая победа!

Инеродное тело в лёгких

В 1925 г. я, окончив медицинский факультет Казанского университета, уехал в г. Вятку (к своим родите-

лям), где жил с двухлетнего возраста с двумя младшими сёстрами.

Явившись в горздравотдел, получил назначение ординатором в тубдиспансер и работал с большим интересом и старанием. При диспансере существовал совет социальной помощи, я был выдвинут его председателем. На совете лежала обязанность наблюдения и возможная помощь в очагах у туберкулёзных активных больных (то есть выделяющих БК). В 1927 г. я был командирован в Москву на курсы по туберкулёзу, где получил много ценных знаний.

Кроме основной работы в тубдиспансере, меня часто привлекали к работе в призывных военных комиссиях, и не только в городе, но и в области (через военкомат). В один из чудесных осенних дней я возвращался с комиссии, ехал на велосипеде по улице Халтурина и был окликнут нашей доброй знакомой М. А. Кашенской. Она меня попросила посмотреть своего сына 12 лет, который неожиданно стал кашлять и имел повышение температуры. Я осмотрел больного, из расспросов выяснилось, что он стал кашлять с тех пор, как шёл с друзьями, разговаривая, шёлкал фисташковые орехи и поперхнулся. Объективно при выслушивании и перкуссии я обнаружил справа в прикорневой области фокус с крупными звучными хрипами. Фокус казался округлой формы, сердечно-сосудистая система – в пределах нормы, температура – 37,0°. При громком лающем

кашле с трудом отделялась скудная светлая мокрота без запаха. Я осторожно высказал предположение, что считаю возможным наличие в бронхе скорлупы от ореха, но следует наблюдать.

Мною была выписана откашливающая микстура. Я посоветовал продолжать измерять температуру, следить за отделением мокроты и пообещал посетить больного завтра. В другой день состояние больного было значительно лучше, редкий кашель, температура вечером была 38°, а потом снизилась до 37°. Мокрота 30.0, слизистая без примеси крови (взята на исследование). В лёгких – картина без изменений. Позднее, после повторного обследования, мною предложено позвать на совет опытного врача-терапевта доктора Н. Н. Россохина. Последний без ознакомления с анализом заболевания, приступив к осмотру – выслушиванию больного, авторитетно заявил: «Туберкулёз лёгких». Вечером наблюдалось повышение температуры до 39°, пульс – 95, ритмичный, одышка, кашель сухой. В лёгких – влажные хрипы на ограниченном участке. Пациенту были поставлены банки, рекомендована откашливающая микстура, введение камфары 2,0 под кожу. Утром температура нормальная, самочувствие хорошее, откашнул небольшое количество мокроты (мокрота дважды исследована, БК не обнаружено; небольшое количество лейкоцитов, крови нет). В лёгких фокус исчез,

дыхание восстановилось – отдельные сухие хрипы, перкусон. Лечение: отхаркивающие средства, банки через день, измерение температуры.

В течение трёх дней состояние больного хорошее, без заметных отклонений от нормы. Вечером, на четвёртый день заболевания неожиданно температура – 38,5°, небольшой кашель. Одышка, пульс – 100, ритмичен, тонус сердца нормальный. В лёгких справа, в прикорневой зоне, точно на том месте ослабленное дыхание. Влажные хрипы после покашливания, укорочение перкуторного звука, живот мягкий, печень и селезёнка в норме.

Мною поставлен окончательный диагноз: инородное тело в лёгких, но чтобы не ошибиться, прошу доставить больного в поликлинику тубдиспансера на рентгеноскопию и консультацию докторов Крестьянинова и Ельнина. Мы все трое с огромным интересом провели рентгеноскопию грудной клетки – картина ясная: в прикорневой зоне – округло-продолговатое затемнение с достаточно ясными очернёнными контурами, затемнение достаточной интенсивности, подвижность диафрагмы нормальная. Сердечно-сосудистая система без затемнённых отклонений. Доктор Крестьянинов и Ельнин единогласно остановились на диагнозе ТВС инфильтрата, предложили мне не сомневаться и подготовить больного к лечению наложением искусственного пневмоторакса, тщательно неоднократно

исследовать мокроту. К великому сожалению, рентгенография не была проведена, когда я сообщил отцу о диагнозе, родители решили свозить больного в Ленинград, так как я всё же настаивал на диагнозе об инородном теле (в правом лёгком).

Больной в Ленинграде попал на приём и на последующую бронхоскопию к профессору-ларингологу Воячеку, который отнёсся со вниманием к моим наблюдениям и сам провёл бронхоскопию. Через два часа профессор вышел в приёмную, где ожидали родители, и сказал: «Скажите этому доктору, что инородного тела нет и не было, а у больного выраженные явления бронхита, которые надо лечить».

Целый месяц после приезда в Вятку из Ленинграда Кашменские не обращались ко мне. И, как потом выяснилось, состояние больного было достаточно удовлетворительным, даже не было повышения температуры. Был лишь небольшой кашель с выделением скудной мокроты, которую неоднократно исследовали, и всегда БК не было обнаружено, а были в небольшом количестве лейкоциты. Больной проходил курс общеукрепляющего лечения у терапевта. Вдруг ночью в 11 часов я был неожиданно вызван к больному по поводу болей в груди, одышки и повышения температуры до 39°. Осматривая его, я обнаружил справа в прикорневой области фокус влажных хрипов, укорочение перкуторного звука, ослабленное ды-

хание, температуру 38,8°, кашель небольшой с небольшой светлой мокротой. Пульс – 90, ритмичный, тоны сердца чистые, границы – в норме. Живот – в пределах нормы, мочеиспускание нормальное.

Я был поражён, но ещё больше был ошеломлён на другой день, когда на данном участке лёгкого я обнаружил только единичные хрипы и свободное дыхание, отсутствие заметного укорочения перкуторного звука при нормальной температуре. В плевательнице было грамм 60,0 светлой мокроты без включений.

Я велел продолжать принимать назначенное мною отхаркивающее, камфары 2,0 на ночь подкожно, пожелал продолжить наблюдение и вновь подтвердил диагноз присутствия инородного тела. В этот период (после Ленинграда) в Вятке больного осмотрел ряд врачей. В частности, интересны были диагнозы ларингологов: Волков полностью отверг возможность нахождения инородного тела, а доктор Окулов меня поддержал, но повторить бронхоскопию не предложил.

По своей неопытности я и все другие врачи не предложили рентгенографию. Правда, в те годы она была очень редко проводима. Вся медицинская общественность была заинтересована в нашем споре настолько, что меня нередко останавливали на улице и спрашивали: «А всё же Вы, Иван Иванович, думаете, что фисташка сидит в бронхе у больного?»

Представьте себе, что был уверен, и меня в этом убеждает клиника: вот уже четыре раза наблюдаю появление инфильтрата в одном и том же месте, а в пятый раз наблюдаю его моментальное исчезновение – считаю, что фисташка повернётся боком и закупорка бронха исчезнет, дыхание восстановится, ателектаз исчезнет.

Наступил 1936 год – печальный год. Мои друзья по работе Крестьянинов и Ельнин были арестованы, и вся работа по туберкулёзной амбулатории легла на меня. Стоит только упомянуть, что бывали дни, когда я проводил до 20–25 одних только пневмотораксов! И вот однажды, в период напряжённой работы вдруг неожиданно в мой кабинет входит гражданин и почти кричит: «Иван Иванович, фисташка у Кашменского выскочила! Ночью он закашлялся очень сильно, затем рвотное движение, и вышел комок слизи мокроты, от которого отскочила вот эта скорлупа фисташкового ореха – она представляла вытертую добела половинку большого ореха!»

Больного я наблюдал несколько лет. Он был здоров и поступил в Морское училище в Ленинграде. Но в начале Великой Отечественной войны был эвакуирован с училищем, на Ладожском озере пароход подвергся обстрелу и затонул. Подобного рода больную я видел в 1935 г. в областной больнице, в диагностическом отделении. Она проглотила во время обеда косточку треуголь-

ной формы, попавшую в правый бронх. У больной было кровохаркание, субфебрильная температура, обильная гнойная мокрота, но БК не находили. Проведённый рентгеновский снимок позволил поставить правильный диагноз: инородное тело. Основной ошибкой, поведшей к неправильному диагнозу, был недочёт анализа: больная говорила врачам: «Я подавилась, кушая мясной суп, и сразу закашлялась». Но никто не обращал на этот рассказ больной должного внимания. Я видел больную на дому, но она растерялась, не рассказав в анамнезе, что подавилась во время еды, несмотря на мои подробные расспросы. Были ли в семье туберкулёзные больные, пациентка не знала, и я тоже остановился на диагнозе ТВС, но впоследствии встретился с ней во время дежурства в больнице и был обрадован её здоровьем. Я пожалел, что не был посвящён в то, что она начала хворать с того момента, как подавилась костью.

Лечение сердечных отёков чёрными тараканами

Шёл 1927 год, когда я мог сказать, что я врач уже два года! Работал я с успехом, который, безусловно, зависел от моей трудоспособности, терпения и увлечения медициной. Много читал, занимался. Это главное наследие от моих дорогих родителей.

Отец и мать были примером трудолюбия. А мама так направляла

мою мысль, что привила желание трудиться, находить радость в труде. Милая, дорогая мама, как интересно было тебя слушать!..

Мама прожила тяжёлую, но интересную жизнь. Оставшись сиротой, она воспитывалась у бабушки – моей прабабушки. Бабушка была лекарой, лечила людей травами от разных болезней. У неё был «стационар», пятистенная изба, и больные во время длительного лечения жили у неё в отдельной половине избы. Моя мама рассказывала, что ещё девочкой 6–7 лет она с интересом заглядывала в окна той половины дома. Окна были занавешены. Там больные ходили раздетые и часто что-то пили.

Бабушка жарко топила, естественно, у больных была жажда. Они пили квас из травы «дорогой» – так называлась эта трава. Бабушка славила и в своей деревне (село Пречистое, в 10 км от г. Слободского), и по всей губернии. Она лечила не только травами, но и настойкой из чёрных тараканов – от сердечных отёков, парами красной ртути-киновари – от сифилиса. Кроме того, делала мазь для залечивания воспалительных процессов, ранения кожных покровов.

Вот как лечила бабушка парами ртути (по описанию моей матери):

Больной садился на стульчик. Снизу ставили раскалённую на углях сковородку или противень. На ней находилась ртуть, которая испаря-

лась под действием жары. Больной дышал этими парами. Одновременно ему давали пить настой из «дорогой» травы для промывания почек, так как ртуть оказывала вредное побочное действие на организм, главным образом, на почки. Этот способ лечения использовала и медицина. Но позже от ртути пришлось отказаться именно из-за вредных побочных явлений.

Настой их чёрных тараканов:

Чёрных тараканов собирали живыми в глиняную посуду, заваривали кипятком и ставили на сутки в парную русскую печь. Получалась густая масса в виде кофейной жижи. Её размешивали, процеживали сквозь ситечко и марлю. Затем давали принимать больному в определённых дозах.

Лечение целебной мазью:

Мазь накладывалась на чистую холщовую тряпочку. Больное место обмывалось кипячёной водой, на него накладывалась повязка из мази сроком на 7 дней.

Мамочка хорошо помнила случаи, когда к бабушке прибежали мальчики, заявив, что их друг Петька, спасаясь от свиньи, налетел на тын и рассёк кожу лица, шла кровь. Бабушка велела привести Петьку, а сама взяла горшочек, насыпала трав и, кроме них, положила туда какой-то тёмный комочек, налила из самовара горячей воды, развела в таганке огонь и стала варить. Ско-

ро привели Петьку. Лицо его было в крови, которая капала вместе со слезами.

Бабушка хорошо обмыла его кипяченой водой, высушила чистым полотенцем. А затем взяла чистую холщовую тряпку, положила её на стол, намазала густой мазью из горшка, приложила на рану мальчика, забинтовала другой длинной тряпкой. И, как сейчас помню, сказала: «Не смей трогать и снимать семь дней! Придешь снова ко мне, я сама сниму».

Через семь дней при мне Петька снова пришёл. Бабушка сняла повязку, снова промыла рану, было видно, что кожа зажила без каких-либо рубчиков. Петька, очень довольный, поклонился и убежал.

Слава бабушки дошла, наконец, до ушей профессора-венеролога Казанского университета. Он пригласил бабушку в Казань. Бабушка жила там три месяца, училась сама и, в свою очередь, делилась опытом.

Повязки из целебной мази на длительный срок впервые применены моей прабабушкой. Это видно из литературы, художественной и специальной. Например, в начале прошлого века, во время войны с Наполеоном накладывались краткосрочные повязки раненым, которые часто менялись (Л. Толстой «Война и мир»).

В то время, когда моя бабушка была приглашена в Казанский университет, профессор А. В. Вишнеvский был там ординатором. Он ввёл

тогда мазь для лечения ранений кожи и предложил её накладывать на три дня! Это был первый опыт применения целебных повязок на длительный срок, так как он даже вызывал отрицательные отзывы специалистов-хирургов, выражалось сомнение в целесообразности этого метода лечения, а именно редкой, через три дня перевязки.

Лето 1927 года

Отпуск решили провести в селе Никульчино, за 18 километров от города. Оно красиво расположено на высоком берегу Вятки. Чудесный вид – позади лес. Хороша охота и рыбалка. Очень удобно расположились в нижнем этаже двухэтажного дома. Здесь было просторно. Окна выходили в сад. Там в субботу вечером собиралась молодёжь повеселиться.

Вперёд на деревянной повозке отправили маму и старшую сестру Лизу. Сам я погрузил домашние вещи – спальные мешки, самовар и т. д. и медленно ехал на так называемом «станке», приехал, когда родные уже были на месте. Я не успел ещё слезть со «станка», когда меня встретила сестра Лиза и говорит: «Ваня, тебя очень просили зайти к умирающему рыбаку. Он живёт под горой у реки». Моя супруга с сыном уехали на свидание с родителями в Казань. Я тотчас же отправился под гору к больному. Подходя к дому, увидел вышедшую жену рыбака, средних лет, которая попросила

посидеть на лавочке, так как больно-го соборует священник. Я присел.

Минут через 20 из избушки выходит молодой священник. Мы здороваемся. Он спрашивает: «Пришли полечить?» – «Да». – «Ну, удачи вам». Я вошёл. Одна комнатка. Посредине стоит стол. На нём человек с иконой на груди, с горящей свечкой в руках, руки сложены на груди.

Впереди на маленьком столике большая икона, перед ней теплится лампадка. В комнате темно – окно завешано. Хозяйка, жена рыбака, убирает с окна занавеску. Прошу снять с пациента рубашку и вижу больного средних лет, бледные, отёчные ноги, большой живот. Беру руки, считаю пульс – 100 ударов в минуту, аритмичен, наполнение среднее, тоны сердца глухие. Ясно определяется нарушение ритма, границы сердца расширены влево на 1–1,5 см. Толчок слабо определяется. Живот увеличен, печень большая, болезненная, при перкуссии живота определяется свободная жидкость. Ноги отёчны, плотные при надавливании.

В лёгких застойные хрипы. Ставлю диагноз: нарушение кровообращения 3-й степени. Анамнез собрать трудно. Со слов жены – простудился, крепко выпивал.

Что делать? Я взял с собой шприц и камфарное масло в ампулах (на случай), сказал, что буду ходить 2–3 раза в день вводить камфару. Нужны мочегонные средства. Предлагаю хозяйке набрать в лесу мож-

жевательника, сделать отвар и пить его – 1 столовая ложка каждый час.

В это время вижу: бежит по столу большой чёрный таракан. А когда я отодвинул шторы от полки с посудой, увидел их там несколько штук. Мне сразу на память пришли рассказы мамы о том, как бабушка поила «от сердечных отёков» отваром из чёрных тараканов. Мама в детстве даже помогала ловить их, бабушка запаривала в печи.

Я колебался, думал, высмеют меня. Но в селе в то время не было даже фельдшера, город далеко, а врачей мало. Когда я приехал в 1925 г., так в городе было всего 10 врачей. И я рискнул! Попросил наловить мне тараканов – к вечеру был уже целый горшочек из-под молока. Я залил его кипятком, велел плотно закрыть горшок тарелкой, края её обмазать тестом и поставить горшок в парную русскую печь. На другой день я открыл горшок, там была густая чёрная масса. Я помешал ложкой и пропустил её через ситечко, а потом сквозь растянутую марлю. Получилась жидкость густоты кофейной жижи тёмного цвета. Я велел дать больному до завтрака по 1-й чайной ложке два раза. Каждый день собирать всю мочу и мне показывать, предварительно измерять. Жидкость на вкус оказалась противная, как выразился больной. И уже со второго дня мы поили его из маленькой чашечки целый день. Он охотно принимал.

Мы не напрасно следили за количеством мочи! Диурез, его увеличи-

чение меня радовало. Через десять дней больной – без отёков и без тараканов! Инъекции камфары делали два раза в день. Настой адониса был выписан мною из городской аптеки, наконец, его сумели привезти.

Порока в сердце не обнаружил, а больше склонялся к миокардиту. Вскоре больной встал на ноги. Моя рекомендация – не пить водку и пиво – соблюдалась, по крайней мере, до моего отъезда. Разрешил рыбачить пациенту удочкой. Это было не трудно – выносили из избы стул и ставили около берега, рыбаки садился и удил. Пять лет он прожил, рыбачил, а я каждую весну получал большую рыбу первого улова. Но, к сожалению, через пять лет улова не было, а самого рыбака вытащили из реки пьяным, мёртвым.

Метод лечения гипертонической болезни

Хочется вспомнить тридцатые годы – первые годы моей врачебной работы. Тогда существовал метод срочного кровопускания по поводу тяжёлого гипертонического криза.

Вот два случая. Уже вечером я вынужден был выехать в посёлок Коминтерн, куда был вызван в качестве консультанта по поводу неожиданной слепоты молодой женщины, страдающей повышенным кровяным давлением. Осень, кругом грязь. Я на простой телеге пробираюсь к больнице посёлка. Меня встречает знакомый фельдшер Симонов, рабо-

тающий здесь врачом. В анамнезе больной тридцатилетней женщины, страдавшей головными болями, небольшое кровяное давление – до 140–150 мм и сердцебиение. Неожиданно к вечеру этого дня больная почувствовала себя хуже, стала жаловаться на сильную головную боль и уже два часа, как потеряла зрение. Артериальное давление было повышено до 200/100. Я осмотрел больную, прослушал её сердце. Вновь измерил кровяное давление, равное 200/100, и вместе с заведующим решили, что здесь уместно кровопускание как метод снижения давления. Проколов вену левой руки, я выпустил 50 граммов крови. Больная неожиданно громко и радостно заявила: «Я вижу!» Я осмотрел больную ещё раз, назначил ей режим поведения и приём средств, снимающих кровяное давление, а также успокаивающих нервную систему. Спокойно выпив стакан чая, я отправился домой на лошадке.

Подобное же кровопускание 150 граммов крови было мною произведено по случаю такого же повышенного давления 190/100 с явной потерей зрения у больной в городе Вятке, в доме № 22 на углу улиц Дрелевского и Володарского. Состояние больной улучшилось. Она стала видеть. Головная боль прошла.

Забота о семье

Я сам с восторгом упивался красотой природы и, конечно, ясно по-

нимал её прекрасное влияние на здоровье человека. Я считал, что был обязан по мере моих возможностей предоставить семье условия для общения с природой – любоваться её красотой, укреплять своё здоровье. Бывая на охоте, я быстро и легко обнаружил чудесное место отдыха для всей семьи на реке Чепце. Маленькая деревушка, всего несколько домиков с названием Кривой Бор, расположена на крутом берегу этой реки. Позади деревушки – чудесный бор, где много грибов. Красивый вид, особенно за реку. Лес, затопленный весной на большом пространстве. А летом, когда сойдёт вода, оставались два больших озера, зараставшие камышом. Там мне удавалось застрелить парочку уток. На самом большом озере был посередине островок. Там росло несколько лиственных деревьев. Он назывался Омут. На его крутом берегу стояли три маленьких домика, где жили рыбаки. Озеро было расположено в одном километре от реки. За ним, на пригорке, вскоре начинался красивый сосновый бор, полный ягод и грибов. Сама река Чепца – довольно широкая и глубокая. На берегах – песчаные отмели. Правый её берег зарос ивняком. В реке водилось много рыбы, и у нас постоянно был рыбный стол. Особенно удачна была в те времена рыбалка с дорожкой!

Мы завели гребную лодку и очень часто катались всем семейством. В это же время мы устроились в только что построенном доме. Нам

так понравилось здесь жить, что мы ездили в эту деревню отдыхать более десяти лет. Правда, жили уже в другом доме вместе с чудесными хозяевами Франжоли – Николаем Тимофеевичем и Лидией Николаевной. Жили дружно и весело, даже устраивали концерты с балалайкой и гитарой и, конечно, подпевали. После своего месячного отпуска я уезжал в Вятку. Семья оставалась здесь до глубокой осени. А сам я приезжал каждую субботу на поезде, идущем до четвёртого разъезда, оттуда шёл пешком два километра до деревни. Меня встречала моя семья. Обе мамы – и моя, и жены – гостили у нас в деревне.

Приятно вспомнить забавный случай. Однажды приехала к нам отдохнуть на воскресенье знакомая учительница Вера Александровна со своей сослуживицей. Во время завтрака гостя расхвасталась, что умеет хорошо собирать грибы, и никто не в состоянии её превзойти. Мы заспорили, и было предложено сходить на два часа в лес, причём брать только молодняк белых грибов. Большие и старые грибы не брать. Соревноваться будут В. А. и И. И. Мы отправились. Через три часа комиссия из трёх человек сортировала и считала грибы. Всего мы собрали 44 гриба. Я победил оттого, что знал грибные места и собрал на 2 гриба больше. Но было весело. Много шутили и смеялись.

Вокруг деревни, в лесу, и особенно вдоль реки были очень жи-

вописные места. Спустя километр от нашей деревни, вниз по течению реки берег возвышался, и мы часто ходили туда любоваться прекрасным ландшафтом, который открывался с высоты. Я снимал все эти пейзажи, так как увлекался в ту пору фотографией.

Работал тогда в тубдиспансере. Однажды совет диспансера и облздравотдел обратились ко мне с просьбой указать красивую, здоровую местность для постройки детского санатория, так как я хорошо знал окрестности. Не колеблясь, я свозил комиссию на этот высокий берег реки Чепцы. Через несколько дней началась постройка деревянного дома. Но хотелось бы построить несколько отдельных домиков, чтобы не помещать в одном доме много детей. Я боялся занесения инфекции, что привело бы к закрытию санатория на время эпидемии.

После моего сообщения об этом в облздравотдел тов. Шубников предложил в квартале от главного здания построить изолятор. Сюда можно было помещать детей с подозрениями на заболевание. Все мы поддержали его. Стройка шла энергично. Но едва только закрыли крышу, тов. Шубников заявил, что денег на строительство в облздравотделе больше нет, так как Министерство здравоохранения отказалось отпустить дополнительные средства. А я успел сделать несколько снимков строительства на фоне живописного пейзажа. Облздрав повторил просьбу

об отпуске дополнительных средств на стройку санатория, приложив снимки строительства. Это помогло, так как на снимках было видно, что двухэтажное здание санатория внешне закончено. Осталась только внутренняя отделка. Таким разом, благодаря фотографиям облздрав получил на достройку санатория 10 тыс. руб. Через два месяца санаторий был открыт. Под названием «Каныпский» он существует до настоящего времени. Много детишек получает здесь прекрасный отдых, закалку организма. Санаторий этот – областного значения. В настоящее время сюда проложена дорога, и ходит автобус. А дети не только закаляются и отдыхают, но и любят красоту окружающей природы.

К великому сожалению, мы стали реже отдыхать в деревне Кривой Бор. Но вскоре я, по совету моего приятеля, Николая Андреевича Рылова приобрёл половину пятистенного дома в устье реки Великой при её впадении в реку Вятку. Эта покупка была сделана из-за того, что семья увеличилась, появились внуки. А в доме Николая Тимофеевича нам было уже тесно. Кроме того, общение с дачей стало значительно удобнее – автобусом или по реке.

Несмотря на то, что я приобрёл другую избушку на реке Великой, я всё же тосковал о просторах и красоте реки Чепцы. И весной, когда разрешалась охота на водоплавающую птицу, я брал корзину с подсадной уткой, живущей у меня, ру-

жьё, ехал на поезде до 4-го разъезда и пешком доходил до Кривого Бора. Ночевал у Франжоли, который переправлял меня на лодке за реку. Расставаясь, он однажды сказал мне: «Когда дойдёшь до озера Омут, постучи в крайнюю избушку, где живёт Павел, он перевезёт на другую сторону озера. Иначе тебе придётся обходить два километра».

Я так и сделал. Осторожно постучал и, когда вышел Павел, попросил его перевезти меня на другую сторону. Он ответил, что здесь у него лодки нет. На ней уехали в деревню Канып. Я пошёл пешком. Но перед тем спросил, охотился ли он нынче. «Нет, – ответил Павел, – и ружьё у меня в деревне». Я попрощался и ушёл. Обойдя озеро, я выбрал себе удобное место, быстро соорудил небольшой шалашик на берегу. Шагах в тридцати посадил утку. Сам залез в шалаш и стал терпеливо ждать подлёта селезня. Утка хорошо кричала, но подлёта не было, так прошло три часа. Солнце зашло. Я решил, что охота не удастся, и посадил утку в корзину. Сорвал несколько веточек ивы, сходил до стога сена и устроил себе в шалаше лежанку, куда и прилёг.

Думаю, что я уже начал засыпать, но вдруг мною овладело какое-то неясное беспокойство. Я приподнялся на локте и взглянул на берег: вижу, на бугорке, в 12-ти шагах от меня, лежит человек, высунув в мою сторону ружьё, и прицеливается в меня! В ту же секунду я выскочил из шалаша

с ружьём в руках. Лежащий мужик, увидев, что тоже готов к стрельбе, быстро повернулся и побежал от озера. В нём я узнал Павла и крикнул ему: «Стой, буду стрелять!» Но он побежал ещё быстрее, сильно петляя. Мне хотелось выстрелить, но потом сообразил, что не стоит. До сих пор жалею: имея пятизарядное ружьё, я мог бы сделать несколько, хотя бы ложных выстрелов. Это его, возможно, испугало бы, и он бросил ружьё. Я успокоился, что остался не раненым. Это могло бы произойти, не проснись я. Но охотиться мне уже не захотелось. Я пошёл домой, вызвав дядю Колю. Переехав через реку, рассказал ему всю историю, он был испуган и жестоко винил себя, что посоветовал обратиться к Павлу, зная, что тот был судим за убийство старика на этом же озере. Когда дядя Коля рассказал за чаем об этом случае, его жена Лидия Николаевна и сидевшая в гостях Анна Терентьевна ахали и говорили, что, конечно, это был Павел. Чтобы убедиться в том, попросили Анну Терентьевну сходить в деревню и спросить, приходил ли Павел в деревню в этот день. Ей ответили: «Приходил, захватил ружьё и тотчас же уехал на лодке».

Летом мы с женой гуляли в тех местах. Она тоже знала о случае на охоте. И нам повстречался Павел. Мы решили пройти мимо, но Павел подошёл к нам, поздоровался и сказал, обращаясь ко мне: «Как уж мне хотелось поохотиться, но вот лодки и ружья не было!»

В настоящее время я езжу каждую осень в соседнюю деревню от Кривого Бора к нашим друзьям – Аннушке и Тагьяне. Меня встречают чудесно – поят чаем, угощают горячей варёной картошкой, яичками. А я закупаю у них свежую картошку на всю зиму. С большим удовольствием люблю природой, напоминающей мне счастливые прошлые. Тёплая, дружеская беседа с друзьями хорошо успокаивает меня, и мне приятно видеть, что мой приезд доставляет им радость.

Кривой Бор

Однажды мы с сыном поехали прокатиться по реке Чепце. Стояла чудесная погода. Кругом зелень, мотор работал хорошо, дорога для нас знакомая, мели бояться не следует, так как ездили несколько раз и хорошо знали русло.

Мы подъехали к самому дому Николая Тимофеевича, живущего в деревне Кривой Бор. Лодку приковали к плоту, плавающему у самого берега.

Поднявшись на крутой берег, прошли через двор и вошли в дом. Приехали очень кстати: хозяин и его жена сидели за столом. Они приветствовали нас радостными возгласами и пригласили выпить чайку со свежими, ещё тёплыми шаньгами. Наш душевный, интересный разговор был прерван вошедшим. Это был пожилой человек, житель соседней деревни, рыбак.

Он руководил рыболовецкой артелью. Увидев наш катер, он обратился к нам с просьбой – не сумеем ли мы на катере отвезти три лодки с рыбаками и сетями вверх по реке Чепце за 35 км. Рыбаков 12–13 человек, за это он обещал первую пойманную рыбу отдать нам в награду. Мы переглянулись с сыном: наш катер имеет мотор 3,5 лошадиных сил, идёт на керосине 8–10 км в час. Сумеем ли мы довести вверх по течению? Да и керосина у нас мало.

Председатель артели говорит:

– Керосин я привезу. Надо попробовать, думаю, сумеем уехать. Мы дали согласие.

Рыбаки пришли, принесли большую бутылку керосина, два невода. Всего набралось 13 человек. Подцепили к моторной лодке две лодки с сетями, взяли большой чайник, котелок. Нам предложили взять две ложки и две кружки. В нашу моторку забрались четыре человека вместе с нами. Сын завёл мотор, помахали Николаю Тимофеевичу и оттолкнулись от берега. С тревогой смотрю, слежу, как повезёт. Первый десяток километров все в напряжении, но облегчённо отметили, что мотор работает бесперебойно, рискнули прибавить ходу. Моторка потащила быстрее, и все весело разговаривали, шутили. Мы выехали в 10 часов, а в 6 часов были на месте, указанном руководителем. Там надо было начать рыбную ловлю неводом. Чудесное место на правой стороне реки. В полукилометре от

берега – небольшой лес. Сам берег пологий, выдаётся песчаной гривой, подле которой мы и остановились. Сойдя на берег, расположились лагерем, разожгли костёр. Оказывает-ся, рыбаки взяли с собой свежеспойманную рыбу. Уха была вкусна! Затем вскипятили чайник. Чёрный свежий хлеб был тоже хорош. К чаю были шаньги, видимо, дядя Коля сунул их нам с собой в дорогу. Чудно!

Вечерет. Как красива река! Какая тишина... Только изредка всплывает рыба, и едва заметные небольшие круги расходятся по воде. Они быстро исчезают, и опять видна застывшая гладь с отблесками серебристой луны. Изредка пролетит ночная птица, издавая своеобразные скрипящие звуки. И снова чарующая тишина.

Ко мне подходит главный рыбак и говорит:

– Дорогой доктор, завтра чуть свет на этом месте забросим невод. Для тебя – первая рыба. Здесь, правда, не рыбачат. Ну, да тебе немного и надо. И вы сможете ехать обратно. А теперь отдыхайте у стога сена.

Я соглашаюсь. Мы с сыном коротали наступившую ночь, прижавшись друг к другу, укрывшись ватниками. Но едва стало светать, рыбаки завели невод и стали подтягивать его, выходить на песок. Мы, конечно, смотрели с большим любопытством. Кто-то из рыбаков быстро сошёл в воду, подхватил нижний край кошеля, и невод вытащили на песчаный берег. Все сказали, что рыбы

так много, что они даже не ожидали. И, конечно, уговор, что первая будет принадлежать мне.

У них появилось желание сейчас же сварить уху. Я не протестовал. Тем более, что и сам не прочь был покушать. Пока варили уху, мне предложили выбрать для себя рыбу покрупнее. Мы с Юрой набрали порядочно рыбы и сложили в корму лодки.

Покушали, как следует, свежую вкусную уху. Было сварено два ведра. Попрощались с рыбаками и с удовольствием поплыли вниз по течению. Рыбаки нас благодарили, а Лидия Николаевна с дядей Колей сварили себе уху, нас напоили чаем. Остатки рыбы завернули в мешки, и мы сумели привезти её домой.

Весна 1950 года

Май. Тепло. Река разлилась. Я уже успел спустить свой катер на воду и прокатиться. В воскресенье к дочке Наташеньке пришли её подружки по классу и попросили меня поката-ть их на лодке. Я им сказал, что ветер северный и на реке большие волны. Но они настойчиво меня просили покататься вдоль бережка. Тогда я поставил условие – сидеть смирно и не пищать. Они радостно согласились. С нами увязалась моя собака. Едва они расселись по местам, как стали просить меня увезти их за реку, в лес. Я посмотрел, что волны не так уж велики, лодка надёжная, и согласился. Мы поехали через реку.

Едва выехали на середину реки, я увидел плывущую по течению лодку, в которой сидели три молодых парня. Я сбавил ход, думая пропустить их вперёд, чтобы не усилить волну. Ребята весело разговаривали, видимо, качку переносили хорошо, и я успокоился. Через мгновение взглянул вперёд и... обомлел! Лодку с тремя парнями перевернуло: один из них взобрался на дно опрокинутой лодки, раскинул руки, чтобы не свалиться, второй – правой рукой гребёт, а левой держится, третий поплыл к берегу, а берег далеко!

Что делать? Спасать? Дети, увидев аварию, принялись пищать. Что же делать? Мимо проехать? Не могу! Беру руль в левую руку, а правой – весло, выношу его по направлению к плывущему и кричу: «Хватайся! Тебя поднесёт к корме, залезай и лежи смирно!» Он залезает, ложится на живот, а я смотрю, как осела корма. Затем поворачиваю влево руль, плыву к парням и кричу: «Залезайте по одному!» А они уже ничего не понимают, глаза таращат и сразу бросаются к борту.

Приблизившись, я схватил одного за шиворот и резким движением толкнул на нос катера. Третьему помог забраться и посадил рядом с собой. Мой мотор работает хорошо на малых оборотах. Лодка держится ровно. Но ведь надо сделать разворот и плыть обратно к берегу, а нас порядочно сносит по течению. Я осторожно работаю рулём и постепенно прибавляю ход. Через

15 минут мы подъезжаем к насыпи. Осторожно пристаю и по одному высаживаю парней. Они поднимаются по насыпи, садятся на рельсы, я слышу: «Ну, вот, покатались!»

Мои ребяташки сразу запросились домой. Я подвёз их к остановке, и они побежали. Когда вернулся, ребята были уже дома и успели всем рассказать о нашем происшествии.

А наша старушка, няня Феклинья, сказала мне: «Ну, вот, ты спас трёх пареньков, а ведь сегодня первый день Пасхи, тебе за это простятся три самых больших греха! Молодец!»

Мои собаки

Какой мальчишка не любит собаку, не желает иметь собаку-друга и защитника! А если он ещё и охотник, то без собаки жить не может. Так и я всю молодость и до тех пор, как стал врачом, мечтал иметь собаку. Зато в первые годы самостоятельности я уже был с четвероногим другом.

Об одной собаке мне хочется подробно рассказать. Толковая, деловая, ласковая – как она была предана мне! До сих пор не забыть, хотя позднее были и более породистые собаки, чем лайка с бронзовой медалью, а были и с золотой. Волчок – рыжеватая собака, с небольшими белыми подпалинами на животе. Но следует подробно рассказать всю историю её появления.

Ранняя весна – март. Я врач. Иду на работу. Путь мой проходил через

мост Казанский. Собственно, это была земляная насыпь между двумя оврагами.

Правый овраг зимой служил катком. Вокруг катка, уже заброшенного из-за ранних потаек, были горы снега, где мы ещё мальчишками часто катались на лыжах.

Однажды, проходя по мосту, я заметил стайку собак, бегающих в овраге. Я подумал, что начался весенний гон, и стал за ними наблюдать. Впереди бежала пёстрая собака, по-видимому, самка, а за ней около десятка кавалеров, лая и огрызаясь друг на друга.

Моё внимание привлёк небольшой рыжеватый пёсик – щенок, бежавший позади всех. Он сразу мне понравился. Хвостик у него был калачиком, уши торчали. Я стал следить за ним и, когда он поравнялся со мной, свистнул и бросил кусок хлеба. Пёсик остановился, посмотрел на кусок, потом на меня и стал осторожно подходить к хлебу. Понюхал, вдруг жадно схватил его, отбежав в сторону, огляделся, прилёг и стал есть. Съел и, не обращая внимания на меня, пустился догонять свору.

Я решил на обратном пути опять сходить к оврагу и, когда через два часа вновь увидел свору и жёлтого щенка, был доволен. Перед этим я заглянул в лавку и купил граммов двести простой колбасы. Когда стая пробежала мимо меня, я улучил момент и бросил ломтик колбасы почти под ноги щенка. Он быстро его схватил, почти не жуя, проглотил на

ходу, понял, что это вкуснее хлеба, остановился и, наконец, обратил на меня внимание. Я уже бросил второй ломтик. Он сделал несколько шагов назад и схватил его, а я уже подбросил в третий, четвёртый раз и, видимо, так заинтересовал пёсика, что он уже ждал пятый ломтик, поглядывая на меня вполне дружелюбно. В свою очередь, я тоже не дремал и, перекинув ноги, сидел на перилах. Я заметил, что это не испугало щенка, и вскоре рискнул подать ему ломтик колбасы рукой – он довольно энергично схватил его. А когда я уже заканчивал свою приманку, сумел даже погладить у щенка спинку. Он отстранился, но к следующему кусочку всё же подошёл. Я подхватил его, спокойно перебрался на тротуар и пошёл с добычей домой. После чашки тёплого мясного супа с кусочками чёрного хлеба мы стали друзьями.

Интересно было наблюдать некоторую диковатость Волчка – так назвали новую собачку – в его первых совместных выходах на утиную охоту. У меня был немолодой пёс Трезор. Осенью, как только разрешали охоту, мы с ним брали с собой Волчка. Он шёл обычно сзади нас, а когда Трезор заходил в болото, в камыши, Волчок выбирал место повыше, садился и с удовольствием, казалось мне, смотрел, как мы ходим по кочкам и булькаем в воде.

Но через пару-тройку таких прогулок Волчок полез в воду, стойко следовал за Трезором и нюхал. Пер-

вая утка, которая вырвалась из камышей, была мною ранена и старалась скрыться от собак, на счастье, Волчок поймал её. Я отблагодарил его хорошим куском сахара.

Нюх Волчка, его ловкость вскоре были значительно выше, чем у Трезора. Но в первый раз я не стал требовать от собаки подачи убитой дичи в руки, был доволен, что она выносила утку из воды и бросала возле меня. Она была сама довольна и два-три раза взлаивала!

В дальнейшем Волчок при удаче всегда подавал 2–3 раза голос, за что и был прозван «могильщиком», друзья говорили: «Иван Иванович убил утку – могильщик лает».

Но свои прекрасные качества Волчок проявил вполне уже на следующий сезон. Он был одинок и действовал самостоятельно. А Трезора я подарил товарищу.

Хочется отметить поведение Волчка дома. Собачка была чистая, спала в отведённом месте и никогда даже не пыталась понюхать что-либо съедобное. Это был мой друг, и только, если я позволял ему, был около меня, никогда не приходилось его оговаривать. Утром, когда я уходил на работу, он провожал меня до угла другой улицы.

Я должен был на него поглядеть, погладить и сказать «до свидания». Он же вильнёт хвостом и уходит на своё любимое место у ворот. Тут он меня и ожидает, и стоит только показаться из-за угла – Волчок вскакивает, с лаем встречая меня. Это по-

вторялось каждый день, и моя мама говорила: «Волчок лает, хозяин идёт, накрывайте на стол».

Как-то я захворал, доктор уложил меня в постель и посадил на строгую молочную диету, подозревая язву желудка. Волчок никогда не входил в комнаты, все говорили, что он лежит и скучает. И вот однажды все родные уселись в столовой кушать, а меня раньше покормили в постели. Я слышу, как они стучат ложками, разговаривают. А я уже лежу 25 дней, всё с грелками. Тоска! И вдруг улавливаю, что кто-то тихонько крадётся по коридору. Я прислушался, приподнялся на локте и вижу в дверях кабинета, где я лежал, высовывается хитрая остренькая мордочка моего любимца. Я сказал: «Волчок!» Он взвизгнул, кинулся ко мне и мордашкой давай тереться о мои руки!

Слышу, в столовой все встали и подбежали к моим дверям, испугались, думали, что-то случилось, принимая собачьи повизгивания за мои жалобы. Двадцать минут собачьего блаженства – друга, так преданно смотревшего мне в глаза! К моему сожалению, ждали доктора и Волчка отправили на своё место. Но он уже успокоился – его хозяин жив и даже ласкал его. Можно ещё месяц потерпеть!

Сестра мамы, Анна Матвеевна, жила одиноко у нас внизу. Она была искусной поварихой, ходила по богатым людям стряпать на все местные праздники, чем и жила. Это

была хорошая, умная женщина. Она знала, что я хвораю, и пришла меня навестить. Как сейчас, помню, стоит она при входе в кабинет, тоскливо смотрит на меня, исхудавшего и мучающегося от болей, и говорит: «Ванюша, болит у тебя? Да? Болит? А когда ты кушаешь диету, тоже болит?» – «Да, не легче». – «Ох, Ванюша, раз от диеты болит, так уж лучше ешь всё! По крайней мере, не похудеешь!»

Скоро меня отправили в Москву. Там я прошёл осмотр у двух профессор-специалистов по желудочно-кишечным заболеваниям. Язву не подтвердили, молоко и молочную диету отменили. Разрешили кушать всё и даже икру. Её в то время у нас в Вятке продавали банками. Вот это было вкусно! Мы с Волчком ходили за реку, гуляли досыта и поправлялись!

Качества Волчка как охотничьей собаки были непревзойдёнными. Он прекрасно искал, в совершенстве ловил и выносил дичь к моим ногам. Хорошо подлаивал тетеревов, белку. Но всего интереснее было, когда он прекрасно, с лаем гнал зайца, хотя это не свойственно лайке. Но, видимо, научился, так как я каждую осень бывал на охоте за зайцами. Как-то в компании убил одиннадцать штук.

К себе притащил 5 штук зайцев и трём приятелям повесил по паре. Одним словом, с такой собакой не соскучишься.

Но вот летом мы жили в деревне Кривой Бор на реке Чепце. Там

была чудная природа – красота! Грибы, ягоды, а, главное, охота хорошая. Мы каждое лето жили в домике на берегу Чепцы. Я всегда отпуск брал в августе, как только разрешали охоту. А какая была рыбалка, прямо Эльдорадо! По малину ходили с корзинами, грибы – только белые, иногда до 50 штук отборных. Жена говорила: «Хорошо бы завтра поехать ухи!» Это значит – с вечера насаживал и выбрасывал с лодки снасти, а утром вдвоём ехали, вытаскивали, подсекал сачком – и всегда была хорошая уха.

Если днём ехали кататься, то всегда садился на корму, правил, одновременно опускал дорожку – это блесна, а конец бечевы брал в рот. И за часик прогулки – щучка на сковороде. Как-то уже в сентябре я поймал щуку, специально ездил с приятелем рыбачить. Весила она 13,5 фунтов – это была громадина! А какая была борьба, когда я вытаскивал из воды лодку!

Была уже осенняя погода, моросил дождь, утром был и снежок. И всё же мы вдвоём – страстные рыбаки, я и Филипп – решились поехать порыбачить, половить рыбу-хищника, которую удачнее ловить осенью с наступлением холода.

Мы поднялись на маленькой лодке вверх, против течения, километров пять, там была широкая и глубокая заводь, где нам удавалось раньше ловить щук.

Когда мы добрались до места, подул сильный, холодный ветер,

правда, мы были тепло одеты, в шубах, больших сапогах, но всё же нам не захотелось рыбачить! А я говорю: «Давай подъедем к крутому берегу, там тише, меньше дует ветер, вскипятим чайник, попьём чайку и поедем обратно». Филипп согласился. Мы подъехали, укрепились, втащили в камыш, который рос у берега, лодку, и стали разводить костёр.

Я наполнил чайник водой и подвесил его над огнём. А приятель поехал на лодке и выкинул блесну. Вскоре я услышал радостный крик. Я взглянул и вижу – он показывает порядочную щучку, фунта на три. Филипп подъезжает к берегу, выходит из лодки с пойманной рыбиной и говорит: «Ну, давай поедим домой?» А меня уже разобрало, и я говорю: «Ты с рыбой, а я пустой. Кипяти-ка чай, я тоже съезжу». Сел в лодку, оттолкнулся от берега и распустил блесну. В этот момент мне показалось, что кто-то дёрнул блесну. Я проверил, потянул к себе, но она шла легко, я успокоился и поехал на середину. Вдруг подул сильный ветер с дождём и снегом. Мне сразу не захотелось рыбачить. Я повернул лодку к берегу в камыш, перешёл на корму и стал собирать шнур. Когда я подтянул шнур близко к лодке, гляжу, а за шнуром выходит большая щука. Увидев меня, она рванулась в реку, лодка вышла из камышей, и я – на середине реки! Тёплая одежда, большие сапоги, сильный ветер – всё это способствовало тому, что моя лодка, как говорят, ходуном ходила.

Товарищ с берега стал кричать: «Брось ты её, ещё утопит тебя!» А я уже не мог бросить, отступиться от такой удачи и стал потихоньку выводить рыбу, подтягивая к лодке шнур. Но едва она показывала голову, как делала рывок, и её нет! Я опять тихонько подвожу ближе и ближе. Раз семь я подводил и отпускал рыбу, наконец, видимо, щука устала и позволила подвести себя к лодке! Я быстро её поддел сачком, но сделал ошибку – «подсакнул» под середину рыбы и поднял её над головой, но рыба изогнулась, сачок повернулся в моей руке, и щука шлёпнулась в воду! Гляжу на неё и вижу, что крючок блесны отошёл от её губы! Но рыба не нырнула, а пошла по верху воды, вдоль борта лодки. Я быстро рванулся к носу, схватил сачок моего приятеля и поставил его перед рыбиной! Она стала в него заходить! Я подхватил сачок другой рукой, поднял кверху и бросил в лодку. Надо сказать, что рыбина заняла почти всё дно лодки! А сам я лёг на неё, отдышался и стал одной рукой подгребать к берегу. Мы втащили щуку на берег.

Товарищ проколол ей ножом голову. Смотрим друг на друга и удивляемся величине пойманной рыбы. Теперь можно и домой! Пять километров вниз по течению – одно удовольствие! Да ещё с такой добычей! Я вошел в избу, где мы жили, это была новая, только что построенная изба, и мы первые её обживали.

Сбросил с плеча рыбу. Жена смотрит и удивляется, как это уда-

лось такую зацепить! Сынишка, ему было лет пять-шесть, лежал на полатах и грелся. Увидев рыбу, он быстро спрыгнул с полатей и подбежал к щуке. А та вдруг разинула рот! И это было так устрашающе, что Юрка вмиг снова был на полатах! Мы целую неделю варили и жарили щуку, несмотря на её величину, мясо было вкусное.

И вот к нам на дачу приехали поохотиться два друга – доктор Станислав Адольфович Драверт и его друг Константин Алексеевич Палкин. Оба с ружьями и оба с породистыми собаками – пойнтерами. Когда мы пили чай, ужинали, они в два голоса укоряли меня, знаменитого охотника и доктора, державшего такую беспородную собаку! Я, конечно, возразил, говорил, что собака меня устраивает полностью!

Утро было туманное, но мы выпили по стакану чая и отправились на охоту. Через километр ходу мы уже были у небольших болотинок, и породистые собаки моих друзей стали искать дичь. А мой Волчок идёт спокойно, как будто видит, что в этих болотинах дичи нет! Но вдруг он сунул нос свой в траву и побежал в сторону с лаем. На росе ясно были видны следы зайца, а ведь он любил их погонять! Ко мне подходит Станислав Адольфович и говорит: «Видно, твой пёс погнался за зайцем, а ты пришёл поохотиться за уткой! Теперь пёс будет гонять его пару часов, а ты будешь ходить вокруг болота и сердиться». Меня смутили его слова.

Тем временем Волчок вбежал на пригорок. Я свистнул – он оглянулся, я показал ему кулак, однако, он не вернулся! Мы разошлись. Я снова пошёл к большому озеру, покидал в камыши у большого озера камни и палки, надеясь, что утка, если она там, вылетит, я выстрелю, и собака, услышав выстрел, вернётся. Но утка не вылетала, и я, обойдя озеро, через луг направился к другому, поругивая про себя Волчка.

Перейдя луг, я подошёл к кустарнику у озера и вдруг услышал справа, у своих ног, какой-то шорох. Я даже вздрогнул, думая, что это змея, которые здесь нередки, но каково же было мое удивление и радость, когда я увидел Волчка! Он полз на животе, глядя на меня, а в зубах была утка! Значит, он бежал вдоль большого озера по моему следу, почуяв в камышах утку, конечно, прыгнул и сумел схватить, но, помня мою угрозу и понимая, что я сердит, он решил не бросать её, а полаять, как делал всегда, и принес её ко мне! Ну как будешь ругать и наказывать?

А дипломированные, породистые собаки моих друзей ничего не нашли, и охотники вернулись на дачу пустыми. Теперь уж я посмеялся над их породистыми собаками.

И ещё один случай запомнился мне с Волчком. Это было на охоте в Комарихе. Она находится у большого озера Ивановского, где я часто охотился. После охоты мы шли в деревню отдохнуть и покушать. А у меня в этом крае все знакомые, вер-

нее, все мои пациенты. При входе в деревню, уже в воротах виден был дом в два окошечка. И почти всегда у окна сидит бабушка, которую я лечил лекарствами. Она сидит и вяжет носки. Увидев нас, она высовывается из окна и зовёт нас. А я всегда кричу: «Бабушка, кисель». Она хорошо готовит его из собственного приготовления крахмала. И пока мы идём, снимаем мешки, развешиваем уток, входим в дом, нас бабушка уже зовёт к столу. Как приятно поесть горячего киселька, выпить стакан чая, закусив чёрным хлебом, тоже своей выпечки. Вкусно и сытно. Весело! Через часик-другой домой отправляемся. До Вятки через село Никульчино было километров пять.

Как-то нас пригласил мужичок подвезти, он ехал с луга за сеном, то есть по дороге. Едем, разговариваем, а Волчинька бежит рядом. Нужно проехать по небольшому, но густому березняку. Вдруг слышим – Волчок лает. Мы почти проехали березняк, когда я решил посмотреть, на кого лаял Волчок. Я пошёл по лесочку, ориентируясь на лай, но, пройдя несколько шагов, вынужден был нагнуться и почти ползком двигаться вперёд. Лай был всё слышнее, и мне казалось, что я уже могу увидеть дичь, на которую лает собака.

Но густота ветвей и листья не давали этого сделать. Я взглянул на собаку и вижу: Волчок сидит, подняв мордочку, и лает, то повернёт морду ко мне, то взглянет наверх и влево, показывая, куда нужно смо-

треть. Я немного раздвинул ветви и, наконец, увидел одну лишь голову тетерева, который устремился всем вниманием на собаку. Тихонько просунул ствол ружья меж ветвей и прицелился в голову. Выстрел – и тетерев падает. Волчок уже несёт его ко мне. Все охотники были удивлены настойчивостью и азартом собаки.

А как хорошо было ночевать на охоте! Сначала у костра попить чайку из корней или ягод шиповника, испечь картошку, а затем зарыться в сено, скинув сапоги, Волчку указать место в ногах. И так сладко спалось, что даже один раз проснулись, вылезли, а кругом снежок!

Я участвовал в волчьей облаве и даже убил волка. Правда, шкуру его коллектив постановил сдать, и я получил 80 коп. Другого волка я отравил стрихнином. С этой целью я взял с бойни выбракованное мясо – целую ногу, в ней выдолбил деревяшкой яму, туда заделал пилюли. Увезли мясо на болото, в трёх километрах от моей любимой охотничьей деревни Комарихи, прорубили лёд до воды, всунули туда ногу. А предварительно место, где были заложены пилюли, замазали коровьим навозом. Трое суток я жил в деревне и каждое утро обходил на лыжах вокруг этого места. Но погода была ясная, и наши следы не заносил снег, а у меня кончился отпуск. В ночь, когда я уехал, поднялась пурга, и волки пришли. Один из них отравился, но мне он не достался, житель деревни нашёл его на дороге и, конечно, утащил.

Любопытной была ночная охота на медведя. Уехали мы втроем километром за 20 на моторной лодке вверх по реке Чепце. Там медведь выходил на овёс – полакомиться. Медведь любит захватить лапами овёс и сосать его. Вот мы сделали двое полатей на деревьях, на том месте, где надо сидеть и караулить зверя, и к вечеру забрались в разных концах поля с овсом на полати. Великолепно было встречать утро в лесной тишине. Но мы совершили ошибку. Настоящие охотники, прежде чем забраться сидеть, ходят в баню, меняют одежду, а мы часами ехали на моторке и, конечно, пропахли бензином, а у медведей тонкий нюх. Наш «ожидаемый» обошёл кругом, оставив на память отпечатки своих чудных лапочек на земле. А мы сидели до петухов, ждали...

Любил я охоту и думал – никогда не брошу! А теперь даже удивляешься, как это я всё проделывал. Ну, пройдёшься, наглядишься, природой налюбуеться. А вот, когда, бывало, крадёшься к какому-нибудь тетереву или утке часами и не замечаешь время, неудобство, ползёшь по снегу, по воде на животе. Даже удивительно! А гордость-то какая, когда с дичью! Много же в человеке сохранилось звериного! Научился подманывать тетеревов, изображать самку. Или криком, как настоящая утка, даже подвывал в ламповое стекло, подманывая волков, но, правда, без успеха.

Стоит вспомнить нашу компанию, желающую побороться с на-

шестью волков в Комарихе. Подходили октябрьские праздники, и мы решили дня на три поехать и устроить облаву на волков. Эта поездка была ещё тем интересна и своеобразна, что холод начался за неделю до октябрьских праздников. Температура понижалась до 25–30° мороза, даже река Вятка встала, и лёд был такой крепкий, что не только позволял ходить, но и ездить на санях.

Выехали мы четверо утром, оделись облегчённо, но по-зимнему, с лыжами. Но всё же такой ранний ледостав наводил на мысли о возможности потайки – потепления, и мы захватили резиновые сапоги.

Через пару часов достигли деревни Конец, по предложению одного из нас, имея большое желание, мы встали на лыжи (ямщик рано уехал к месту охоты) и с большим удовольствием прошли десять километров. Добрались часа в четыре, приготовили обед, поели и вечером часов в 8 легли спать, с тем, чтобы пораньше встать и отправиться на охоту. Наш руководитель, опытный охотник, товарищ Рязанцев, зная хорошо местность, решил, что мы двинемся к большому логу, друг от друга через 100–150 метров до обнаружения следов.

Нашим планам не суждено было исполниться. Ночью проснулся и услышал шум, доносившийся с крыши дома. Я быстро оделся, вышел, вижу, что идёт сильный дождь, вернулся, разбудил нашего руководителя, и мы решили, как говорят, сматывать

удочки. Иначе перебраться через две реки, которые разольются, как только лёд уйдёт, будет трудно, и обход на станцию Полой достаточно велик, а лыжи уже не годны.

Разбудив товарищей, я нашёл ямщика. Положив лыжи в сани, надев сапоги, мы отправились. Благополучно переехали реку Вятку у села Никульчино. Хорошим солдатским шагом маршируем к посёлку Дымково, что на другой стороне реки напротив города, где организована переправа, она взята под контроль милицией. Дорогой нас пару раз помочил дождик, и мы думали, удастся ли переправиться через реку. Шли через реку гуськом, друг за другом, так советовал милиционер. Я, как самый «юный», мне было 37 лет, шёл первым и по предложению Станислава Адольфовича пел, а он – за мной, ориентируясь по голосу.

Мы благополучно пожали друг другу руки и разошлись по домам. А река на другой день уже шумела, и переправлялись на лодках!

Во время войны я получил двухдневный отгул после длительной командировки и, конечно, оба дня на лодке спускался с дачи. В Кривом Боре была подсадная утка и лодка, мне повезло – я привёз целую дюжину селезней. Все мои родные, а в войну ко мне съехалось порядочно – иногда за стол садилось 17 человек, были очень довольны и даже восхваляли мою доблесть. А уж до чего хорошо спускаться вниз по течению, останавливаться в красивом

удобном месте, кипятить чайник, печь картошку, слушать птичек, соловья! Чудо как хорошо!

Однажды мы втроем спускались по реке Чепце. Остановились закутить. Сидим, наслаждаемся, и вдруг защёлкал соловей на реке в ивовых кустах. Долго смотрели, наконец, увидели его – сидит на верхней ветке, над водой. Один из нас сказал: «Хорошо бы его поймать!» Я заметил: «Это возможно! Когда соловей поёт, он увлекается, закрывает глаза, ничего не слышит и не видит». Мы предложили ему попытаться поймать птицу. Тот, недолго думая, пошёл к лодке. А она была заведена в затон, выше по течению, на линии растущей ивы. Наш приятель решил встать на лодку и подплыть под тот большой куст, где был соловей. Мы, замерев, с интересом наблюдали, думали, как удастся. Но лодка качнулась, и наш герой полетел в воду вверх ногами. Пение прекратилось, а мы хохотали от всей души. Встретили промокшего друга и предложили ему скорее выпить горячего чаю. Пришлось ему раздеться и попрыгать, благо, солнце грело. Мы вдвоём выжимали и развешивали одежду приятеля.

Моя любовь к природе, её красоте не могла пройти мимо моей души – я стал писать стихи.

Аркаша – бычий хвост

Как было приятно возвращаться с дачи домой на моторной лодке!

Это более ста километров. Сначала по реке Чепце до Кирово-Чепецка, где река Чепца впадает в реку Вятку. Вятка значительно шире, глубже, быстрее её течение. Лодка идёт скорее. Но берега менее живописны. По дороге мы почти всегда заезжали к нашим знакомым в деревню Сунцовы, которая расположена на берегу реки.

Однажды мы выехали с дачи во второй половине дня, рассчитывая через 4–5 часов быть в городе. Но нас постигла неудача. Лодка шла хорошо, уже подъехали к посёлку Сунцовы, но вынуждены были остановиться, так как река была запружена плавающим лесом. Ехать дальше было нельзя, и нам пришлось даже заночевать. Пристроив нашу лодку в безопасном месте, мы все собрались в большой комнате наших друзей. Хозяйва вскипятили самовар, и все стали пить чай. Разговоры были веселые, интересные. Дети – Аркаша десяти лет и Василий восьми – рассказывали, что скоро придётся забросить рыбалку, так как нужно идти в школу. «А теперь я помогаю возить навоз из сарая в поле, – говорит Аркаша, – а возили мы на быке. Бык хорош, слушается нас».

Утром напились чаю, простились, уселись в лодку и благополучно доехали до города. Прошло пять месяцев. Наступила зима. Вдруг к нам является мать Аркаши, взволнованная, в слезах. Она рассказывала, что десятилетнего Аркашу послали в поле отвезти оставшийся

в хлеву навоз, а с поля захватить солому. Аркаша быстро, с удовольствием собрался и повёз в сани навоз. Бык послушно потянул сани. Приехав в поле и скинув груз, Аркаша подъехал к куче соломы. Сырую солому пришлось покидать вилами. Аркаша хорошо справился и с этой работой. Повернув быка, поехал обратно, усевшись наверх соломы, но, не рассчитав величину поворота, заехал в канаву. Бык не смог вытащить сани.

Долгое время мальчик бился, погоняя быка кнутом. Несмотря на попытки, он не смог вытащить сани. Вдруг Аркаша вспомнил «совет»: если привязать быка за хвост, то он вытащит любой воз. И он ухитрился хвост быка привязать к саням. Бык почувствовал боль в хвосте, дёрнул, рванулся, и сани выкатились на дорогу.

Мальчик был рад и с гордостью уселся на верху воза. Доехал до деревни, тут Аркаше бы соскочить, но он решил с триумфом прокатиться по деревне. На его несчастье сани наехали на кучку навоза, немного запорошенную снегом, и остановились. Он стал понукать, но вскоре заметил, что из хвоста быка течёт кровь. Он отпустил быка, а подбежавший приятель помог затащить сани во двор.

Появившийся колхозник выругал Аркашу. Быку перевязали хвост, и вскоре раны зажили. На общем собрании Аркашу за ту проделку наказали, послав в трудовую колонию,

и ему грозила высылка на работу в другой город. Вот тогда-то ко мне и пришла его мать, узнав, что через 3–5 дней его отсылают с группой осуждённых в Сибирь на завод. Она просила помочь. Собрав все сведения, я отправился в прокуратуру по делам несовершеннолетних. К счастью, встретил прокурора, который был моим пациентом. Он выслушал меня, узнав, что мальчику 12 лет, тотчас взялся мне помочь.

На другой день Аркаша был освобождён и вернулся в свою деревню. Но он завоевал кличку Аркаша – бычий хвост. Теперь он мастер большой квалификации, обзавёлся семьёй и на быках не ездит – ездит на собственной машине, но эту проделку не забыл.

Областная больница

В 1936 году меня приказом облздравотдела перевели работать ординатором в терапевтическое отделение областной больницы. Возглавлял отделение доктор С. П. Дубровин, опытный врач, любящий своё дело, удивительно настойчивый в определении диагноза заболевания у больного. Меня поражала его манера работы, особенно при консультации больного. Семён Павлович тщательно осматривал и внимательно слушал рассказ ординатора об анамнезе пациента, затем, ни слова не говоря, вставал и уходил, а через 20–30 минут вновь подходил к больному, тщательным образом обследо-

довал его и уже после этого излагал своё мнение.

Он удивительно владел методом пальпации, казалось, его полной большой рукой пальпация была бы затруднительна, но рука оказывалась такой подвижной, мягкой, что проникала в самые глубокие, скрытые места. Его опыт и умение анализировать симптоматику заболевания были поразительны. Мне нравилось его желание показать, разъяснить и помочь молодому врачу.

Отделение было на 80–90 коек, всегда заполненное, с очень разнообразным контингентом больных, страдающих заболеванием внутренних органов. Я ощущал прекрасное, дружеское отношение не только Семёна Павловича, но и всего отделения, можно сказать, работников всей больницы. Нельзя забыть таких опытных, дружественно настроенных врачей, как, например, Скалепов, Драверт, Батурина, Россихин, не говоря о докторе Дубровине. С большим успехом и даже любовью передавали они мне, молодому врачу, свой богатейший опыт. Хочется добрым словом вспомнить старшую сестру Т. Капустину (она была по образованию фельдшером), очень энергичную, настойчивую порою, обеспечивающую в значительной степени успех лечения больных. Правда, своей десятилетней работой в тубдиспансере, своей четырёхмесячной, научной командировкой в Москву я был подготовлен к успешному и к тому же желанно-

му восприятию её советов. Я уже был опытным фтизиатром и с успехом консультировал во всех отделениях больницы, а также и в области, особенно лёгочную патологию.

Доктор Дубровин выделил мне три палаты, преимущественно заполненные больными с поражением лёгких. Это были больные крупозным воспалением лёгких, в большинстве случаев осложнённым абсцессами и даже гангреной.

Такой контингент больных меня интересовал, и я с настойчивостью изучал это новое для меня заболевание, усиленно знакомился с соответствующей литературой. Надо сказать, что, проводя ряд методов лечения, я пришёл к выводу, что из рекомендованных харьковскими учёными – метод введения раствора спирта внутривенно даёт наилучшие результаты, и настойчиво применял его. Среди больных была молодая женщина, у которой был диагностирован абсцесс правого лёгкого. Ей было проведено однократное введение внутривенно спирта, и больная полностью выздоровела, правда, случай был не запущенным и, кроме того, она не курила и не пила. Гораздо труднее и только после неоднократного введения у больных мужчин, особенно у злостных курильщиков, и, как обычно, с запущенными сроками лечения удавалось достигнуть выздоровления.

Гораздо сложнее и мало удачно введение спирта проводилось у больных, страдающих гангреной лёгких.

Скорее, можно было думать, что введение спирта не приносит благоприятного результата, а потому этим больным проводился курс сальварсана в возрастающих дозах, рекомендованный харьковскими учёными. Из пяти подобного рода больных мне удалось по выздоровлении выписать одного, остальные умирали при явлении сепсиса с поражением почек.

В лечении больных воспалением лёгких, как правило, широко проводилось подкожное введение камфарного масла, обычно одновременно пять кубиков. Этот способ, рекомендованный доктором Дубровиным, был оценен как метод, поддерживающий сердечно-лёгочную систему в течение всех суток и, безусловно, приносящий заметный успех. Мне особенно нравились, и я с удовольствием проводил по вызову консультации в других отделениях. Весьма интересны были консультации в диагностическом отделении, куда госпитализировали вновь поступивших больных, особенно с неустановленным диагнозом.

Доктор Скалепов, имея громадный опыт, учил меня разбираться в диагностике. В его отделении я впервые встретил случаи дифтерии у взрослых, эти знания с успехом мог применить, когда был главным терапевтом госпиталей на эпидемии дифтерии в г. Халтурине.

Интересна была консультация в глазном отделении доктора Сычёва по поводу удаления глаза у больного, где был мною установлен диагноз

цистицеркоза, доказанный лабораторными анализами. Этот случай был продемонстрирован на заседании общества терапевтов и помог мне поставить правильный диагноз цистицеркоза в спецбольнице.

Необычен случай с присланной больной из первого родильного дома для срочного лечения – удаления жидкости из полости живота. Перкуссия показывала на ясную картину жидкости. Осмотрев задыхающуюся больную, бывшую в тяжёлом состоянии, я пришёл к выводу неизбежности срочного удаления жидкости. После стерилизации живота, я ввёл троакар и был поражён большой струей мутной жидкости. Немедленно вызвал хирурга-гинеколога доктора Драверга. Ясно было, что эта жидкость из громадной кисты. Хирург подтвердил диагноз, посоветовал выпустить большее количество жидкости (её было целое ведро). В течение трёх суток наблюдали за больной, а затем перевели в хирургическое отделение для радикальной операции.

Гинекологи через три дня провели операцию и удалили громадную кисту. Она была настолько велика, что этот случай как необычный был описан в одном из номеров журнала по гинекологии. Больная выписалась здоровой.

Дежурства

Интересная, но трудная, волнующая была работа во время суточного

дежурства по больнице. Начиналась она с 8 часов утра амбулаторным приёмом в поликлинике присланных из районов области и города больных. Я тщательно осматривал больных и, если соглашался с диагнозом, то распределял их по отделениям в зависимости от характера заболевания, тяжести состояния. Мы имели право в случае необходимости вызывать специалистов, дежурных на дому. Но это большей частью касалось хирургических заболеваний.

Больные с неясными случаями, с подозрением на какую-либо инфекцию, особенно в вечернее время и ночное, помещались в диагностическое отделение, где была возможность изоляции и дополнительные лабораторные или рентгенологические обследования, всегда совместное дежурство среднего медицинского работника, двух санитаров, кучера.

Вечером с 8 до 10 часов проводился обход больницы дежурными врачами. Войдя в каждое отделение, выслушивал сообщения дежурной медицинской сестры о состоянии больных, необходимости обратить внимание на того или иного больного по просьбе врачей отделения или при ухудшении состояния.

Затем вновь возвращался в поликлинику и принимал срочно присланных больных. Разрешалось прилечь отдохнуть, но редко удавалась эта возможность. Утром созывалась конференция врачей всей больницы, и дежурный докладывал о больных

за прошедшие сутки. Затем – ряд вопросов дополнительного характера после окончания конференции, и я шел в своё отделение осматривать больных. Часов в 12 можно было покинуть больницу и до утра отдохнуть. Подобные дежурства по всей больнице приходилось нести один-два раза в месяц.

Фельдшерская школа

Через пару месяцев работы в больнице я был привлечён в медицинскую фельдшерскую школу, где с большим удовольствием работал преподавателем и вёл практические занятия по внутренним заболеваниям в течение девяти лет. К сожалению, война прервала мою работу педагога. Работая педагогом, я строго придерживался того мнения, что если думаешь изучить основные медицинские науки, особенно в области заболевания внутренних органов, то берись учить других.

Я вёл курс занятий, познающих основы терапии, сам учась. Лекции и беседы готовил заранее, но каждую осень рвал конспекты и использовал уже другой учебник нового автора, что заставляло меня вновь узнавать новые взгляды и установки. План проведения беседы, лекции всегда лежал передо мной. Я никогда не надеялся только на память. Мне удавалось заинтересовать слушателей, что позволяло предъявлять большие требования к занятиям-опытам. Если только удавалось, я приводил

с собой больного, демонстрировал его, спрашивая анализ. Я всегда подчёркивал, что правильный анализ – это успех в 50 % случаев правильного диагноза. Все амбулаторные и рентгенологические данные в моей интерпретации служили только подтверждением правильного или ошибочного диагноза в конце лекции. Я был тронут и удовлетворён тем, что выпускники школы всегда приглашали меня на выпускные торжества. А три раза приезжали окончившие школу двадцать лет тому назад и приглашали на встречу, даже преподносили мне памятные подарки, а я выступал, знакомя их с интересными случаями моей работы.

Консультация в больнице (1939 год)

Однажды я был вызван главным консультантом больницы, доктором М. Больной П. страдал, со слов доктора Молчанова, ревматизмом, с поражением суставов, с повышенной температурой. Обычно эта болезнь лечению не поддаётся. Меня сразу поразило, что больной при попытке сесть в кресло упал в него с криком из-за резкой боли в суставах ног, а это не совсем характерно для больных ревматизмом суставов, при котором болезненность бывает менее резкой, ноющего характера.

При расспросе в анамнезе: больной категорически отрицает в прошлом заболевание горла, больных

зубов. Он указывает, что болезнь началась неожиданно, после приезда его из дома отдыха (в Латвии), куда ездил с женой. Он считает, что к нему там отнеслись невнимательно, вернее, отравили его. На мой вопрос: «Чем же Вас отравили?» – больной не мог ответить.

Жена, которая питалась с ним за одним столом, здорова. Основная жалоба больного – боль в суставах ног и рук, особенно при движении, повышенная температура субфебрильного характера. Указания на поражение суставов раньше нет. Возраст – 35 лет. Я расспросил больного, чем он питался в дороге. Он ответил: «Мы очень хорошо питались, нам на дорогу был дан целый окорок! Свиная была выкормлена при учреждении хлебопекарни, где я работал». Я спросил: «А свиная подвергалась осмотру ветеринара?» – «Нет, это мы считали излишним», – отвечал больной.

Как потом выяснилось, свинович находился во дворе хлебопекарни, и по показаниям служащих оказалось, что его часто посещают крысы. Больной тогда же заявил: «А жена ведь тоже ела этот окорок, но не заболела, правда, она ела жир, а я – мясо».

Я приступил к осмотру. Больной активен, но суставы при движении резко болезненны. Упитанность средняя, лимфатический аппарат – без отклонений от нормы, в зеве чисто, зубы – без поражений. Пульс – 80, ритмичен, кровяное давление –

130/80, тоны сердца чистые, границы сердца – в пределах нормы. В лёгких – везикулярное дыхание, перкуссия – норма, живот мягкий, без боли, печень и селезёнка не прощупываются. Конфигурация суставов рук и ног – без изменений, но при сгибании наблюдается болезненность. При ощупывании кожи руки слева, в области предплечья, определяются три образования величиной с горох, плотные, без боли. Спросил доктора И. Е. Молчанова, нет ли в больнице хирурга, если есть, его надо вызвать. Был вызван хирург. Я попросил его ощупать левую руку больного и взять одно образование для направления на анализ в лабораторию.

Лаборант (ветеринарный врач) обнаружил цистицеркоз. Мой диагноз цистицеркоза – гематогенная форма – подтвердился. Рекомендовано вливание внутривенно раствора спирта 20–30 % в дистиллированной воде. На этом консультация была окончена.

Утром на квартиру ко мне пришёл директор хлебокомбината и, поздравив меня с правильным диагнозом, предложил: «Не возьмётесь ли Вы лечить больного?» Я наотрез отказался. Тогда он заявил, что увезёт больного в Ленинград. Больной лечился в Ленинграде введением спирта в вену и выздоровел.

Впервые с заболеванием цистицеркозом мне пришлось встретиться в глазном отделении областной больницы в г. Вятке. Зав. отделением, доктор Свечев представил мне

большого с удалением глаза по поводу метастаза цистицерка в глаз, как он предполагал. И тогда я обнаружил в коже рук плотные образования величиной с горошину. Нами был проведён курс лечения с вливанием спирта. Удалённый глаз был подвергнут лабораторному анализу – цистицеркоз подтвердился.

Мною был сделан доклад о гельминтах с демонстрацией случая в научном терапевтическом обществе, с указанием на обязательное обследование убитых животных в ветнадзоре.

Мои полёты

Кто в детстве не мечтал летать, подняться в небо? Эта мечта была настолько сильна, что даже во сне доводилось летать. Это был яркий, красивый сон, а утром, когда делился своим сном с бабушкой Феклиной, умываясь в кухне, она обязательно говорила: «Это ты растёшь».

Мы, мальчишки, всегда соревновались друг с другом, кто выше и дальше запустит сделанного из бумаги змея на длинной и тонкой нитке.

Один раз мы, братья, из папиросной бумаги на клею сделали большой пустой шар с отверстием внизу, вокруг которого была приклеена круглая из тонкого картона пластинка. К ней подцепили изогнутую проволоку, которая была ниже отверстия на 10–15 см. На проволочку прикрепили небольшой кусочек

ваты, смоченный в керосине. Когда мы зажгли эту вату, тёплый воздух пошёл вверх, шар поднялся и долетел с нашей крутой горы до реки.

Вдруг по городу Вятке прокатилась удивительная новость – с ипподрома будет совершён полёт на самолёте. Это объявление в газете взволновало всё население города, а нас, мальчишек, особенно. Около ипподрома жил с семьёй дядя Алексей, двоюродный брат мамы. Он был рабочим мастером на железной дороге, и в объявленный день мы всей семьёй отправились к дяде. Дядя обрадовался и усадил нас пить чай, а мы с братом Колей каждые полчаса выбегали на улицу и докладывали, что народ уже собирается.

Около 12 часов все вышли во двор, дядя заставил нас всех подняться по лесенке на крышу амбара, говоря, что оттуда будет видно. На улице была масса народа. Мы забрались на пологую крышу амбара, действительно, оттуда было видно всё поле ипподрома. Там, в стороне, под навесом стоял белый самолёт. Мы с волнением ждали. Около аэроплана возились два мужчины. Особенно волновало сообщение в местной газете: «В воскресенье, в час дня, будет совершён полёт аэроплана и показано бомбометание (вход на ипподром платный)».

Наши места на крыше были чудесные: всё видно и бесплатно. Наконец, аэроплан выкатили из-под навеса, и в него сели двое мужчин. Мы слышали урчание мотора, про-

пеллер начал крутиться всё быстрее и быстрее, аэроплан побежал по полю и вдруг оторвался от земли, поднялся в воздух и плавно полетел. Вся масса людей, как один человек, ахнула.

Самолёт летит, из-под него, видимо, из люка падает круглый, как мяч, предмет. На земле, куда этот предмет упал, вспыхнуло пламя, и раздался взрыв. Вскоре самолёт приземлился. Демонстрация полёта закончилась. Весь вечер все были возбуждены впечатлением от увиденного.

С тех пор прошло много лет, и, когда мне пришлось впервые сесть в самолёт, я вспомнил свои двенадцать лет, когда первый раз увидел аэроплан. Я не боялся полёта, но меня интересовало, какое будет моё ощущение. Первый полёт был совершён с временной площадки в поле за лесом. Мы легко поднялись и слетали за 250 километров. Я хорошо перенёс полёт и посадку, и, когда вечером, в темноте, мы возвращались обратно, на временном аэродроме уже были зажжены костры. Ко мне подошёл лётчик и спросил, как я перенёс полёт и посадку. Я ответил: «Хорошо».

Трудный полёт на север (1938–1939 годы)

Мне хочется рассказать о своём полёте на север в больницу по вызову. Полёт был трудный. Мы летели в два раза дольше обычного, был

сильный ветер, и уже сели на краю посёлке в темноте. Лётчик мне сказал: «Бегите скорей, смотрите больных и возвращайтесь. С попутным ветром мы быстро долетим до Кирова». Но я возразил: «Во-первых, я устал, кроме того, придётся идти через весь посёлок к больнице – она стоит на краю села. Ещё неизвестно, сколько у меня будет больных, и какие они, может, придётся задержаться до утра, чтобы повторно осмотреть их. Я вас прошу перелететь к больнице, там на ночь выставим караул».

Я пошёл к больнице. Дойдя до первых избышек селения, увидел в окне огонёк и, так как я устал, решил зайти погреться и отдохнуть. Я вошёл в избу, поздоровался и вижу: за столом сидят три женщины и едят солёную капусту из круглых больших деревянных чашек. Одна из чашек без капусты отодвинута на край стола, в ней был только один рассол. Я присел и вежливо попросил эту чашку, чтобы попробовать рассол. Они дали мне с некоторым удивлением. А когда я почти весь рассол выпил, увидел на их лицах лукавое веселье. Они наверняка думали, что я с похмелья, но я объяснил им свой трудный полёт на самолёте.

Добравшись до больницы, я был встречен главным врачом, он заметил мою усталость и бледность, ввёл мне кубик кофеина. В это время раздался звонок по телефону. Лётчик отказался перелететь к больнице и сказал, что улетит.

Я осмотрел больных вечером и утром, закусил, выпил кофе, и меня отправили на лошади до ближайшей станции в двух километрах. Я купил билет, сел в вагон, где мои документы проверил милиционер.

К вечеру благополучно добрался до дома, а утром, придя в больницу, посетил кабинет главного врача, отдал ему своё объяснение, где указал, что лётчик меня не послушал и улетел. Лётчик прилетел на третий день, был судим и уволен с работы за прогулы.

Полёт в Зюзино – Афанасьевское

Мы вылетели на вновь построенном двухмоторном самолёте санитарной авиации. Самолёт имеет закрытую кабину. Летело нас трое, рядом со мной – механик. Вылетели в два часа дня. Летели хорошо, но почему-то трижды садились на дорогу, лётчики и механик выходили из самолёта, поднимали капот, что-то рассматривали, вновь поднимались в воздух и летели дальше. Добрались до места назначения, когда уже стало немного темнеть, и меня предупредили, что, по-видимому, придётся ночевать, так как один мотор неисправен. Я ушёл в больницу, осмотрел больного. Случай оказался непростой, и я был доволен, что мы ночуем, и будет возможность ещё раз осмотреть больного. Утром после осмотра пациента и моего назначения лекарств я вышел к самолёту, где были мои

попутчики, и мы решили лететь. Но, сделав три круга по снежному полю, самолёт не смог оторваться от земли. Лётчик открыл маленькое окошечко к нам в кабину и сказал: «По-видимому, снег стал влажным, лыжи плохо скользят. Но я видел там овраг, я на него набегу, мы оторвёмся и полетим». Мы молча согласились, с большим трудом перебрались на ту сторону оврага, но не взлетели. В напряжённую минуту я даже выглянул в окно, думал, как глубок овраг и не придётся ли нам кувыркаться, однако мы благополучно подрулили к краю села, самолёт остановился, я вышел и услышал, что останемся ещё ночевать, так как один мотор совершенно не работает и придётся его перебирать основательно.

Я пошёл в амбулаторию и стал принимать больных. Утром после осмотра пациентов, к которым я был вызван, мы сели в самолёт и благополучно поднялись в воздух. Оба мотора работали хорошо, лететь было одно удовольствие, кабина крытая, не дует, и сидеть очень удобно. Я раскрыл новую книжку, которую купил в селе, и углубился в чтение под приятный равномерный рокот моторов. Вдруг через час полёта я оторвался от книги в недоумении – стояла полная тишина, моторы не работали... Открывается окошечко из кабины пилота, а механик, сидящий рядом со мной, говорит: «Надо садиться». Я взглянул в окно и увидел, что мы летим над лесом. От посадки на лес нас спасла возможность планирова-

ния, предпринятая лётчиком. За пять разворотов, которые сделал самолёт, мне показалось, что мы как будто поднялись вверх и, наконец, заметили большое снежное пространство, посередине которого стояла небольшая избушка. Лётчик крикнул: «Сажусь!» Крутое снижение – состояние ожидания посадки было тревожное. От неминуемой аварии нас спас очень глубокий снег. Мы катились прямо на плетень, который, на счастье, был занесён снегом до самого верха. Перевалившись через плетень, остановились в двухстах метрах от избушки, которая оказалась значительно больше, чем казалась сверху. Из дома выскочило несколько человек, двое из них надели лыжи и направились к самолёту. Я вышел и тотчас же провалился выше пояса. Тогда я подозвал одного из пареньков и попросил довести меня на лыжах до дома. Это был колхозный клуб.

Через полчаса пришли лётчики с механиком и, обращаясь ко мне, сказали: «Уважаемый Иван Иванович, Вам придётся сейчас же поехать на станцию Ардашево. Это в 30 километрах отсюда. Вас увезут на лошади. Надо передать, чтобы вылетел лёгкий самолёт, привёз два бидона бензина, так как у нас его нет». Через 15 минут я уже сидел в санях-розвальнях, и ямщик, молодой парень, понукал лошадь. Километров через десять мы подъехали к реке Проснице и увидели, что примерно в 250 метрах колхозники вы-

таскивают из воды брёвна. Моему кучеру следовало бы податься влево и по полю объехать место работы, но он поехал прямо по обледеневшему берегу. Сани раскатились и перевернулись, лошадь упала, а я вывалился и покатился вниз. К счастью, сумел удержаться на берегу и в воду не упал. Рабочие подбежали ко мне, помогли выбраться наверх. Подняли и лошадь, и мы отправились к станции. Когда я вошёл к дежурному по станции, было уже четыре часа. Я объяснил, что мне необходимо соединиться с городом, с авиастанцией. Меня соединили, и я передал, что самолёт потерпел аварию из-за отсутствия бензина. Посадка самолёта – в 25–30 км от станции Ардашево. Дежурный предложил мне уехать товарным поездом в теплушке, где едет бригада: «Будет тепло, и Вы легко доедете до города». И, действительно, через 15 минут в теплушке я разговаривал с рабочими. Мы благополучно подъехали к станции Полой, где был в пути небольшой подъём. Вдруг мы заметили, что наш вагон остановился, а затем медленно, набирая скорость, покатился обратно. Кто-то крикнул: «Надо выскакивать!» Быстро распахнулась дверь, и все стали прыгать. Меня предупредили: «Скачи вперёд!» Я прыгнул и, так как был большой снег, не ушибся.

Кто-то из рабочих нашёл старую шпалу и кинул её под колёса. Вагон остановился. Поезд дал задний ход, вагон подцепили, и мы благополучно доехали до города.

Срочный вызов на консультацию

Старший врач областной больницы сообщил мне о необходимости срочно выехать на аэродром для вылета в район на консультацию. На аэродроме я встретил знакомую – врача-лаборанта Александру Ипполитовну Молчанову. Я удивлённо спросил: «А Вы куда собираетесь лететь?» Она ответила: «Разве Вы не знаете? Мы вместе летим на эпидемию тифа в село Кичму». Я огорчился, что облздрав послал меня без предупреждения, так как я мог бы известить семью о длительной командировке и взять запас белья.

Прилетели в указанное село – и тотчас в больницу. Оказалось, что эпидемия тифа продолжается уже пару недель, но был случай, где диагноз брюшного тифа был сомнителен, почему и была запрошена консультация. Школа и часть больницы заняты больными. Доктор Молчанова стала брать исследования у сомнительных больных, а я пошёл с обходом по палатам. Каждого больного осматривал и обнаружил, что среди брюшнотифозных есть больные, страдающие сыпным тифом. Назначил соответствующее лечение. Разделив по диагнозам, стал лечить, что продолжалось две недели.

Особенно труден был один старик 75 лет с брюшным тифом и сопутствующим заболеванием – воспалением лёгких. Я попросил у врача все истории болезней с начала эпидемии. Проработав их, увидел, что

брюшной тиф начался среди учеников, живущих в общежитии или приходящих из других деревень ночевать в общежитии. Я попросил показать мне это помещение. Выяснилось, что его сразу заперли. Отперев общежитие, я обратил внимание на питьевой бак, который стоял в коридоре. В нём было порядочно воды, а в ней плавал... грязный лапоть. Я указал медицинским работникам на антисанитарию и отсутствие контроля.

После того, как прожил в селе неделю, мне захотелось сходить в баню, и я попросил у председателя сельсовета разрешение на покупку пары белья, носков и прочего.

В конце эпидемии я съездил в соседние деревни с лечащим врачом.

Четвёртая городская больница

Я – заведующий терапевтическим отделением. Провожу очередной обход у врача Н. Доктор предлагает мне посмотреть мужчину лет 45, поступившего накануне с диагнозом – язвенная болезнь желудка. Собранный анамнез ставит диагноз под сомнение. Нет в анамнезе болей после еды, нет склонности к запорам. Болезнь началась постепенно, прогрессивно ухудшалась, в основной жалобе больного преобладают боли в области живота и слабость.

В анализе желудочного содержимого была обнаружена повышенная кислотность. Общее состояние больного вполне удовлетворительное.

Питание нормальное. Лимфатический аппарат в норме. Пульс – 65/70, ритмичный, давление – 130/80, тоны сердца чистые, границы – в норме. В лёгких – без фокусных изменений, дыхание в нижних полях слегка ослабленное. Осмотр живота: при пальпации по средней линии, чуть выше пупка, прощупывается плотное образование, не резко болезненное и малоподвижное. Лечащий врач показывает результат анализа крови, где можно отметить небольшое отклонение от нормы – РОЭ, равное 16. У больного постельный режим. Прошу провести исследование кала на скрытую кровь, мой повторный осмотр – завтра. Больной хорошо переносит молочные продукты, рекомендую продлить диету № 1. Даю советы пациенту: «Мы подвергаем вас повторному рентгеноскопическому обследованию желудка, но, возможно, в другой больнице, так как надо решить вопрос операции, а у нас хирургической помощи в этой больнице нет». Больной даёт согласие.

Я обсуждаю с лечащим врачом диагноз пациента, подозревая рак желудка. На следующий день повторно вместе с врачом осматриваю больного и прихожу к выводу о необходимости остановиться на раке желудка, повторной рентгеноскопии желудка. Её следует провести в условиях онкодиспансера, куда мы направляем больного.

Через день, к вечеру, ко мне на квартиру – звонок. Звонит врач, по-

видимому, заведующий, и громко говорит: «Зачем Вы, опытный врач-консультант, направляете больного, не поставив правильного диагноза? Больной умер при явлениях инфаркта сердца. Предлагаю завтра явиться в морг на вскрытие, утром, в 10 часов!»

Мы с лечащим врачом явились аккуратно. На вскрытии было пять человек из онкодиспансера. Вскрытие вёл прозектор. Состояние тревожное. Описание случившегося ночью сердечного приступа с болями и характерной ЭКГ полностью напоминало инфаркт миокарда. После того, как вскрыли сердце, все увидели на передней стенке кровоизлияние. Врачи в один голос сказали: «Инфаркт».

Прозектор вскрывает желудок, и мы видим картину типичной раковой опухоли.

В это время ко мне подходит врач-ординатор морга и говорит: «Иван Иванович, это не инфаркт, а метастаз опухоли рака». Делаем срез опухоли на сердце и убеждаемся, что это раковый метастаз. Наши переживания кончились.

Врачи онкодиспансера ушли смущёнными.

Благодарю за доверие ведущего хирурга З. С. Батурина

Я иду по улице Урицкого мимо небольшого оранжевого домика и вспоминаю, что в детстве вместе с матерью бывал здесь, где жила её

подруга – садовод Завойская. Вспоминаю также, что она всегда угощала нас белой малиной. Я стал уже проходить мимо двора, когда откуда неожиданно выбежала женщина и, обращая ко мне, сказала: «Дорогой доктор, будьте добры, зайдите к нам, у нас заболел сынишка». Я вернулся. И мы вошли в дом. В небольшой прихожей я снимаю пальто и смотрю в открытую дверь комнаты. На кровати, в 10–15 шагах от меня, лежит мальчик. «Что у тебя болит?» – спрашиваю я его. – «Живот», – отвечает он и тотчас же сбрасывает с себя одеяло.

Я поражён: вижу ярко выраженную глубокую антиперистальтику кишок. Быстро подойдя к кровати, я прослушал, проперкуссировал живот больного, ясно убедился, что имею дело с непроходимостью кишок. Быстро проверяю пульс – 85 в минуту, тоны сердца – лёгкие, в пределах нормы. Узнаю, что это случилось 2–3 часа назад, неожиданно, когда мальчик прыгал, резвился. Говорю матери: «Необходимо мальчика срочно везти в хирургическое отделение областной больницы. Я полагаю, что это заворот кишок. Нужна консультация хирурга, и, по всей вероятности, операция неизбежна». Сажусь за стол и пишу направление: «Срочно в хирургическое отделение на совет. Больной – Захарченко Юра, 5 лет. Наблюдаю ясную антиперистальтику. Считаю необходимым хирургическое вмешательство. Врач И. М.».

Как я узнал через день, больной был доставлен в больницу, где был осмотрен дежурным врачом. Хирурги не обнаружили антиперистальтику, так как прошло уже два часа, и решили лечить консервативно, не подвергая больного операции. Они решили представить его на консультацию зав. отделением З. С. Батуриной. Зоя Сергеевна, осмотрев пациента, спросила: «А кто направил?» – и, узнав, что послал врач И. И. Мышкин, сказала: «Он не мог ошибиться. Я берусь делать операцию».

Операция прошла благополучно. Диагноз заворота кишок подтвердился. Ребёнок поправился и жив здоров до сих пор. Операция проведена в 1942 году. Теперь он уже мастер, у него есть дочь, учиться в медтехникуме. Живёт с матерью и женой. Я был приглашён на празднование 70-летия матери, получил благодарность и угощение.

Война и призыв в армию

Достаточно неожиданно грянула война. На третий день я, согласно плановому приказу, явился на призывной пункт. Он был в то время в помещении школьного городка. По месту назначения нас распределял пожилой врач. Увидев меня, он сказал: «А вы, дорогой Иван Иванович, поедете в госпиталь № 1018». Через час я был уже в госпитале, встретил там знакомых врачей-хирургов, поздоровался, был очень рад и сказал: «Будем работать до конца».

По приказу начальника госпиталя я должен был организовать отделение для выздоравливающих послеоперационных больных и работать как консультант-терапевт. Я был в чине капитана. У меня было два младших врача, один из них – терапевт, другой – бактериолог. Нам был выделен третий этаж, где мы организовали отделение в 70 коек.

На отделении лежала обязанность наблюдения и предупреждения возможной инфекции, проведение повторных перевязок, организация питания. Мне до сих пор хорошо помнится принятие военной присяги всеми работниками госпиталя.

Работалось хорошо. Наше отделение отличалось дисциплиной, порядком и чистотой, оно получило Красное знамя. Прошёл год работы, однажды в моё дежурство по госпиталю я был вызван к телефону заместителем заведующего облздравотделом. Он вежливо осведомился о здоровье и спросил: «Как работаете хирургом?» Я ответил: «Я не хирург, я хируля». Тогда он спросил: «Надоело быть хирургом? Не желаете ли стать терапевтом?» Я был рад. Он велел прийти утром и получить назначение начальником терапевтического отделения на 70 коек при госпитале № 1733. Я изъявил желание и на следующий день получил назначение.

Бывшая начальница этого отделения была переведена в другой госпиталь. Приняв больных, я понял: чтобы изучить их всех,

я должен работать безвыходно неделю, так как состав терапевтических больных был очень разнообразен и сложен – от тяжких до агравантов (преувеличивающих симптомы болезни). В течение недели, не выходя из госпиталя, я тщательно проверил всех и представил заключение на выписку нескольких десятков человек, не подлежащих госпитализации. На комиссии был начальник госпиталя, замполит и профессор Г. Наведя в госпитале порядок, я работал в нём в течение года. Неожиданно был вызван в отдел госпиталей облздравотдела, и мне было предложено стать главным терапевтом госпиталей города и области. Я выразил сомнение, но мне было сказано, что моя кандидатура утверждена обкомом партии и облисполкомом и послана в Москву на утверждение.

Внезапно был вызван в Москву, где был принят главным терапевтом госпиталей РСФСР, профессором Бадильтесом. Перед тем он приезжал в Киров, и мы совместно посетили один из госпиталей области. В конце моего пребывания в Москве было создано производственное совещание. Профессор Бадильтес заявил, что создано много военных госпиталей. Главными терапевтами-консультантами для них выделены профессора и доценты. Но есть простой врач, чья популярность в области настолько велика, что ей может позавидовать любой профессор. Это Иван Иванович Мышкин в Кировской области. Мне пришлось встать.

Все аплодировали. После совещания нас пригласили в ресторан, где был хороший ужин.

Успех и правильное направление моей работы я приписываю во многом дружескому, товарищескому отношению профессоров Военно-медицинской академии А. Л. Мясникова, Нечаева и других, у кого я всегда находил нужную консультацию. Я посещал лекции профессоров, подкреплял свои знания. Отдельные, особо интересные эпизоды моей жизни и работы я постараюсь описать.

После окончания войны, когда расформировался отдел госпиталей, меня назначили начальником терапевтического отделения инвалидов Отечественной войны, которое я вновь организовал.

Госпиталь военнопленных в Халтурине

Во второй половине Великой Отечественной войны я поехал (без вызова) в город Халтурин. Доехав на поезде до Оричей, зашёл на станции в пересыльное отделение Халтуринского госпиталя с предложением осмотреть нуждающихся в консультации больных. В этом отделении были оставлены нетранспортабельные больные. Заведующий отделением показал мне трёх больных, страдающих неясным заболеванием. Врач рассказал, что у больных в дороге был своеобразный порез, а потом паралич ног. Изучая анам-

нез, я обнаружил, что у двоих немцев месяц назад была дизентерия, а потом наступил порез и паралич. Теперь состояние улучшается, и явления паралича ног исчезли. У третьего больного – чистый анамнез, но при осмотре можно было отметить небольшую красноту в области миндалин. Общее состояние всех трёх больных хорошее. Мой совет – взять мазок из горла и послать в Киров на дифтерию. Больные проходят курс массажа ног и общеукрепляющее лечение.

Путь от Оричей до Халтурина преодолел на лошади, в тарантасе. Дорогой размышлял о больных. Для меня была не ясна этиология заболевания – все трое отрицали перенесённое заболевание горла. В кабинете главного врача госпиталя я встретил удовлетворение своим приездом, зав. лечебной частью, врач Н. сказал: «Хорошо, что Вы приехали, у нас эпидемия параличей ног». Тогда я спросил: «Какую же Вы инфекцию нашли?» – «Мы-то что, – был дан ответ, – у нас есть профессор из Берлина, который авторитетно заявляет, что это заболевание свойственно только людям высокой арийской нации, а инфекцию как таковую он отрицает, хотя в начале заболевания у некоторых больных было кратковременное повышение температуры».

Картина крови, мочи и общее состояние больных было нарушенным. Я спрашиваю: «А горло вы тщательно осмотрели? И много у вас таких больных?» Отвечают: «Горло мы

смотрели, больных – три палаты и ещё поступают». Идём осматривать больных. Предварительно меня знакомят с профессором и иностранными врачами, работающими в госпитале.

Я осматриваю больных первой палаты, это уже выздоравливающие больные с остаточными явлениями пареза и последующего паралича. В палате собраны люди, имеющие образование, в большинстве – служащие. Моя попытка выявить в анамнезе заболевание горла неудачна, хотя и спрашиваю их на немецком языке.

На последней койке лежит больной лет сорока с очень большой головой и своеобразным лбом. Спрашиваю у профессора: «Это тоже арийская раса?» Профессор быстро схватил линейку со стола, поставил её сначала на лоб, потом на нос и сказал: «Коллега, смотрите, какой угол – это не арийская раса, это вырождение, примешалась чужая кровь!» Я был не согласен с ним и попросил больного подойти к окну. Строение правой и левой стороны головы было одинаковым, уши, особенно мочки ушей, нормальные, цвет глаз одинаков, реакция лицевого нерва и глаз – в норме. Задаю вопрос больному: «Не знаете ли Вы, что начали в детстве ходить поздно, долго ползали, и не говорили ли родители, что Вы хворали рахитом (что вполне объясняет строение головы)?» Отвечает: «Нет, не помню». Спрашиваю: «Кем работали до войны?» – «Шофёром в большой торговой органи-

зации» – «Сколько у Вас было прогулов и нарушений?» – «Не было». Вдруг все больные палаты хором говорят: «Толковый, умный человек».

Переходим во вторую палату. Это палата простых солдат. Расспрашиваю каждого, не болело ли горло, об общем самочувствии в начале заболевания. Все дают отрицательный ответ. Вдруг слышу сзади молодой голос: «Господин доктор, у меня происходило точно так, как Вы рисуете картину заболевания». Я обращаюсь, вижу – стоит молодой немец, спрашиваю: «Кто Вы?» Он отвечает: «Студент-медик второго курса, а здесь – санитар» – «Расскажите, как протекало заболевание?» – «У меня была небольшая болезненность при глотании, знобило, и была небольшая температура. В зеркало я видел в горле небольшой налёт. Затем через 7–10 дней – потеря чувствительности и паралич ног».

Тогда я обращаюсь к заведующей отделением: «Нет ли у Вас выделенных в изолятор больных горлом?» – «Да, четыре человека, пойдёмте смотреть». При осмотре в изоляторе больных у одного был обнаружен в горле небольшой сероватый налёт. Моя попытка снять шпателем налёт дала небольшое кровотечение. Обращаюсь к русским врачам и говорю: «Надо взять мазки с горла и послать на анализ на дифтерию. А сейчас пойдёмте в палату выздоравливающих пленных».

Войдя в палату, я громко по-немецки сказал: «Прошу поднять ру-

ки, у кого болит горло или болело три-пять-девять дней назад». Почти в каждой палате два-три человека поднимали руки. Я осматривал горло, находя красноту или небольшой налёт, и включал их в список исследования на дифтерию. Определял рефлексы ног и в ряде случаев находил понижение рефлекса. Обращаясь к русским врачам, указывал, что у этого больного есть возможность наступления паралича. Предложил провести осмотр горла у всех пленных, тщательно собрать анамнез при подозрении на заболевание горла, брать мазок на дифтерию. В 50 случаях мазки, взятые у подозрительных больных, направить в Киров на посев дифтерии. Дано указание изолировать всех с перенесённым заболеванием горла, обязательно брать мазки и делать посев. Посевы на дифтерию были положительные в 50 % случаев.

Меня попросили посетить хирургическое отделение и проконсультировать больного с подозрением на аппендицит. При обходе хирургической палаты мне бросился в глаза больной, лежащий на койке без одеяла и держащий правую ногу, согнутую в колене и повернутую на правый бок. Я подошёл к нему и спросил: «Почему ты так держишь ногу?» Он ответил: «Мне легче, меньше боль справа в нижней половине живота». Обращаюсь к врачам и говорю: «Вот вам первый симптом аппендицита, он так держит ногу потому, что расслабляет мускул

и уменьшается боль». Положив правильно больного на спину, я путём перкуссии живота определяю заметное укорачивание звука в области аппендикса. Пальпация болезненна. Симптом раздражения брюшины неясен. Я подтверждаю поставленный предположительно диагноз острого аппендицита и считаю необходимой операцией. Диагноз был подтверждён после операции.

Считаю интересным рассказанный мне случай прибытия военнопленных в Халтурин. Когда они прибыли, их построили около городской бани, они шли пешком от станции в сопровождении вооружённых конвоиров. Баня – длинное, тёмное, одноэтажное здание. Когда конвоир отсчитал двадцать человек, приказал им раздеться донага и заходить в баню. Они вошли, а среди оставшихся шёпотом прозвучало: «Повели сжигать!» Поднялось волнение, некоторые плакали, прощаясь друг с другом. Но когда первые, краснощёкие, одетые в больничную одежду, вышли из бани, веселью и ликованием не было конца.

Ко мне после возвращения в город, дня через четыре, подошёл доцент кафедры инфекционных болезней Ленинградской медакадемии, который съездил по указанию облздравотдела для проверки моего доклада. Он подтвердил диагноз эпидемии дифтерии, дающей осложнение пареза и паралича ног, но сказал, что профессор-немец ошибся только потому, что в Германии не-

сколько десятков лет не было заболевания дифтерии. Я указал ему на то, что госпиталь не искал причины инфекции, приведшей к эпидемии, и оправдание профессора неверно.

Я с большим удовлетворением вспомнил доктора Скалепова, заведующего диагностическим отделением областной больницы, который продемонстрировал мне подобного рода взрослых больных дифтерией, и во всех неясных случаях заболевания, конечно, следует обследовать горло как источник инфекции. У взрослых дифтерия протекает с малым токсикозом и более благоприятно.

Встреча с венграми

Интересной была встреча с военнопленными венграми, когда я прилетел в Белую Холуницу по вызову к больному с предположительным диагнозом – инфаркт-стенокардия. Осмотрев пациента, я не нашёл инфаркта, дал советы и сделал лечебные назначения. После обеда я вышел в парк около госпиталя, отыскал удобную скамейку, развернул журнал и стал читать.

Вижу – по лесенке спускается группа больных, и направляется в мою сторону. Впереди шёл молодой человек. Мужчины остановились в 15–20 шагах от меня. Я сразу узнал военнопленных венгров. Молодой человек, который вёл группу, поздоровался со мной и на чистом русском языке попросил разрешения спросить господина профессора

об интересующем их вопросе: «Скажите, пожалуйста, Вы прилетели, по-видимому, к очень богатому человеку, ведь полёт на самолёте стоит больших денег, кроме того, полёт профессора тоже требует больших денег?» – «Я вам отвечаю, – сказал я, – только прошу называть меня “доктор”, так как я не профессор. Полёт самолёта и мой медицинский совет в нашей стране совершенно бесплатны для больного. Самолёт принадлежит санитарной авиации, и я часто летаю по области, как и врачи другой специальности, оказывая необходимую помощь совершенно бесплатно, а мы, врачи, получаем командировочные деньги».

Руководитель группы всё перевёл на венгерский язык, и я видел большое недоумение на лицах. Меня попросили ответить ещё на один вопрос: «А что такое колхоз?» Я начал с описания, как жили в деревне до революции крестьяне, – отдельными самостоятельными хозяйствами. Более богатые из них имели лошадей и на ней деревянной сохой обрабатывали отдельную полосу земли, а бедным приходилось обрабатывать лопатой. Между полосами было пространство, отделяющее каждую полосу от соседнего участка другого хозяина. Когда же хозяйства объединились в колхозы, стала коллективная обработка поля, полезное пространство земли для посева увеличилось. Большим событием было, когда на полях появились трактора. «Колхоз – это коллективное хозяйст-

во, облегчающее труд объединённых в него крестьян. В колхозах появились деньги, на которые они покупают сельхозтехнику», – пояснил я, отвечая на вопрос венгров.

Пеллагра

Во время второй половины войны меня вызвал заведующий госпитальным отделом облздрава, доктор В. Э. Жислин, предложил немедленно выехать в командировку в госпиталь, находящийся на севере области, на станции Фосфоритная, и провести детальное обследование, причём заявил: «Все указания о цели и назначении командировки Вы должны получить у секретаря областного комитета партии, куда следует явиться».

С секретарём обкома встретился в его кабинете. Он предложил в течение часа ознакомиться с печатным трудом на 20 страницах, написанным врачом К., затем будет инструктаж. Здесь же, в кабинете, я внимательно ознакомился с работой санитарного врача К. Более всего меня поразило грозное «обвинение всего командования госпиталя и лечащих врачей в умышленном содействии смертельным исходам у военнопленных». В то же время суть дела не была подтверждена фактическими данными – диагнозами, секционными материалами, консультациями, то есть точная причина смерти отсутствовала. Заключение было в категоричной форме.

Это наводило меня на мысль о какой-то ошибке в мышлении автора, даже создавалось впечатление о наличии состояния, напоминающего шизофренический синдром. Я тут же сказал, что умысел как причину смерти не допускаю. Товарищ секретарь заявил мне, что я должен возглавить комиссию из трёх человек, предложил выдвинуть кандидатов, с которыми я должен детально разобраться на месте, то есть в госпитале. Подчеркнул: не считаться со временем командировки.

Мною был выдвинут опытный врач, фтизиатр П., третьим членом комиссии я предложил командировать автора этого труда, врача К.

На вопрос секретаря: «Зачем Вам нужен автор?» – я ответил: «Хочу, чтобы он ходил со мной, следил за тем, что я буду делать, чтобы он мог убедиться в правильности или ошибочности своего мнения». В последнем я был уверен.

Секретарь одобрил моё предложение, и мы выехали в тот же день. Ещё в пути я составил план работы комиссии:

1. Учитывая пребывание на севере военнопленных, преимущественно жителей юга (много было итальянцев, немцев, мадьяр, румын), а также учитывая психически угнетённое пленом состояние, своеобразное для них питание, можно было ожидать возможность нарушения питания, в особенности – недостаточность витаминов, что ведёт к заболеванию пеллагрой.

2. Вторым моментом, способным вести к повышению заболеваемости и смерти, была, как я полагал, инфекция, в частности, туберкулёзная – изучение этого вопроса я поручил фтизиатру – доктору П.

В первый же день после прибытия я обследовал аптеку и нашёл, что врачи, учитывая возможность появления авитаминоза, проявляли большое внимание к заготовке нужного количества витаминных препаратов в виде таблеток. Кроме того, было организовано изготовление дрожжей и настоев хвои.

Но употребление витаминных препаратов для внутривенного введения не практиковалось. Само питание военнопленных было хорошее (красноармейский паёк).

В первый же день аптека получила витамины для введения внутривенно и под кожу. Создалось впечатление, что витаминных препаратов вполне достаточно. Следовало искать причину в самих больных, прежде всего – своевременность витаминизации и усвоение организмом, то есть надо было перенести наблюдения в клинику.

И, действительно, в 70 % у больных, а у прибывающих больных почти в 100 % случаев было наличие поноса или дискомфорта желудочно-кишечного тракта – ясно, что приём витаминов был малоэффективен, то есть страдало усвоение.

Конечно, выплыл вопрос об этиологии поносов. Было легко её установить, когда одновременно об-

наруживаешь наличие кожных изменений, поражение кишечника. Присутствие слизи в испражнениях заставляло думать о колитах инфекционной породы (посевы на дизентерию). Наличие глосситов ярко-малинового цвета, безусловное наличие признаков угнетения душевного (в плену) характера – эти признаки были особенно выражены у больных, поступающих в госпиталь. Я сделал предложение и выполнял его аккуратно: все вновь поступившие больные были приняты мною совместно с «автором» труда, который читал в обкоме.

Едва поступала партия больных, я, владея немецким языком, громко спрашивал: «У кого имеется понос, прошу поднять руку». Таковых было до 100 %. При приёме больных мы совместно точно устанавливали их состояние и тяжесть. Надо сказать, что поступающие больные были в тяжёлом состоянии. Предположение наличия авитаминозов, особенно роста пеллагры, становилось явным, а введение внутривенно никотиновой кислоты давало быстрое выздоровление, что подтверждало диагноз.

Состояние психики больных было заметно нарушено, были даже случаи попытки самоубийства: пленных снимали с петли, дежурили товарищи. Второй причиной, усложняющей лечение поступающих больных, была отмечена поздняя госпитализация: при приёме нового контингента больных приходилось подчёркивать общее тяжёлое

состояние с наличием частой диареи и резкое истощение. Подробно обследуя поступающих больных, в анамнезе указаний на какие-либо инфекции, в частности, дизентерию, выявить не удалось (хотя я часто пользовался немецким языком).

Характерен случай, когда при мне по моему требованию был осмотрен больной немец, находящийся в отдельной палате под непрерывным контролем двух немцев, так как два раза пытался повеситься, где я обнаружил явные признаки пеллагры, и провёл под непрерывную ругань больного курс витаминной терапии (больного держали здоровые немцы) с достаточно ясным успехом.

В период нашей работы мы проводили среди врачей – русских и иностранцев – беседы: доктор П. – о туберкулёзе, я – о витаминах и терапии, а также о заболеваниях сердечнососудистой системы.

Конечно, подробный отчёт был мною представлен. Эта командировка была насыщена интересными фактами, наблюдениями и послужила для меня большой наукой, позволившей применить в дальнейшем с успехом принятый мною опыт.

Щитовидная железа

Однажды я заметил, что у меня на шее небольшая опухоль щитовидной железы величиной с волоцкой орех. Мне предложили операцию, я отказался и продолжал работать. В это время командование дало мне

двухдневный отпуск. Я тотчас же отправился на моторной лодке вместе с сыном и моим приятелем на реку Чепцу. Была солнечная, жаркая погода. Мы купались, и я, скидывая рубашку, порвал ворот. Я сидел за рулём моторки, и солнце освещало мне шею. Мы прекрасно провели время. Но через три дня я почувствовал, что моя щитовидная железа резко увеличилась и стала величиной с яблоко. Меня немного знобило, и была тахикардия. Я чувствовал температуру. Меня осмотрел мой друг, врач Василевский, и сказал: «Пойдём к Зое Сергеевне Батуриной». Когда мы пришли, она ощупала железу и сказала: «Дорогой Ванюша, немедленно поезжай в Москву. Тебе предложат операцию, соглашайся, но проси после операции положить пакет радия». Я не согласился с диагнозом, возразил, что это острое воспаление, которое нужно лечить, но не раковая опухоль. В Москву всё же решил съездить. В это время я увидел на шее Зои Сергеевны тоже увеличенную щитовидную железу и спросил, отчего она не хочет удалить свою железу. «Я советовалась в Москве, – ответила она, – мне сказали, что это обыкновенная, не требующая оперативного лечения железа».

Получив направление в Москву, я обратился в лечебный отдел Министерства здравоохранения. Я очень похудел. Меня принял профессор Бадильгес, главный терапевт госпиталей РСФСР и написал направле-

ние на консультацию к профессору Шершевскому (автору книги о щитовидной железе). Я тотчас же отправился на приём. Профессор принял меня хорошо. Осмотрел, проверил пульс, сердце, сердечно-сосудистую систему, затем задал мне вопрос: «А как Вы думаете, молодой коллега, что у Вас? И нужна ли Вам операция?» Я ответил, что считаю у себя острое воспаление щитовидной железы из-за перегрева на солнце – надо лечить. Он встал, пожал мне руку и сказал: «Молодец!» – прописал мне пилюли профессора Шершевского, рекомендовал беречься от солнца и сделал вывод – операция не показана, необходимо лечение.

Я от души поблагодарил и отправился на остановку автобуса. Вижу – идёт профессор Шершевский: «Вы очень торопитесь?» – «Нет», – говорю. – «Тогда разрешите пригласить вас в гости» – «С удовольствием!»

Мы быстро добрались на автобусе, поднялись на третий этаж, вошли в тёмную комнату. «Вот стул, садитесь», – предложил профессор. Он подошёл к другой стене, щёлкнул выключателем, и зал озарился светом. Необыкновенной красоты абжур переливался всеми цветами радуги. Это была вещь екатерининских времён. Оказывается, профессор был антикваром, собирал старину.

По дороге в Киров я уже начал принимать пилюли и через две недели почувствовал, что моя железа уменьшилась. Я выздоровел и лечил других.

Печальна судьба Зои Сергеевны Батуриной, направившей меня в Москву. Подозревая, по-видимому, у меня злокачественную опухоль, она не обратила внимания на опухоль своей щитовидной железы, а ей-то нужна была консультация у такого специалиста, как профессор Шершевский. Через некоторое время у неё был диагностирован метастаз в область головного мозга. Чтобы избежать мучительного конца, ей была сделана операция удаления опухоли, но вскоре после операции Зои Сергеевны не стало.

Можно поспорить и со «скорой помощью»

В девять часов вечера раздался телефонный звонок: звонил фельдшер, с которым мы вместе работали в областной больнице. С тревогой в голосе она сообщила, что её муж, мой друг и приятель по охоте, Николай Андреевич Рылов в очень тяжёлом состоянии, болен вторые сутки. Был участковый врач, приезжала «скорая помощь». Признали, что у больного большая погрешность – отравление, он поел пирогов с грибами, и, хотя его несколько раз вырвало, стало ещё хуже.

Я выразил желание немедленно приехать, застал больного в очень тяжёлом состоянии: бледный, весь в поту, в тазу у кровати – рвотные массы тёмного цвета в большом количестве. Выявить наличие крови не удалось. Пульс едва прощупыв-

вался, слабого наполнения. Очень глухие толчки сердца. Живот слегка вздут, ясный звук перкуссии, при пальпации – болезненность, особенно заметная в средней линии, идущей между пупком и краем левого последнего ребра. При попытках прощупать болезненную почку, повернуть больного на левый бок боль резко усилилась, больной застонал. Пульсация брюшной аорты не определяется. Пальпация и перкуссия в области печени болезненна. Язык сухой, слегка обложен серым налётом. В лёгких без фокусных изменений. Отёков на ногах нет.

Я ставлю диагноз – острое воспаление мочевого пузыря и поджелудочной железы с подозрением на камни в желчном пузыре. Состояние больного крайне тяжёлое. Он нуждается в немедленной госпитализации, возможно оперативное вмешательство. Больной и супруга со мной согласны. Я беру телефонную трубку, вызываю «скорую помощь» и прошу ответственного дежурного. Объясняя ему диагноз и состояние больного, предлагаю выехать немедленно.

С диагнозом участкового врача и «скорой помощи» я не согласен. Через пятнадцать минут, приехавшие врачи, осмотрев больного, с моим диагнозом согласились, и пациент был доставлен в Северную больницу, где ему была проделана срочная операция – удалены камни из желчного пузыря.

Через двое суток я посетил Николая Андреевича. Кризис болезни

миновал, больной был на пути к выздоровлению.

Кончина... отменяется

Однажды встретил меня мой добрый друг, охотник, мой учитель, врач С. А. Драверт. Он обратился ко мне с просьбой посетить больную – жену его хорошего знакомого. Дворянка по фамилии Кисель-Загорянская была выслана в Вятку после длительного пребывания на севере страны, кроме того, краткое время она была в блокадном Ленинграде. Со слов Станислава Адольфовича, больную наблюдал ряд врачей с участка, а также опытный доктор Молчанов, но уточнить диагноз не могли. Был диагноз – поражение почек, хронический пиелит, хронический инфекционный миокардит. Больная теряла силы, температура ила и готовилась к смерти.

Я, конечно, изъявил полное согласие, и мы, не теряя времени, направились навещать больную. Она жила в полуподвальном помещении каменного особняка, принадлежащего в прошлом архитектору города Чарушину. Когда мы позвонили, нам открыли дверь. Я удивился тем, что на пороге стояла монашка. Драверт пояснил: «Больная очень религиозна». Моё удивление было ещё большим, когда мы увидели в комнате гроб, крест и саван! Я посмотрел на друга. «Это распоряжение-просьба больной, она уже готова к смерти, исповедалась, выбрала на кладбище

место и велела похоронить её в этом гробу и в этом одеянии», – сказал он.

Больная лежала на койке, вид её был, скорее, утомлённый, не резко выраженное похудание, сознание сохранено, ясное, но общее состояние нарушено. В анамнезе отмечается пребывание на севере и в Ленинграде во время блокады.

Больной – 48 лет, аппетит сохранился, но по совету лечащего врача питалась она своеобразно: мясо было запрещено, усиленно рекомендовалась молочно-растительная диета, притом без соли, так как в исследованной моче был обнаружен белок. Врач предполагал заболевание почек и советовал кушать тыкву, так как, с его слов, тыква обладает мочегонным действием.

Другие врачи не отрицали поражение почек, основываясь на редком субфебрилитете (37,1–37,3), небольшой пастозности на лице и нижних конечностях.

Тщательно осмотрев больную, я обнаружил ярко выраженные кожные изменения типа сухого дерматита, главным образом, на сгибах коленных и локтевых суставов. Выраженный глоссит (лаковый язык), склонность к чередованию стула – запоры, чередующиеся с поносом. Отринул поражение сердечно-сосудистой системы, лёгких.

Ещё раз взглянув на гроб, крест и саван, учитывая безусловные нарушения в питании в периоды пребывания на севере, в блокадном Ленинграде, я понял, что больная имеет

налицо все типичные признаки авитаминоза, типа пеллагры, в выраженной форме.

Высказав свои соображения доктору Драверту, я получил от него серьёзное замечание: «Смотрите, у больной удалена матка и неизвестно почему – по поводу фибромы или злокачественной опухоли». Я ответил: «Если это злокачественное образование, то мы имеем не только нарушение питания, но и токсический момент. Но я считаю, что надо лечить, так как мы не теряем ничего и не вредим больной». На этом наш совет был закончен. Я стал ежедневно приходить и внутривенно вводить никотиновую кислоту и поливитамины. Одновременно резко изменили диету: мясо, вплоть до пельменей, фрукты, овощи свежие. Питание – четыре раза в день в строго определённое время, простокваша – за два часа до сна. А также лёгкая гимнастика, постепенно переходя с горизонтального на положение сидя и, наконец, стоя, под моим ежедневным наблюдением.

Больная медленно поправлялась, но всё же через два месяца я сумел продемонстрировать её на заседании терапевтического общества. Она пришла самостоятельно, пешком, в сопровождении мужа, в хорошем состоянии. На мой вопрос, куда она делала гроб, весело улыбнулась и сказала, что всё пожертвовала в церковь.

Я доложил врачам о сущности и истории учения об авитаминозе

и, в частности, пеллагре, сообщил вкратце о моих встречах и наблюдениях этого рода больных, получил сердечный комплимент-поздравление от председателя заседания общества, доктора И. Е. Молчанова, который, пожав мне руку, сказал: «Это здорово, вернее, просто чудо, так как я ведь сам наблюдал большую и поставил диагноз – инфекционный миокардит».

Больная ещё жила 5 лет, но, к сожалению, переехала в г. Владимир, проводила ли она в дальнейшем дополнительное регулярное лечение, что очень необходимо и что ей было рекомендовано, неизвестно.

В последующем я находил в госпиталях и в городе подобные заболевания, например, в хирургическом госпитале 1733, где я консультировал больных, залежавшихся на длительные сроки. При обходе палаты я был предупреждён старшей сестрой, что этот больной грубит и даже ругается, и лучше на нём не задерживаться. Но когда я увидел типичные кожные изменения тёмного цвета, шероховатые, достаточно грубые – на коленных и локтевых суставах, явления глоссита, то понял, что ругается он не напрасно (а до армии он был секретарём Челябинского райкома партии). Ведущий хирург, посмотрев, видимо, впервые, запросил ваты, спирта и тщательно стирал кожные изменения, объясняя, что это грязь, запущенность, пытаюсь устранить, что, конечно, не дало эффекта, а вливание в вену ни-

котиновой кислоты через несколько дней привело к исчезновению кожных явлений и улучшению общего самочувствия, это ускорило выписку.

Подобный же случай я наблюдал и лечил в семье доктора К. с хорошим результатом.

Всего интереснее, что в собирании анамнеза у больных, даже послевоенного периода, я выяснял нарушение питания в прошлом и наблюдал, что назначение никотиновой кислоты давало ясно уловимый эффект в успешном лечении, особенно где я находил даже отдельные кожные изменения или глосситы и своеобразии кишечного пищеварения.

Вызов в госпиталь по Киров-Котласской линии (станция Опарино)

Я был вызван на консультацию по поводу затянувшегося инфаркта (стенокардия) у лейтенанта армии. Прибыв на станцию, я обратился к начальнику госпиталя. Он был очень обрадован, так как больной лежал несколько месяцев с невыясненным диагнозом сердечного заболевания. В его же кабинете я попросил историю болезни, и мне дали очень толстую папку.

Предварительный диагноз лечащего врача – стенокардия. А поступил больной с диагнозом – заболевание сердца. Пациент – молодой человек. Когда я познакомился с историей болезни, сложилось впечатление о неполном обследовании

больного. Я предложил проводить меня в палату. Войдя, увидел лежащего на постели молодого человека, по обе стороны которого сидели медсестра и доктор. Обе держали руки больного. Уже с первого взгляда можно было определить, что пациент южного (грузинского) происхождения, хорош собой. Впрочем, были очень красивы и врач, и медсестра – обе блондинки. Живописная группа!

За мной и начальником следовало несколько врачей госпиталя. Я начал собирать анамнез больного. Хотя образование его – неоконченная вторая ступень, анамнез был характерен анамнезу сердечного больного, что не вязалось с его видом и интеллектом. Проверив сердечнососудистую систему, обследовав кровяное давление, я не мог обнаружить патологии. Так же нормально выглядело обследование полости живота, внутренних органов – печени, селезёнки. Тщательно, ещё раз прослушав сердце больного, попросил его сесть, что редко разрешал лечащий врач.

Я вполне убедился, что здесь заболевание сердца, характера стенокардии, тем более, инфаркта, не обнаруживается. Что делать? Тогда я решил проверить искренность данных заболеваний, так как считал, что здесь аггравация (преувеличение больным каких-либо симптомов или болезненного состояния). Я попросил присутствующих врачей покинуть палату, чтобы сосредоточиться в тишине. Ещё раз задал ряд вопросов, более точно характеризую-

ющих сердечные заболевания типа нарастающего инфаркта – стенокардии. Ещё раз тщательно прослушал сердце во всех положениях, вплоть до положения стоя, и убедился, что имею случай симуляции. Больного следует отправить в Киров для электрокардиограммы. Я заметил, что при этом известии больной начал волноваться, чувствуя, что я раскрыл его карты. И, когда я ему сказал, что не нахожу заболевания сердца, он громко и злобно крикнул: «Как Вы смеете оскорблять меня, командира Красной Армии?»

Я предложил ему воздержаться от всяких советов даже с лечащим врачом, так как я буду в эти дни в госпитале и стану ежедневно его обследовать. Историю болезни и происшедший разговор передал только начальнику госпиталя, попросив его не разглашать ситуацию.

Сам занялся обследованием госпиталя, проверил сроки выписки больных, питание. На третий день моих повторных обследований лейтенанта я окончательно убедился в симуляции и предложил направить его для уточнения диагноза в госпиталь 1733, в терапевтическое отделение. Проводя отчётное собрание о состоянии госпиталя, я указал ряд недочётов в соблюдении режима, чистоты, однообразии питания при наличии продуктов и до самого конца не говорил о результатах обследования больного в плане консультации. Когда я замолчал, раздался ряд голоса: «А как же с обследованием

лейтенанта?» Я ответил, что тщательно осмотрел больного, считаю возможной ошибку в диагнозе и необходимость переслать больного в Киров, в спецгоспиталь.

Через три дня ко мне в госпиталь явился больной лейтенант. Проверив ещё раз его физическое состояние, проведя ряд обследований, вплоть до ЭКГ, я подверг больного консультации профессора Г., терапевта. Мой диагноз симуляции подтвердился – пациент был срочно выписан на фронт.

Трагический эпизод со счастливым концом

Я знал одно семейство, где рос чудесный паренёк. Мне приходилось там нередко бывать из-за его частых заболеваний горла с повышенной температурой, интоксикацией организма. Однажды, уезжая в командировку в район, я заглянул в это семейство, мать и сын пожаловались мне на очередное заболевание горла с температурой и болями при глотании. Я, как обычно, попросил чайную ложечку, подвёл больного к свету и заглянул в горло. Прежде я всегда находил красноту и припухлость, но в этот раз мне показалось, что есть небольшой налёт. Ощупывание с левой стороны показало припухлость лимфатических желёз, я попросил мать взять мазок и сделать посев на дифтерию.

Мазок оказался положительным на дифтерийную палочку. И мать тот-

час же, не дожидаясь моего возвращения, обратилась к отоларингологу, доктору В. Доктор осмотрел больного и заявил, что нет никакой клиники, похожей на дифтерию, что это ошибка лаборатории и необходимо повторить анализ. Повторный анализ дал тот же положительный результат. К тому времени я приехал, застал больного в постели с повышенной температурой и, как мне показалось, даже с нарушением ритма сердца.

Я немедленно побежал к другому врачу, доктору И. Е. Россихину. По пути мы взяли в аптеке антидифтерийную сыворотку. Россихин тщательно осмотрел больного и подтвердил показания лаборатории. Мы сразу же провели вливание антидифтерийной вакцины. Все токсические изменения у пациента на другой день сгладились, наступило выздоровление.

Риск – благородное дело

В самом начале войны в одном чудесном родном семействе я застал мальчика лет пятнадцати. Мне ещё раз пришлось пережить здесь трагические минуты. Я с грустью был свидетелем появления большой группы лимфатических желёз на шее у больного мальчика. В этом семействе была прямая туберкулёзная наследственность. Дело в том, что бабушка, мать отца, долго кровохаркала, температурила. Правда, она поправилась не оттого, что её несколько раз отправляли на юг, а,

скорее, потому, что обладала стойким трудолюбивым и жизнелюбивым характером, не позволяющим ей предаваться унынию в болезни. Она выздоровела.

Перенесли заболевание туберкулёзом и остальные дети семейства, но, правда, два случая в позднем возрасте закончились летально. Поэтому туберкулёзный характер большой группы желёз у мальчика не подлежал сомнению – я занимался тогда туберкулёзом и много видел подобных случаев в жизни.

Для полной уверенности были проведены рентгеновские и лабораторные освидетельствования. Это позволило установить диагноз – туберкулёз лимфатических желёз шеи. Гематогенная форма заболевания была исключена. Посоветовавшись с рентгенологом К., мы подвергли больного облучению. Эффект был хорош. И вот, спустя два года, во время пребывания в Кирове Ленинградской Военно-морской академии, профессор-фтизиатр Эмгин пригласил меня с бывшим больным на лекцию для студентов академии. Объяснив и описав заболевание туберкулёзом лимфатической системы организма, её диагностику и лечение, он, в частности, сказал: «Вот уникальный случай лечения туберкулёза лимфатических желёз облучением рентгеном, который дал хороший результат. Следует отдать должное мужеству лечащего врача. Мальчик до сих пор жив, выучился и обзавёлся большой семьёй».

Больной было 90 лет, когда я начал её лечить

Мне хочется описать больную женщину, которую я лечил два раза от тяжёлого двухстороннего воспаления лёгких. Я чувствую к ней большое уважение за её бодрость духа, желание жить и бороться, хотя ей уже 95 лет. Больная проводит большую часть времени в постели из-за перелома шейки бедра. Мы были дружны с её семейством. Сама больная была подругой моей матери.

Серафима Васильевна, вставая ночью, упала и сломала ногу повторно. По вызову «скорой помощи» была отправлена в травматологическое отделение больницы. Больную уложили на вытяжение. Но через неделю она стала чувствовать себя плохо: начала покашливать, у неё поднялась температура. По словам дежурившей у её постели дочери, учительницы, лечащие врачи недостаточно придавали значения ухудшившемуся состоянию больной, и дочь вызвала меня по телефону с просьбой навестить больную мать. Меня свободно пропустили, и я, прослушав больную, признал двухстороннее воспаление лёгких и уже не первый день. Так как дочь просила меня лечить больную, я решил спросить разрешения у дежурного врача. Придя к дежурному, я сообщил, что у больной двухстороннее воспаление лёгких. Врач сказал, что они подозревали у неё осложнение воспаления лёгких, но надо учесть

возраст пациентки, кроме того, перелом, безусловно, не срастается. К тому же, у них нет терапевта, который бы лечил терапевтических больных. Тогда я попросил разрешения лечить больную, приходиться к ней по мере надобности, совершенно бесплатно. Мне дали согласие.

Трудность данного случая и в том, что больной 90 лет, и в том, что она не могла поворачиваться и садиться. Но мы с её дочерью энергично принялись за лечение. Основной упор был сделан не только на назначение антибиотиков и камфары внутримышечно, но и на большой массаж спины, искусственное дыхание. Заставляли пациентку в трубку выдыхать через воду (пускать пузыри). Конечно, кислород был непрерывно. На ночь на спину и бока ставились горчичники. С этой процедурой хорошо справлялась дочь. Нам всё же удалось повернуть больную на бок!

Строго следили за стулом, проводили регулярное четырёхразовое питание, богатое витаминами, с кефиром на ночь. Одновременно я в палате провёл беседу о том, что свежий воздух необходим даже для больных с переломом, а для больной с воспалением лёгких — это первая необходимость. Через месяц пациентка была выписана во вполне удовлетворительном состоянии. До настоящего времени живёт, наслаждается детьми и внуками.

Нынче в октябре я был на 95-летию Серафимы Васильевны. Мы

толковали с ней о прошлой жизни в г. Слободском, вспоминали общих знакомых. Она может читать журналы, делает гимнастику и дыханье раздельно грудью и животом.

Я дружен со всей семьёй Верещагиных, и мне хочется вспомнить мужа Серафимы Васильевны — Бориса Николаевича. Это был образованный, культурный, честный человек, до революции занимал большую должность — начальника губернской земской управы. В его биографии следует упомянуть о связях с нашей семьёй. Будучи учеником средней школы, он жил у нас и, как говорила мама, был нахлебником (мама имела семейство из двенадцати человек и считала, что взять на хлеб двух человек не трудно и даже выгодно, так как прокормить двенадцать или четырнадцать — труд одинаков, а в то же время были дополнительные деньги).

Мне было тогда года два-три, и у меня была странная привычка — часто сосать соску. Борис Николаевич со своим товарищем купили мне кубики и сказали: «Если бросишь соску, мы тебе их подарим». Им это удалось.

Но вернёмся к Борису Николаевичу. В обязанность земского начальника входило посещение земского суда. И вот накануне одного заседания к Борису Николаевичу приходит купец и, постукивая по столу сторублёвой ассигнацией, говорит: «Уважаемый Борис Николаевич, чтобы у Вас завтра заболела

голова, и Вы бы не пришли на заседание!» Купец был выгнан, и на суде Верещагин помог разобраться дело. Купец был приговорён к тюремному заключению.

В начале войны я возвращался из обздрава по улице Коммуны. При спуске по улице Ленина увидел подымающегося вверх Бориса Николаевича. Он шёл, радостно прижимая к груди свёрток. Завидев меня, улыбаясь, подошёл и сказал: «Какая удача! Я зашёл в магазин. Вдруг приказчик из-за прилавка протянул мне обе руки и крепко пожал мои. При этом он сказал: “Какое счастье! Как я рад Вас видеть! Помните, на суде Вы детально разобрали моё дело, и меня оправдали. Разрешите мне вас поблагодарить”. И он протягивает мне свёрток, а там – две осьмушки табака. Я не отказался. И вот, видите, я иду с мечтой: прийти домой и закурить!»

Благодарность за учёбу профессору Зимницкому

В январе 1977 г. ко мне обратились две сестры и сын Братухина с просьбой посетить в деревне за 18 км умирающего отца. Я спросил, чем он хворает. Он лечился в районной больнице три недели по поводу заболевания сердца и получил большие отёки. Выписан домой, по видимому, по собственной просьбе, как они выразились, умирать!

– У нас есть легковая машина, мы вас увезём, – предложили род-

ные больного. Я дал согласие, и мы тотчас же отправились.

Ехать по знакомой для меня дороге, по лесу было очень приятно. Я не раз путешествовал на лыжах через этот лес. Могучие сосны, развесистые ели – всё покрыто снегом. Красиво! Уже под вечер водитель включил фары. Какая же прелесть видеть освещённые, снегом покрытые деревья – волшебно и таинственно! Я пожалел, когда кончился лес, и мы выехали на дамбу в посёлок Порошино. И я дал себе слово: при возможности заберу друзей и прокачу по лесу поздно вечером.

Маленькая деревушка Конец, куда мы приехали, размещалась на краю леса, на берегу реки Вятки. Вошли в избушку. Сначала – кухня, хорошая, чистая. В комнате – кровать городского типа, и на ней лежит «бревно», лежит и не шевелится. Так похоже было на то осиновое или берёзовое бревно, которое долгое время пролежало в воде – разбухло и даже как будто блестит... Меня сразу поразило то, что отёчным был весь человек (по дороге я слышал от родных, что у него сильные отёки).

Неужели присоединились отёки от поражения почек к сердечному отёку? Я подошёл и попробовал пальцем: отёки были мягкие, порадовало, что они были одинаково выражены как на ногах, так и в верхней половине туловища.

Щупаю пульс – он не ослаблен и не ритмичен, проверяю две минуты.

Да, ритмичность редкая. Слушаю тоны сердца – они глухие. Провожу перкуссию, пальпацию живота – печень большая, болезненная, жидкость в животе в большом количестве. На ногах – отёки, тоже поддающиеся сдавливанию. В лёгких – сухие хрипы в нижних полях. Давление – 170/90 (проверил тонометром).

Больной отвечает на вопросы. Спрашиваю:

– Что болит?

– Ничего не болит. Только голова какая-то тяжёлая, и слабость не позволяет ворочаться – трудно!

– Как ты захворал?

Вмешивается жена:

– Был на свадьбе, напился и уснул на полу, спал всю ночь.

Спрашиваю больного, от чего лечили в больнице.

– Лечили от заболевания сердца, кололи много. Потом отёки появились.

– Не помнишь, а где вначале появились отёки? На лице или на ногах?

– Ноги я не смотрел – были ли там отёки, я не помню.

– Когда оправлялся?

Жена говорит:

– Три дня не оправлялся, а помочился только 150–200 граммов за сутки, хотя вчера даже двойную дозу фурасемида дали.

– Исследовали у тебя мочу?

– Да, исследовали.

Обращаюсь к родным:

– Не хворал ли он до больницы? Не жаловался ли на одышку, головные боли?

Все хором отвечают:

– Был здоров, работал целыми днями, плёл большие корзины и сдавал в колхозы.

А сын добавляет:

– За прошлый сезон сдал корзины на тысячу рублей.

А ведь, чтобы плести корзины, надо идти к берегу реки, рубить иву и носить её в избу. То есть человек был здоров, ничем не страдал, работал, простудился, крепко выпил, уж, конечно, не «лёгкого» вина, захворал не постепенно, а сразу. Отёки мягкие занимают больше верхнюю половину туловища (правда, был в больнице, где, наверняка, исследовали мочу). Но всё же я решил, что почки страдают не меньше, чем сердце, если не больше.

Позвал родных в кухню и говорю: «Вашему отцу осталось жить несколько дней, но я не могу его оставить и хочу лечить. Но учтите, если моё лечение будет бесполезно, прошу меня не винить. Перевезти же его обратно в больницу нельзя – дорогой умрёт! Если вы согласны, то лечить его буду по-иному, чем его лечили». Все были согласны.

Я прошу принести полог – он у них в сенях лежал. Мне приносят большой брезентовый полог, и я покрываю кровать с больным, полога хватило закрыть и спинки кровати. «Теперь, – говорю, – несите самоварную трубу». Вижу у всех полное недоумение. Но трубу всё же принесли. Я длинный конец ввёл под полог, а короткий обернул к полу.

Попросил керосиновую лампу. Удивлению не было конца.

Я зажёл лампу и подставил стекло под короткий конец самоварной трубы, говорю: «Если будет жаловаться, что душно, откройте голову на час-два. Из всех лекарств давайте раунтин по 1-й таблетке 2 раза в день после еды и сердечные капли 2–3 раза по 10 капель». Обращаясь к больному, сказал: «Будь терпелив, так мы скорее уберём из тебя воду, чем мочегонными». Последние категорически запретил, ведь потовые железы могут выделить до 20 литров в сутки.

Наш профессор С. С. Зимницкий говорил: «Если при заболевании почек назначают мочегонные, то не только не достигают желанного диуреза, а бьют палкой по больному организму и могут получить противоположный результат». Так же получилось и с этим больным. Как показали проведённые мною анализы, здесь надо было думать о заболевании почек острым нефритом. В последующем анализы были более благополучны. Давление в последующем изменении было: 150/90, 145/90, 145/85.

На обратном пути мы заехали во 2-ю аптеку, я выписал 25 % магнезии сульфурика 200,0 № 4 и велел подавать больному по 200 граммов, а через день в течение суток – по 10 граммов. Придерживаться бессолевой диеты.

Моё посещение было регулярным – раз в неделю. Течение заболевания шло хорошо – через 10 дней

отёчность исчезла. Пульс ритмичный. Тепловые ванны через 4 дня отменены – диурез был достаточный. Назначены: дифрил 0,03 x 3 раза; настой корня валерианы – 1 стакан на сутки вместо чая.

В мае больной самовольно начал работать – плести корзины, несмотря на мои ограничения, даже вспахал плугом огород...

Я считал себя удовлетворённым, наблюдение через два месяца прекратилось. Мы чудесно расстались с больным и родными. Он меня насмешил – преподнёс мне две белые красивые корзины и сказал: «Вот тебе корзины ходить по грибы, одну отдай жене, собирай в свою корзину, а жена будет собирать в свою». Я поблагодарил и сказал: «А ведь нам хватит одной корзины», – на что он возразил: «Нет, обязательно складывай отдельно, иначе, если сложишь в одну, то, когда придёте домой, и жена будет разбирать грибы – все забракованные грибы будут твои!» – «Будь здоров!» – пожелал я ему.

Памяти Е. И. Столбовой

Хочется вспомнить замечательную женщину – талантливого врача первого выпуска женщин-врачей в России, посвятившую всю свою долгую жизнь родовспоможению. Можно сказать, что до Екатерины Ивановны родовспоможение в губернии, даже в самой Вятке, осуществлялось бабками-повитухами. Столбова организовала первый в Вятке родиль-

ный дом, теперь это роддом № 1. Это она собирала бабок-повитух со всей губернии и обучала их родильному делу, учила обхождению, соблюдению стерильности и своевременности оказания помощи беременной женщине. Это была не только высокообразованная, но и политически грамотная, преданная делу просвещения, делу революционной борьбы с царским самодержавием женщина (её муж Падерин был сослан в Вятку как «неблагонадёжный элемент»).

У Екатерины Ивановны всегда была большая, со вниманием и даже восторгом слушающая аудитория. И она наряду с наукой родовспоможения умело преподносила ученикам слова свободы, равенства, особенно женщин, ставила в пример себя, сумевшую завоевать право на высшее медицинское образование.

Вятчане-кировчане всегда должны помнить её как первого врача-женщину, помогавшую им родиться и быть живыми и здоровыми долгие годы. Я помню свои три последних года учёбы на медицинском факультете Казанского университета, когда я учился у очень известного, умного и прекрасного лектора, гинеколога-акушера, профессора В. С. Груздева. Несмотря на такую хорошую подготовку, я с большой благодарностью вспоминаю лектора-практика Е. И. Столбову, занятиям у которой я с большим вниманием посвящал летние каникулы. Славу и, главное, большое уважение всего населения

города Вятки и губернии она завоевала самоотверженным трудом.

И вот мне, уже врачу-консультанту, вновь пришлось встретиться с Екатериной Ивановной. Маленькая записочка: «Ванюша, будь добр, навести меня. Я больна». Несмотря на поздний час, я иду к ней на квартиру на улице Ленина. Это было в годы Второй мировой войны с фашистской Германией. Я застаю лежащую в постели больную женщину. Она кашляет, у неё высокая температура, частый пульс, но тоны сердца ритмичные, приглушённые. В лёгких с обеих сторон – фокусы воспалительного характера. Я ставлю диагноз – воспаление лёгких, объясняю его больной. «Буду Вас лечить. Согласны?» – она даёт согласие. А в комнате – гляжу на градусник – всего шесть градусов. Утром через горздрав выхлопотал медсестру, чтобы дважды в день вводить камфару, ставить банки, давать лекарства – сульфпрепараты. Сумел достать два кубометра дров и создать нормальную температуру в комнате. Ежедневно посещал больную, иногда два раза в день. Месяц напряжённой работы – и я могу сказать: «Екатерина Ивановна, с выздоровлением Вас!» Она благодарит, встаёт с постели и говорит: «Сядь, дорогой Ванюша. Я должна тебе сказать, когда ты объявил диагноз – воспаление лёгких, я даже обрадовалась: ну, думаю, будет высокая температура, потеряю сознание и спокойно умру. А ты вот вылечил меня. Что же я должна сде-

лять? Многие думают – старый врач кое-что поднакопил, проживёт тихонько. Так я должна тебе признаться, что у меня ничего нет, даже продовольственные карточки украли. И теперь, как хочешь, раз вылечил – помогай мне». Я пошёл в облторготдел и попросил путёвку в столовую ИТР для Столбовой. Она встала на питание и кушала два раза в день. Но через месяц её сняли с питания. Когда я пришёл, мне показали список, утверждённый выше, где питание полагалось только инженерам, мастерам, а врачам – нет... Но всё же я вновь получил путёвку, и Екатерина Ивановна питалась в столовой ещё месяц. Когда её снова исключили из списков, я пришёл в облторг весьма раздражённый и требовал повторить путёвку. Вдруг чувствую, что кто-то тянет меня за рукав. Обращиваюсь – стоит пожилой мужчина в гражданской одежде и говорит мне: «Что Вы так волнуетесь, молодой человек? Пойдёмте, поговорим». Он подвёл меня к столику и предложил присесть. Я рассказал, что хлопочу за старого врача, инвалида, женщину, которая всю жизнь проработала в городе, а её в третий раз снимают с питания. Он встал, предложил пройти к заведующему облторготделом и сказал: «Врачи – тоже ИТР, ставьте её на питание». Это был представитель из ЦК.

Весной 1943 года мы прогуливались с Екатериной Ивановной, вдруг она говорит: «Хоть я и старая, никто

из врачей не определит так точно сроки беременности, как я. Устроил бы ты меня хоть на полставки в консультацию, я бы с удовольствием поработала». Действительно, я сходил к заведующему консультацией, доктору Б. и попросил его устроить Екатерину Ивановну. Ставка была свободна, и она с успехом работала два месяца, хотя ей было 86 лет.

Осенью 1944 года я неожиданно был вызван к Екатерине Ивановне. У неё опять вспыхнуло воспаление лёгких. Я снова принялся её лечить, ежедневно навещая. Прикрепил сестру для введения камфары, внутрь – сальфапрепаратов. Прошло четыре дня, вдруг меня направляют в район как главного терапевта госпиталей. Перед отъездом я вновь зашёл к больной, осмотрел её, оставил на неделю лекарства. Дал указания сестре, сказал, что через 4–5 дней вернуться. Я задержался в районе больше недели и, когда вернулся, то не застал Е. И. Столбову в живых.

Как только я уехал, она перестала принимать лекарства и не позволяла вводить камфару. Все порошки нашли под подушкой. Для меня была оставлена записка: «Дорогой Ванюша! Я тебя благодарю, прощай». По моему мнению, в честь признания заслуг в деле организации в городе Кирове и области родовспоможения родильному дому № 1 следует присвоить имя Екатерины Ивановны Столбовой.

Киров, 1981 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Березин Евгений Васильевич – врач-рентгенолог, краевед, член Союза журналистов РФ (г. Киров).

Горюнова Любовь Борисовна – искусствовед, кандидат культурологии (г. Киров).

Жаравин Владимир Сергеевич – ведущий архивист Государственного архива социально-политической истории Кировской области (г. Киров).

Зарусская Софья Вацлавовна – пациентка И. И. Мышкина (г. Киров).

Камионский Михаил – кинооператор, ведущий фильм-клуба «Российское документальное кино» (г. Кёльн, Германия).

Куклин Алексей Георгиевич – администратор сайта Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (г. Елабуга).

Курочкин Михаил Валентинович – доцент кафедры компьютерных технологий Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).

Куштьевская Татьяна – член Союза кинематографистов России, член Союза немецких писателей (VS), лауреат премии Ф. Тютчева (Мюнхен, 2003 г.) (г. Эссен, Германия).

Мальцев Александр – инженер (г. Кирово-Чепецк, Кировская область).

Митрофанов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор филиала Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г. Нижневартовске (Тюменская область).

Мусихин Алексей Леонидович – исследователь истории Вятки, лауреат премии им. А. А. Спицына (г. Нижний Новгород).

Мышкин Иван Иванович – врач-диагност, организатор здравоохранения, эвагоспиталей в Кировской области в годы Великой Отечественной войны (г. Киров).

Помелов Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор Вятского государственного университета (г. Киров).

Попцова Любовь Геннадьевна – главный архивист отдела использования архивных документов Государственного архива социально-политической истории Кировской области (г. Киров).

Потапов Александр Александрович – краевед (г. Санкт-Петербург).

Прозоров Николай Леонидович – полковник в отставке, ветеран Вооружённых Сил, участник боевых действий в Афганистане, участник ликвидации последствий землетрясения на о. Итуруп и о. Сахалин (г. Киров).

Рашковский Александр Львович – краевед (г. Киров).

Самсонова Ольга Валентиновна – директор ООО «Киноvideостудия “Вятка”» (г. Киров).

Семибратов Владимир Константинович – кандидат культурологии, доцент Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института, член Национального союза библиофилов (г. Киров).

Смирнова Лидия Васильевна – член Союза журналистов РФ, поэт, театральный критик (г. Киров).

Хохлов Анатолий Александрович – кандидат педагогических наук, краевед (г. Киров).

Шенин Владимир Юрьевич – член Союза журналистов России (г. Киров).

СОКРАЩЕНИЯ

АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АПН	– Академия педагогических наук
ВГВ	– Вятские губернские ведомости
ВГИК	– Всероссийский государственный институт кинематографии
ВГПУ	– Вятский государственный педагогический университет
ВЖ(Б)К	– Высшие Женские (Бестужевские) курсы
ВКП(б)	– Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВУАК	– Вятская учёная архивная комиссия
ВХМ	– Вятский художественно-исторический музей
ВятГТУ	– Вятский государственный гуманитарный университет
ВятГУ	– Вятский государственный университет
ГАКО	– Государственный архив Кировской области
ГАСПИ КО	– Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГДР	– Германская Демократическая Республика
ГРМ	– Государственный Русский музей
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея
ДС	– Дворец Советов
ЖПИ	– Женский педагогический институт
ИТР	– инженерно-технический работник
КБФ	– Краснознамённый Балтийский флот
КГПИ	– Кировский государственный педагогический институт
КОУНБ	– Кировская областная универсальная научная библиотека им. А. И. Герцена
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
ЛВФ	– Ладожская военная флотилия
ЛСЛ	– Летописец старых лет
МГПИ	– Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина
МГУ	– Московский государственный университет
МИД	– Министерство иностранных дел
МОПИ	– Московский областной пединститут им. Н. К. Крупской
МТС	– машинно-тракторная станция
МУХ	– Музей-усадьба художника Н. Н. Хохрякова
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
ООО	– Общество с ограниченной ответственностью
ОР РНБ	– Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОРРК НБЛ КГУ	– Отдел рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета

ПСВ	– Повесть о стране Вятской
ПУ	– политическое управление
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	– Российская Коммунистическая партия (большевиков)
РОЭ	– реакция оседания эритроцитов
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТС	– районная техническая станция
СБ	– стратегический бомбардировщик
СНК	– Совет народных комиссаров
ССР	– Советская Социалистическая Республика
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦК	– Центральный комитет

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Библиотека им. А. И. Герцена. История в лицах

<i>В. В. Митрофанов.</i> «...И тем более ценны для меня Ваше дружеское содействие и помощь...»: роль С. Ф. Платонова в формировании Е. В. Гогель как организатора библиотечного дела	3
Письма Е. В. Гогель – С. Ф. Платонову 1903–1916 гг.	8
<i>В. С. Жаравин.</i> Библиотекарь у микрофона	24

Раздел II

О Вятке и вятчанах

<i>А. Л. Мусихин.</i> Где находился вятский Болвановский городок?	27
<i>М. В. Курочкин.</i> Творческое наследие сарапульского архитектора-чертёжника П. П. Кашкарева	31
<i>А. Г. Куклин.</i> Елабужский период в жизни Карла Гуна	35
<i>Л. Б. Горюнова.</i> Биография скульптора З. Д. Клобуковой. Вятский период (1887–1923)	57
<i>А. А. Потапов.</i> Верное служение вятской медицине	83
<i>В. Б. Помелов.</i> Без вятских нет педагогики!	87

Раздел III

Портреты. Судьбы

<i>А. А. Хохлов.</i> Исследователи природы Вятской губернии. Разумовский Николай Константинович	102
<i>А. Л. Рашковский.</i> Судьба забытого таланта из города Котельнича. Из биографии литератора, музыканта и землестроителя Василия Аристарховича Шапкина	106
<i>Н. Л. Прозоров.</i> Яркий человек своего времени. К 90-летию со дня рождения Леонида Григорьевича Прозорова	113
<i>В. К. Семибратов.</i> Не вошедшее в сборники. Из архива публикатора	129

Раздел IV
Году российского кино посвящается

<i>Л. Г. Попцова.</i> Из истории советского кино 1920–1930-х годов	135
<i>В. Ю. Шейн.</i> Кинооператор – участник двух войн Аркадий Александрович Климов	142

К 70-летию А. Погребного

<i>О. В. Самсонова.</i> Алексей Погребной и его герои	152
<i>Л. В. Смирнова.</i> Провинциальное кино	154
<i>А. Мальцев.</i> «Есть чувство правды в сердце человека...»: (Размышления о сериале А. Погребного «Лёшкин луг»)	161
<i>Т. Кушневская.</i> Слово о деревенском фотографе	170
<i>М. Каминский.</i> Вы работаете для Истории	172

Раздел V
Из неизданного

<i>Иван Иванович Мышкин</i>	174
<i>Е. В. Березин.</i> О коллеге	175
<i>С. В. Заруская.</i> Слово об авторе	177
<i>И. И. Мышкин.</i> Записки врача (воспоминания)	178
Сведения об авторах	283
Сокращения	284

Научно-популярное издание

Герценка:
Вятские записки
Вып. 30

Редакторы:
И. В. Заболотская, В. И. Курилова
Вёрстка С. С. Курбатовой
Серийная обложка выполнена
художником С. Ю. Горбачёвым

Подписано в печать 31.10.2016. Формат 60х84/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16.74. Тираж 150 экз. Заказ №

Отпечатано ООО «Кировская областная типография»
610004 г. Киров, ул. Ленина, 2